ПАМЯТНИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РУССКИЕ

А.Г. ЧИКАЧЕВ

РУССКИЕ В АРКТИКЕ

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"

Численность русских старожилов на территории РФ

по данным Всесоюзной переписи населения 2002 г.

vk.com/ethnograph

ПАМЯТНИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Серия основана в 2004 г.

Автор проекта серии В.А. Роббек

Т. 12

ГЛАВНАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

А.К. Акимов (главный редактор), *А.В. Мигалкин* (зам. главного редактора), *В.А. Роббек* (зам. главного редактора), *А.А. Петров* (зам. главного редактора), *А.В. Кривошапкин*, *Ч.М. Таксами*, *Л.И. Винокурова* (ответственный секретарь)

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)
ДЕПАРТАМЕНТ ПО ДЕЛАМ НАРОДОВ
И ФЕДЕРАТИВНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
АССОЦИАЦИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А.И. ГЕРЦЕНА
ИНСТИТУТ НАРОДОВ СЕВЕРА

РУССКИЕ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

А.Г. ЧИКАЧЕВ

РУССКИЕ В АРКТИКЕ
ПОЛЯРНЫЙ ВАРИАНТ КУЛЬТУРЫ
Историко-этнографические очерки

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *Л.И. Винокурова*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2007

УДК 39
ББК 63.5(2)
Ч-60

Рецензенты

доктор исторических наук *С.И. Боякова*
доктор филологических наук *Г.И. Варламова*
кандидат исторических наук *Е.К. Алексеева*

Утверждено к печати Ученым советом
Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Издание осуществлено на средства сына автора —
Чикачева Игоря Алексеевича

Чикачев А.Г.

Ч-60 Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки / А.Г. Чикачев. — Новосибирск: Наука, 2007. — 303 с. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 12).

ISBN 978-5-02-032105-2.

Монография посвящена феномену — своеобразному заповеднику старинной русской культуры на Крайнем Севере — селениям Русское Устье и Походск, расположенным в низовьях Индигирки и Колымы. Впервые предпринята попытка составить целостное представление о самых северных субэтнических группах русского народа — русскоустьинцах и походчанах.

Книга рассчитана на этнографов, историков, фольклористов, а также на широкий круг читателей.

УДК 39
ББК 63.5(2)

© А.Г. Чикачев, 2007
© Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2007
© Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2007

Без объявления

ISBN 978-5-02-032105-2

vk.com/ethnograph

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

На рубеже двух тысячелетий в человеческом сообществе появился новый взгляд на место и роль Арктики и Севера в мировых процессах. Сегодня рождается новая концепция развития арктических и субарктических территорий, диктуемая их уникальным природно-экологическим и стратегическим положением. Она предусматривает совершенно иное отношение к глубоко самобытной культуре северных народов.

Прежний идеологизированный формационный взгляд на арктические народы определял их как носителей архаической отживающей культуры. В результате этого коренные народы Севера и Арктики превратились в районах своего расселения в национальное меньшинство, а самобытное их развитие оказалось под серьезной угрозой исчезновения. Осознание и озабоченность этим положением нарастают во всем мире и особенно в России. Для сохранения северных народов правительство Российской Федерации проводит целенаправленную государственную политику. Так, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации разрабатываются ***Концепция проекта федерального закона «Об основах государственной политики Российской Федерации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»*** и другие судьбоносные для Севера проекты.

Под эгидой ЮНЕСКО реализуются программы в поддержку нематериального наследия, а именно проекты «Живые сокровища человечества» и «Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества».

Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена продолжают реализацию инициативного проекта **«Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»**, цель которого — издание памятников культурного наследия народов Севера. Проект открыт для всех заинтересованных государственных, научных и общественных структур.

Серия состоит из следующих блоков:

1. Языки и фольклор народов Севера.
2. Декоративно-прикладное искусство народов Севера.
3. Традиционная культура северных этносов: материальный и духовный мир.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока создали в самой холодной части планеты среду обитания человека с уникальной духовной и материальной культурой. Отличительной ее особенностью является экологический и гуманистический характер взаимодействия человека с окружающей природой.

Культурное наследие народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — подлинная сокровищница, к сожалению, до сих пор малоизвестная мировому сообществу. Она представлена грандиозными эпическими полотнами, философски глубокой мифологией, редкими и исчезающими языками с изысканной поэтической образностью; колоритными обрядами и экзотическими церемониями, красивейшими образцами декоративно-прикладного искусства и народного творчества. Часть этого богатства сосредоточена в российских и зарубежных архивах и музеях, в государственных и частных коллекциях.

Издание этих памятников сделает достоянием России и всего человечества образцы уникального наследия, станет вневременным вкладом народов Севера в культуру и историю великой России.

Проект Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена обращен ко всем регионам проживания народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, где могут подготовить уникальные образцы этнической культуры, которые войдут в эту серию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

У людей, живущих в умеренном климате, выработался стойкий стереотип, что Арктика — античеловеческая, агрессивная среда и в ней могут проживать только «нецивилизованные» народы — чукчи, ненцы, эскимосы, юкагиры и др. Представителям же «цивилизованных», европейских наций здесь можно проживать только временно, работать только «вахтовым способом». Между тем в Сибирской Арктике русские постоянно живут около 400 лет, а в Европейском Заполярье — свыше 1000 лет. По побережью Ледовитого океана, от Мурманска до Чукотки, разбросана островками Полярная Русь.

В основном в устьях больших рек сложились и существуют локальные этнографические группы, различающиеся особенностями культурно-хозяйственной деятельности. Несмотря на это, комплексные исследования, освещающие освоение русскими Арктической (Приполярной) зоны Евразии, отсутствуют. Нет специальных историко-этнографических работ и по русским в Полярной Якутии.

В 1926–1927 гг. проводилась Похозяйственная перепись населения Заполярного Севера СССР. Переписью было охвачено лишь 80 % арктического населения: три района Архангельской области, четыре — Мурманской, острова Вайгач, Колгуев, Новая Земля, часть Туруханского края, север Коми АССР и три округа Якутской АССР. Вне переписи остались жители Беломорья. По неполным данным, всего в Российском Заполярье тогда насчитывалось 10 287 старожильческих хозяйств, в которых проживало 44 тыс. душ обоего пола. В Якутии в 299 хозяйствах числилось 1340 русских старожилов.

К началу XXI в. на севере Якутии сохранились два очага русской старожильческой культуры — в низовьях Индигирки и низовьях Колымы. Общая численность русских старожилов чуть более тысячи человек, проживают они в селах Походск, Русское Устье, в поселках Черский и Чокурдах. Это потомки тех, кто столетия назад заселил Крайний Север, создал здесь адаптированный к полярным условиям тип жизнедеятельности, вобравший в себя элементы северной русской и местных культур.

Локальная субэтническая группа русских старожилов Якутии долгое время была обойдена научным вниманием. Не стали они и предметом особого государственного внимания — попадая по паспорту в национальную графу «русские», они оказывались вне многих политических акций, направленных на поддержку социально-экономического и политико-культурного развития коренного населения Севера.

Известный краевед и знаток русской культуры Северной Якутии А.Г. Чикачев в представляемых здесь историко-этнографических очерках опирался кроме опубликованных и впервые вводимых в научный оборот архивных данных на собственный жизненный опыт и многолетние наблюдения родной ему культуры. Изданный им ранее цикл научных и научно-популярных статей и брошюр освещает малоизвестный мир русских северян Якутии. Исследователям и знатокам русского фольклора, северно-русской старины известен его вклад в изучение старожильческого культурного наследства, в дело его сохранения и популяризации.

Благодаря усилиям А.Г. Чикачева в апреле 2004 г. был принят закон Республики Саха (Якутия) «О распространении положений федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" на русских северных старожилов Якутии». Таким образом была восстановлена социальная справедливость, признающая исторический вклад русских арктических старожилов Якутии и их значительное место в регионе. Принятый правовой документ является пионерным по отношению к феномену северно-русских субэтнических групп, обладающих специфическими локальными особенностями хозяйства, культуры, диалектов и самосознания.

Л.И. Винокурова

Глава I

КОЛЫМО-ИНДИГИРСКИЕ РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ

I.1. ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ РУССКИМИ АРКТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЯКУТИИ

Освоение гигантских пространств тайги и тундры, осуществленное в XVI–XVII вв. русским феодальным государством, является одной из ярких глав эпохи мировых географических открытий. Русские первопроходцы проникли в самые отдаленные уголки северных и восточных пределов Евразии.

Северная ветвь продвижения русских по Сибири с самого начала развертывалась намного раньше южной. Крестьяне Северной Руси, перешедшие Уральские горы, опирались в своем движении на небольшие городки типа тех, что удалось найти на городище Мангазеи, в нижнем его культурном слое. Дендрохронологи датируют Тазовский городок, его самую древнюю древесину, 1572 г., что на 10–35 лет раньше знаменитого похода Ермака в Сибирь.

Несомненно, что русские поморы достигли Енисея еще в конце XVI в., где создали в нижнем течении несколько таких городков и заимок. Затем сухопутьем пересекли Таймырский полуостров. Так, самое северное поселение на Восточном Таймыре — с. Хатанга — основано в 1626 г., т.е. раньше Красноярска, Дудинки, Иркутска и Якутска. В те же годы на р. Хатанге были построены 14 русских зимовий[1].

На наш взгляд, в исторической литературе несколько преувеличена роль казаков в открытии и освоении Восточной Сибири, в частности Сибирской Арктики. Характерная особенность процесса вхождения Якутии в состав России заключалась в том, что проникновение промышленников в эти края сплошь и рядом опережало правительственные отряды и предшествовало установлению там воеводской власти.

В Сибирском приказе считали даже необходимым использовать промышленников в качестве проводников. Так, в начале 1640-х годов мангазейскому воеводе князю П.М. Ухтомскому предписывалось, чтобы в дальние походы «небольших служилых людей одних беспромышленных не посылать, чтоб в том нашему делу порухи не было». Известны также случаи, когда в 1630-х годах правительственные отряды, пришедшие в те или иные районы Восточной Сибири,

встречали там русских промысловиков и собирали с пушного промысла установленную пошлину.

Работами В.А. Александрова[2], П.Н. Павлова[3] и некоторых других опровергнуто бытовавшее раньше мнение о «промышленных людях» как «пестрой толпе случайных гостей Северной Азии», ибо целые поколения арктических промышленников преемственно были связаны с пушным и рыбным промыслами. Вольное промысловое предпринимательство сыграло огромную роль в общем процессе присоединения Сибири, первоначальном ее изучении и образовании отдельных групп постоянного русского населения в тундрово-таежной зоне.

В период основания Ленского воеводства в Якутии было около 500 служилых людей (казаков), а промышленных и торговых людей — около 2,5–3 тыс.[4] Многие «промышленные люди» (охотники-промысловики), проникшие в Якутию уже в 1640–1650-х годах, стали сосредоточиваться на северных реках. Так, в 1643 г. на р. Оленек заплатили оброк и явочную пошлину 156 торговых и промышленных людей, в 1644 г. — 131 чел. В Жиганском зимовье в 1643 г. заплатил оброк 461 чел. Много промышленных и торговых людей было на Индигирке. В 1650 г. оброк здесь уплатили 142 чел. — устюжане, усольцы, мезенцы, холмогорцы, пенежане, новгородцы[5]. На Колыме в 1647 г. насчитывалось 396 промышленников. Даже в 1665 г., когда промышленников стало значительно меньше по сравнению с первыми годами «соболиной горячки», на Колыме уплатили оброк 186 чел.[6]

Большинство промышленных и торговых людей прибывали на Север без семей. Лишь некоторым с немалыми трудностями удавалось провезти с собой жен. Естественно, что пришельцы вступали в брак (покупали) с женщинами из коренного населения, предварительно окрестив их. Однако, опасаясь ущерба в ясачном сборе, московское правительство в XVII в. запрещало покупку женщин у коренного населения и разрешало крестить только ясырок, т.е. пленниц. Поэтому купленных женщин казаки и промышленники во избежание штрафа старались представить как своих ясырок. Это и давало возможность окрестить сожительницу и вступить с ней в законный церковный союз. Крещение же детей, именовавшихся «русским прижитком», не представляло особых затруднений. В 1658 г. 38 колымских торговых и промышленных людей подали челобитную, в которой просили прислать им из Якутска священника, «чтобы у нас, сирот твоих, ясырок наших и детей в православную веру привесть, окрестить и молитвить»[7].

Уже в конце 50-х годов XVII в. в Якутии (как в центре, так и на далеких реках) стала образовываться своеобразная прослойка населения — метисы, близкая, с одной стороны, к русским пришельцам, с другой — к аборигенным народностям.

В начале XVIII в. русские промышленники уже прочно обосновались в Заполярье. Они являлись предками современных индигирских, колымских и анадырских русских старожилов. Участник Великой Северной экспедиции лейтенант В. Прончищев в 1735 г. обнаружил в устье р. Оленек селение, состоящее из 12 русских промышленников. Несколько русских заимок были им найдены и в Хатангской губе. Харитон Лаптев в 1741 г. в своем дневнике отметил, что эти «семьи русских старожилов, через жен соединившихся с новокрещенными якутами и на их природу и обычай сходны»[8].

После пятой ревизии, основываясь на том положении, что мещане должны жить в городах, Жиганский земский суд предписал усть-оленекским мещанам «в самом непродолжительном времени переселиться в город Жиганск». Выселение не только грозило оленекским мещанам разорением, но и обрекло бы их на голодное существование. От имени общества староста усть-оленекских мещан Иван Черепанов в 1797 г. подал прошение на высочайшее имя, в котором сообщал: «Усть-оленекские мещане с давнего времени от предков распространили свое жительство на ныне обитаемом месте, имея пропитание ловлею из рек рыбы, а на протчее содержание себя и семейства через промысел плавных оленей и песца, на что заведено каждым по силе возможности немалые по приличности песцовые ловушки, поэтому назначенное нам переселение будет отчаянным нам разорением, так что каждый по известной бедности своей должен по выезде в город питаться мирским подаянием, коего по малочисленности в Жиганске жителей надеяться не можно. Платье разное и покупное другими промыслами достать совсем безнадежно». В заключение Иван Черепанов просил, чтобы из мещанского сословия их переименовали в крестьянское, но оставили на прежнем месте жительства. В 1798 г. усть-оленекские мещане были переведены в крестьянское сословие и оставлены на р. Оленек[9].

В устье р. Оленек русское крестьянское общество продолжало существовать вплоть до Октябрьской революции, но численность его населения постоянно убывала. В 1866 г. там насчитывалось 27 мужчин и 31 женщина, в 1916 г. — соответственно 17 и 16 чел. Основные их фамилии — Черепановы, Буслаевы, Семенниковы. В низовьях Лены, на Быковом Мысу, Булуне и Сиктяхе постоянных русских жителей в 1891 г. было 65 чел., в 1896 г. — 159.

На Яне русские проживали в Верхоянске, Казачьем и Устьянске. Последний считался центром устьянского крестьянского общества.

По сведениям Ф.Г. Сафронова, общая численность русского населения (крестьян, мещан и прочих) на нижнем течении Яны составляла в 1879 г. 98 чел., в 1902 г. 66[10]. Здесь жили Сыроватские, Санниковы, Стрижевы, Портнягины, Гороховы, Поповы.

Объякутившиеся потомки усть-оленекских и устьянских крестьян при проведении Похозяйственной переписи приполярного населения Севера в 1926–1927 гг. называли себя якутами, а в ряде случаев на вопрос о национальности отвечали: «Крестьян». Все они указали, что родной их язык якутский.

Первооткрывателем Яны и Индигирки считается Иван Ребров. Достигнув Яны, через некоторое время он продолжил свой путь на восток по Ледовитому океану и летом 1638 г. доплыл до устья Индигирки. Здесь он построил два острожка — один из них, возможно, Русское Устье. Почти одновременно с «морским ходом» была открыта сухопутная дорога на Индигирку. Отряд казаков во главе с Постником Ивановым (Губарем) вышел из Якутска, перевалил через Верхоянский хребет и в 1636 г. достиг Яны. Оттуда, взяв проводника, он прошел на Индигирку.

Во второй поход на Индигирку П. Иванов отправился в 1638 г. во главе отряда из 30 чел., достиг Яны, построил там зимовье. Весной 1639 г. прошел по р. Туостах — правому притоку Яны — и достиг Индигирки. По Индигирке казаки спустились вниз и построили Зашиверский острог. Вернувшись в Якутск, П. Иванов сообщил: «А юкагирская де, Государь, земля людна и Индегерская река рыбна. Будет де, Государь, впредь на Индегерской земле и 100 человек служилых людей, и тем людям можно сытым быть рыбою и зверьем без хлеба»[11].

Сообщение П. Иванова заинтересовало якутское воеводство. Организуется новый отряд из 16 чел. во главе с Д. Зыряном. Он спустился в низовья Индигирки и построил там зимовье «с косым острожком», которое называлось Олюбенским (по имени одного из местных юкагирских родов). Олюбенские князья — братья Морля и Бурулга — добровольно согласились платить ясак и даже попросили казаков защищать их от нападений шоромбойских и енгинских юкагиров: «У нас с енгенскими мужиками бои живет во вся годы. А поставьте Вы зимовье на Индигирской реке в наших олюбенских кочевьях, ис тундр вышед, край лесу, на Алазейском переходе, на рыбной ловле, на зверином плавежу и на соболином промысле»[12].

Известно, что в XIX — начале XX в. на Индигирке кроме города Зашиверска было 29 русских поселений. Три — Ожогино, Полоусное и Шанское — находились в лесной зоне, а все остальные — в дельте

р. Индигирки: Русское Устье, Стариково, Кузьмичево, Лобазно, Косухино, Марково, Станчик, Федоровское и др. Во всех этих селениях жили мещане, приписанные к г. Зашиверску, а в Косово и Колесово — крестьяне, причисленные к Устьянскому крестьянскому обществу. В трех «верхних» селениях (Ожогино, Полоусное и Шанское) проживавшие там русские назывались ожогинцами. Они, хотя и принадлежали к одному с русскоустьинцами мещанскому обществу, но относились к другому церковному приходу — Ожогинскому. Основные их фамилии были Антоновы, Стрюковы, Банщиковы, Ярковы, Пантелеевы. Они в последующие годы сильно объякутились и почти утратили свои этнографические особенности.

Общее количество русских жителей Индигирки в XIX–XX вв. не превышало в среднем 500 душ. На протяжении этого периода мещанское общество пополнялось новыми поселенцами, однако общее их число не увеличивалось, а иногда даже уменьшалось. Основная причина этого — оспенные эпидемии. То же самое происходило и в соседнем Нижнеколымском мещанском обществе.

Фамилии индигирских русских старожилов указывают на их происхождение. Киселевы, Струковы, Антоновы, Щелкановы, Чихачевы, Суздаловы, Новгородовы, Голыженские, Шкулевы часто встречаются в документах XVII в. — в различных отписках, челобитных, расспросных речах и т.п. Названия местностей, расположенных по течению реки, хранят имена первопроходцев. Селение Ожогино названо, видимо, по фамилии И. Ожегова (Ожеги), плававшего по Индигирке в 40-е годы XVII в. Холм Горелова, по всей вероятности, имеет отношение к мореходу Андрею Горелову, Булдаковские холмы и Меркушина Стрелка напоминают нам о мореходах Тимофее Булдакове и Меркурии Вагине, две Малыгинские лайды и заимка Колесово — свидетели былых походов М. Колесова и Н. Малыгина.

В середине XVIII в. Зашиверский острог получил статус города, поэтому всех индигирских промышленных людей (охотников-промысловиков) приписали к нему и стали именовать зашиверскими мещанами. Загадочный русский город на Индигирке — Зашиверск, «Якутская Помпея», имел свои периоды расцвета и упадка, однако вплоть до начала XIX в. был одним из главных форпостов русского влияния на Северо-Востоке Азии. До наших дней сохранился уникальный памятник этого города — здание Спасо-Зашиверской церкви, которое вывезено в Новосибирск и установлено на территории историко-архитектурного музея под открытым небом в Академгородке.

В 1805 г. Зашиверск был упразднен как город, все административные учреждения перевели в Верхоянск, а индигирских русских

старожилов стали именовать верхоянскими мещанами. В.П. Ногин, отбывавший ссылку в Верхоянске в начале XX в., писал: «... любопытно отметить административный курьез. Официально Верхоянск можно считать городом без жителей, так как верхоянские мещане живут на расстоянии 2000 верст от Верхоянска на Русском Устье реки Индигирки и никто из них в Верхоянске не бывал»[13].

На р. Алазее русские появились не позже лета 1642 г. Сохранилось краткое известие одного из участников открытия этой реки Ф. Чюкичева: «... И они, служилые люди 15 чел., сделав на той Индигирке два коча, пошли рекою до моря. И с устья Алазеи реки вверх парусом и собою шесть ден и дошли до лесу. И у того лесу де зимовье поставили»[14]. Любопытно, что на Алазее есть ныне рыболовный участок «Зимовье». Не там ли провели первую зиму землепроходцы?

Как известно, присоединение Индигирской земли прошло в основном мирным путем. На Алазее обстановка складывалась другая. Пришлось выдержать несколько стычек с юкагирами. И. Ерастов в своей челобитной доносил: «Встретили нас на Алазейской реке многие алазейские люди, князец Невгоча и Мундига. А с ними, Государь, были с тундры чюхчи мужики. И учали просить у них твоего государева ясаку. И те, Государь, иноземцы, алазейские юкагиры и чюхчи, учали нас, холопей твоих, с обеих сторон Алазеи стрелять»[15].

При слиянии Алазеи и ее притока Буор-Юрях русские построили острог — Алазейск. Он был неотъемлемым звеном в системе освоения края, без которого невозможна организация здешнего административно-хозяйственного управления. В последние годы там работала археологическая экспедиция Якутского государственного университета под руководством доктора исторических наук А.Н. Алексеева. За шесть полевых сезонов удалось раскопать более 20 построек различного назначения: 3 сторожевые башни, церковь, 12 жилых и хозяйственных зданий, остатки мостовой и тыновой стен[16]. Острог был довольно внушительных размеров. Им, по письменным источникам, управлял приказчик, в подчинении которого находились толмач, подьячий и целовальник. Здесь проживало более 20 служилых людей, большинство которых были женаты на юкагирках. По утверждению известных московских ученых А.В. Ополовникова и Е.А. Ополовникова, в Алазейске, возможно, проживали 232 чел. мужского пола. Если же считать с детьми и женами, то население могло достигать и 1 тыс. чел.[17]

В июле 1643 г. группа первопроходцев — Д. Зырян, М. Стадухин, С. Дежнев, И. Мотора и др. (всего 23 чел.) — отправилась в плавание с устья Алазеи и достигла низовьев Колымы, где пришлось выдер-

жать тяжелый бой с юкагирскими племенами. «Князцы Пантеля и Коралю со своими улусными людьми учинилися сильны, непослушны и непокорны, и ясаку не дали, и с нами, служилыми людьми, стали драться. А собранье у них было большое. А дрались мы, холопы твои, Государь, с теми иноземцами до вечера. А те князцы Пантеля и Коралю говорили нам: "Как де вы с нас ясаку прошаете, а землица эта наша, а вас де мы на берег не пустим". И те оленные люди провожали в лодках три дня нас, холопей твоих государевых, ис житейских мест»[18].

Русским пришлось бежать от воинственных колымских юкагиров вверх по Колыме, и через 10 дней дошли они до владений оседлого юкагирского князца Алая. Здесь было построено первое на Колыме русское поселение — Среднеколымский острог. Летом 1644 г. казаки вернулись в низовья Колымы и основали Стадухинское поселение — «Старый город», как до сих пор называют нижнеколымчане это место. Предание гласит: «Погиб же старый город так: сгорела церковка. Верующие решили перенести храм на камень — в Кресты. А жребий шамана указал на то место напротив Анюй-реки, тут и стоит крепость-то наша» (записано в 1980 г. со слов И.В. Реброва).

На Колыме русское население в течение XVIII–XX вв. было рассредоточено по четырем регионах: в районе Верхнеколымска, Среднеколымска, Нижнеколымска и Походска.

Нижнеколымская группа русских старожилов в течение XIX в. в среднем не превышала 650–700 чел. Она делилась на три сословия: мещанское, казацкое и крестьянское. Так, в 1850 г. крестьян было 144 души, мещан — 238, казаков — 286. В 1857 г. в Походске насчитывалось 15 изб (113 чел.), в Черноусове — 13 (107 чел.), в Керетове — 9 изб (66 душ). Кроме того, русские жили в Мархаяново, Кабачково и Сухарном, где было по 3–4 двора[19]. Основные фамилии нижнеколымских русских: Котельниковы, Дауровы, Налетовы, Березкины, Шкулевы, Соковиковы, Третьяковы, Поповы, Медутины и др. С нижнеколымской группой населения уже в советский период слились обрусевшие еще в XIX в. речные оседлые юкагиры омолонского рода. Потомки членов этого рода (Востриковы, Щербаковы) при опросе в 1959 г. называли себя русскими. Старики отмечали, что семьи Медутиных, Рупачевых происходят от чуванцев, предков которых переселили на нижнюю Колыму в XVIII в. из упраздненного Анадырского острога.

Среднеколымск по составу населения был казацко-мещанским городом. В 1895 г. здесь проживало 717 жителей, в том числе казаков — 317, мещан — 146, купцов — 26, разночинцев — 26, якутов — 173 чел.[20]

Настоящим бичом для населения являлась оспа. В XIX в. в Колымо-Индигирском крае эпидемии оспы случались четыре раза. Самая страшная — зимою 1884/85 г. К примеру, в местечке Сухарное многочисленная семья Вилегиных из 14 чел. вымерла за одну ночь. Люди умирали, а живые не успевали предавать их тела земле. Для могил использовались даже погреба.

Походчане принадлежали в основном к мещанскому сословию. В конце XIX в. колымских крестьян, а впоследствии и казаков причислили к мещанам.

Главной обязанностью нижнеколымских казаков был ежегодный поход на Анюйскую ярмарку, куда они в составе 25–30 чел. отправлялись для соблюдения порядка. Ярмарка проводилась обычно в марте, на нее съезжалось до тысячи человек. Кроме того, казаки сопровождали грузы, экспедиции, почту, охраняли государственное имущество и общественный порядок. Годовой денежный оклад рядового казака составлял 10 руб. Ему полагалось хлеба примерно 12 пудов в год. На детей мужского пола тоже выделялся паек. Казацкое звание было наследственным.

Во главе казацкой команды стоял частный командир (обычно урядник). Колымские казаки никогда не проходили обучения и строевой службы, не видя в этом особой необходимости, так как на протяжении столетий вокруг жило мирное население.

Во второй половине XIX в. на нижнюю Колыму было сослано несколько татарских семей (в основном за конокрадство), которые сблизились с местными старожилами, восприняв их образ жизни и ведение хозяйства.

Из изложенного следует, что на севере Якутии в XIX — начале XX в. численность русских старожилов составляла около 2 тыс. чел. В основном это были мещане, крестьяне и казаки. Старожилы занимались традиционными отраслями северного хозяйства — рыболовством, песцовым промыслом и ездовым собаководством.

В настоящее время старожилы сохранились лишь в двух регионах — на нижней Колыме и нижней Индигирке. Они проживают в селах Русское Устье и Походск, в поселках Чокурдах и Черский. Общее их количество чуть больше тысячи человек.

Русскоустьинцы

Под Русским Устьем следует понимать не просто одно селение на левом берегу Индигирки, а всю совокупность маленьких поселений — заимок, расположенных в дельте на 71° с. ш. Район обитания старожилов представляет собой тундру с вечномерзлыми почвами, с

массой озер и речек. Среднегодовая температура воздуха составляет здесь –15 °С. Снежный покров земли держится 8 мес.

Впервые Русское Устье упоминается в научной литературе, по нашим данным, в 1739 г., в рапортах в Адмиралтейств-коллегию лейтенанта Д. Лаптева, которому В. Беринг поручил описать берег Ледовитого океана на восток от Лены. С тех пор оно обозначается на всех географических картах и не только потому, что в этой части карты много свободного места. Село это не совсем обычное — этнографическая неповторимость, «сколок Исландии русского быта».

Отсюда фактически началась морская часть многолетнего похода Семена Дежнева, завершившаяся открытием пролива между Азией и Америкой. Это местечко в разные годы посетили М. Стадухин, Н. Шалауров, М. Геденштром, П. Козьмин, Ф. Анжу, Я. Санников, Г. Майдель, В. Иохельсон, К. Воллосович, Ю. Чирихин, чьи имена, как и имена С. Дежнева и Д. Лаптева, увековечены на карте Арктики.

Здесь начались с 1885 г. регулярные метеорологические наблюдения. Первый самолет, появившийся в небе Восточной Арктики в 1929 г., пилотируемый отважным Отто Кальвицем, одну из своих посадок совершил не где-нибудь, а в Русском Устье. Некоторым эти факты могут показаться незначительными, но для уроженцев «далекого захолустья» знать о том, что и их село каким-то образом причастно к истории, весьма немаловажно.

Об обстоятельствах поселения русских в дельте Индигирки существуют разные мнения. Русскоустьинская устная народная история утверждает: «Слышал я от старых, совсем старых людей, что Индигирка ранее была юкагирская река. Собрались люди из разных губерний и поплыли на кочах на восток морем — от удушья спасались — болезнь такая. Доплыли до Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли. Люди были дворянских фамилий, дед мой был дворянином, и грамота у него была золотыми буквами писанная, да мальчишка изорвал. Когда стали подати собирать в мещане записали, а сначала-то вовсе ничего не платили»[21].

«Приплыли они на кочах по Голыженской протоке и остановились на устье Елони. Построили 14 домов (по другим вариантам 40. — *А. Ч.*), баню и кабак. В первое время много пили и гуляли, несколько человек утонуло, оттого это место до сих пор называется "Гулянкой". После с Гулянки возвратились на то место (на 3 км ниже по течению. — *А. Ч.*), где теперь Русское Устье стоит» (записано в 1952 г. со слов А.П. Стрижевой-Чикачевой, 80 лет).

Народные исторические предания по своей достоверности часто не уступают письменным источникам, которые обычно и основыва-

ются на устной истории. К примеру, знаменитые открытия Г. Шлимана при раскопках Трои основаны на вере в реальность событий, воспетых Гомером.

В.М. Пасецкий в книге «Путешествия, которые не повторяются», изданной в 1986 г., приводит малоизвестный факт о том, что в начале XVI в. русский посол в Риме Дмитрий Герасимов впервые высказал мысль о существовании морского пути из Белого моря в Тихий океан. Беседуя с итальянским ученым Паоло Джовио, он рассказал, что русские с давних времен бывают в стране вогулов и юкагиров. По словам Герасимова: «На восток от края есть другие отдаленные племена, неизвестные московитам. О них знают только по слухам. Однако хорошо известно, что Двина несется к северу, и что море там имеет огромное протяжение, что, держась правого берега, оттуда можно добраться до Китая, если в промежутках не встретится какая-нибудь другая страна»[22].

В 1692 г. бургомистр Амстердама Н. Витсен на основании сведений, полученных из России, в книге «Северная и Восточная Татария» писал, что вокруг Северо-Восточной Азии «можно было доплыть и до самой Японии»[23].

Плавание древнерусских мореходов проходило по Ледовитому океану вдоль берегов Сибири и по самому трудному участку — огибая Таймырский полуостров. Академик А.П. Окладников в 1948 г. установил, что на восточном побережье Таймыра в 1615–1616 гг. погибла какая-то русская морская экспедиция.

В начале XIX в. неутомимый устьянский промысловик мещанин Яков Санников нашел на о. Котельном могилу с деревянным крестом, на нем были русские надписи, поблизости находилась русская избушка — зимовье. Возле устья Царевой речки он видел остатки древнего корабля — судовое днище.

На берегу губы Гусиной, в устье Индигирки, вплоть до начала XX в. существовали остатки рубленого домика. Старики единодушно утверждали, что это была изба морской экспедиции, погибшей еще до основания Русского Устья.

Сотник Кобелев в 1779 г. записал рассказ чукотского тойона о. Ратманова, который сообщил, что на американской земле по р. Хеврине, в острожке, называемом Кымговей, жительство имеют русские люди, разговаривают по-российски, по-российски же читают, пишут, поклоняются иконам. «Собою от американцев отмениты, ибо у американцев бороды редкие, а у живущих там россиян густые и большие»[24].

Более того, в октябрьском номере американского журнала «Славянское и восточно-европейское обозрение» за 1944 г. напечатана

статья историка Г. Форелли «Потерянная колония Новгорода на Аляске». Автор на основании письма, присланного в 1794 г. русским миссионером на Аляске Германом настоятелю Валаамского монастыря Назарию, и раскопок, произведенных в 1937 г. на Кенайском полуострове, при которых были обнаружены остатки древнего поселения, пришел к выводу о существовании там Новгородской колонии, основанной в 1571 г.

Возможно, массовые казни Ивана Грозного в 1570 г. заставили некоторых покинуть родные пределы и отправиться на северо-восток, т.е. по давно освоенным путям. На приспособленных для морских переходов кочах можно было пройти вдоль берегов Ледовитого океана. Может часть этих беженцев обосновалась на Индигирке, а другая — достигла берегов Аляски. При этом следует иметь в виду, что многие ученые-полярники утверждают, что ледовые и другие мореходные условия для плавания по Северному морскому пути в XV–XVI вв. были более благоприятными.

Составитель и редактор книги «Фольклор Русского Устья» С.Н. Азбелев пишет: «Так же, как для организаторов юбилея, для меня достаточно очевидно, что 350 лет назад в дельте реки Индигирки И. Ребров поставил зимовье. Так же, как и В. Распутин, я думаю, что русские попали в эти места значительно раньше... В топонимике дельты Индигирки сохранились названия, восходящие к именам предводителей казачьих экспедиций XVII в. Этот факт свидетельствует, что какое-то русское население тогда уже существовало. Больше некому было присваивать эти названия и сохранять их».

Вполне резонной представляется мысль Б.О. Долгих, что эти русские люди, «обосновавшиеся на берегу Ледовитого океана, были не особенно заинтересованы, чтобы о них и их промыслах знали воеводы и таможенные целовальники»[25].

Приведенные данные показывают, что версия о поселении русских в дельте Индигирки ранее XVII в., хотя и нуждается в дополнительных исследованиях, но и сейчас имеет право на существование.

И все же, на наш взгляд, предпочтительнее утверждение, что русскоустьинцы — это в основном потомки землепроходцев и мореходов XVII в., которые обосновались на нижней Индигирке в связи с повышением спроса на песцовый мех.

Позже, когда якуты «поняли» значение песцового промысла, хозяйство их стало перестраиваться и постепенно приняло «русское» направление — рыболовецкое и охотничье-промысловое. Но песцовые угодья, равно как и неводные «пески», были заняты русскими, начались тяжбы.

В.М. Зензинов — автор книги «Старинные люди у холодного океана», 1912 г.

Судя по материалам, почерпнутым В.М. Зензиновым из архива мещанского старосты, в 1831 г. якуты, пришедшие на Индигирку позже русских, подали в Комиссию по переобложению инородцев жалобу на русских, захвативших, по их мнению, лучшие рыболовные места и расставивших «по лицу тундры» песцовые ловушки: «Заселились к нам несколько русских семейств, мещан упраздненного Зашиверска и Якутска, которые дошли до такой степени свободы, что, оставив свое местожительство, расселились по разным местам, инородцам принадлежащим». Иркутский губернатор дал предписание выселить с Индигирки мещан «незамедлительно и не принимая никаких отговорок»[26].

С таким решением индигирцы не согласились и начали длительную переписку с начальством, отстаивая свое право на жительство. Борьба была длительной и упорной, русским пришлось дать согласие на переселение, но из года в год они откладывали его под различными предлогами, отказывались даже от сословия мещан и просили переписать их в крестьян, надеясь этой жертвой умилостивить начальство. Посылали старосту Ивана Чихачева в Иркутск. А 10 апреля 1831 г. они писали: «Предки наши — отцы и деды — имели местожительство на реке Индигирке в местах Уяндино, Ожогино, Шанское и Русское Устье, но с какого позволения, вовсе нам неизвестно. Впоследствии времени опытностью от старших дознано нами токмо то, что река сия первоначально найдена какими-то русскими кочами. Потом предки наши имели постоянное жительство при Шанском посту, тут же земскую избу и молитвенный дом, когда же открылся город Зашиверск, в который не переселяя нас, переименованы мы мещанами этого города». В другом документе, датированном 15 марта 1832 г., они утверждали: «...постоянное наше жительство с предков, опытностью от старших известно более 150 лет».

В результате этих усилий мещанам удалось добиться своего. Они остались на том же месте в прежнем мещанском сословии. По всей видимости, было принято компромиссное решение. Часть охотничьих угодий по протоке средней Индигирской дельты передали якутам. Некоторые места по правой стороне Средней протоки и по сей день имеют якутские названия: Хатыстах, Якутское жилье, Омуллях. Участок тундры между Уларовской и Средней протоками называется Якутским морем, где до 1945 г. находились песцовые ловушки аллаиховских якутов.

В 1930 г. русскоустьинцы объединились в колхоз. Ожогинцы создали отдельное хозяйство. Но колхозы оказались крайне слабыми. Колхозники фактически жили за счет единоличного хозяйства. Перегибы, грубые нарушения принципа добровольности коллективизации не обошли и Крайний Север. Так, из Русского Устья в ссылку на юг было отправлено 3 чел., двое из них — за «грехи отцов». Из ожогинцев выслали в Хабаровск М.Н. Стрюкова — отца десятерых детей.

В 1931 г. силами населения была построена школа, открылся государственный магазин и возобновила работу полярная метеорологическая станция, а церковь переоборудовали под клуб. В связи с закрытием ее произошел следующий эпизод*. Приехал начальник и предложил закрыть церковь, начался тихий ропот. Мужики чесали затылки, но открыто протестовать боялись. Неожиданно в защиту церкви выступили три брата, бедняки Шкулевы:

— Нет, нет. Мы свою церкву закрывать не дадим. Матерь Божию шевелить — тяжкий великий грех!

Уполномоченный пытался разъяснить, что бога нет, что в прошлом году аллаиховские якуты церковь закрыли и ничего не случилось. Но Шкулевы стояли на своем.

— Они, аллаиховские, и раньше-то православный крест шибко-то не уважали. Ноне будут бардовать!? Храм Божий на погат пустили — таперича с голоду падают. Пускай, пускай — кишки те прочигиркают, тогда узнают, как над святой церковью дерковаться!

Это сильно разозлило уполномоченного, он резко заявил:

— Это кулацкие вылазки!

— Никакие, брат, не кулацкие вылазки! Чего шухума баешь! Вовсе не вылазки.

* В связи с безвременной кончиной А.Г. Чикачева в книге сохранена авторская редакция рассказов, сказок, быличек и баек.

Уполномоченный пришел в ярость. Он начал расстегивать и застегивать пустую, как потом выяснилось, кобуру пистолета и, путая русские и якутские слова, кричать:

— Вас, подкулачников, расстреливать надо. Я вас посажу в каталажку, лишу голоса!

Запричитали бабы, некоторые начали креститься. Сильно оробели и Шкулевы. Больше всего их поразило то, что у них могут отнять голос. Они наивно полагали, что могут оказаться немыми. Кто-то стал их уговаривать:

— Бог с вами! Христос с вами! Наши, идите покайтесь-ле, чего-ле. Утартают ведь куда-нибудь в тайболу.

Тут вперед выбежала жена старшего брата — Соломонида — и грохнулась на колени перед уполномоченным:

— Господин, товарищ начальник, не губи православных христиан! Прости нас, грешных людей. Не отымай у них голосу. Грех! Какие они люди будут без баянья, енвалиды. Не уехать, не приехать.

После этого «начальник» несколько смягчился, однако самолично влез на крышу и спилил крест, содрал со стен храма драпировку и роздал «активистам» на рубахи. Люди плакали, «начальник» пьяно выкрикивал: «Ура! Уруй айхал!» — и распевал «Интернационал» (записано в 1970 г. в пос. Чокурдах со слов А.П. Новгородовой, 60 лет).

Были созданы пункты по ликвидации неграмотности. Эту работу проводили командированные торговые работники, участники экспедиций и первые выпускники начальной школы. Население, особенно молодежь, жадно тянулось к знаниям. Вот что рассказывает об этом периоде Н.Г. Чикачев, который в 1937 г. в возрасте 13 лет был «ликвидатором»: «Люди охотно шли на занятия. Чтобы постичь премудрости грамоты, каждый приспосабливался по-своему. Например, Микунюшка каждой букве присвоил свои названия. Сравнивал их с предметами обихода: А — ураса, Г — топорок, Т — костылек, Ф — штаны подтягивает и т.п. Большой Егорша говорил соседу: "Ты, Васенек, восьмерку писать не умеешь, она у тебя кривая получается. Делай, как я. Смотри, черчу косой крестик, соединяю верхние и нижние концы — вот и восьмерка!" Бабка Пичугина очень хотела, чтобы ее 20-летняя дочь Огра научилась читать и писать. Она даже покрикивала на нее, когда та не справлялась с заданием.

Очень трудно давалось деление. Например, сорок разделить на десять. Сначала никто не смог. Но когда было задание 40 ряпушек разделить 10 собакам, каждый без промедления сказал, что будет по четыре. Уезжая на промысел, некоторые говорили: "Коля, чего-нибудь задай, лучше всего цифры. С ними легче, в уме можно подумать, сколько чего будет. Иногда можно на снегу решать"».

Большое облегчение «в своей жизни» индигирцы получили в 1935 г. — с началом регулярных торговых рейсов к устью Индигирки. Прекратились изнурительные поездки на Яну и Колыму. Резко увеличился завоз товаров. В избах появились патефоны, швейные машинки, часы и другие новые предметы культурного обихода, люди стали лучше и разнообразнее питаться, чище одеваться. В 1938 г. в селе была установлена радиостанция, началось плановое гидрографическое изучение р. Индигирки, судоходство, что внесло большое оживление в общественную и культурную жизнь.

В годы войны русскоустьинцы проявили себя истинными патриотами. Они самоотверженно трудились, стремясь помочь фронту усиленными поставками государству рыбы и пушнины, отправкой в армию теплых вещей, сбором средств на постройку танковых колонн, эскадрилий самолетов.

В послевоенный период начался новый этап в хозяйственном и культурном строительстве на Крайнем Севере. Большую роль в этом сыграли разработанные Правительством СССР в 1957 г. мероприятия по повышению материального благосостояния коренных малочисленных народностей.

В 1960 г. русскоустьинский колхоз «Победа» был преобразован в отделение совхоза «Аллаиховский», что дало новый импульс для экономического развития. Поднялась производительность труда, улучшились транспортные связи. Русское Устье превратилось в современный поселок с центральным отоплением и водопроводом. В селе построили 8-летнюю школу, детсад, почту, появилось телевидение. Ежегодно русскоустьинцы продавали государству «мягкого золота» на 200–250 тыс. руб. (в ценах 1980 г.) и до 300 т деликатесной рыбы.

Походчане

Старинное русское село Походск находится на левом рукаве Колымской дельты, в 40 км ниже пос. Черского. Название, вероятно, произошло от слова «поход». Отсюда отправлялись казаки в свои походы для встреч с немирными чукчами. Походск не раз подвергался нападению чукчей-шелагов, приплывавших на байдарках из-за Шелагского мыса. «Походск разгромлен был. Из Походска один человек убежал да весть дай в другие заимки, что чукчи идут на Погромную. Все подались на юг, пока чукчи шли» (записано в 1976 г. со слов И.В. Реброва).

«Есть у нас заброшенный участок Малая Чукочья. Наши деды рассказывали, что походчане-то сначала там обосновались. Потом виска-та пересохла, да и чукчи нападали. Перебрались на то место, где теперь Походск находится. Чукчи, говорят, очень любили желез-

ную посуду, поэтому при удобном случае отбирали ее у русских. Рассказывали, что в старину на Малой Чукочье жил крепкий удалой парень по фамилии Селиванов. И вот однажды осенью увидели, что идет ватага чукчей. Поэтому, чтобы задержать их, Селиванов схватил два медных котла и бросился им навстречу. А озеро-то только-только замерзло. Он подбежал к кулиге и по льду кинул чукчам котел, потом — второй. Чукчи наперебой кинулись к котлам и почти все перетонули. С тех пор это озеро называется Котельным озером, а кулига-та — Селивановской кулигой» (записано в 1980 г. в Походске со слов П.Н. Носова, 70 лет).

В начале XIX в. дер. Малая Чукочья еще существовала. Она служила для экспедиции Ф. Врангеля одной из главных опорных баз по снабжению собачьим кормом и продовольствием. По его сведениям, в местечке были 15 хижин и полуразвалившаяся казарма.

А вот что сообщает В. Богораз: «Я собрал в Походске ряд интересных сведений о чукотских набегах на русские поселки на Колыме. Чукчами был разрушен древний казачий поселок Походск. Походская деревня, населенная потомками казаков, долгое время составляла особую казачью станицу»[27].

По преданию, последнее нападение чукчей произошло в конце XVIII в. В 1881 г. один исследователь встретил на заимке Керетово древнюю старуху, которая помнила этот погром. С тех пор установился мир. Русские отказались от завоевания чукотской земли, а чукчи перестали нападать на их деревни.

В прошлом Нижнеколымск представлял собой три-четыре десятка рубленых изб с плоскими крышами, церковь и острог. Острог был обнесен деревянным забором, по углам которого возвышались четыре маленькие остроконечные башенки, на территории острога находилось большое строение — канцелярия и несколько амбаров. «Собачьим острогом» именовали в старинных документах Нижнеколымск. Кстати, русскоустьинцы и походчане в разговоре не употребляли слово «Нижнеколымск». Вместо этого в обиходе были — «Город», «Крепость», «Нижно».

Недостаток средств вынуждал казаков заниматься пушным и рыбным промыслами. На этой почве возникали трения между казаками, с одной стороны, мещанами и крестьянами — с другой. В 1806 г. крестьяне жаловались своему начальству: «Здешнего нижнеколымского штата казаки Иван, Егор Шкулевы, Антон Татаринов, Ефим Дауров делают крестьянам помешательство промыслу в тундре, так как настораживают песцовые ловушки». Казакам было предписано: «Прекратить охоту на песцов и зверей»[28].

В колымском фольклоре сохранилась казацкая песня, обращенная к мещанам-землякам, навеянная этими взаимоотношениями:

Что вы, глупые мещане, нерассудливые.
Если б с нами побывали,
Обо всем бы горе узнали.
Нам ведь хлеба дают мало,
На работу гонят рано,
Не оглянешься назад,
Плетки с палками летят.

В связи с прекращением Анюйской ярмарки надобность содержания казацкой команды отпала. В результате в 1891 г. в Нижнеколымске и Походске числилось 53 казацких души, в том числе 19 душ «отставных казацких вдов и сирот».

Обычным печальным явлением в жизни русских старожилов побережья Ледовитого океана был систематический голод. Так, К. Нейман в начале 1870-х годов писал: «Русские, гордые завоеватели этой страны, живут в крайней бедности, не лучше кочующих тунгусов, и уж гораздо хуже чукчей в материальном отношении. Чукча обеспечен своими многочисленными стадами оленей». Ему вторит В. Богораз, живший на Колыме в 1890–1898 гг.: «...Колыма гораздо несчастнее соседних рек Индигирки и Анадыря, где тоже есть рыболовное русское население, но голодовки случаются гораздо реже и далеко не имеют такой интенсивности». Основную причину этого явления они видели во множестве собак, в отсутствии соли, а также хороших погребов. Жители не имели хороших орудий для долбления мерзлой земли не только для погреба, но даже для могилы.

Жители Походска в 1929 г. объединились в коллективное хозяйство, которое стало называться колхоз «12 лет Октября». Охотничьи и рыболовецкие бригады стали получать от заготовительных организаций в пользование сети, невода и другой инвентарь. Организованно начали прививать собак, чтобы избежать эпизоотии. В прошлом гибель собак наносила тяжкий урон северным хозяйствам.

В Походск стали стягиваться жители, они переносили (сплавляли) свои избы с заимок, в связи с укрупнением поселка заимки были покинуты и превратились в летние промысловые участки. В 1958 г. походский колхоз объединился с нижнеколымским.

Старинное село Походок дважды испытало на себе судьбу так называемого «неперспективного». «В начале войны вдруг, брат, пришла из района команда перенести Походок на правый берег Каменной Колымы. Можно сказать на гиблое место. Хороших угодий там не было — рыба не ловилась да и шторма не давали, а песца там было мало. Года три мы там мучились. Потом люди мало-помалу само-

вольно стали возвращаться. А за нами и руководство колхоза домой воротилося. Нас-то, брат, заставляли оленей завести. Мы отказались. Чего с ними делать станем — не знаем с какого боку к оленю подойти» (записано в 1980 г. со слов И.И. Березкина, 72 года).

В начале 1970-х годов Походск вновь объявили «неперспективным». Закрыли школу, хотели даже ликвидировать сельский Совет, а всех жителей переселить в Черский. Во второй половине 70-х годов XX в. началось постепенное возрождение старого села — построили котельную, электростанцию, баню, пекарню, детский сад, несколько жилых домов. Открылась начальная школа, преобразованная со временем в 8-летнюю. В 1991 г. здесь был образован совхоз «Походский», который ежегодно реализует до 400 т рыбы.

Думаю, никто не может конкретно ответить, в чем очарование этого древнего села на далекой Колыме. Но кто побывал там, тот не может не полюбить его людей — простых, жизнерадостных, гостеприимных. Вот слова известного в прошлом писателя Н. Вагнера в книге «Человек бежит по снегу», которая впервые вышла в 1933 г. и получила высокую оценку М. Горького: «Особое место — темный и веселый Походск. Особый уклад, особая явь его жизни, все особое. Из старины вырос Походск, от времени древнейших скитаний ненасытного русского сердца. От служилых людей хранит Походск крепкий обычай, голосовой напевный говорок, старинную речь, хлебосольство, безобидный разгул веселья, суеверия, иконопись лица, доверчивость, ленивость в движении. Нигде на реке нет столько преданий, примет, такой заунывной, напевной песни, хоть песни те же, что в Нижнеколымске. Нигде не пляшут столько “Подгорной”, нигде нет таких самодельных балалаек на две струны. Нигде нет таких “скрипок”, что упирают в живот проворные походские пальцы, нигде не закручивают так быстро смычок издревно в “Рассоху”.

...Прощай, Походск! Прощай, деревянная изба, стол с корявой клеенкой! Прощайте, парни и девушки, “скрипки”, песни и говорок! Прощай, веселая, поднебесная Походия, закуржавелая цветастая жизнь! До повидания! До повидания!»

* * *

Русскоустьинцы и походчане с незапамятных времен поддерживали между собой экономические и родственные связи. Их песцовые ловушки располагались между Колымой и Индигиркой, по берегу Ледовитого океана. Ездили друг к другу в гости за 700 км, обменивались невестами. Многие нынешние жители Походска и Черского являются выходцами с Индигирки — это Суздаловы, Новгородовы,

Чикачевы, Рожины, Щелкановы, Агафониковы. И до самого последнего времени, практически до 50-х годов XX столетия, их объединяла экономическая и этническая взаимозависимость и, в особенности, возможность выхода в «большой мир» через колымский порт Амбарчик.

Русское Устье и Походск — родные братья с едиными корнями и одинаковой судьбой. И, может быть, это чувство общности языка и культуры заброшенных судьбой в страну льда и снега людей способствовало их удивительной национальной устойчивости.

Походчане и русскоустьинцы в основном брюнеты, в меру скуласты, глаза с раскосинкой, но в каждом непременно проскальзывает что-то славянское. Об их женщинах Ф. Врангель писал: «Русские женщины, несмотря на трудные работы, ими выполняемые, с чертами лица приятными и правильными могут почесться красавицами».

При встречах колымчане и индигирцы беззлобно подшучивали друг над другом. Походчане считали русскоустьинцев прижимистыми, подсмеивались над их «шаркающим» говором, также считали, что они способны в некоторых случаях управлять погодой: «Индигирщики-дьяволы опять Сендуху заморозили да уехали», «О-о, брат, на Индигирке-то опасно пляшут!», «Шелканенок — индигирщик, брат, страсть скуповатый мужик — одну вичь на три растянуй!»

Стоит кратка на столбах,
Экономка в шаткарах.
Щелканенок едет куркат —
У Дунюшки сердце юкат.

Индигирцы в свою очередь считали колымчан ленивыми, способными «только петь да плясать». Это подтверждает Ф. Врангель: «Индигирские жители гораздо трудолюбивее и промышленнее колымцев. Несмотря на это колымцы живут в лучшем довольстве, что происходит оттого, что они живут на большой дороге якуцких купцов, закупающих меха. Бедные жители индигирской пустыни вынуждены продавать свои товары монополистам по самым дешевым ценам»[30].

Однако за последние пять-шесть десятилетий экономические и культурные связи между этими двумя русскими группами людей значительно ослабли. Во-первых, потому что началась доставка грузов на Индигирку морским путем, необходимость поездки на Колыму отпала. Во-вторых, из-за падения спроса на северную пушнину, колымские охотники покинули свои угодья на пограничной р. Алазее. И самая главная причина — для тех и других благодаря авиации открылся доступ в различные города страны.

Итак, на нижней Индигирке и на нижней Колыме издавна обитает небольшая группа русских людей, это местное население является субэтнической группой, сложившейся в результате длительного и сложного смешения русских землепроходцев с аборигенами. По антропологическим чертам они — метисы, по способу ведения хозяйства близки к северным якутам и юкагирам, по религии — двоеверцы, сочетающие язычество с христианством, по языку и самосознанию — русские. Известный писатель В. Распутин пишет, что в лицах русскоустьинцев и походчан заметна явная примесь азиатчины, в основном юкагирского происхождения, но от этого не пострадали ни язык, ни культура, ни память. Видимо, поэтому издавна многих путешественников удивляла одна странная на первый взгляд особенность: чем дальше по Якутии едешь на север, тем больше распространен русский язык среди аборигенов.

Основными факторами, обусловившими удивительную национальную устойчивость колымо-индигирских старожилов, самобытность их языка, на наш взгляд, являются:

— компактность расселения как следствие оседания «промышленных людей» в дельтах Индигирки и Колымы, богатых рыбой и белым песцом;

— полунатуральный характер хозяйства: единственной товарной отраслью были песцовый промысел да заготовка мамонтовой кости. Не меньшее значение имело и то, что аборигенные народы Севера — чукчи, эвены и юкагиры — вели кочевой образ жизни, специализировались на оленеводстве. Контакты с русскими оставались ограниченными из-за различий в социально-экономическом развитии;

— якуты, появившиеся на Индигирке и Колыме позже русских, жили преимущественно в лесной зоне, поэтому на этническую и языковую ситуацию такого влияния, как в земледельческих регионах, они не имели;

— старожильческие общества время от времени пополнялись новыми людьми — русскими поселенцами. Восприняв у автохтонов все необходимое для жизни и ведения хозяйства в арктических условиях и героически сопротивляясь полярной стихии, не утратили своего этнического самосознания.

I.2. ПРОМЫСЛОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В Арктической зоне издавна сложилось комплексное промысловое хозяйство. Основные его отрасли: рыболовство, песцовый промысел, полное отсутствие земледелия и разведения крупного рогатого скота. Дополнительными промыслами были заготовка мамонтовой кости, добыча нерпы и ленных гусей, забой диких оленей во время летних переправ.

Все это определяло образ жизни русских старожилов и носило натуральный характер. Лишь продукция песцового промысла и мамонтовая кость носили товарный характер. Пушнина непосредственно обменивалась на товар, причем обмен зачастую был неэквивалентным. Торговые операции совершались купцами путем беззастенчивого обмана. М. Геденштром писал: «Я приведу только один пример такого грабительства, в котором в 1810 г. лично и официально удостоверился. Индигирский мещанин просил якутского торгаша заказать ему серебряную ризу с позолотою на образ святого Николая Чудотворца. Риза была привезена и стоила 70 руб., мещанин заплатил тогда 56 песцов, или по меньшей мере 56 руб., и остался должен 14 песцов. Но по прошествии 7 лет, в продолжении которых мещанин в разное время заплатил еще 86 песцов, торгаш взял у него обратно ризу и сверх того вексель на 1200 руб. за то, что он в первый раз не доплатил ему 14 песцов»[1].

Северяне платили государству различные подати и несли ряд повинностей. Возможность же интенсивной эксплуатации охотничьих и рыболовных мест у многих хозяйств была ограничена. Например, успешная охота на песца зависела в первую очередь от количества ловушек (пастей), расставленных на огромной территории вдоль морского побережья. Сделать это мог лишь тот, кто имел много собак. Построивший пасти приобретал монопольное право на лов песца на освоенном участке. Другим же промысловикам приходилось ставить свои пасти не ближе 5–10 км от линии ранее поставленных ловушек или же только перпендикулярно к ним. Пасти переходили от отца к сыну, что в конечном счете порождало наследственное владение определенными участками земли. Бедняки, имевшие мало собак, орудий рыболовства и охоты, не могли осваивать далекие и более продуктивные участки.

Одному хозяйству из 4 чел., имевшему упряжку в 10 собак, на зиму требовалось примерно 9–10 тыс. ряпушек и 1000–1200 крупных рыб — примерно 3,5–4 т. Для заготовки такого количества рыбы необходимо минимум 15–20 сетей и один невод. Из 64 хозяйств индигирско-мещанского общества в 1901 г. таким минимумом орудий лова располагало только 31[2].

И. Шкловский писал о хозяйстве нижнеколымских мещан: «Возьмем для примера семью в четыре чел. Годовой доход: продал три сотни рыб подледного лова на 24 руб., звериный промысел дал 15 руб. Выловил 24 тыс. сельдей — 20 руб. Продал ровдугу на 15 руб.

Поездка на Анюй дала 25 руб. Перевез грузов на 25 руб. Итого годовой доход составил 121 руб., расходы: 24 кирпича чаю — 72 руб. На подати — 12 руб., 36 фунтов табака — 54 руб. Итого расход составил 138 руб. Другими словами, даже если жители не будут носить белья, не будут употреблять соли, не говоря уже о муке, и тогда дефицит у них будет 17 руб. А между тем "завод" — сети, невод, лодка — стоит 300 руб. Невод служит 5 лет, так что каждый год приходится подшивать новые ставки на 30 руб., ремонт сетей и карбаза стоит 8 руб. Прибавьте сюда одежду, домашний инвентарь, водку, до которой так падки колымчане. Откуда же пополняется дефицит? Во-первых, нижнеколымчанин вечно в неоплатном долгу у купцов, во-вторых, нижнеколымчане продают часть рыбы, которая нужна им для себя и для собак. К весне собаки питаются дохлыми собаками. Большую половину года люди сидят без чая, пьют кипрей и брусничные листья. А вместо табаку курят крашеную ровдугу»[3].

Проникновение торгового капитала в Восточную Сибирь вело к усилению эксплуатации местного населения. В важнейших пунктах торговли на Севере — Булуне, Казачьем, Среднеколымске и Нижнеколымске — сосредоточились отделения крупных товарных фирм: «Наследники Громовой», «Наследники Кушнарева», «Рылов и Лесников» и др. Они постепенно захватывали в свои руки скупку пушнины на Севере, вытесняя мелких торговцев и скупщиков, или делали их своими контрагентами.

Тяжелый пушной и рыболовный промыслы с дальними рискованными отъездами и кочевками, нерентабельный собачий транспорт отнимали массу времени и сил. А торговые операции велись так умело и хитро, что доверчивые северяне всегда оставались должниками у купца. Поэтому они вынуждены были отдавать пушнину только «своему» купцу, у которого в обмен по ростовщическим ценам могли купить пряжу для сетей, боеприпасы, а также крайне необходимые продукты питания.

Слабое развитие производительных сил, суровые климатические условия сдерживали процессы имущественного расслоения, поэтому колымо-индигирские мещанские общества по своему составу были, в общем-то, однородными, за исключением пяти–шести семей.

С установлением Советской власти, особенно в связи с сосредоточением в системе Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) при Правительстве СССР пушно-заготовительных функций, государство закрепило за собой монополию на продукцию пушного промысла. В то же время это расширило возможность целевых государственных вложений в поддержку охотничье-промыслового хозяйства на севере Якутии.

С 1937 по 1944 г. в устье Алазеи существовала промыслово-охотничья станция (ПОС), которая сыграла большую роль в освоении новых охотничьих территорий в Колымо-Индигирской тундре. На севере были открыты торгово-заготовительные фактории (ТЗФ), которые просуществовали вплоть до середины 1950-х годов. Это дало возможность улучшить снабжение охотников боеприпасами, орудиями лова, увеличить количество более современных охотизбушек, создать службу урожая. Со временем торгово-заготовительные фактории были переданы «Колымторгу», который входил в систему Министерства торговли РСФСР.

Песцовый промысел

Основной вид пушнины, добываемой в Арктике, — белый песец. Постоянный мигрант: осенью с островов Ледовитого океана он выходит на берег и в поисках корма движется в сторону лесотундры, а оттуда в марте снова мигрирует в сторону моря.

Белого песца на протяжении нескольких столетий ловили пастями. Песец, почуяв запах пищи, залезает в пасть и задевает волосок, отчего симка выскакивает из сторожка и гнеток падает. Смерть зверя наступает моментально.

Пасти и охотничьи избушки требуют почти ежегодного ремонта. Поэтому летом, в июле — августе, промысловики отправлялись на лошадях в тундру или по речкам сплавлялись «ладить пасти и поварни», попутно занимались ловом рыбы и отстрелом гусей и оленей.

Некоторые промысловики держали по одной-две лошади, но пользовались ими только для ремонта пастей. Из конского волоса плели сети. Сено не заготавливали. На зиму лошадей отпускали на волю, они сами себе добывали корм из-под снега, подвергаясь частой травле волками.

Говоря о значении промысловой культуры, которую принесли русские в Сибирь, В. Скалон писал: «Они осуществили колоссальное по своему размаху и трудоемкости строительство пастника, покрывающего полосу тундры от Урала до Тихого океана»[4].

В 1929 г. по Русскоустьинскому сельскому Совету насчитывалось свыше 9 тыс. пастей, по Походскому и Нижнеколымскому — 4 тыс.

«Судя по терминам охотничьего промысла, некоторым обычаям и религиозным представлениям, русские, освоив на Индигирке новые места для жительства, сами самостоятельно стали заниматься песцовым промыслом. Есть данные, что народности Севера — юкагиры, эвены и северные якуты — научились промышлять песцов

пастями от русских. На это отчасти указывает употребляемое у якутов слово "ПААС" — от русского пасть»[5].

Вплоть до середины 1950-х годов белый песец занимал второе место после белки в объеме заготовок пушнины по Якутской Республике. На протяжении XVIII–XX вв. северные русские старожилы были основными поставщиками меха белого песца. Удельный вес песцового промысла в денежных доходах семьи в арктических районах составлял от 45 до 60 %.

Некоторые промысловики добивались выдающихся успехов. В военное время своими делами славились промысловики: И. Барабанский из Устьянья, Т. и С. Чикачевы, Т. Климовский из Русского Устья, Т. Новгородов, И. Кузаков, К. Слепцов из Походска и др. В послевоенные годы на всю республику славились имена Н. Колесова, К. Киселева, И. Щелканова, И. Солдатова, К. Черемкина, М. Рожина, С. Слепцова и многих других.

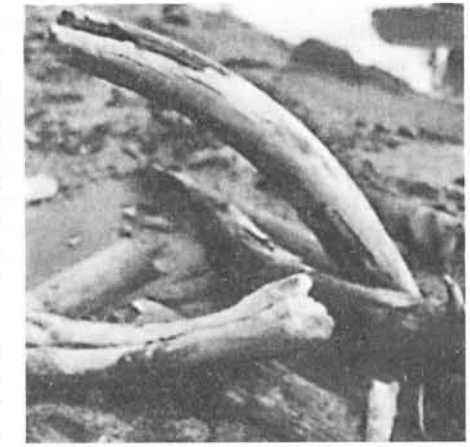
Более 40 лет проработал в тундре знатный охотник, кавалер двух орденов Куприян Алексеевич Киселев. Он первым в республике внедрил бригадный метод в охотпромысле. Устьянский промысловик Николай Саввич Колесов был удостоен звания Героя Социалистического Труда. К сожалению, ныне добыча белого песца фактически прекратилась. Сегодня по всему Арктическому побережью Якутии нет ни одного кадрового охотника. Вся система промыслового хозяйства — пасти, охотничьи избушки, ледники и т.п., создававшиеся многими поколениями северян, — разрушена. Государственный заказ на пушнину отсутствует.

Погоня за сиюминутной выгодой, диктуемой криминализированным рынком, создает так называемые «выгодные» и «невыгодные» виды пушнины. Это, несомненно, приведет к истощению соболиных запасов, что и было в нашей истории. В то же время наблюдается значительное недоосвоение белого песца.

Известно, что за очень короткий исторический срок соболь «довел» русских до Тихого океана, а белый песец — до Ледовитого. Теперь же сложилась парадоксальная ситуация — традиционное хозяйство наших предков в стране льда и снега оказалось не востребованным государством (подробнее об этом см. во II гл.).

Поиск мамонтовой кости

Ученые подсчитали, что с 1660 г. в Сибири было добыто более 46 тыс. мамонтов. Стоимость мамонтовой кости на внутреннем рынке колебалась от 20 до 60 руб. за пуд[6].



Мамонтовое кладбище.

В. Зензинов дал очерк промысла мамонтовой кости на севере Якутской области и ее привоза на якутскую ярмарку, на которой, по его данным, с 1891 по 1913 г. было продано 10 970 пудов: «Однако, — пишет он, — кость большого дохода купцам не давала (промысловикам тоже. — *А. Ч.*). И часто скупают ее купцы лишь скрепя сердце, так как она слишком "озойна", т.е. громоздка, неудобна для перевозки. Принимать ее купцам приходится часто лишь ввиду отсутствия возможности у промышленников расплатиться со своими кредиторами другим способом»[7].

Лов нерпы

Весной, со второй половины марта, после «запуска пастей», охотники выезжали в море и переключались на добычу кольчатого тюленя — нерпы. Для этого надо было иметь «нерпичью собаку» — ездовую лайку, обладающую высокими промысловыми качествами и специально натасканную на розыск нерпичьих лежбищ и лунок во льду, у которых дышат эти животные.

Собака, почуяв запах, разыскивает лунку и лаем дает знать об этом хозяину. Лунка, через которую выходит нерпа на лед, обычно скрыта под толстым слоем снега. Его раскапывают, и лунку расширяют.

Для добычи нерпы применяют специальные нерпичьи сети, связанные из крепкого шнура, с ячеей в 30 см. Сеть крепится к раме размером 132 × 132 см, получается подобие мешка. Сеть-мешок устанавливается подо льдом, напротив лунки. Нерпа подплывает к лунке и выходит на лед, затем она вертикально погружается в воду и попадает в сеть. Мясо и сало нерпы использовали для корма собак, шкуру — для изготовления непромокаемой обуви. При острой нехватке еды в пищу могли употребить ласты, а также нерпичью печень. До прихода русских ни юкагиры, ни тем более якуты промыслом тюленей, видимо, не занимались. Этот вид традиционного северного хозяйства, по всей вероятности, принесен с Беломорья. В наши дни этим видом промысла никто не занимается.

Охота на диких оленей

Промышляли оленей во время их переправ через реки. Спасаясь от жары и гнуса, стада диких оленей из лесотундры в июне уходили к Ледовитому океану, а в конце августа возвращались обратно. Зная места их переправ через Яну, Индигирку и Колыму, охотники в нужное время устанавливали круглосуточное дежурство, охота велась коллективно, ружьями в этом случае не пользовались. Окружали оленей на «ветках» — лодках-душегубках — и кололи копьями. Каждый охотник, как правило, имел два копья: одно длиной примерно 2,5 м, другое короткое — 1 м. Среди оленей попадались так называемые драчуны, которые при виде подъезжающего охотника ложились на бок и задними копытами били по ветке. В этих случаях применялось короткое копье — не доехав до оленя, охотник кидал его в бок животному, в такой охоте требовалось большое умение и хладнокровие, ведь, находясь в неустойчивой лодке, надо было с первого удара поразить зверя. Следует напомнить, что никто из промысловиков не умел плавать, и иногда охота заканчивалась трагически.

В марте — апреле охотились на оленей на собачьих упряжках. Запрягали в нарту собак, садились на нее двое и ехали в тундру «гонять оленей». Завидев пасущихся оленей, старались незаметно подъехать к ним с подветренной стороны, иначе «дух упадет» на зверей и они убегут. Подобравшись поближе, направляли упряжку на оленей, и начиналась погоня. Продолжалась она примерно 25–30 мин, после чего олени «давали круг», т.е. разворачивались на 180°, и пробегали мимо охотников на расстоянии 100–150 м. В это время один охотник резко останавливал собак, а второй стрелял, тут все зависело от меткости стрелка и прочной остановки упряжки. Удалые промысловики в «одном кругу» поражали до пяти–шести оленей.

Промысел гусей

Этот вид традиционного промысла, практиковавшегося вплоть до начала 1950-х годов, по всей видимости, заимствован у аборигенов, в частности у юкагиров. Автору этих строк (А.Г. Чикачеву. — *Ред.*) пришлось принимать участие в «гусевании» дважды. В последний раз на лайде Немкиной, в районе Колымской протоки Индигирской дельты, нашей компании, состоящей из 10 веток, удалось за один раз «упромыслить» 1270 ленных гусей.

Следует подчеркнуть, охота велась лишь на «холостых» гусей, т.е. молодых, не имеющих потомства. Никогда объектом промысла не был «детник», т.е. гуси с выводками. На них можно было охотиться лишь после Первого Спаса — с 15 августа, когда птицы будут уже на взлете.

В июле, в период линьки, гуси большими стаями собираются на сточных озерах — лайдах — и на протоках. Точной датой начала охоты на ленных гусей считалось 21 июля — Прокопьев день. Собирались артели и отправлялись на дальние озера — лайды.

Гуси обычно днем большой массой плавают по середине озера. Завидев охотников, они стараются выйти на берег и перебежать на другое озеро. Все участники гребут в быстром темпе и окружают «стадо». Гребцы сначала держатся в некотором отдалении от птиц и на ветках дрейфуют в течение трех-четырех часов. Постепенно кольцо вокруг птиц сжимается. Они сбиваются в плотную кучу и, гогоча, устремляются на берег, где к этому времени на самом берегу установлен невод-загон из сетей. Наконец, гусей загоняют в «невод» и закрывают ворота, два-три опытных охотника заходят в загон, осторожно хватают птиц, свертывают им шеи и выбрасывают через невод. Гонять в загоне гусей, бить их палками или стрелять категорически запрещалось, в противном случае птицы могли порушить загон и разбежаться.

Этот метод охоты требовал исключительной внимательности и дисциплины. Поэтому выбирался старший, распоряжения которого выполнялись беспрекословно. По окончании забоя в живых оставляли одного гуся, которого выпускали на волю со словами: «Вот мы тебя живого оставляем и на Сендуху выпускаем, ты нам на будущий год приведи сюда побольше своих товарищей»[8].

Добытых гусей ощипывали и складывали в ледовые ямы. Птица в таком естественном холодильнике сохранялась довольно хорошо, зимой яму вскрывали и смерзшиеся тушки привозили домой.

Другие виды охоты

Куропаток осенью и весной ловили силками. Этим промыслом вблизи селений занимались чаще всего женщины и подростки. В основе промысла лежат две подмеченные особенности куропатки: первая — она двигается в основном вдоль берегов речек и по опушке тальниковых рощиц, вторая — встретив препятствие, птица не перелетает через него, а обходит.

Учитывая это, поперек предполагаемого пути куропаток сооружается небольшой заборчик из тальника и снега — «огород» — с пятью-шестью воротцами, где насыпается приманка — ягодки, почки тальника — и укрепляется петля из ниток или конского волоса. Куропатка входит в воротце и попадает в петлю.

Силками также ловили уток на гнездах. Когда находили утиное гнездо, в нем оставляли только одно яйцо, над гнездом строили небольшой двухсторонний шалашик из травы и мха и устанавливали петлю.

На медведей охотились в берлоге с копьями и ружьями. Если медведь встречался зимой в тундре, то поступали следующим образом: спаривали две нарты собак и гнались за ним. Сначала отпускали двух собак, которые должны были облаять и остановить зверя. Когда его догоняли, то хозяин правой упряжки давал своим собакам команду: «Вправо!», а хозяин левой — «Влево!» Медведь оказывался в окружении. В тот момент его закалывали копьем. Г. Майдель приводит следующий пример: «Несколько шкур белого медведя на выбор мне предлагали купить люди, приехавшие из Русского Устья. Во время, когда я осматривал товар, собралась целая толпа народа, которая очень внимательно рассматривала шкуру с внутренней стороны, с целью найти дыры от удара копий, некоторые шкуры имели всего одну рану — доказательство того, что смертельный удар был нанесен верной рукой»[9].

Рыболовство

Рыболовный промысел — основное занятие жителей нижней Индигирки и нижней Колымы. Именно оно поставляло главный продукт питания для людей и корм для собак. Слова «еда» и «рыба» здесь идентичны: часто можно было услышать выражения «еда появилась», «еду хорошо промышляли», «без еды сидят» и т.п. — и это все о рыбе.

Основные виды рыбы, которую промышляют в Колыме и Индигирке, — омуль, чир, муксун, ряпушка, нельма.

Причем «низовики, — пишет Шкловский, — рыбами называют только чира, омуля, муксуна и нельму, остальную рыбу не удостоивают этим титулом. Если в невод попал один омуль и 70 ряпушек (в каждой из которых 0,5 фунта), то промышленник скажет, что добыл лишь одну рыбу. Какие “большие глаза” сделал бы нижнеколымчанин, если бы его стали уверять, что гольян или ерш тоже рыба»[10].

Рыбаки испытывали острую нужду в конском волосе, конопле и пряже — в самом необходимом для изготовления сетей и неводов. В 1901 г. русскоустьинцы обратились с ходатайством в Якутское областное управление о выдаче им ссуды в сумме 916 руб. 50 коп. для приобретения рыболовных снастей. Ответ они получили через два года: «Общее присутствие не признает приговора верхоянских мещан о выдаче им ссуды 916 руб. 50 коп. заслуживающим уважения,

потому журналом от 29 ноября 1903 г. за № 546 определило: означенное ходатайство оставить без удовлетворения»[11].

Рыбу не солили из-за отсутствия соли. Пуд соли на Колыме стоил 14 руб., а ведь многие колымчане не имели необходимых орудий, чтобы выкопать мерзлую землю не только для погреба, но и для могилы.

В 1884 г. Колымское окружное управление предписало нижнеколымскому частному комиссару принять меры по устройству хороших погребов. Последний как истый бюрократ, не утруждая себя организаторской работой, заручился следующей распиской: «1884 г. июля 8 дня мы нижеподписавшиеся, жители разного сословия Походской деревни, дали сию подписку Нижнеколымскому частному комиссару, что в объявленное Вами сего числа предписание Колымского окружного полицейского управления от 31 мая сего года мы слышали, и по которому обязуемся при деревне Походской приготовить погреба безотлагательно, и не ожидая более начальственного принуждения, а в случае неисправности отвечаем по закону, в чем и подписываемся...»[12].

Лов рыбы в открытой воде начинался с Федосьина дня, т.е. с 11 июня, и продолжался до 27 сентября — Воздвиженья. Вся деятельность, вся смышленность северян ограничивались тем, чтобы не пропустить благоприятное время для рыбного промысла. Сначала шел забережный лов, затем ловля на маленьких речках-висках, после промышляли крупную морскую рыбу, далее следовал массовый лов ряпушки и, наконец, подледный лов.

В результате длительной и тяжелой трудовой деятельности по освоению края у старожилов выработался довольно четкий промысловый календарь:

— Крещение Господне (19.01) — выход солнца, конец полярной ночи.

— Алексеев день (30.03) — начало охоты на нерпу.

— Егорьев день (6.05) — прилет гусей.

— День Святителя Николая (22.05) — прилет уток, солнце не заходит за горизонт, начало полярного дня.

— День мученицы Феодосии (11.06) — начало лова рыбы по открытой воде.

— День апостолов Петра и Павла (12.07) — прекращение массового хода омуля.

— День великомученика Прокопия (21.07) — начало массового хода чира, охота на ленных гусей.

— День пророка Ильи (2.08) — солнце начинает заходить за горизонт, конец полярного дня.

— Успенье Богородицы (27.08) — начало массового хода ряпушки.

— Покров Пресвятой Богородицы (14.10) — начало подледного лова рыбы и езды на собаках.

— День великомученика Дмитрия (8.11) — начало охоты на песца.

— Михайлов день (21.11) — начало полярной ночи.

На наиболее богатых промысловых участках-заимках собиралось по нескольку семей. Избирался староста участка. Неводной лов назывался «неводьбой», а отдельное притонение — «метанием тони». Время между окончанием первого притонения и началом второго определялось по солнцу. Наиболее удачными для промысла, особенно в августе и сентябре, считались утреннее (в период восхода солнца) и вечернее (в период заката) притонения. Закидывали невод, как правило, трое: один шел по берегу, а двое находились в лодке.

Небольшие речки, вытекающие из озер, по которым рыба шла на нерест или возвращалась обратно в море, перегораживали «заездками», в такой коллективной ловле активно участвовали женщины, но распределение добычи шло по числу мужских душ.

Сети плели из конского волоса. Нити состояли из семи конских волосков и сучились на коленях. Полученные таким образом две нитки соединялись между собой на конце двойным узлом. От этого узла посредством деревянной мерки откладывалась необходимая для ячеи длина и делался второй узел. Так получалась первая ячейка сети, и когда таких ячеек накапливалось 50 шт. — «столбик», их продевали в деревянную пластину, заключенную между двумя концами деревянной дужки, после этого, опять же измеряя деревянной меркой, продолжали делать второй ряд ячей, соединяя одну нить первой пары с первой нитью второй пары. Таким образом делались и другие пары узлов. Когда был завязан последний 31-й ряд узлов — «столбик» готов. Для сети требовалось шесть–семь таких «столбиков». Изготовлением и ремонтом сетей занимались мужчины, неводов — женщины, мужчины для невода изготовляли лишь поплавки и грузила.

Плодами своего рыбного промысла житель Севера должен был прокормить себя, своих домочадцев и собак. Вплоть до 40-х годов XX в. рыболовство на Севере не носило товарный характер.

Во время войны был создан Колымо-Индигирский рыбный трест «Дальстрой», сформировали несколько десятков крупных рыболовецких бригад. Образцы самоотверженного труда показали на Индигирке бригады, возглавляемые В.Д. Шкулевым, М.Г. Шаховым, П.Н. Рожиным, на Колыме — И. Четвериковым, Г. Шкулевым, Е. Череповым и др.

В тяжелые военные годы резко ухудшилось экономическое положение северных районов — прекратилось строительство, сократился завоз товаров. Порой не хватало самого необходимого: чая, муки, керосина, пороха и т.п. Так, например, в 1943 г. на 113 рыбаков Колымского рыбозавода приходилось только 75 пар сапог и ичигов. Материальное положение колхозников было еще хуже[13].

«Пришлось на неводьбе-то намаяться, за лето мое звено добывало 10–12 тонн рыбы. Моторов не было. Все вручную. Сапог не было. Некоторые вплоть до сентября неводили босиком. Иногда и по ночам рыбачили. Две-три тони кинешь, надо добытую рыбу вести на приемный пункт. Это за 10–15 км против течения. И все на веслах, да бечевой» (записано в 1989 г. со слов А.П. Новгородовой, 70 лет).

В послевоенный период начался новый этап в хозяйственном и культурном строительстве на Крайнем Севере. На базе колхозов создавались государственные предприятия — совхозы. В то же время были вновь возрождены Колымский и Индигирский рыбозаводы, занимавшиеся скупкой рыбы у совхозов и ее последующей реализацией, а также снабжением рыбаков сетеснастями. Товарность рыбы резко возросла, увеличился доход от нее, поднялось материальное благосостояние северян. Ныне совхозы и рыбозаводы ликвидированы. Одновременно отменена сложившаяся система государственной приемки рыбы. Периодическое удорожание транспортных расходов окончательно разорило рыбака, и он вынужден продавать свой товар по низкой цене любому посреднику по месту жительства. В то же время резко ослаб государственный надзор за правильным использованием водоемов. Эти и другие экономические факторы поставили северное рыболовство на грань развала, а рыбные запасы — перед угрозой истощения.

Ездовое собаководство

Собачий транспорт на Северо-Востоке Азии на протяжении столетий являлся одним из главных средств передвижения. Только благодаря ему можно было вести пушной промысел, заниматься рыболовством, обеспечивать хозяйственные нужды населения, почтовые, торговые и административные перевозки. Благодаря ему географическими экспедициями исследовались огромные пространства, открывались новые земли, осваивался этот далекий край.

Содержание собачьей упряжки, как известно, обходится дорого, но этот вид транспорта был необходим. Лишь в последние годы в тундру пришла техника, вытеснив его (подробнее об этом см. в разд. III.4).

В названиях отдельных деталей нарты и системе ведения собаководства у русского населения Колымо-Индигирского края и Енисея имеется много общих черт. Однако у походчан и русскоустьинцев есть некоторые отличительные от енисейцев особенности. Мастерство колымо-индигирских старожилов в воспитании и дрессировке собак высоко оценивалось полярными исследователями: М. Геденштромом, Ф. Анжу, Ф. Врангелем, Г. Майделем, Р. Амундсеном и многими другими.

Выучка собак, кроме всего прочего, состоит в том, чтобы они привыкали бежать в одном темпе — «рысью» или «ездой», т.е. не быстро и не медленно, в самый раз, чтобы хватило сил на максимальное расстояние. Обычная скорость собачьей упряжки 12–15 км в час. Полозья нарты изготавливались из моченой березы или дуба, реже из молодой лиственницы с сохранением лубяного слоя. Последние назывались «соковыми», они крайне не прочны и давно вышли из употребления. Изготавливались полозья также из затвердевшего слоя старой лиственницы, наружный слой такой лиственницы назывался «крен», а полозья из него — «креневыми». Из креня, обладающего хорошей упругостью, делали также луки и кольца для сетных грузил.

Обычно в конце сентября полозья на одну — две недели погружали в воду, в результате чего они становились более гибкими и «хорошо держали лед», т.е. зимой, когда полоз покрывали тонким слоем льда, он дольше сохранялся. У каждого хозяина имелось несколько пар полозьев, и в течение зимы в зависимости от снежного покрова он несколько раз менял их. Осенью для езды по рыхлому снегу употреблялись креневые и дубовые полозья, которые не покрывались льдом. В холодное время года — березовые полозья, а весной, во время появления наста, их снова заменяли дубовыми, поздней весной иногда пользовались стальными полозьями и даже костяными, изготовленными из китовых ребер.

Способ расположения собак в упряжке — парный. Собаки пристегиваются к поводку — «потягу» — попарно через 1,5 м пара от пары. Общая длина поводка на упряжку в 10 собак примерно 7 м. Собачья сбруя — «алык» — кожаная петля с двумя перемычками по середине. Лямка проходит по груди и бокам собаки. Алыки шились чаще всего из нерпичьей кожи. Впереди запрягались две лучшие собаки, одна из них — передовик. Ценность передовой собаки состоит не только в том, что она ведет упряжку и делает ее управляемой, но и в том, что в полярную ночь, в пургу она не сбивается с маршрута, заданного хозяином, на далеком расстоянии чувствует жилье и «хорошо гонит дорогу» — раз-

«Передовики» в летнем «отпуске» (*фото Б. Дмитриева*).

личает давно занесенный снегом след от нарты. Нередки случаи, когда застигнутые пургой ездоки ехали наугад, полагаясь лишь на чутье передовика, и он обычно выводил упряжку к жилью.

Улучшению породности ездовых собак всегда уделялось большое внимание. Все кобели, предназначенные для упряжки, в первую же осень своей жизни кастрировались. Некастрированный кобель плохо работает в упряжке и часто худеет.

Существовали неписаные правила собаководства. Например, если собака часто худела при хорошем питании, у нее отрубали кончик хвоста. В холодное время года при встречных ветрах гладкошерстные собаки иногда отмораживали пах и становились непригодными для работы в упряжке. Поэтому каждый хозяин имел несколько меховых повязок — «ошейников», которые при необходимости подвязывали к паху собаки. Весной, при езде по гололеду на лапы собак надевали специальные «торбоски», сшитые из толстой ткани.

Кормили собак один раз в день и только после завершения дневного маршрута. Езда на сытых собаках категорически запрещалась, так как это вызывало у них рвоту и длительное нездоровье.

Искусство езды на собаках подразделялось на три вида: первое — умение тренировать животных на скорость, второе — возмож-

ность перевозки большего количества груза на большее расстояние и третье, пожалуй самое главное, — умение ориентироваться на местности при любой погоде.

«Собачий вопрос» в жизни северного старожила занимал большое место. Собак называли они «скотинкой», а конуру — «стайкой», очевидно, в память о домашнем животноводстве, которым занимались их предки в «Мудреной Руси».

Еще лет 30–40 назад специалисты говорили, что лучшие ездовые собаки сохранились только на Индигирке, теперь уже никто так не скажет. По всей огромной Колымо-Индигирской тундре не наберется и десяток добрых упряжек. Наступил закат ездового собаководства (подробнее об этом см. в гл. III).

Промысловая этика

Тундру на Севере называют «Сендухой», вкладывая в это древнее слово, выражаясь современным языком, некий «авторитарный» смысл. Она воспринимается местными жителями — якутами, русскими, эвенами, чукчами, юкагирами — как родной дом, как изначальная природная власть, всеохватная и всемогущая.

«Сендуха-Матушка, кормилица наша!» — молят и благодарствуют они каждый на своем языке. Сендуха — это не только тундра, а понятие более широкое — суша, окружающий мир. Она кормит человека, поэтому отношение к ней особое. «Сендуха кого и выручит, кого и выучит», — гласит народная поговорка.

Бережное отношение к природе — основа северного промыслового культа, свидетельствующего о понимании необходимости сохранения природных ресурсов. В самом деле, разве не разумны охотничьи правила: «Не добывай лишнего», «Раз добыл — надо съесть или сохранить», «Если есть не будешь, зачем тогда добывать» и т.п. На Севере дети тоже сознавали, что бесцельным истреблением зверя, птицы или рыбы они совершают грех перед Богом.

В «Письме к потомкам», написанном в связи с 350-летием Русского Устья, есть такие слова: «Любите нашу землю. Пусть она холодна и неуютна, но это наша родина — Земля, приютившая наших предков. Пусть окружающая Вас Матушка Сендуха не будет просто площадкой для пропитания и процветания, а кормилицей и судьбой. Относитесь к ней с такой же святостью, почитанием, с какой относились наши отцы и деды».

Промысел песца осуществляется ловушками давящего типа — пастями. Такое устройство обеспечивает сохранность добычи. Поэтому, несмотря на трудоемкость обслуживания, пасть остается прогрессивным и гуманным орудием охоты, тем более что Европарламент в 1991 г. принял решение запретить применение ногозахватывающих капканов и импорт пушнины из стран, применяющих такие методы.

Песцы мигрируют за мышами. Поэтому охотники радуются, когда в тундре много мышей, значит, будет хороший «урожай» песца. Оставаясь на зимовку, мыши — эти предусмотрительные животные — готовят себе запасы: макаршу, сладкие корни трав, пельху и т.п. Северяне иногда лакомились мышиным добром. Но категорически запрещалось выгребать подчистую эти запасы, многие в мышиные «амбары» в достаточном количестве клали рыбу или мясо[14].

Особенность рыбного промысла заключается в том, что как бы не велика была добыча, она никогда не становилась достаточной. Запасы рыбы давали возможность увеличить количество собак, а это способствовало успеху как рыболовства, так и пушного промысла. Тем не менее существовали неписаные правила рыболовства, которые выполнялись беспрекословно. Так, например, размер невода не должен был превышать 35–40 саженей в длину и 2 сажени в высоту. Сеть ставная имела 9 саженей в длину и не более сажени в высоту. Размер ячеи определялся при помощи «перстов», т.е. пальцев. Так, на омуля применялась сеть «пятерик» — 5 перстов, что соответствовало 50 мм. У старожилов имелись своеобразные заказники, в которых или вовсе не рыбачили, или занимались промыслом только в определенное строго ограниченное время. Запрещалось, к примеру, заниматься подледным ловом раньше Дмитриева дня, т.е. 8 ноября, в следующих местах Индигирской дельты: ниже местечка Степаново на Русскоустьинской протоке, ниже Табора — на Средней и ниже Колесовой — на Колымской. В наши дни именно по этой линии установлена рыбнадзором запретная зона.

Для добычи ленного гуся индигирцы уезжали за 150–200 км к морю. Этот путь являлся очень трудным и опасным — надо было на утлых ладьях переплыть морской залив шириной 25 км — Губу Гусиную. Характерно, что поблизости находились места, где можно было успешно охотиться, но массовый промысел гусей в ближайших окрестностях считался грехом, их называли «домашними гусями».

При поколке диких оленей существовал определенный порядок. Если оленей оказывалось больше десятка, считалось большим грехом перебить все стадо, поэтому одного оленя обязательно отпускали живым — иначе «осердится Матушка Сендуха». Северянин, убивший оленя или гусей, половину всегда отдавал напарнику и даже случайному встречному. Этот обычай — «нимат» — перенят у абори-

Старинная охотничья избушка — поварня (*фото Б. Дмитриева*).

генов. От оленя старались использовать все: внутренности шли на приманку песцов, из сухожилий делали нитки, из копыт — пуговицы и клей, из рогов — грузила для сетей, ручки для ножей и детские игрушки, шерстью набивали матрацы, скисшие внутренности использовались как раствор при выделке шкур.

Чтобы жить в тундре, надо знать и соблюдать промысловую этику, которая вырабатывалась на протяжении столетий и передавалась из поколения в поколение. Вот некоторые требования: выехал в тундру — не суетись, не шуми. Если зашел в охотничью избушку, пользуйся чужими вещами только по необходимости, уезжая, сделай уборку. Вылей воду из посуды. Оставь спички, чай, соль и другие непортящиеся продукты. Заготовь растопку для огня. Если взял чужую вещь (это делается в крайних случаях), надо известить об этом владельца. В тундре не пользуются замками, но их отсутствие не означает свободный доступ к чужим вещам. Помни, в тундре нет ненужных вещей.

Человеку, попавшему в беду, оказывай помощь без всяких предварительных условий. Если в тундре нагнал пешехода, пригласи его сесть на твою нарту, сам можешь идти пешком, а его посади. Увидел в тундре бревнышко, подними его, чтобы не занесло снегом, — кому-нибудь пригодится. Не стреляй по невидимым целям: на шорох, на звук и т.п. Не будешь соблюдать эти правила — никогда не станешь настоящим промысловиком.

Из сказанного следует, что колымо-индигирские русские старожилы за сравнительно короткий исторический срок сумели органически вписаться в полярный ареал, выработать в себе тонкую экологическую культуру и образцовую толерантность в межэтнических отношениях. В их народных обычаях и традициях можно увидеть стремление найти правильные взаимоотношения с природой, сохранить ее не только для себя, но и для будущих поколений.

Жилые и хозяйственные постройки

Жили русские старожилы в небольших селениях — заимках, которых к началу XX в. на нижней Индигирке насчитывалось около 30, на нижней Колыме — 27. Многие поселения исчезали, потом вновь появлялись, некоторые существуют и поныне. Причины этих появлений и исчезновений вполне объяснимы. Так как все поселения находились по берегам рек, а они часто меняют свое русло и размывают берега, то с течением времени одна заимка оказывалась в стороне от основного русла, другую смывало водой. Северянин, не связанный с земледелием, довольно легко менял место жительства, стараясь построить жилище ближе к территориям, богатым рыбой или зверем.

Жили в рубленых домах русского типа с плоской крышей. Зажиточные имели пятистенные избы — горницу с прихожей. Вдоль стен шли широкие лавки. Оконные ставни держались на задвижках из мамонтовой кости. В рамы вместо стекол вставлялась слюда или налимья кожа, на зиму рамы заменялись льдинами.

Любое жилое помещение русских — изба, балаган, ураса — устанавливалось всегда с запада на восток. Входные двери находились на западной стороне, передняя стена — на восточной, там в правом углу была полка с иконами. Камелек — «чувал» — располагался слева от входа. У якутов же наоборот: вход в дом — с восточной стороны, а камелек — справа у входа, в северо-восточном углу[15].

Избы были довольно просторные. Сначала шли рубленые сени, как правило, с двумя дверьми — с южной и северной стороны. Это делалось на случай нередких заносов. К северной стороне сеней пристраивалось помещение для собак — «вывод», где в период зимних холодов и пурги содержали животных.

Сенные двери закрывались на засов, который легко открывался снаружи, это делалось для того, чтобы любой человек мог свободно зайти в помещение, не тревожа хозяев. Снаружи по углам сеней устанавливались четыре жерди с перекладинами, на которых развешивали сети и шкуры для просушки. Одна из жердей была длиннее, на конце ее прикреплялся деревянный флюгер — «сорочка».

«Русская» изба (*фото В. Мартынова*).

По сведениям информантов, помещения содержались в чистоте. Полы в избе мыли горячей

vk.com/ethnograph

водой с мылом, иногда их скоблили. Не реже двух раз в год — на Рождество и Пасху — мыли стены и потолки.

Летом жили в «русских урасах» или в маленьких избушках типа якутского балагана, называемых «юртушками». В урасе или избушке под потолком были прикреплены две параллельные жерди — «градки», на них поперек клали другие жердочки с юколой для копчения. На градках, над шестком, укреплялся деревянный крюк, за который подвешивали котел или чайник. Пол в летнем жилище был преимущественно земляной.

Каждый хозяин имел на заимке определенные постройки. Амбаров было не менее двух: один предназначался для хранения одежды и различной домашней утвари, другой являлся надстройкой над погребом и служил для хранения продуктов. Обязательной хозяйственной постройкой был «сарай» (сооружение, представляющее собой две параллельные козлины длиной примерно 4 м и высотой около 2 м), над которым сооружался небольшой покрытый дерном навес. На эти козлины укладывались тонкие гладкие жерди — «корбосья» — для вяления юколы.

Семья на заимке обязательно имела погреб, кроме того, погреба были на сезонных рыболовецких участках: лайдах, озерах, протоках и т.п. Погреба делали небольшими по размеру: глубина 2,5–3 м, площадь 7–8 м^2. Температура в них в летнее время не превышала −2÷−3 °С.

Хозяйственные постройки и летние жилища походчан и русскоустьинцев имели большое сходство с якутскими. Но следует подчеркнуть, что северные якуты жили исключительно в балаганах и урасах конического типа — голомо. Основным же зимним жилищем старожилов была рубленая изба русского типа.

Пища

Основными продуктами питания русских северян являлись рыба, мясо оленей и птиц. Из-за нехватки и дороговизны очень мало в их рационе было муки и крупы. Овощей и фруктов вообще не знали, как и молочных продуктов. В небольшом количестве употреблялась соль. Пища подразделялась на три основных вида: 1) «еда», или «своя едишка», — рыба; 2) «молочное» — мясо; 3) «съестное», или «провиант», — мука, хлеб, сухари. Старожилы были ихтиофагами. Рыба служила им основной пищей круглый год. Конечно, «скучали» они и по мясу, и по хлебу. Но спроси в прошлом любого, согласен ли он в изобилии иметь мясо и масло, но не есть рыбу, и в ответ можно

было услышать: «Как можно! Без рыбы что за жизнь. Нет, без рыбы — без своей едишки — я живой не буду».

Часто в рационе присутствовала рыба «с душком», или так называемая «кислая рыба». Об использовании старожилами кислой рыбы в научной литературе высказывались противоречивые суждения. Но наиболее убедительной представляется точка зрения Д.К. Зеленина, который указал, что кислая рыба издавна входила наравне с другими квашеными продуктами в рацион питания русского населения Европейского Севера, учитывая, что закисание (брожение) предполагает деятельность бактерий, ее употребление не только безопасно для людей и животных, но и полезно[16].

Способы приготовления мясной и рыбной пищи были аналогичны тем, которые использовали местные жители края: якуты, юкагиры и эвены. Но меню у русских старожилов отличались довольно широким разнообразием, особенно по части рыбных блюд: по нашим подсчетам, существовало более 30 названий. Из рыбы готовились исконно русские блюда, такие как пироги, блины, фаршированная рыба, тельное и т.п., чего нет в кухне аборигенов. Даровитые на сочинение песен и частушек старожилы естественно воспели и рыбные блюда.

А сельяжее тельно,
Распревкусное оно,
А икряный барабанчик
Да на рыбьем на жиру!
А налимная уха,
Чудо-прелесть хороша.
А к тому же и пупки —
Что за прелести они.

«Нужно отдать должное им — колымские женщины дошли до такой степени виртуозности, что умеют делать пироги, — писал А. Гедеонов, — не употребляя муки. Или подадут Вам фальсифицированные блины — “барабаны”, нежный вид и вкус которых не отличаются от лучших блинов из белой муки, тогда как это не более как толченая икра, поджаренная на рыбьем жиру»[17]. Приведем для примера несколько описаний рыбных блюд.

ЩЕРБА́ — уха. Подавалась, как правило, на ужин. Причем сначала ели рыбу, а потом «хлебали щербу», т.е. рыбный бульон. Немного вареной рыбы оставляли на утро и подавали как холодное блюдо. На уху шли чир, муксун, нельма, омуль. Щерба для северян была такой же универсальной пищей, как молоко в крестьянской семье Центральной России.

Роженицу, чтобы молоко появилось, необходимо поить щербой. Отощавшему человеку, что давали в первую очередь? — щербушку. Обмороженное или обожженное место на теле чем следует смазывать? — жирной щербой. От простуды первое дело — горячая щерба. Горло заболело — попей теплой щербушки, отмякнет. Отняли ребенка от груди матери. Чем заменить материнское молоко? — щербой. Обувь пересохла, надо размягчить — смазывай щербой. Некоторые кузнецы даже ножи закаливали в щербе — говорили, что получается гибкое и прочное изделие. Какое самое простое, и сытное, и горячее блюдо в дороге, которое можно приготовить на скорую руку? — щерба. Вскипятил воды в котелке, бросил несколько стружек строганины — вот тебе и уха! Похлебал и в дорогу.

СТРОГАНИ́НА — мороженая рыба, настроганная тонкими стружками. На строганину шла только «живая рыба», т.е. не умершая в сети. Блюда готовили из всех пород рыбы, кроме частиковых.

Ю́КОЛА — вяленая и копченая рыба, приготовленная особым образом. На юколу идет только свежепойманная рыба. Ее очищают от чешуи. Вдоль спины делают два глубоких надреза, затем, ведя нож вдоль скелета, отделяют последний от мякоти. Скелет вместе с головой и внутренностями удаляется. В результате получаются два одинаковых пласта без костей, соединенных между собой хвостовым плавником. После этого на мякоти делают частые глубокие и наклонные надрезы до кожи. Юколу сначала сушат на ветру, затем слегка коптят. Как по почерку можно определить автора письма, так и по виду юколы — ее изготовителя. Счет приготовленной юколы велся «беремами». Одно беремо — 50 юкол. В старину юколу вывозили на Анюйскую ярмарку. Кстати, исследователи часто путали юколу с юхалой — вяленой рыбой, идущей на корм собакам и для привады песцов.

БАРЧА́ — юколу толкли в ступе, кожу убирали, в результате получалась сухая волокнистая смесь, затем ее заливали жиром и в утрамбованном виде хранили в деревянных бочонках.

ВА́РКА — это вареная и толченая, освобожденная от костей рыба, залитая жиром. Ее тоже заготавливали на зиму. Барча и варка — это высококалорийные продукты, своеобразный рыбный пеммикан. А пеммикан — высококалорийный продукт из мяса и жиров, специально приготовленный для полярных экспедиций. Достаточно съесть две-три столовые ложки барчи или варки, чтобы быть сытым на полдня.

ТЕЛЬНО́ — это рыбный продукт, где тесто делают не из муки, как обычно, а из рыбьей мякоти. Рыбу отделяют от костей и толкут в ступе, пока не получится густая тягучая масса в виде теста. Причем на приготовление этого «теста» идет не всякая рыба, при этом не-

жирная. Отменное тельно получается из свежепойманного муксуна и ряпушки.

КАВАРДАК РЫБНЫЙ — пережаренные и перемешанные кусочки кожи, икры, желудков и пупков. Иногда туда добавляли макаршу, т.е. змеиный корень.

РЫБА ФАРШИРОВАННАЯ — у очищенной рыбы надрезают кожу у головных плавников, затем под кожу вводят палец, отделяют ее от мякоти и снимают чулком. Из мякоти приготавливают котлетную массу, добавляют лук, соль. Затем кожу наполняют фаршем, придают форму рыбы и запекают в духовке.

РЫБЬИ ЖЕЛУДКИ — рыбьи желудки варят, очищают и заливают жиром.

НЕЛЕМНЫЙ ЖЕЛУДОК — желудок нельмы выворачивают наизнанку, кладут в него кусочки жира, натягивают на вертело и стоймя поджаривают на углях.

ЖАРЕНЫЕ ПИЧА́НКИ — печень чира или омуля поджаривают на сковородке или на вертеле.

РЫБЬЯ КОЛБАСА — рыбий пузырь начиняют кровью, жиром, кусочками печени и желудка, икрой, затем варят и нарезают кусочками.

НАЛИМНАЯ МА́КСА — печень налима варят, жарят, замораживают. Иногда печень обжаривают, затем сильно замораживают и употребляют в таком виде.

НАЛИМНЫЙ ХВОСТ — хвостовую часть налима запекают в золе.

СЫРАЯ РЫБА — свежепойманную, «живую» рыбу очищают от чешуи, отделяют мякоть вместе с кожей. Лишнюю мякоть на коже удаляют (толщина ее должна быть не более 0,5 см). Очень острым ножом нарезают маленькими кусочками и посыпают солью. Для приготовления этого блюда используется только чир, муксун и осетр. Из омуля это блюдо не делали.

ТОЛКУ́ША — в медный котел наливали рыбий жир, туда же насыпали спелую морошку, а также клали филе свежепойманной рыбы и немного соли, все это перемешивали деревянной лопаткой и тушили на медленном огне. Это блюдо было распространено в основном на Колыме.

ВЕ́ШАНЫЕ СЕЛЬДЯ́ТКИ — в конце сентября икряную ряпушку в несоленом виде отдельными связками подвешивают на вешалах и оставляют до глубокой осени, зимой этих ряпушек запекают стоймя у печки или в духовке. Получается рыба в собственном соку.

ИКРЯНЫЕ БЛИНЫ («барабаны») — мороженую икру толкут в ступе или мнут руками при помощи волосяной сетки, пока не получится жидкое тесто. Из него пекут блины.

ПЕРЕЖЁННИКИ — пирожки с рыбной начинкой.

РЫБНЫЕ ПЕЛЬМЕНИ — обычные пельмени с рыбной начинкой.

ПЕРЕЖА́Р (походчане называют его «жженка») — оригинальный дорожный напиток, по всей вероятности изобретенный русскими северянами еще до прихода в Сибирь. Приготавливался он из пережаренной в рыбьем жиру высокосортной муки. Пережар клали в стакан и заливали крепким чаем, получалась смесь — подобие какао.

Из дикорастущих впрок заготавливали морошку и голубику, а также макаршу, которую ели с икрой. В большом количестве заготавливали рыбий жир. Летом рыбьи внутренности клали в большой котел и, залив водой, долго варили. Периодически ложкой снимали жир. Остывший жир сливали в бочонки, зимой на нем готовили еду, а также использовали его для освещения.

Несмотря на однообразную пищу, северяне, в частности русскоустьинцы, по наблюдениям исследователей, производили впечатление крепких и здоровых людей. «Сии русские, подобно соседям, якутам, не употребляют хлеба, который им, к счастью, не по вкусу. Они едят рыбу, гусей, уток и всякое мясо. Охотно едят протухшее мясо и предпочитают его свежему. При сей пище они бодры и здоровы. Даже венерическая болезнь, здесь также повсеместная, к счастью, здесь не имеет тех ужасных последствий, которые известны в теплых странах. Хотя жители лишены здесь всяких врачебных пособий»[18].

Несколько слов об этикете, связанном с приемом пищи. В старину изба условно делилась на мужскую и женскую половины. На стол накрывала хозяйка, ей помогала старшая дочь или невестка. Мужчины в женские дела не посвящались. Когда садились за стол, на большом блюде лежали вареная рыба, строганина или мясо. Каждый брал кусок и клал на свою тарелку. Существовало неписаное правило брать кусок только со своей стороны. Рыбья голова в знак уважения лежала на стороне хозяина или гостя.

Если во время еды заходил гость, его сажали за стол. Гость не имел права отказываться от еды. Человек, закончивший пить чай, должен был перевернуть стакан, иначе ему будут наливать еще. Если перевернутая чашка на блюдце пускала пузырьки — жди гостей. Посуда, в которой приносилось угощение, никогда не возвращалась пустой, чтобы еда никогда не кончалась. Заканчивая трапезу, старались не оставлять объедков.

Курили большинство мужчин и женщин. Курили листовой табак, некоторые нюхали. Его резали, затем перемалывали деревянным пестиком в ступке. Нюхательный табак хранили в табакерках, а

курительный — в кисетах. Иногда в целях экономии табака пользовались разборной трубкой.

Водку пили очень редко и мало, поскольку доставка ее была затруднена. Употребляли ее только мужчины, никаких других алкогольных напитков не знали и не умели изготавливать, даже брагу. Употребление алкоголя на севере Якутии стало массовым с начала XX в. с организацией регулярных пароходных рейсов из Владивостока на Колыму, особенно в советский период в связи с развитием морского и воздушного транспорта.

Одежда

Знакомство с типами одежды Севера дает возможность увидеть изменения, которые произошли в быту, укладе жизни, во всей материальной культуре северного населения. Однако изучение одежды имеет не только исторический интерес, но и практическое значение для современных художников-модельеров, особенно для тех, кто решает проблему создания теплой, удобной и красивой одежды для жителей Крайнего Севера.

Основными видами материала, из которого шили свою одежду русские старожилы, являлись оленьи и песцовые шкуры, а также ткани — сукно, ситец, сатин и холст. Для отделки использовали волчьи, лисьи, росомашьи и бобровые шкуры. Обувь изготавливали из оленьих шкур, реже из нерпичьих и коровьих кож.

Обработка шкур и шитье одежды были чисто женским занятием. Все начиналось с выскабливания скребком верхнего слоя мездры. Затем ее смазывали «мазанкой» — кашей, приготовленной из скисшей смеси вареной оленьей печени и ржаной муки. Смазанную шкуру складывали мездрой внутрь и оставляли лежать трое-четверо суток. Операция повторялась несколько раз, пока кожа не становилась мягкой. Для лучшей прочности мездру красили краской, приготовленной из ольховой коры.

Женская одежда

В будничные дни женщины носили обычное платье-капот такой длины, чтобы закрывались икры ног, с длинными рукавами и стоячим воротником. Платье застегивалось спереди. Поверх надевался «передник», который застегивался на спине, имел два накладных кармана и наплечные крылья-буфы. Носили также длинную до пят юбку, широкую и сборчатую. Полотняные или ровдужные штаны заправлялись в меховые, сафьяновые или замшевые сапожки.

Русскоустьинская красавица, 1912 г. (*фото В.М. Зензинова*).

Голову покрывали платком или шалью обычным русским способом, т.е. углом на спину и узлом под подбородком. Замужние женщины носили «наколку», плотно обтягивая голову платком, оставляя лоб и часть волос впереди открытыми и связывали концы платка надо лбом. Пожилые женщины носили чепчики, зимой надевали полотняный, слегка приталенный жакет с меховым воротником, подбитый изнутри песцовым мехом, манжеты, карманы и полы обшивались мехом. В дорогу надевали длинную меховую шубу, покрытую гарусом или сукном. На голову сначала повязывали тонкий платок, потом надевали «ермолку» — низкий меховой усеченный конический цилиндр с матерчатыми наушниками. Поверх ермолки набрасывали большую шаль, сложив концы ее на груди крест-накрест. Иногда надевали в дорогу «парку» — длинную ниже колен меховую рубаху, опушенную лисьим мехом.

ТОРБАЗА́ — меховые сапоги, сшитые из оленьих камусов. В торбаза (или торбасы) и во всякую другую обувь клали стельки из травы. Под зимнюю обувь надевали «чажи» — меховые чулки, сшитые из подстриженной шкуры молодого оленя.

ОКЛЯНЫ — это сапожки с голенищами из ровдуги. Головки таких сапожек, не захватывающие всего подъема ноги, изготавливались из черного сафьяна или хрома. От подъема к носку на окляны накладывался полуовал из цветного шелка или сукна, вышитый бисером или золотой нитью. Окляны подвязывались оборами у щиколоток и под коленом.

ПОЛУСА́РКИ — сапожки с голенищами из сафьяна. Верхняя часть голенищ обшивалась сукном, украшалась разноцветными полосками материи.

ОБУ́ТКИ — сапожки из прокопченной шкуры оленя, мехом внутрь. Снизу они также подвязывались оборами, а верх голенищ обшивался материей.

Мужская одежда

Рубаха русского покроя со стоячим воротником подвязывалась кушаком и напускалась на брюки, меховое пальто, крытое сукном, с маленьким стоячим воротником из меха бобра или росомахи.

МАЛАХА́Й — двойной капор чукотского покроя из пыжика. По переднему краю опушался бобром или росомахой и украшался разноцветными кожаными полосками, к нижней части малахая пришивались «связки», т.е. тесемки, с помощью которых он подвязывался под подбородком.

ДУНДУ́К — меховая рубашка, сшитая из оленьих шкур. Она носилась как мехом наружу, так и внутрь. Длина его доходила до колен. Обшивался по подолу тонкой полоской волчьего меха. Поверх дундука надевали «камлейку» — просторную матерчатую рубаху, иногда с капюшоном, которая должна была предохранять дундук от влаги.

КУХЛЯ́НКА — длинная, до щиколоток, просторная меховая рубаха, которая поверх пальто надевалась вне помещения и домой не заносилась.

ШАРОВАРЫ — штаны чукотского покроя, сшитые из камусов, длиной до щиколотки. По гашнику шаровары стягивались ремешком на вздержке, нижняя часть штанин орнаментировалась. Они носились на выпуск поверх меховых ботинок, понизу стягивались ремешком на вздержке.

ПЛЕКИ — меховые ботинки из оленьих лап. Подошва делалась из шкуры зимнего оленя мехом внутрь.

ШАТКАРЫ — меховые ботинки из оленьих лап, подошва которых изготовлена из оленьих щеток.

Летом мужчины и женщины во время рыбной ловли носили «сары» — непромокаемые сапоги из лошадиной шкуры. Их покупали у якутов.

Зимой надевали рукавицы из оленьих камусов мехом наружу, летом — перчатки из ровдуги, вышитые по верху «елочкой».

Следует подчеркнуть, что зимняя мужская одежда колымчан и индигирцев вся только чукотского покроя. Она по своему удобству, качеству и изяществу пришлась им по вкусу.

Особенностью промысловой одежды русских старожилов является ее глухой покрой, это распространено у коряков, чукчей и эскимосов, русские, позаимствовав у аборигенов меховую промысловую одежду, дали ей чисто русские названия: дундук, шаровары, шаткары, малахай и т.п.

В то же время, несмотря на огромную временную и территориальную оторванность от центров русской культуры, старожилы Якутии сохранили целый ряд черт северно-русского костюма, таких как: форма повязки головного платка, сарафан с передником, шапка-ермолка, меховой приталенный жилет и многое другое. Самые близкие к русским соседи — ламутизированные юкагиры — переняли у них покрой рубахи и платья. Способ подвязывания платка и шали у них ничем не отличается от русского.

Из изложенного можно сделать вывод, что на материальную культуру русских поселенцев большое влияние оказали аборигенные народы. От них было воспринято в первую очередь то, что являлось более практичным и удобным, а также приспособленным к условиям полярной природы.

I.3. УЧАСТИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ

Коренные народы Северо-Востока — якуты, эвены, эвенки, чукчи, коряки и юкагиры — оказали большую помощь в изучении Арктики. Первая специальная публикация, посвященная этой теме, принадлежит перу якутского географа С.Е. Мостахова[1]. В целом же помощь аборигенов в исследовании и современном освоении Арктики еще не получила достойной оценки в науке.

В успехах научных полярных экспедиций велика роль и русских старожилов Арктического побережья. Хатанга, Усть-Оленек, Булун, Казачье, Русское Устье, Походск, Нижнеколымск, Среднеколымск и Зашиверск служили их опорными пунктами. Отсутствие языкового барьера, более-менее сносные санитарно-бытовые условия и близкий уклад жизни давали возможность полярным исследователям отдохнуть перед тяжелыми странствиями, подготовиться к ним.

Экстремальные условия Севера, обстановка промысловой жизни, принуждающая пренебрегать опасностями ради добычи рыбы и зверя, — все это на протяжении веков закалило характер русских колонистов, воспитало в них физическую выносливость, неприхотливость в быту, спокойную смелость. При этом следует иметь в виду, что в отличие от европейцев они никогда не рассматривали Арктику как агрессивную, опасную, античеловеческую среду, а принимали ее как родную обитель проживания.

Старожилы хорошо изучили топографию обширной местности между Хатангой и Колымой, смело пускались в опасные переправы и путешествия. На утлых одноместных лодках-ветках переплывали морские заливы шириной 25–30 км или в полярную ночь без компаса отправлялись по льду на 200–300 км в глубь океана для поиска новых территорий, богатых пушным зверем. В 1912 г. В. Зензинов, принимавший участие в охоте на ленных гусей, писал: «...русскоустьинец может проплыть на лодке до 200 км за сутки.

...И льются бесконечные рассказы о том о сем, кажется, будто собеседники мирно сидят у камелька, покуривая трубки, а вовсе не плывут на утлых ладьях по Ледовитому океану»[2].

На карте восточного сектора Арктики запечатлено немало имен русских первопроходцев — промысловиков, за которыми стоят их героические, полные лишений и мужества подвиги. К примеру, о-в Бегичева, острова Стрижева и Расторгуева, Деревянные горы, Голыженская протока, Меркушина Стрелка, Ляховские острова, острова Бельковский, Фадеева, Новая Сибирь, Котельный, речки Казачья, Антоновка, Киселева, пролив Санникова, Святой Нос и многие другие.

Вторая Камчатская экспедиция была грандиозным научным предприятием. В ее составе насчитывалось более 1000 чел.: офицеры, ученые, студенты, моряки. Какое количество местных жителей приняло в ней участие, каков объем выполненной ими работы, никто еще не подсчитал. В круг задач экспедиции входило изучение территории не только Камчатки, но и опись берегов морского побережья от Таймыра до Чукотки. Два экспедиционных отряда братьев Лаптевых работали на севере Якутии.

В конце июля 1739 г. бот «Иркутск» под командой лейтенанта Д. Лаптева вышел в море Быковской протокой р. Лены. В этот день путешественники встретили матроса Лошкина, отправленного еще весной для осмотра северных берегов к востоку от Лены. Вести были приятные. Лошкин произвел опись берега до р. Алазеи и осмотрел одну из проток Индигирки. «Иркутск» прошел проливом Санникова, 21 августа по опресненной воде установил, что находится вблизи устья Индигирки, и отправил несколько человек отыскать проход в реку. Между тем температура воздуха понизилась. Появились льды. Сильная волна помешала посланным на берег людям вернуться на судно. Когда море покрылось льдом, 10 сентября, Лаптев отправил вторую партию на берег. Здесь, на берегу восточной протоки, они встретили ранее посланных товарищей, которых считали погибшими. «Выкинутые на берег, обмокшие, без огня, без пищи они едва не умерли с голоду, питаясь травою и встречаемыми песцами»[3].

Вернувшиеся на борт моряки доложили Лаптеву, что, по словам геодезиста П. Киндякова, посланного на Индигирку еще весной, в 50 верстах от этих мест находится селение Русское Устье. Вскоре к

борту подъехали несколько собачьих упряжек, и отряд на зимовку перебрался в селение.

Местные жители предоставили экспедиции жилье, транспорт, подвозили топливо, обеспечивали свежей рыбой и мясом. С их помощью Д. Лаптеву удалось за зиму описать морской берег от Яны до Колымы, а также перебросить в устье Колымы 300 пудов продовольствия. Ценные сведения Лаптеву о морском пути на Колыму сообщили русскоустьинцы Василий Кудря, Петр Никитин и Кирилл Наумов.

Весной 1740 г. Лаптеву пришлось спасать свое судно. На помощь пришли 65 жителей прииндигирских селений. Вместе с экипажем бота они пешнями дважды прорубали во льду канал и вывели судно на чистую воду. Однако при очередной подвижке льда «Иркутск» сорвало с якоря и посадило на мель. Тогда люди, стоя по пояс в холодной воде, стали подводить под него ваги и все же спасли от гибели[4].

На Колыме Д. Лаптев провел две навигации, но пробраться на восток дальше Шелагского мыса не смог. Осенью 1741 г. Лаптев со своими спутниками на 45 собачьих упряжках выехал из Нижнеколымска в Анадырьский острог. За зиму был описан берег Пенжинской губы Охотского моря, а летом моряки положили на карту Анадырь от острога до впадения ее в море. Осенью 1742 г. весь отряд сухопутьем доставили в Нижнеколымск, а затем и в город на Лене. Кстати, Ф. Врангель писал, что на Колыме жил крестник лейтенанта Лаптева, от которого, видимо, и получила здесь распространение эта знаменитая фамилия.

Западное побережье океана от Лены до Таймыра обследовал отряд под командой Х. Лаптева. В его сухопутных экспедициях активное участие приняли усть-оленекские мещане и хатангские (затундренные) крестьяне. В начале апреля 1742 г. штурман С. Челюскин из Хатанги на четырех собачьих упряжках отправился в свое путешествие, которое обессмертило его имя. Экспедиционная партия достигла самой северной точки Азии, которая ныне носит название Мыс Челюскина, 8 мая.

С середины XVIII в. промышленники все чаще стали обращать свое внимание на север в поисках островов, богатых высокоценимой мамонтовой костью. Так были открыты Ляховские острова. Первым там, видимо, побывал ламут Этерикан.

Промышленник Иван Ляхов пришел на «свои» острова в марте 1770 г. по оленьим следам со Святого Носа. Не географическое открытие, а по сути письменное донесение принесло предприимчивому промышленнику исключительное право промыслов на названных

по указу Екатерины II его именем островах. Летом 1773 г. И. Ляхов открыл к северу о-в Котельный, поводом для названия которого послужил найденный здесь медный котел[5].

В 1763 г. отряд под начальством сержанта С. Андреева был направлен для обследования Медвежьих островов. Хотя отряд отправлялся из устья Колымы, сержант решил взять проводника с Индигирки. Для этого он отправился в Русское Устье за казаком Григорием Шкулевым. Г. Шкулев решил послать вместо себя проводником своего крестника, новокрещенного якута Василия Шкулева, так как сам болел «французскою болезнью»[6].

В ту же зиму с Колымы на Индигирку пешком пробирался известный полярный мореход Никита Шалауров с тремя спутниками. Они испытывали тяжелые лишения и голод. Однажды во время сильной пурги «они два дня пролежали в снегу, их платье все обмокло, руки и ноги познобило, едва не умерли». Возле рч. Вшивая группу отважного Шалаурова обнаружили индигирские охотники, спасли от неминуемой гибели и доставили в Усть-Янск.

Неутомимый устьянский промысловик, уроженец Архангельской губернии — Санников Яков Авраамович — прибыл в Якутию вместе с отцом в конце XVIII в. В 1800 г. открыл о-в Столбовой, в 1805 г. — о-в Фадеевский, в 1810 г. участвовал в открытии о-ва Новая Сибирь, в 1811 г. первым посетил остров, впоследствии названный Землей Бунге. В 1808–1811 гг. вместе с сыновьями Андреем и Романом принял участие в экспедиции М. Геденштрома по описанию Новосибирских островов. В ходе ее Я. Санников описал о-в Котельный. Пролив, разделяющий острова Котельный и Малый Ляховский, был назван именем Санникова.

На составленной по итогам экспедиции карте Новосибирских островов М. Геденштром впервые обозначил севернее них гипотетическую Землю Санникова, которой пытались достичь многие путешественники — П. Анжу, Э. Толь и др.[7]

Яков Санников не занимал высоких постов и не славился богатством. Большую часть жизни прожил в Усть-Янске. Известно, что у него было четыре сына: Андрей, Роман, Петр, имя четвертого неизвестно. На старом Булунском кладбище и сейчас обращает на себя внимание гранитный надгробный памятник почетному гражданину Якову Федоровичу Санникову (1844–1908). Это тот купец, про которого говорили когда-то: «На небе — Бог, а в Булуне — Санников». Может быть, это внук первопроходца, родившийся от четвертого сына, которого, вероятно, звали Федор.

Весной 1808 г. промышленник Николай Бельков с работными людьми отправился с Быкова мыса на Новосибирские острова. «...На

расстоянии от оного 400 верст, — пишет он в донесении якутским властям, — 30 числа марта я нашел остров, длиною примерно сто верст, шириною до 20 верст, дотоле никому не известный... Сей остров назван мною Святым Иоанном спасителем, а работниками моими и приморскими жителями ныне называется Бельковским». За четыре года до этого он открыл нефтеносность п-ова Урюнг Тумус (Белый Мыс) в Хатангском заливе. «...В Анабарской стороне, — писал Бельков, — найдены были мною соль каменная и таковое же масло, называемое врачебной управой черной нефтью»[8].

Остров Фаддеевский в Новосибирском архипелаге носит имя крестьянина Степана Фадеева, построившего здесь первое русское зимовье. Родом он был из владимирского города Вязники. Нужда забросила его далеко на север, где он попал в кабалу. М. Геденштром заплатил его долг и отправил на родину[9].

Мыс Вагина на западе о-ва Большой Ляховский, п-ов Меркушина Стрелка и р. Меркуша на южном побережье пролива Лаптева в разное время названы в честь одного и того же человека — верхоянского приказчика Меркурия Вагина, который, выйдя на собаках с Яны, обследовал Ляховские острова. Летом 1712 г. он вместе с сыном Василием и «вожем» Яковом Пермяковым (внуком землепроходца И.П. Реброва) был убит взбунтовавшимися казаками на Меркушиной Стрелке[10].

Устьянские и нижнеиндигирские промысловики, занимавшиеся поиском мамонтовой кости, открыли огромный архипелаг Новосибирские острова, на что ушло более 100 лет. Так, в 1806 г. устьянские охотники далеко на северо-востоке увидели большой остров. Весной того же года русскоустьинские промысловики Фаддей Чихачев, Иван Рожин, Роман Котевщиков и Иван Портнягин видели ту же землю, которая впоследствии получила название «Новая Сибирь».

Еще весной 1805 г. казачий сотник Григорий Солдатов, проживавший в местечке Шанское на Индигирке (его потомки и поныне живут в Аллаиховском районе), обратился с рапортом к зашиверскому комиссару и якутскому областному начальнику, в котором писал: «Узнал я от жителей шанских и устьянских, что в тамошнем Ледовитом море против матерого берега, недалеко прошедших годах, зашиверским мещанином Портнягиным найден остров, называемый "Большой", расстоянием от большой земли примерно в двухсот верстах, на пути к которому есть два острова: первый от берега в 60 верстах, второй — в 90.

На острове сем (видимо, имеется в виду о-в Котельный. — *А. Ч.*) производил промысел зверей, поиск мамонтовой кости якуцкий ку-

пец Ляхов, а после его смерти достался он и упоминаемые два острова якутскому купцу Сыроватскому. Бывшие на оном для промыслу мещане якутский Яков Чирков и зашиверский Роман Котевщиков объясняют, что большая часть его лежит на северо-восточную сторону, в некоторых местах есть на подобие хребтов. Расстояние к западной стороне по перешейку полагают 80 верст».

Бравый сотник Солдатов, «желая из верноподданического усердия сделать настоящее открытие сего острова и надеясь найти там жителей по сие время никому неизвестных и желая склонить их в подданство России», просил снарядить под его руководством команду из 25 казаков, снабдить их жалованьем на три года. Историческая курьезность этого факта состоит в том, что М. Геденштром встречался с Г. Солдатовым на Индигирке, после чего направил докладную на имя зашиверского комиссара: «Милостивый государь мой, Иван Ефремович! Сотник Солдатов находится здесь при так называемом Шанском посте уже 20 и более лет, по-видимому, для караула. Сей караул состоит в одном самом Солдатове, а Шанск заключается в одной избе его. По какой надобности Солдатов состоит еще при Шанском посте, и в чем может быть его занятие? Вашего благородия покорнейший слуга Геденштром. Русское Устье, февраля 28 дня 1810 г.»[11]

По заданию канцлера Румянцева сибирский губернатор М. Сперанский в 1808 г. снарядил экспедицию под начальством М. Геденштрома для описания Новосибирских островов, которая работала три года. При активной помощи устьянских и нижнеиндигирских жителей в экспедиции участвовало 120 собачьих упряжек, 48 лошадей и 163 оленя. Были собраны десятки тысяч пудов рыбы и мяса.

Из Усть-Янска выехали 8 марта, разделившись на три группы: землемеру Кожевину поручили описать и положить на карту о-в Фаддеевский, Санникову — обследовать пролив, отделявший этот остров от Котельного. Сам же Геденштром решил выполнить наиболее трудную задачу — дать описание о-ва Новая Сибирь.

Позже Геденштром писал: «С грустью и робостью в душе вступает в сию мертвую страну изнеженный европеец: один долг гонит его вперед и невольно возбуждает его мужество. Но скоро он привыкает к новой жизни, только бы не оставляли его бодрость духа и охота к делу».

В середине марта 1810 г. М. Геденштром и Я. Санников из Русского Устья выехали на 29 нартах вновь на Новую Сибирь, куда прибыли на одиннадцатый день и приступили к продолжению описи острова, назвав его «по причине величины и особой угрюмости страны Новой Сибирью».

В начале апреля Геденштром отправился на северо-восток, но, пройдя 85 км, был остановлен открытой водой. Он три раза приближался к воде и в конце концов ему пришлось повернуть на юго-восток, выйдя на материк около устья Колымы.

Этот переход, продолжавшийся около двух недель, был крайне трудным и опасным. Нарты из-за торосов часто ломались, не хватало топлива и корма для собак. К счастью, удалось убить несколько медведей. Цель этого рискованного похода заключалась в том, чтобы проверить гипотезу о существовании якобы почти непрерывной цепи островов между Азиатским и Американским материками.

Благодаря трудам Геденштрома, Кожевина, Пшеницына, Санникова и бескорыстных помощников из местного населения впервые была создана географическая карта Новосибирских островов и собраны сведения, характеризующие их природу, выполнена опись материкового побережья между Яной и Колымой.

М. Геденштром высказал некоторые свои представления о климате Восточной Сибири, отметил влияние на него Ледовитого океана. Большую ценность имели сведения о том, что океан зимою не покрыт сплошным льдом. Так стало известно о существовании «Великой северной полыньи». Одним из чудесных открытий являются Деревянные горы на Новой Сибири. Так они названы потому, что в толще пород находятся скопления деревянных стволов и линзы бурого угля. Геологи считают, что здесь климат тысячи лет назад был теплым и произрастали не только сосны, но и секвойи.

Многие географические названия на карте Новосибирских островов связаны с именами участников данной экспедиции: залив Геденштрома, хребет Геденштрома, бухта Пшеницына, речка и лагуна Решетникова и др.

М. Геденштром писал: «Для отыскания мамонтовых костей они (индигирцы и устьянцы. — *А. Ч.*) отправляются на дальние острова с марта — апреля месяца. При берегах ищут мамонтовой кости, ловят зверей и рыбу, по наступлении осени, как скоро море покроется льдом, они отправляются к домам своим, и уже на следующий год с наступлением марта месяца перевозят свой промысел»[12].

В середине 1840-х годов индигирский мещанин Е. Чихачев и якутский купец Соловьев неоднократно снаряжали артели промышленных людей на Новую Сибирь[13].

Расстояние от материка до острова 30 «днищ», т.е. 300 км. Путь в один конец занимал не менее недели. Какое надо было иметь мужество и упорство, чтобы в полярную ночь и в пургу без компаса через бесконечные торосы пускаться в столь опасное путешествие! И каких трудов это стоило. Ведь продукты питания, корм для собак и даже топливо приходилось везти с собой. Рассказывали, что в старину жил в Русском Устье знаменитый каюр некто Степан Силыч, который в любую пургу выводил свою упряжку точно к заданному месту на острове. Любопытно, что ездоки на маршруте строго придерживались 150-го меридиана восточной долготы, который проходит через устье протоки Голыженской (дельта Индигирки) и Песцовый мыс на Новой Сибири.

Одна из таких экспедиций закончилась трагически — погибла вся артель. Об этом сохранилось такое предание: «Досельные люди баяли, что давно жил Егор Чихачев по прозвищу худой Егор. Он был колдуном. Его все боялись и проклинали. Однажды он отправил людей на морские острова кость искать. На другую зиму сам за ними поехал вместе с Игнатием Голыженским. Люди все умерли с голоду, остался один парнишка. Худой Егор убил парня прудилом и закопал в снег. Видимо, чтобы не было свидетелей. Игнатий страшно испугался. Обратно ехали несколько дней и почти не баяли. Когда подъезжали к Русскому Устью, остановились. Худой Егор показал на церковь и сказал: "Поклянись, Игнашка, перед святым крестом, что ты не скажешь никому". Игнашка поклялся. Он хранил тайну много лет. Когда умирал, покаялся об этом сыну» (записано в 1950 г. со слов А.П. Чикачевой-Стрижевой, 80 лет).

По сведениям И. Худякова, в 1839 г. пять рабочих отправились из Русского Устья на о-в Новая Сибирь за мамонтовой костью, но сложили там свои кости. Следствие по этому делу стоило больших трудов и расходов. Найден был только один труп, и Якутский суд в ноябре 1841 г. наконец вынес решение: «Предать дело воле Божией, пока оно само собой не объяснится»[14].

Но эта трагедия не остановила предприимчивых дельцов. Об этом свидетельствует документ, обнаруженный нами в Национальном архиве РС (Я). Это отношение верхоянского исправника верхоянскому (русскоустьинскому. — *А. Ч.*) мещанскому старосте от 6 мая 1846 г.: «На донесение от 5-го числа сего месяца прошение купца Ф. Соловьева и мещанина Е. Чихачева "О дозволении им отправить партию промышленников в 1847 г. на остров Новая Сибирь".

Сим даю знать, что купец Соловьев и мещанин Чихачев имеют беспрепятственно исполнять свое предложение с тем, однако, чтобы партия людей была снабжена как продовольствием на все время, орудием и всеми принадлежностью полный отряд потребными, а потому предписываю тебе при отправке сих людей от Соловьева и Чихачева истребовать подробный объем регистра, по которому удосто-

веряясь личным своим свидетельством. Передовика сей партии обязать подписанию в том, что отряд признает во всем достаточно, на время бытия на Новой Сибири и на обратный выход. Подписку имеет подле себя, что и на будущее время наблюдать согласно заключению о решении окружного суда и городской ратуши о потерявшихся пяти душах»[15].

С начала 1850-х годов русскоустьинцы прекратили промысел на Новой Сибири. В начале XX в. М.И. Бруснев, обследуя этот остров, обнаружил следы пребывания здесь в прежние годы промысловиков, путешественники нашли «домики, довольно хорошо сохранившиеся, несмотря на то, что промышленники перестали посещать этот остров уже более сорока лет».

Учитывая недостаточную изученность северо-восточных берегов Сибири, в 1820 г. была снаряжена специальная экспедиция, состоявшая из двух отрядов: Колымского — под руководством Ф.П. Врангеля и Янского — возглавляемого П.Ф. Анжу.

Государственной адмиралтейств-коллегией лейтенанту Врангелю предписывалось: «Отряд направляемой экспедиции назначается для описи берегов от устья Колымы к востоку от Шелагского мыса, и от оного на север, к открытию обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии». В состав экспедиционного отряда входили мичман Ф. Матюшкин, врач А. Кибер, штурман П. Козьмин, слесарь С. Иванников и матрос М. Нехорошков. Основной базой экспедиции был выбран Нижнеколымск, куда она прибыла в ноябре 1820 г., потратив на дорогу более восьми месяцев.

Местные жители принимали самое активное участие в работе отрядов. Так, по данным С. Мостахова, в Янском отряде числилось 26 каюров и 16 проводников, работа Колымского отряда не была сорвана благодаря самоотверженной помощи нижнеколымчан, представивших в распоряжение Врангеля более 200 ездовых собак[16].

Четыре года провели Врангель и его спутники на Колыме, внеся существенный вклад в исследование географии Северо-Востока Азии. Они впервые точно положили на карту берег Ледовитого океана от Индигирки до Колючинской губы, с исключительной достоверностью описали Медвежьи острова, впервые нанесли на карту остров, названный впоследствии именем Врангеля. Не повидав его, Фердинанд Петрович после тяжелых многомесячных походов по морским льдам на основании рассказов местных жителей отметил на карте место, где «горы видятся с мыса Якан в летнее время года».

Итоги работы Колымской экспедиции 1820–1824 гг. были обобщены в книге Ф. Врангеля «Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю». Этот труд дал науке ценные материалы для последующего решения многих географических проблем: распространение вечной мерзлоты, особенности климата, ледового режима морей и т.п.

Эту книгу и сейчас с большим интересом читают не только географы, но и историки, и этнографы. Яркие картины северной природы, образное описание трудностей, которые пришлось преодолевать путешественникам, нравы и обычаи местных жителей — все это нашло отражение на страницах книги.

Ф. Врангель, пожалуй, первым высказал мысль о прогрессивной роли якутов в освоении Северо-Востока Сибири. «Своим терпением и трудолюбием, — писал он, — водворили они скотоводство и коневодство в стране, по качествам климата и почвы казавшейся к тому совершенно не способной. Якуты, можно сказать, проложили путь в сии дикие пустыни смелым последователям Ермака, которые ввели здесь христианство и избавили многочисленный суеверный народ от варварского обычая шаманства»[17].

Отдавая должное походчанам и русскоустьинцам, служившим в экспедиции каюрами, проводниками, лоцманами, Врангель писал: «Они при величайших опасностях были мужественны и хладнокровны, без ропота переносили все лишения и тяготы путешествия... Жители сибирских тундр совершают большие путешествия по безлюдным однообразным пространствам, руководствуясь на направления своего пути единственно застругами. Я должен упомянуть об удивительном искусстве проводников помнить данный курс...» О пространственной и временной ориентации арктических старожилов П. Анжу добавляет, что при езде на собаках делали остановку через 10 верст, точнее через час. Время определялось благодаря особому навыку, который помогал каюрам «в один час редко ошибаться на пять минут»[18].

Сотрудник экспедиции Врангеля штурман П. Козьмин летом 1821 г. провел опись морского берега между Колымой и Индигиркой. Он был радушно встречен жителями Русского Устья, где провел три месяца. Ценные сведения сообщил ему местный житель, бывалый промысловик Роман Котевщиков. Осенью того же года русскоустьинцы отправили для Врангеля 45 собак, а экспедицию П. Анжу доставили в Усть-Янск.

Руководителю Янского отряда П.Ф. Анжу было поручено, помимо описи берега на запад и на восток от Яны, уточнить карту Новосибирского архипелага и предпринять поиски земель, виденных Яковом Санниковым к северо-востоку и северо-западу от о-ва Ко-

тельного. Летом 1821 г. почти два месяца отряд проводил опись берега, наносил на карту многочисленные объекты: речки, заливы, стрелки и т.п. Его сопровождали казачий урядник, крестьянский староста и два якута. До Русского Устья добрались 22 августа и прожили там до установления санного пути.

П. Анжу принимал несколько «покушений» к отысканию Земли Санникова, но каждый раз встречал открытое море. Весной 1822 г. он совершил путешествие по льду от Новой Сибири до устья Колымы. В Походске произошла долгожданная встреча Анжу с Врангелем. Летом экспедиция сухопутьем отправилась обратно через Русское Устье, вновь добралась до Яны.

К сожалению, о своей экспедиции издать книгу П.Ф. Анжу не удалось, так как, когда многолетняя работа над дневниками и записями подходила к завершению, в доме Петра Федоровича возник большой пожар, рукописи погибли.

Приморские жители Якутии — русские, якуты, ламуты и другие — принимали самое активное участие в работах Русской Полярной экспедиции под руководством Э. Толля (1900–1902 гг.). Неимоверно тяжелые условия, при которых проходили исследования, унесли пять человеческих жизней. На о-ве Котельном скончался доктор Г. Вальтер, сам Э. Толль и его спутники Ф. Зебер, В. Горохов и Н. Дьяконов потерялись во мраке полярной ночи, несмотря на это экспедиция собрала богатый материал по геологии, географии и зоологии северного края. На карте появилось 254 новых географических названия.

С.Е. Мостахов осуществил публикацию документа «Из ходатайства комиссии для снаряжения русской полярной экспедиции в МВД России о награждении участников экспедиции Э. Толля» от 3 марта 1905 г. Среди названных: купец Я.Ф. Санников, устьянский улусный голова А.А. Томский, эвенк Н.А. Гулимов, юкагир К.Н. Томский, мещане Н.Е. Чихачев, П.И. Стрижев, казачий урядник С.И. Расторгуев и др. Приведем лишь два примера их альтруизма: «Уроженец Русского Устья Е.Н. Чихачев "к пожалованию высочайшей награды" был представлен за то, что три года был проводником экспедиции, совершил ряд трудных походов со вспомогательной партией К.А. Воллосовича.

А участник ряда полярных странствий, старый ламут Джергели на вопрос Э. Толля, хотел бы он увидеть Землю Санникова, кратко и проникновенно ответил: "Да, ступить ногою и умереть"»[19].

Суровой зимой 1900 г. десять оленьих нарт с клетками в сопровождении полярного промысловика Петра Иннокентьевича Стрижева и казачьего урядника Степана Иннокентьевича Расторгуева мчались по

льду Яны. В клетках, оберегаемых от дорожных неудобств, находились 20 лучших ездовых собак, от Якутска до Иркутска собак везли на санях и телегах. В Иркутске собачьи клетки погрузили в вагон, и поезд двинулся на запад по недавно введенной в строй Транссибирской магистрали, закончилось путешествие на Мурмане, где лаек передали в Русскую Полярную экспедицию Э. Толля.

Мещанин П.И. Стрижев — каюр лейтенанта (адмирала) А.В. Колчака. Его именем названы два морских острова.

П. Стрижева и С. Расторгуева включили в состав экспедиции, там они научились исправно нести матросские вахты и прекрасно прижились на судне. Петр Стрижев, которому тогда было 25 лет, являлся опытным каюром и охотником, не раз тонул, голодал, блуждал в метельной тундре, но благодаря природной смекалке и физической закалке всегда выходил победителем из трудных ситуаций. Верхоянский исправник характеризовал его следующим образом: «Человек он молодой, здоровый и бывалый. Хорошо владеет русским и якутским языками, довольно грамотен. Уменье его править собаками нами проверено».

Бабушка автора А.П. Чихачева-Стрижева доводилась Петру Иннокентьевичу неполнокровной сестрой. Детство и юность она провела в Казачьем и Булуне, знала многих участников этой знаменитой экспедиции. «Граф-барон Толля знал всех Стрижевых, — говорила она, — Петрушу нашего шибко сильно жалел, словно младшего брата». Бабушка рассказывала нам и о том, как ее брат якобы катал иркутских и московских барышень на собаках, запряженных в «колесную» нарту. Упоминала она что-то и о другом известном участнике экспедиции, А. Колчаке, но я (А.Г. Чикачев. — *Ред.*) в то время был мал и несмышлен. Многое тогда не запомнилось, пролетело мимо ушей.

На первую зимовку яхта «Заря» вынуждена была встать у архипелага Норденшельда в Карском море, начались многочисленные поездки на собаках, основная нагрузка при этом пала на каюров. В своей книге «Плавание на "Заре"» Э. Толль посвятил немало страниц

нашим землякам: «...Медведица высунула из берлоги голову, и Стрижев, самый ловкий и отважный, нанес ей два удара по голове топором и замахнулся на третий, но топор вылетел у него из рук. Матисен застрелил медведицу из винтовки ...Матисен отправился в свое первое путешествие в сопровождении жизнерадостного Стрижева, эта пара представляла яркую противоположность паре Коломийцева — Расторгуева... 31 мая нас первым встретил Стрижев, радостный и свежий, как всегда». Один из островов в архипелаге Вилькицкого Э. Толль назвал именем Стрижева, который первым заметил его во время санной съемки.

Летом 1901 г. «Заря» продолжила свой путь на восток. В конце сентября она встала на вторую зимовку в лагуне Нерпалах о-ва Котельный. С наступлением полярной ночи начальник экспедиции отпустил Стрижева на побывку в родное село Казачье. По его возвращении в дневнике Толля появилась следующая запись: «Стрижев был очень красив в своем новом чукотском костюме, приобретенном в Казачьем. Его одежда состояла из тесно прилегающих меховых штанов и теплой легкой парки. Он благодарил за полученный отпуск, великолепно им проведенный, разумеется, он оказался в центре внимания, и каждый вечер вокруг него собиралось все население Казачьего».

В зиму 1901/02 г. П. Стрижеву пришлось немало потрудиться. В апреле — мае он вместе с А. Колчаком совершил большую санную поездку для съемки и геологического обследования островов Бельковского и Семеновского, затем отправился на о-в Котельный. Именно в это время по предложению А. Колчака на карте Арктики появился второй о-в Стрижева.

В письме Э. Толлю Петр Иннокентьевич писал: «25 марта мы доехали до Новой Сибири, заложили склад с 45 пудами юколы и двумя пудами сушеной икры. От Ванькина Носа шли пять дней. Пришлось самим тащить нарты, так как было много торосов. Из-за недостатка корма несколько собак пало от истощения, некоторых обессилевших собак пришлось умертвить. Посылаю на "Зарю" 30 собак, но не знаю, сколько из них дойдет, так как сильно исхудали. Отправляюсь на материк с 16-ю собаками, правда, не знаю, как удастся добраться»[20].

В небольшом очерке, опубликованном в газете «Советы Якутии» в октябре 1992 г., я (т.е. А.Г. Чикачев) писал, что нам не известно, как сложилась дальнейшая судьба П. Стрижева и С. Расторгуева, не знаем мы, где и когда окончили они свой жизненный путь. Просил, чтобы отозвались их потомки.

После этой публикации пришло письмо из Ленска от Н.И. Попова — внучатого племянника П. Стрижева. Николай Иннокентьевич увлекается краеведением, его статьи публикуются в газетах. «В нашей семье, — пишет он, — сохранилось фото П. Стрижева в военной форме, подаренное дедушке и бабушке с надписью: "Г.Д. и В.И. Поповым от брата Петра. 9 Сентября. 1905 г. Иркутск". Моя бабушка Варвара была его родной сестрой. По словам старожилов Казачьего, Стрижев выехал оттуда на постоянное жительство в Булун в 1930 году».

При взгляде на этот снимок, с которого на нас смотрит красивый 30-летний мужчина в военной форме с унтерскими лычками на погонах и санитарной повязкой на рукаве, сразу же возникает несколько вопросов. Почему он оказался в Иркутске в 1905 г.? Значит он участвовал в русско-японской войне вместе со своими товарищами по плаванию, добровольцами А. Колчаком и Н. Бегичевым. Известно, что они отправились из Иркутска в Порт-Артур весной 1904 г.

Оказывается, внук П. Стрижева, Николай Михайлович Стрижев, живет в Тикси. Его сестра Раиса работает воспитателем детского сада в с. Ситтях Булунского района. Она прислала фотографию, на которой ее дед запечатлен вместе с женой Марией Григорьевной и двумя детьми. Фотографировались Стрижевы в 1910 г. в Якутске. Правнучка П. Стрижева Светлана Зедгенизова живет в Якутске, она профессор сельскохозяйственной академии.

Закончил свои годы Петр Иннокентьевич, видимо, в конце 30-х годов XX в. Смерть его прошла незамеченной. И это понятно, в те годы слыть приятелем Колчака и иметь царские награды было небезопасно. Помню, даже наша бабушка, рассказывая нам о странствиях брата, с оглядкой произносила имя лейтенанта (адмирала). К сожалению, мы не знаем, сохранилась ли могила П.И. Стрижева, где теперь хранятся Большая Золотая медаль и нарядный кафтан — награды государства Российского, которых был удостоен отважный «сержант полярной науки».

В начале 1909 г. Главное гидрографическое управление Морского министерства снарядило экспедицию «для подробного гидрографического обследования Колымского устья и подхода к нему со стороны океана». Ее возглавил 32-летний штабс-капитан Г.Я. Седов. Несмотря на свою молодость, он был опытным и отважным морским офицером. Участвовал в исследованиях Карского моря, служил на Каспии и Дальнем Востоке.

Следует отметить, что со времен Ф. Врангеля гидрографические исследования на Колыме не проводились. Экспедиция выехала из

Петербурга 3 марта 1909 г. Она состояла всего из двух человек — начальника экспедиции и его помощника боцмана А. Жукова. Они прибыли в Якутск 2 апреля, после пятидневного отдыха в сопровождении казака-переводчика Н. Дьячкова отправились в Верхоянск.

Самый трудный участок пути, от Якутска до Среднеколымска, пришелся на весеннюю распутицу. «Дорога была ужасная, шли по горам, лошади с кладью падали в воду, случалось ехать без отдыха и сна по трое суток и более», — напишет впоследствии об этом Георгий Яковлевич.

В сборнике «Записки по гидрографии», выпущенном в 1917 г., помещена большая статья Г. Седова, где он в увлекательной форме повествует о своем путешествии на Колыму: «Власти края — исправник В.В. Душкин, земский заседатель В.И. Мельников, казачий атаман М.М. Березкин, а также все население относились к нам с большим вниманием... Вообще колымчане — добрые, хорошие люди, отличаются безукоризненной честностью и преданностью».

Среднеколымчане 25 мая проводили экспедицию в «Студеное море», напутственно просили «непременно найти борозду — фарватер». В Нижнеколымск экспедиция прибыла 2 июня.

Здесь Седов восстановил метеорологическую станцию и обследовал нижнеколымский рейд. Ширина реки оказалась 2 версты, глубина доходила до 10 сажен, а скорость течения — до 2 верст в час. Были установлены береговые опознавательные знаки, определены девять астрономических пунктов.

По пути к морю на одном из мысов участники экспедиции осмотрели довольно хорошо сохранившийся маяк, установленный в 1741 г. Дмитрием Лаптевым. Он представлял собой четырехгранную усеченную пирамиду, срубленную из плавника высотой около 7,5 м, с двухметровым крестом на вершине. Недалеко от маяка находилось несколько полуразрушенных амбаров, называемых местными жителями «казармами». В них, по преданию, зимовал Д. Лаптев, несколько позже — майор Д. Павлуцкий, ходивший на «немирных чукчей».

Седов и его спутники 13 июня достигли бухты «Амбарчик». Здесь они провели обмер бухты и обследовали мыс Медвежий. Бар и направление фарватера Колымы удалось определить довольно быстро. Промеры проводились на легком карбасе юкагирской постройки.

Однажды утром при хорошей погоде участники экспедиции отправились в море за 8–10 км. Но вот подул «шелонник», покатились с берега барашковые волны. Пришлось прекратить промер и направиться к берегу, но оказалось поздно. Карбас не выгребал, и людей понесло в море. «Я подбадривал гребцов, — пишет Седов, — но неуклюжий карбас не шел вперед. Из пазов то и дело вылетал мох, в карбас лилась вода. Пустили в ход платки, у кого какие были, и даже рубашки для заделывания трещин. Решили укрыться за льдиной, стоящей на мели. Простояв за ней несколько часов и не видя никаких признаков перемен погоды в нашу пользу, мы со свежими силами погребли к мысу Баранову. Но опасность надвигалась на нас с каждой волной. Нам грозила гибель, но кто-то из нас был, видимо, безгрешен — и все обошлось благополучно. На другой день прибились к берегу западнее Мыса».

На морских и речных мысах было построено много знаков. Тщательными промерами экспедиция установила, что морской бар находится к северу от мыса Медвежьего, а речной — напротив заимки Сухарное, доказала возможность прохода морских судов до Нижнеколымска.

Во время работы седовцы неоднократно встречались с чукчами, кочевавшими поблизости. «Вскоре к нам пришли чукчи со своими чадами, — писал Седов, — мы их и приняли ласково, дали по чарке водки, угостили чаем и конфетами. Спустя несколько дней я с двумя рабочими отправился к чукчам. Встретили они нас очень ласково».

Успешно выполнив основную задачу, экспедиция двинулась вверх по Колыме, проводя попутно маршрутную съемку реки и ее берегов. Карбасы против течения тянули собаки. Продовольствие кончилось, еда состояла исключительно из юколы. Во время переправы через одну из бесчисленных проток Седов чуть не утонул. 18 августа исследователи наконец добрались до Нижнеколымска. На другой день священник отец Николай отслужил молебен по случаю благополучного окончания работ. На молебен собралось все население Нижнеколымска.

Нижнеколымские жители активно помогали экспедиции: они служили каюрами, проводниками, лоцманами, гребцами и т.п. Правительство шестерых из них наградило медалью «За усердие». Подводя итоги работы экспедиции, Георгий Яковлевич писал: «Исследование устья Колымы и выяснение таким образом возможности плавания морских судов до Нижнеколымска могут, безусловно, сделать переворот в жизни Колымского края. Надо думать, что русское торговое мореплавание к берегам Колымы не замедлит развиваться на общую пользу дела, тем более, что наблюдения за погодой и льдами показали, что плавание в этой части Ледовитого моря для морских судов возможно, по крайней мере, около двух месяцев... Доставленный груз до Нижнеколымска должен подниматься вверх по реке на 500–700 верст. Поэтому надо завести речное пароходство до Верхнеколымска и выше».

Г.Я. Седов оказался прав. Уже в 1911 г. к устью Колымы пришел первый морской пароход из Владивостока. Жители Колымского края помнят подвиг Г.Я. Седова. На скале «Столб» в устье Колымы установлена в 1977 г. памятная стела в честь участников экспедиции. Постановлением Правительства России Колымской гидрографической базе присвоено имя Георгия Яковлевича Седова.

В 1909 г. Министерство промышленности и торговли снарядило две самостоятельные экспедиции для выяснения условий плавания судов от устья Лены до Берингова пролива. Одну из них, Лено-Колымскую, возглавлял К.А. Воллосович. В нее входили топограф Н.А. Июдин и астроном Е.Ф. Скворцов. Исходным пунктом работ экспедиции служило с. Казачье, куда они прибыли 25 апреля 1909 г. Вначале экспедиция исследовала низовья Индигирки и Алазеи, затем перешла на Яну.

В конце мая экспедиция отправилась в период весенней распутицы в рискованный поход на Алазею, с большим трудом возвратилась в Русское Устье. В июне, уже на оленях, двинулась на Яну, а позднее — на Лену. Экспедиция выполнила топографическую съемку береговой линии на протяжении 1500 верст. Было определено 25 астрономических знаков, в том числе 18 на побережье, велись метеорологические наблюдения.

Сводный труд о Лено-Колымской экспедиции К. Воллосовича был издан в 1930 г. Комиссией Академии наук по изучению Якутской АССР. В нем наряду с другими отражена и роль местных жителей в успешной работе экспедиции. Е.Ф. Скворцов тепло отзывается о жителе Русского Устья юкагире Егоре Варакине. Н.А. Июдин попросил другого нижнеиндигирского юкагира Николая Энкачана составить эскиз местности между Индигиркой и Алазеей. В связи с этим Скворцов писал: «Мы прямо ахнули, так великолепно у него все было начерчено: и реки, и горы, и направление всех хребтов выдержано, выдержаны страны света, причем наверху его карты также был север. Мы удивились такому совершенно ясному представлению района в сотни квадратных верст... тем более что географических карт ведь он никогда не видел, так же как о грамоте никакого понятия не имеет»[21].

Перед экспедицией стояла очень трудная задача — описать берег Ледовитого океана от Меркушиной Стрелки до Святого Носа. Чтобы добраться до Меркушиной Стрелки, надо было обойти два морских залива — Хромскую и Омулляхскую губы. Вняв совету местных жителей, решили перейти устья указанных губ вброд, тем самым был обеспечен успех работы экспедиции. «Они (русскоустьинцы. — *А. Ч.*)

пускаются в самые опасные переправы, и очень охотно. Мне кажется, индигирцы более смелы, чем якуты и туземцы. Воды, по крайней мере, они не боятся вовсе. Имена наиболее энергичных и отважных промышленников долго сохраняются в потомстве. К числу таких относится некто Чихачев, увековечивший свое имя открытием кратчайшего пути на Меркушину Стрелку. Он первый сделал попытку перейти обе губы вброд на лошадях, и попытка увенчалась успехом. Чихачев стал совершать подобные поездки ежегодно и построил на своем пути (тем самым, каким шла экспедиция) две поварни, сохранившиеся до настоящего времени»[22].

Немало места в полевом дневнике Е.Ф. Скворцова уделено индигирским старожилам, в начале XX в. здесь находилось около десятка поселений: Русское Устье, Стариково, Осениново, Станчик, Крута, Кузьмичево, Федоровское, Косухино и др. От наблюдательного исследователя были получены первые сведения об особенностях языка, жилища, одежды, пищи, о болезнях, промыслах (рыболовство, охота на ленных гусей, добыча мамонтовой кости, песцовый промысел, поколка диких оленей), ездовом собаководстве.

Эти сведения обобщены Е. Скворцовым в докладе «О жизни и нуждах наших соотечественников на далеком севере», представленном в Министерство промышленности и торговли в 1910 г. В докладе уделено значительное место социальным проблемам жителей Заполярья. В качестве неотложных мер Скворцов предлагал организовать запасные казенные продовольственные магазины на случай голода, обеспечить орудиями промысла (конским волосом, пряжей для плетения сетей и неводов, ружьями), создать сеть медицинских учреждений с проведением широкой вакцинации населения. Он считал, что строительство и открытие школ «разогнали бы тот мрак, в котором живут они — сделали бы их, быть может, не такими упорными в смысле новшеств, могущих облегчить их же жизнь», позволили обучить более современным приемам ловли рыбы и способам ее сохранения[23].

В конце 1920-х годов Комиссия АН СССР, приступая к работам на Якутском Севере, к числу первоочередных отнесла вопросы каботажного плавания между устьями восточно-сибирских рек Лены, Яны, Индигирки и Колымы. Эти работы связаны в первую очередь с именами выдающихся гидрографов Н.И. Евгенова, П.К. Хмызникова и Ю.Д. Чирихина. В 1927–1928 гг. на Яне находился гидрологический отряд под руководством П. Хмызникова. В итоге были опубликованы его труды: «Атлас реки Яны» и «Гидрология реки Яны», а также издан «Атлас проток Лены, низовий Оленека и бухты Тикси».

В эти же годы на Колыме работала гидрографическая партия под руководством И.Ф. Молодых и ихтиологический отряд, возглавляе-

мый П.А. Дерягиным. Они смогли доказать судоходность на Колыме до Зырянки и предложили схему снабжения Колымо-Индигирского края и развития его водных путей.

В 1929 г. Комиссия АН СССР направила на Индигирку гидрологический отряд во главе с Ю.Д. Чирихиным. Силами этого отряда были открыты три метеорологические станции (Оймякон, Абый и Русское Устье). Кроме того, ученые собрали богатый материал по геологии, геоморфологии, зоологии, экономике и этнографии. Провели промер бара реки и построили ряд навигационных знаков. Итоги научных исследований подведены в работах Ю. Чирихина и М.А. Головачева: «Материалы по лоции Индигирки» (Л., 1935) и «Атлас реки Индигирки» (Л., 1936). В результате подтвердилось, что Индигирка глубокая и многоводная река и судоходство возможно здесь на протяжении 1100 км.

Местные жители, как и всегда, активно помогали научным экспедициям. Особо хотелось бы рассказать о первом индигирском лоцмане Павле Осиповиче Шахове. Как хорошего знатока природы сельский Совет направил его на помощь гидрографам. Он был человеком крепкого телосложения, мужественным и неутомимым, не боялся пускаться в самые рискованные путешествия. На утлой «ветке-душегубке» или на двухвесельной шлюпке по собственной инициативе выходил в море и два года искал «борозду», т.е. фарватер. Он первым пришел к выводу, что судоходной может быть Средняя протока Индигирской дельты, это подтвердилось впоследствии, у него было какое-то особое чутье на «характер реки». По его самодельным картам работали первые индигирские речники.

В 1935 г. открылась коммерческая морская навигация в устье Индигирки. Выгрузка с морских судов на речные производилась далеко за баром реки примерно в 60 км от берега. Ответственность за проводку речных караванов через бар лежала на П.И. Шахове. Он был одновременно лоцманом и капитаном берегового катера. При его непосредственном участии создавалось путевое хозяйство от устья Индигирки до Дружины. Зимой он работал каюром, участвовал в зимних промерах, в послевоенные годы Шахов водил санно-тракторные поезда на промер глубин в Восточно-Сибирском море, не раз объехал побережье от Яны до Колымы. На водном транспорте он проработал свыше четверти века.

В книге Макса Зингера «112 дней на собаках и оленях», которая вышла в 1950 г. в Москве, есть глава, посвященная одному из первых колымских лоцманов — походчанину Иннокентию Петровичу Четверикову. «Кеша рассказывал: "Весной лед над глубью держится. Вот он фарватер виден весь как на ладони, только не ленись-примечай. А мы тут на собачках ездим часто, все видим, все примечаем". Он читал реку, как книгу, знал тундру и море, собак и звериные повадки. Это был человек природы, ее следопыт и почитатель. О собаках говорил, как о любимых товарищах. Вырос он на Сухарной. Кеша отлично знал берег моря и нижнюю Колыму: "До самого Айону доехал. Амундсена видел. Я у него почти месяц жил на Айоне-острову, за Большой Баранихой они зимовали... Просит меня Амундсен через переводчика Олонкина съездить в Нижнеколымск. Там американец Корен жил, разных чаек да мышей собирал, головы разных животных. Кто говорит: "Шпиен". Я по эту коллекцию ездил с Олонкиным. Я так Амундсену понравился, звал он меня с собою в Ному. А у меня семейство на Сухарной заимке. Я и говорю: "Как мне от семьи, от родных на чужую землю подаваться?! Вам — Норвежская земля родная, мне — Колымская земля родная. Езжайте без меня"».

I.4. БЫТ И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Вплоть до середины 1930-х годов старшие поколения русских старожилов почти все были неграмотными, хотя общества предпринимали попытки открыть школы. Так, 25 сентября 1885 г. в Русском Устье на пожертвованные средства открылась народная школа, но через три года закрылась из-за «малограмотности учителя». В 1890 г. школа вновь открывается. Учителем назначается И. Архангельский — ссыльный, бывший канцелярский служащий из Вологды, который одновременно был писарем и наблюдателем метеорологической станции. Он пытался наладить преподавание, неоднократно обращался к исправнику с просьбой прислать доступные книжки для чтения, учебные пособия, узаконить продолжительность учебного года и т.п. Однако ощутимых результатов в просвещении ему добиться не удалось, большинство обучающихся «не усвоили порядочной грамотности». В 1905 г. в связи со смертью И. Архангельского школа закрылась окончательно, прекратились и метеорологические наблюдения.

Если случалось написать какое-либо прошение, то в конце его, как правило, имелась приписка: «К сему прошению по личной просьбе мещанина (следовала фамилия) якутский купец (мещанин, казак) такой-то руку приложил». Зачастую вместо печати прикладывали палец либо накладывали именную печать. Основой печати служила круглая деревянная ручка, нижний конец которой был залит

свинцом, на него наносились начальные буквы фамилии и инициалы владельца.

Оторванность от культурных центров, постоянная борьба за существование наложили отпечаток на характер и поведение жителей Севера. Их, как отмечали многие авторы, отличали осмотрительность, боязнь новизны, ограниченность представлений о внешнем мире.

Так, на предложение одного из участников экспедиции объяснить принцип определения времени по часам староста упорно возражал: «Где нам, темным людям, понять такую премудрость. Не объясняй лучше, все равно ничего не пойму».

По свидетельству И.А. Худякова, индигирец на вопрос, слышал ли он о покушении на царя, ответил: «Если царя убьют, какие мы люди будем!? Прольют царскую кровь — земля загорится»[1]. А вот отрывок из разговора В. Зензинова со своим спутником:

— Ты слышал про войну с японцами?

— Слышали.

— А из-за чего война была?

— Сказывают, они больно на нас наседали.

— А кто победил?

— Мы победили, русские.

— А слышал, что после войны мы им половину Сахалина отдали?

— Ну вот-вот, из-за этого Сахалина, бают, и война началась.

— Как же ты говоришь, что мы победили, а им свою же землю отдали?

— Ну уж не знаю я этого. Ты знаешь, ты Свет видел, а мы что?![2]

В характере старожилов всегда наблюдались бесхитростность, наивная доверчивость, дружелюбие, бескорыстная взаимопомощь и отсутствие честолюбия. Как особенно приятную черту отмечали многие путешественники отсутствие среди них брани и сквернословия. Обычным обращением в речи служили ласкательные слова, имена: золотце, крошечка, нянечка, Мишенька, Дунечка и т.п.

Если путник заходил в избу даже ночью, хозяева вставали, разжигали очаг и угощали приезжего. Он обязан был за это расплачиваться новостями. Особо почитали человека, приехавшего издалека. Заносили его постель и готовили ему ложе в переднем — правом — углу под иконами. Во время «гостевания» он сам и его упряжка собак содержались за счет хозяина. К слову, северяне всегда отличались умеренностью в пище. Они никогда не выражали чувства голода пе-

Внутренний вид домика, в котором жил политссыльный В.М. Зензинов, 1912 г. (*фото В. Зензинова*).

ред посторонними лицами, и вообще считалось неприличным без надобности говорить о еде.

С уезжающими передавали устные «поклоны-приветы» своим родственникам и знакомым: «Няне Арине от всех нас поклонись» или «Дедушке Егору большой поклон скажи» и т.п. Приезжий поклоны передавал обязательно, обращаясь персонально к каждому адресату: «Дядя Ваня, тебе Егор Щелканов большой привет заказывает»! Адресат на это отвечал: «Спасибо, дай Бог ему здоровья!»

Чаюют: Микунюшка и Ванюшка, 1912 г. (*фото В. Зензинова*).

Было распространено так называемое «узелковое письмо», т.е. передача сведений в виде разноцветных тряпочек с узелками. Желтый цвет означал измену, черный — печаль и недомогание, белый и красный — радость и благополучие. Напри-

мер, две полоски одного цвета, связанные вместе по обоим концам, означали себя и любимого. Если любимый изменял, то его «изображали» в виде новой полоски с двумя узелками, а себя на отдельной полоске с одним узелком. Молодой человек мог послать девушке «письмо» — признание в любви в виде двух одинаковых полосок, связанных вместе, одна из них с двумя узелками. Если девушка отвергала его, то высылала ответ в виде двух разноцветных тряпочек с узелком на каждой (записано в 1980 г. со слов А.Н. Шкулевой, 70 лет).

Издавна поддерживались товарищеские отношения с соседними народами — якутами, эвенами и юкагирами. Особенно теплые отношения были с нижнеиндигирскими ламутизированными юкагирами. Старожилы строго соблюдали заповеди отцов и дедов: «Никогда не обижай юкагира, они благородные и честные люди», «Помни: ты сделаешь юкагиру добро один раз, он тебе сделает трижды». Очень много полезных и добрых традиций первобытного коммунизма переняли они у аборигенов.

Кроме кровного, существовал еще один вид родства пришельцев с аборигенами, так называемое крестовое побратимство. Два товарища (юкагир и русский) клялись в вечной дружбе, для закрепления обменивались нательными крестами и называли себя «крестовыми братьями». Большой честью считал юкагир заиметь крестного отца или крестную мать для своего ребенка из русских и относился к ним с благоговением. Вплоть до нашего времени бездетные и малодетные семьи русских старожилов усыновляли детей юкагиров и эвенов, проявляя при этом неподдельную любовь и внимание.

Походчане и русскоустьинцы сдержанны в проявлении своих чувств, немногословны. Внимание и забота о человеке проявляются у них неброско, незаметно и самое главное бескорыстно. Бытовало мнение: не сделать человеку добро — грех, сделать и укорить или напомнить об этом — тяжкий, великий грех. Несмотря на суровые условия жизни, они были балагуры и весельчаки.

Взаимопомощь и поддержка остались доброй традицией, которая старательно передавалась из поколения в поколение. Особое внимание и сейчас проявляется к тем, кто приехал, хотя и ненадолго, с добрыми намерениями, по делу, кто так же, как хозяева, доброжелателен и бескорыстен.

К сожалению, за последние годы нанесен большой ущерб нравственности и духовной культуре. Безразличие, эгоизм, жажда наживы, картежная игра, пьянство все более овладевают массами. Телевизионная «чума» — пропаганда насилия, бездумной жизни — с завидным упорством растлевает чистые души доверчивых северян.

Семейно-брачные отношения

Среди русских, пришедших на Крайний Север, женщин почти не было, и поэтому в дом приводили девушек из соседних «нерусских» племен. Причем предпочтение отдавалось юкагиркам, считавшимся более чистоплотными, не боящимися ни холода, ни голода, способными выполнять мужскую работу. Прижитые от местных женщин дети вливались в среду русского населения. Через два—три поколения число жителей метисного происхождения значительно возросло, что и позволило заключать браки в основном в своей среде. В практике заключения браков у поселенцев сложилась определенная традиция — русскоустьинские старожилы старались жениться или выдавать своих невест за колымских или устьянских русских. Брачные связи с якутами и эвенами поддерживались сравнительно редко. По сведениям информантов, в среде русских старожилов существовала определенная свобода нравов. Поэтому были нередки случаи рождения детей до замужества.

Такие дети назывались «девьими», «заугольниками», «прижитками». С давних времен многих, даже индигирцев, удивляла легкая доступность колымских женщин. Причина здесь социально-экономическая. Дело в том, что колымские казаки кроме жалованья получали еще продовольственный паек в размере 12 пудов муки и 6 пудов крупы в год. По закону каждый казачонок, в том числе и внебрачный, со дня рождения получал полпайка, а с 7 лет — полный паек. Поэтому каждый рассчитывал, что девушка-казачка может родить «паек».

Эта же причина толкала жен бездетных казаков на добровольное сожительство с «детным» казаком. Последний давал обязательство мужу казачки, что его жена обязательно родит «паек». В случае удачи он в течение года в виде гонорара получал паек за новорожденного, а если рождалась девочка — «детной» казак платил в виде неустойки свой паек. Как бы в оправдание этого явления на Колыме существовали поговорки: «Баба не калач — один не съешь», «У нас на Колыме вода такая»[3].

В народной памяти сохранился случай, произошедший примерно в 80-х годах XIX в. Известная русскоустьинская красавица, певунья и плясунья Агафья Шкулева родила третьего «девьего» ребенка, причем все дети были от разных отцов. Староста принял решение наказать ее розгами. Перед началом экзекуции, при явном сочувствии мужской половины общества, она задорно пропела несколько частушек, затем пустилась в пляс. Очарованный чудным голосом и

лихим танцем молодой женщины присутствовавший при этом помощник верхоянского исправника отменил наказание.

В устном народном творчестве старожилов существовало немало любовных песен и частушек. Влюбленные называли друг друга «ачилинка», «дугудушка», «тумтаречка», «ханечка», «матанечка» и т.п. Сочинялись шуточные частушки типа:

Ачилинка, воротись!
Шаровары твои нашлись.

* * *

У меня была папаха,
Из кольца в кольцо вилась.
А походская девчонка
Три версты за мной гналась
(записано в 1965 г. со слов А.Н. Шкулевой, 70 лет).

Когда сыну исполнялось 18–19 лет, отец и мать старались присмотреть ему подходящую невесту. Основные требования к избраннице — хорошая внешность, здоровье, добрый нрав, умение вести домашнее хозяйство. При равных условиях последнему достоинству отдавалось предпочтение, которое выражалось поговоркой: «Красоту не лизать». Неумение, неудачливость, леность, неряшливость считались пороками как мужчин, так и женщин.

Насильственная выдача или женитьба встречались крайне редко. Выйти замуж без согласия родителей — «уйти ногами» — считалось позором. Такую самовольницу другие женщины упрекали: «Я не ногами, как ты, ушла, а с тятиного благословения».

В качестве свата посылали наиболее уважаемого человека. Сваты, явившись в дом невесты, вели сначала разговор о посторонних делах, затем переходили непосредственно к сватовству. Улучив момент, главный сват или сваха заявляли следующее: «Мы пришли к вам не пировать, не столовать, с добрым делом, со сватовством. У Вас есть товар, у нас есть купец — станем родство заводить».

Они давали лестную характеристику и жениху, и невесте. Делали заключение, что это подходящая пара. Если родители были не согласны, то отвечали: «Молода еще, надо в девках побывать, отцу-матери помогать». Спрашивали согласие невесты. Если она давала положительный ответ, отец говорил: «Волей выбрала молодца — не взыскивай с отца». Завершалось сватовство тем, что свату выдавали платок невесты в качестве залога, что означало: предложение принято. Сваты передавали платок жениху.

Через несколько дней происходило второе действие — «рукобитие», тоже непубличное. Отец и мать жениха вместе со сватами приезжали в дом невесты для окончательного удостоверения и личного «удара по рукам». Оба отца подавали друг другу руки, а присутствующие при этом приговаривали: «На счастье! Господи, благослови!» Кто-нибудь из уважаемых людей разнимал руки отцов. В этот момент отец жениха вручал невесте и ее отцу какой-либо подарок — шкурку песца или пару золотых монет. Затем невеста подходила к отцу. Он снимал с полки самую ценную икону, поднимал ее над головой, целовал дочь и произносил: «Благословляю тебя Казанской (Смоленской) Божией Матерью! Бог с тобой!» (записано в 1972 г. со слов А.Н. Шкулевой).

Спустя 3–4 дня происходило «обручение», где жених и невеста официально встречались при людях и менялись кольцами. Венчание приурочивалось к приезду священника. Поэтому часто случалось так, что супруги, прожившие совместно полгода, шли наконец венчаться в церковь.

Православная церковь запрещала браки родственников вплоть до седьмого колена и вменяла священнослужителям в обязанность выяснять степень родства будущих супругов. Однако на Севере с разрешения попа допускались браки троюродных братьев и сестер. Но случалось всякое. Так, в 1866 г. мещанин Егор Голыженский дал письменное обещание священнику, что не будет проживать в одной местности с девицей Анной Чихачевой или ездить к ней. На этом обещании наложена резолюция благочинного Льва Шипицына: «Прошу развести сих блудников, которые состоят в родстве во втором колене»[4].

Свадьба начиналась с девичника. В доме у невесты ее подруги пели песни. Полагалось исполнить 12 песен. Первая песня:

Не стук стучит, братцы, во тереме,
Не гром гремит во высоком.
Благословляется дочь у батюшки,
Благословляется дочь у матушки:
— Благословите меня во злат венец,
Благословите меня с суженым.

После этой песни невесту закрывали от присутствующих, расплетали ей косу и пели:

Тут расплакалась душа красна девица
По своей по русой косе,
По своей девьей красоте:
— Чай тапериче русу косу не чесывать,
В золотой куст не переплетывать.

Когда жених с друзьями приезжали за невестой, их встречали песней:

На дворе, дворе, Ивановом дворе
Вырастало кипарис-древо.
Слеталися девять соколов,
Со десятый бел крыльчат-сокол.
Съезжалися девять боярей,
Со десятый князь молодой.
Выходила его суженая,
Золотым кольцом обрученная.
Она мылась и белилася,
В чисто зеркало смотрелася,
Резным гребешком чесалася.

По обычаю тысяцкий должен был выкупить невесту, а брат невесты — продать ее. Жених стоял у порога, брат невесты сидел за столом. Тысяцкий клал на блюдце монетку и подвигал ее брату. Тот говорил: «Я не за это поил-кормил», — отодвигал блюдце. Тысяцкий клал еще одну монетку и снова пододвигал блюдце брату. Так повторялось до трех раз. Наконец брат брал невесту и подводил к жениху. В это время пели:

Не вылетай, утка, из острову,
Не выпорхай, птица, из гнездышка,
Не выходи, наша душечка, из терему.
Зазря смотрит свекор-батюшка,
Зазря смотрит свекровь-матушка.
Скоро ли запросят дороги дары,
Дары я шлю, сама к нему не иду.

Наконец невесту на собаках везли в церковь. У собак алыки (упряжь) были разукрашены — обшиты красным и зеленым сукном. После венчания ехали в дом жениха. Там молодых встречали хлебом-солью мать и отец жениха. Присутствующие пели:

Не белы ветры навеяли,
Нежданы гости приехали,
Сокол летит, земля ютит[5].

Свадьбу вел тысяцкий — наиболее уважаемый в обществе человек. Во время свадебного пира девушки пели («опевали») хвалебные песни в честь молодых, тысяцкого и гостей. Тот, к кому относилось «опевание», должен был класть на блюдце деньги.

На свадебный стол обязательно подавался запеченный лебедь, а также вареная кость от лебяжьего крыла. Обязательным был ритуал ломания лебяжьей «кости-махалки». Сначала ее брал тысяцкий и делал вид, что пытается сломать, затем передавал ее жениху, которому

следовало сломать кость руками без применения каких-либо посторонних предметов, что символизировало его удаль и силу.

Признавался законным и повторный брак, однако устанавливался срок траура по умершему супругу — не менее года. О нарушивших этот срок осуждающе говорили: «У мужа (жены) еще ноги не замерзли, а она (он) уже новую судьбу ищет».

Начало беременности узнавали по отсутствию «красок» — менструации. Период менструаций обозначался словами «мылась», «моется». Женщина в этот период не должна спать в одной постели с мужем, дабы «не запоганить» его. Когда менструации заканчивались, она должна была вымыться, свою постель протрясти над огнем, а сама несколько раз перешагнуть через костер — «окуриться». Про беременных говорили «непростая», «нездоровая», «грузная», «в интересном положении». При наступлении срока родов — «на тех порах» — заручались бабкой-повитухой. К ней проявлялось особое уважение. Девушки и нерожавшие женщины повитухами быть не могли.

Во время родовых схваток повитуха массировала живот роженицы и читала молитвы. В это же время ставили свечку в честь святой Соломониды — покровительницы женщин.

Роженице расплетали косы, развязывали все узлы на одежде, расстегивали все пуговицы, развязывали также все узлы и на ненадетой одежде, отпирались все замки на сундуках, амбарах и т.п. — все это должно было облегчить роды. Если они затягивались, муж выходил на улицу и стрелял из ружья.

Послед обычно закапывали в землю. Отпавший остаток пупочной культи — «пупок» — мать, завернув в тряпочку, долго хранила. Считалось, что это дает хорошую память ребенку. Кормящая мать остатки грудного сцеженного молока не выливала в помойное ведро, а уносила недалеко от избы и выливала на чистую землю (записано в 1969 г. со слов А.Н. Солдатовой).

Новорожденного младенца обмывали теплой водой, заворачивали в чистые пеленки, затягивали веревкой — «покромом» — и укладывали в «зыбку». Зыбка — небольшое продолговатое лукошко с навесом над головой. Ребенка накрывали одеяльцем и зашнуровывали ремнями. Подстилка — обычный ватный матрасик, под который подстилался сушеный мох.

Переход колыбели от одного ребенка к другому допускался лишь тогда, когда старший ребенок был жив, в противном случае для новорожденного делали новую колыбель. В течение первых недель младенца мыли каждый день, обычно вечером. Разводили огонь в камельке, нагревали воду и обмывали его с мылом. Затем пеленали,

схватывали двумя пальцами носик, потягивали несколько раз, приговаривая: «Не будь курнос». При этом издавали полусвистящий звук.

В течение первой недели после рождения ухаживала за ребенком обычно бабушка-повитуха. До 40 дней ребенок находился в пеленках, после чего его одевали и пеленали только на ночь. Грудью детей кормили долго — вплоть до 3–4 лет.

По истечении шести недель после родов женщина должна была совершить перед образами 40 поклонов, «окуриться» и сходить в церковь. После этих процедур она считается «молитвенной», т.е. чистой (записано в 1978 г. со слов Е.Н. Солдатовой).

Детей крестили на восьмой день. Обходились обычно без попа. Наливали в чистый таз теплую воду, опускали туда серебряный крест или иконку, после чего вода становилась «святой». Крестный отец три раза окунал ребенка головой и ногами в воду со словами: «Крестим раба божьего Николая (Петра и т.д.)». Крестные отец и мать почитались наравне с родителями. В случае смерти последних они опекали своих крестников.

В старину обычно детям давали по два имени. При крещении, например, нарекали Петром, а все звали Иваном. В качестве имени использовали клички собак, названия птиц и зверей: мальчиков звали «петушками», «соловьями», «снегирями» и т.п., девочек — «уточками», «пташечками», «мартышками». Предполагали, что если болезнь или «порча» будет искать Ивана, то не найдет его, так как его фактически зовут Снегирем.

Этот обычай имеет, по всей видимости, древнерусское, языческое происхождение. В целях обмана «нечистой силы» на Руси детям иногда меняли имена. Отец или дед выносил хворого ребенка из избы и через некоторое время приносил обратно, называя его не старым именем, а «Ненашем» или «Найденом»: дескать, услышат бесы, что это другой ребенок, и отступятся от него[6].

Верили, что умершие могут возвращаться с «того света» под видом новорожденных — «приходить ояви». Возвращались они обычно к родственникам или друзьям. Обнаружить личность «вернувшегося» помогало чье-либо сновидение, прижизненное заявление самого умершего, какие-либо характерные родимые пятна, рубцы на теле младенца, которые якобы были у ушедшего из жизни, а также другие особенности (например, левшачество и т.п.). Зачастую «вернувшегося» узнавали, когда он начинал говорить, проявлять определенные склонности, подобные тем, которые отличали умершего: любовь к лошадям, пристрастие к картам, кузнечному ремеслу и т.п. Кстати,

одна из особенностей буддизма — вера в инкарнацию, т.е. в переселение душ. Далай-Лама Тибета Тенцзин Гьяцо в интервью газете «Московский комсомолец» (№ 13, 2003 г.) рассказал: «Меня выбрали Далай-Ламой в два года. Разыскивающие новую инкарнацию предыдущего духовного лидера монахи разложили передо мной игрушки и всякую дребедень, среди которых были и вещи моего предшественника. Я сказал: "Вот это мое, а это — чужое"».

Рождению мальчика русскоустьинцы и походчане радовались больше, чем рождению девочки. Отношение к детям было спокойное и ласковое. Интересна вежливая форма обращения к ним. Мальчика звали «тятей», девочку — «мамой». «Тятя, сбегай-ка на угор, принеси-да весло» или «Мама, подай-да огонечек». Детям не ленились рассказывать сказки, петь колыбельные песни-импровизации, песни-потешки.

Баю, баю, баю-бай,
Мой сыночек, засыпай.
Будешь в золоте ходить,
Чисто серебро носить.
Мой сыночек, засыпай
И скорее подрастай.
Ты скорее подрастай,
Тяте, маме помогай.

* * *

Утреннее встала,
Чайнички сварила,
Чайнички сварила,
Тятю напоила.

* * *

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошко:
Твои дети плачут,
Серу кулпают,
Собакам бросают,
Нам не дают.

Старшие дети нянчили младших, особенно в небольших семьях, где не было свободных от работы взрослых. Младшие видели в лице старших поддержку и защиту. Дети за любовь и ласку родителей, старших братьев и сестер платили им полным повиновением, называя отца и мать словами «тятя-тятюка», «мама-мамука». Младшие не имели права называть старших по имени: сестру звали няней, брата — батей.

Игрушек у детей было очень мало: пустые спичечные коробки, гильзы, чурочки, «шилинки» — обломки фарфоровой посуды. Маль-

чики с 4–5 лет начинали стрелять из лука, а девочки — приучаться к кройке и шитью. Коллективными играми мальчиков являлись лапта, «мячик пинать» (подобие футбола) и «куликание» — старинная игра, напоминающая современный хоккей с мячом. В последней играющие разделялись на две партии, каждый вооружался небольшой деревянной палкой — «куликой». Ворота отмечались колышками. Каждая партия старалась загнать в ворота противника деревянный шарик (иногда он был облит свинцом). Гол именовался словом «сало». Говорили, например: «Мы им два сала забили». А вот еще одна игра: на расстоянии 10–12 м устанавливались колышки — «приметы», в которые стреляли из лука. Любимой коллективной игрой как детей, так и взрослых была игра «в жмурки», которая на Индигирке носила название «чурить».

Обстановка, окружавшая детей, разговоры взрослых об охоте или рыбной ловле — все это вводило ребенка в круг их интересов. Поэтому вполне естественно, что игры имитировали такие процессы, как езда на собаках, добыча песцов, рыбы и т.п.

Мальчики 10–12 лет считались помощниками отца: плавали на лодках, помогали на рыбной ловле, кололи дрова, носили воду, ставили петли на куропаток. Девочки тоже были активными помощницами матери. Они присматривали за младшими, убирали помещение, готовили пищу. Возраст ребенка определялся не количеством лет, а той пользой, какую он приносил хозяйству. На вопрос: «Велик ли у тебя сын?» — можно было услышать: «Большенькой. Лучком тамрчиком стреляет», «Большой! На лодке сам ездит» или «У меня парень совсем большой. Один по пастям ездит».

Главой семьи являлся муж. По своему положению женщина Севера не могла стоять во главе семьи: будучи привязана к домашнему очагу, она не была способна вести дела, выходящие за пределы дома и маленького хозяйства.

В основном между супругами существовали добрые отношения, муж считал необходимым советоваться с женой. Разводы случались редко. И все же положение женщины было приниженным. Она не присутствовала на ежегодных сборах мещанского общества, раздел добычи производился только по количеству мужских душ. Муж мог наказывать жену, и никто не имел права за нее заступиться. Женщины были покорны своей судьбе, что нашло отражение в поговорках: «Без вины бить не будут», «Не лезь, баба, в мужское дело» и т.п. В доме правый угол — «переднее место» — принадлежал мужчинам, а левый — женщинам. В больших семьях женщины, как правило, питались отдельно от мужчин: на левой стороне избы — за «бабьим

столом». Женщина не смела громко петь и смеяться при мужчинах. Она не должна была вмешиваться в разговор мужчин. Девушка не могла расплетать косы при мужчинах, а замужняя — являться без платка на голове.

Жена главы семьи — старшая в доме женщина — занималась обучением домашним работам младших женщин, воспитанием внучат. Тяжелым было положение молодой женщины, вошедшей в большую семью. Ей полагалось раньше всех вставать и позже всех ложиться, безропотно выполнять распоряжения свекрови. Положение снохи несколько улучшалось с рождением ребенка — с нее снималась часть домашних работ.

В больших семьях, где были женаты несколько сыновей, нередко возникали конфликты между невестками. Поэтому каждая пара старалась обособиться и завести свое хозяйство. При отделении женатого сына отец отдавал ему часть общесемейного имущества: несколько собак, сетей, лодку и т.п. Однако промысловые условия требовали коллективного ведения хозяйства. Так, неводной лов был под силу только троим. Нехватка жилья, топлива, транспорта принуждала к совместному проживанию несколько малых семей. Все это способствовало стойкому сохранению неразделенных семей.

Состоятельные родители, не имевшие сыновей, боясь потерять часть имущества, принимали в свою семью неимущих зятьев, которые зачастую находились в положении батраков.

Способы лечения болезней

Газета «Речь» 1913 г. писала: «Русское Устье совершенно отрезано от внешнего мира. Лежит оно на пределе человеческого жительства вообще, дальше лежит ледяная пустыня океана. Если реально представить жизнь интеллигента в Русском Устье, то становится страшно»[7]. Однако в мировоззрении русскоустьинцев не было обреченности, беспрекословной покорности судьбе и подавленности, которую наблюдали исследователи в глухих сибирских деревнях.

«Согласно описанию Сокольникова, марковцы производят впечатление жалких вырождающихся людей. Русскоустьинцы такого впечатления не производят. Они кажутся народом крепким, здоровым, устойчивым и веселым ... “Дурная болезнь” (сифилис) им вовсе не известна»[8].

Основой для описания примет, поверий и способов лечения, о чем пойдет речь ниже, послужили личные наблюдения и впечатления, которые автор вынес из своего далекого детства, а также опросы старших — знатоков старинных обычаев. Необходимо иметь в виду

то, что наблюдаемое 50–60 лет назад осталось в прошлом и в современной жизни северян не встречается.

Жители Русского Устья и Походска в основном пользовались теми же методами народной медицины, которые были присущи всем сибирякам. Но у них имелись и свои особенности, связанные с условиями тундры и бедностью растительного мира. Так, не имея возможности предупредить цингу теми способами, которые были у сибирских крестьян (настой еловых шишек, шиповника, свежего лука и т.п.), они прибегали к иной профилактике — употреблению в пищу строганины и рыбьего жира.

Многие методы лечения и предупреждения болезней представляют определенную научную ценность, однако нередко в них переплеталось рациональное с иррациональным, с элементами мистики, к которым можно, наверное, отнести заговоры, заклинания (что, впрочем, тоже требует изучения). Приведем несколько народных рецептов:

— от желтухи давали пить настойку из сушеной медвежьей желчи;

— при золотухе пили воду с примесью наскобленного золота;

— при появлении бельма на глазу старались резким криком испугать больного, иногда даже стреляли из ружья. Эта процедура называлась «сгонять бельмо»;

— при ячмене на глазу также старались испугать больного резким криком, при этом показывали кукиш или брали иголку и подвешивали на нитке напротив глаза: верили, что ячмень боится железа;

— при растяжении связок — «жила отстает» — под сухожилием несколько раз пропускали иглу без нитки;

— при появлении чирья отыскивали какой-либо сук, крестили его безымянным пальцем, приговаривая до трех раз: «Как сук сохнет, так и ты, чирей, сохни». Брали кусочки старой заячьей шкурки, намыливали мездру мылом и прикладывали ее на чирей;

— панариций — гнойное воспаление надкостницы пальцев, вызванное инфекцией, проникающей при повреждениях, называли «змеевец». Утверждали, что в пальце зарождается какой-то мохнатый червь, который, если его вовремя не уничтожить, может размножиться. Лечили его путем прикладывания к больному месту свежего человеческого кала;

— при колотье в ухе клали в него листовой табак или засовывали тряпочку, намазанную трубочным соком. При шуме в ушах вставляли в ухо бумажную воронку и широкий ее конец поджигали;

— при зубной боли в дупло клали листочек табака или трубочный сок — «оскребки». Если зуб шатался, к нему привязывали крепкую длинную нитку, а другой конец — к топору. Топор кидали — зуб мгновенно вылетал;

— при ожогах кожи на пораженное место накладывали куски сырой рыбы или мяса, иногда смазывали слизью из носа;

— весной, когда ярко светит солнце и блестит снег, у людей, не пользующихся светозащитными очками, порой развивается конъюнктивит. Делали острым ножом на переносице неглубокий надрез и выдавливали сгусток почерневшей крови. Или прикладывали к глазам полузамерзшие куски рыбы или мяса;

— при головной боли измеряли голову ленточкой по лобно-затылочной окружности. На ленте делали отметки напротив носа, ушей и с двух сторон от подзатылочной ямки. Затем ленту складывали вдвое по отметке «нос». Отметки над ушами и у подзатылочной ямки у здорового человека должны совпадать, а если болит голова — не совпадают: одна половина головы якобы становится больше. Тогда делали массаж головы по лобно-затылочной окружности, потом снова измеряли. Операция повторялась несколько раз, пока отметки на ленте не совпадут. Затем голову крепко стягивали платком. Эта болезнь называлась «переходом мозга», а лечение — «правлением головы»;

— от поноса пили воду с толчеными березовыми углями или круто заваренный чай;

— при носовых кровотечениях намывали голову и переносье водой. А также старались больного устроить так, чтобы кровь капала на горящую головешку;

— при запорах «ставили пешку» — заостренный кусочек мыла вставляли в задний проход;

— при переломе костей накладывали лубки и поили больного водой с примесью скобленой меди;

— опрелости у детей присыпали обожженной глиной «печиной» или пережаренной мукой;

— «сорванный пуп» лечили так: больного клали на спину с согнутыми в коленях ногами. «Правщик», массируя живот против «токающего» — пульсирующего — пупа, постепенно «направлял» его на свое место при помощи черенка ножа или курительной трубки, захватив затем кожу у пупка, завертывал ее направо и держал до тех пор, пока пуп не переставал «токать»;

— от бородавок избавлялись следующим образом: давали лизать их собаке, велели кому-нибудь сосчитать бородавки, тогда они якобы исчезали, или в период полнолуния выходили во двор и показывали их луне;

— при болезни горла привязывали как жаропонижающее листья мать-мачехи. При рези в глазах тоже прикладывали мать-мачеху.

Шаманство

Русский человек по натуре своей и происхождению — двоеверец, в нем удивительно уживаются христианские обычаи и обряды с языческими. Может быть поэтому шаманизм как разновидность язычества оказался популярным у северных русских старожилов. В немалой степени этому способствовали суровые климатические условия, оторванность от культурных центров, а также относительно тесное общение с аборигенным населением.

В устном народном творчестве сохранилось много легенд и рассказов о колдунах, ведьмах и шаманах — людях, обладающих сверхъестественной силой. Причем рассказчики, соблюдая принцип достоверности, зачастую опирались на конкретные лица, точные даты либо на предания о происхождении гор, озер и т.п., т.е. имели точную географию.

К примеру, в районе современного Оленегорска есть небольшая пещера, поэтому это место называется Хаягастах, что в переводе с якутского означает 'дырявое'. Подобная же пещера находится на о-ве Каменном в устье Колымы. Там местечко именуется Дыровато. Легенда гласит, что давным-давно две большие удаганки гонялись друг за дружкой, влетели под землю на Индигирке и выбрались на свет божий на Колыме.

Если человек страдал тяжелой продолжительной болезнью, не поддающейся лечению «своими», т.е. народными, средствами, жители Походска и Русского Устья охотно прибегали к помощи шаманов, хотя православная церковь и администрация формально запрещали это делать.

Вера в шаманов оказывалась настолько сильна, что даже духовенство иногда было вынуждено обращаться к их помощи. Миссионер-священник Андрей Аргентов в своей книге «Пятнадцать лет в Нижнеколымском крае» смело высказал интересные мысли о шаманах: «...Одним своим визитом много пользы дает шаман больному. Влияет на воображение страдальца благотворно, поддерживает дух, возбуждает надежду, ободряет ближних. И вот, извольте видеть, я горою стою за моих шаманов. Надобно согласиться, что смышленые шаманы полезны там, где до лучшего не доросли, где лучшего взять негде. Правда, шаманы обирают простаков, но тот же грех и не за шаманами водится»[9].

Г. Ципперович, отбывавший 10-летнюю ссылку на Колыме, приводит случай, произошедший в Среднеколымске: «Из казенного амбара пропала шкатулка с 20-ю тысячами рублей. Несмотря на все усилия, ни денег, ни вора найти не удалось. Тогда был приглашен самый лучший шаман, который должен был вызвать духов и справиться у них, кто же похитил деньги. К чести этих духов, нужно сказать, что функции сыскного отделения им пришлись не по вкусу, а их посредник-шаман довольно лукаво увильнул от прямого ответа. "На деньгах, — сказал он, — есть водяные знаки, а над водяным духом я не властен"»[10].

Колымчане и индигирцы чаще всего обращались к юкагирским и якутским шаманам, привозя их издалека. Шамана встречали как дорогого гостя, выставляли лучшие кушанья. К вечеру начиналась подготовка к камланию: зажигали огонь в камельке, заносили шаманскую одежду, сушили бубен. Поздним вечером, притушив свечу и уменьшив огонь в очаге, стелили на пол «депшу» — вышитую бисером шкуру молодого оленя — неизменный шаманский атрибут.

Все домочадцы выходили на двор и справляли естественные надобности, ибо во время камлания выходить из избы запрещалось. Последним выходил на улицу шаман. И что характерно, сначала он произносил православную молитву, крестясь на восток, потом на родном языке звал своих духов явиться к нему для помощи больному. У русских северян духи именовались «врагами», а сила шамана определялась по количеству у него своих «врагов», т.е. помощников.

«Заполучив» врагов, шаман медленно, нахлобучив на голову малахай, входил в избу. В тот момент, когда он подходил к депше, кто-нибудь высекал огнивом огонь с таким расчетом, чтобы искры падали на депшу. Это делалось для того, чтобы согнать с нее посторонних недобрых духов (врагов). Шаман усаживался на депшу лицом к двери. Двое из присутствующих подходили и садились к нему спиной, начинали колотить в бубен и петь. Шаман начинал подпевать и постепенно входил в экстаз, тогда «раздразнители» отдавали ему бубен и колотушку — «булуях», а сами уходили к зрителям.

Во время приглашения шамана подбирался его «толмач» — переводчик. На него возлагалась большая ответственность — помогать шаману устанавливать контакт с больным, точно переводить его указания и комментировать его действия. Через толмача шаман спрашивал, для чего он приглашен. Родственники подробно рассказывали о больном, обстоятельствах, при которых он заболел, и просили помочь. Шаман отвечал, что постарается облегчить страдания больного, но при неудаче просил не обижаться на него. Затем ударял в

бубен — приглашал духов. Те «являлись» и спрашивали, по какому поводу он их вызвал.

«...Разыгрывалась сценка с вопросами и ответами, в которой шаман играл несколько ролей. "Посоветовавшись" с духами, шаман с пением подходил к больному и искал "худобу" — болезнь, находил ее и сильно бил в бубен. Затем брал худобу и уносил ее в "дальнюю дорогу", т.е. топтался у порога 15–20 минут, плясал, бил в бубен и пел. Возвратившись из дальней дороги, шаман садился на депшу и рассказывал, что худобу он спровадил и что она больше не вернется, если будут исполняться его наказы: больному нельзя три дня брать в руки остроконечный железный предмет, нельзя в избе громко кричать, бренчать и т.п. Больному должен быть обеспечен полный покой. Его нельзя вечером одного выпускать на улицу, а то он ненароком может "сдрогнуть" — резко испугаться чего-либо, оказаться в шоковом состоянии» (записано в 1961 г. со слов М.И. Чикачева, 57 лет).

Верили, что у каждого человека есть «стень» — некая энергофизическая оболочка, которая оберегает его от болезней. Когда она (оболочка) разрушается, человек становится пугливым, раздражительным, безразличным, сонливым, равнодушным к жизни и болезненным. Такое состояние объяснялось просто: «У него улетела стень». Наконец, он может умереть. Поэтому такого человека нельзя пугать, раздражать — иначе он может «сдрогнуть», стень может снова улететь навсегда.

После отъезда шамана в доме должен оставаться «шаманский дух». Для сохранения этого духа надо иметь «телохранителя», своего «караульщика — беса» шаман через три дня снимал с поста. Постоянным хранителем своего духа шаман обычно выбирал спокойную собаку, песцовую шкурку или платок с темным рисунком — все это называлось «делбиром». Если после отъезда шамана состояние больного не улучшалось, то его натирали делбиром или привязывали около его постели собаку — делбира.

Камлание заканчивалось тем, что шаман прощался со своими духами, благодарил их за помощь, снова пел, плясал и бил в бубен. Потом он выходил на улицу и по возвращении переодевался в повседневную одежду.

Иногда шаманов просили «ладить счастье», «присушивать» и т.п. Под «счастьем» понимали фарт, удачу на промысле рыбы и песца.

На Крайнем Севере, в Якутии было широко распространено поверье о так называемой «жиганке». Утверждали, что блуждающая тень знаменитой недоброй жиганской шаманки Агрофены может вселиться в любого человека. Упомянутый выше А. Аргентов свидетельствовал: «Больному становится лихо, теряет сознание. Ему мерещится женщина с распущенными косами. Жиганку не называют жиганкою, а говорят: "Она". У нее одна про всех монотонная песня: "Го-го-го!" 28-летний здоровый парень гоготал неустанно двое суток и умер на моих глазах не приходя в сознание»[11].

В начале XX в. были две неудачные попытки, когда шаманами хотели стать лица из числа русскоустьинцев. Но общество это восприняло как курьез, балаганное развлечение, вызвавшее надолго массу анекдотов и частушек. Считалось, что шаманизм — «компетенция» исключительно аборигенных народов и что камлание никак не может исполняться на русском языке.

После Октябрьской революции «главным доверенным» шаманом у жителей Русского Устья был юкагир Митрийчан (Д.Е. Лебедев), имевший большую известность и уважение среди обитателей Колымо-Индигирской тундры. По рассказам очевидцев, его действо поставило на ноги немало страдальцев. Думаю, что все они не могли говорить неправду. Митрийчан перебрался на постоянное жительство в Русское Устье, работал в колхозе, а дети его учились в школе. Скончался он в 1947 г. В Походске тоже был свой «участковый» шаман — некто Мундукан.

В заключение хотелось бы привести слова Ф.Ф. Матюшкина, известного полярного исследователя, лицейского друга А.С. Пушкина: «Ко мне шаман был очень милостив. Если верить его словам, все-все будет хорошо, я всегда буду здоров и через три года в Царском селе ... Мелкие обстоятельства, которые случались со мной по приезде в Нижнеколымск, сколь бы не были невероятны, но все они с удивительной точностью были предсказаны шаманом.

Не на магнетизме ли основано шаманство? Оно есть вера, а никакая вера не может существовать без предрассудков (иначе она делается наукой), и для того выдуманы черти, бубны, платья и прочее. Все это более чем нагая истина, ослепляет и очаровывает чувства и ум дикого и даже просвещенного человека»[12].

Поверья, приметы и запреты

Северяне именовали себя православными христианами, но верили в «сендушного» — лешего, «пуженку» — черта, водяную хозяйку — «сушедку».

«Сендушный», или леший, — хозяин тундры в образе человека, только без бровей и ресниц. Носит обычную одежду, которую застегивает наоборот — правую полу на левую. Он семейный. Ездит на нарте, запряженной волками, боится креста, поэтому в церковь не

заходит. Любит картежную игру, но без трефовых мастей, так как они напоминают крест. Уверяли, что некоторые «знатоки» — колдуны — иногда встречались с сендушным, резались с ними в карты. Под конец игры христианин вынимал из кармана трефовую карту и кидал на стол со словами: «Кресты — козари!» Тогда сендушный говорил: «Я проиграл», — и молча уезжал. После этого охотник успешно промышлял песцов. Но случалось проигрывать и охотнику. Тогда из его семьи кто-нибудь исчезал бесследно, чаще всего девушка. Считалось, что сендушный ездит по тундре и распевает:

Цветы алые бракую,
Милой не дарю.
Цветы алые вышиваю,
Милой отсылаю.
Холостой мальчик гуляет,
Девушку завлекает.
Не садись, моя милая,
Против холостого.
Не ходи, моя милая,
К соседу до беседы,
Холостой бровями водит,
Из ума выводит.
Не садись, моя милая,
Против холостого,
Холостой мальчик гуляет,
На двор вызывает.

На нижней Индигирке излюбленным местом встречи колдунов с сендушным считалось устье рч. Волчьей. Местные «знатоки» тоже сложили свою песню, связанную с этими встречами:

На Усть-Волчьей к китычку
Собирались ершички.
Стали в картушки играть,
Трефовую потешать.
Вот бубновым он сходил,
Я пиковым перекрыл,
Вот червоным-то он стукнул,
Я трефовым перестукнул
(записано в 1966 г.
со слов И.И. Каратаева, 65 лет).

На случай встречи с сендушным существовали «правила безопасности». Увидев его, следовало перекреститься и провести вокруг себя на земле черту или поставить крестик.

Водяная хозяйка представлялась в образе женщины с распущенными волосами. Она ведала богатствами рек и озер. «Пуженка» и «кикимора» — носители дурного, злого начала. Считалось, что кикимору закладывали в виде маленькой деревянной куклы во время строительства дома злые люди. Пуженка ходила по ночам, стучала, являлась в различных образах и всячески отравляла жизнь обитателей дома. Поэтому прежде, чем поселиться в новом доме, его окуривали и окропляли святой водой.

Верили также в «еретиков», т.е. в тени умерших безбожников, которые бродят по ночам. Имелось даже выражение: «Что вы шатаетесь по ночам, как еретики!»

По представлениям старожилов, в каждой избе должно быть мифологическое существо — «сушедко». Это добрый дух — хранитель домашнего очага, который перекочевывает с хозяевами из старого дома в новый. Он представлялся в образе маленького грязного старичка с белым песцовым воротничком. Взрослые иногда упрекали неряшливых ребятишек: «Что ты испачканный ходишь, как сушедко». В каждом доме в углу за камельком обязательно висела одна юкола, символизирующая пищу доброго сушедки. Этот дух был тесно связан с духом огня. Когда семья поселялась в новой избе или переезжала из летнего жилища в зимнее, хозяйка разводила огонь в очаге, бросала туда кусочки пищи и приговаривала: «Дедушко Сушедушко, кушай».

«Стихея» в глазах северян существо могущественное. Она выступала наравне с Богом. «Бог есть или нету, но он далеко. А Стихея вот она — рядом». Почитание стихии выражалось в обращениях к морю, тундре, Колыме и Индигирке. Бросали в море подарки с восклицаниями: «Батюшко Сине Море, прекрати погоду! Не дай погибнуть православным христианам». Когда после ледохода первый раз переезжали реку, обязательно бросали в нее разноцветные кусочки ткани, приговаривая: «Матушка Колыма (Индигирка), прими от нас подарочек».

«Сендуха» — это не только тундра, а понятие более широкое: суша, окружающий природный мир. Она кормит человека, поэтому отношение к ней особое. На Сендухе нельзя громко кричать, плакать, смеяться и т.п. Когда в пути останавливались на чаепитие, обязательно «кормили огонь», бросая в него кусочки пищи, оставляли пестрые лоскутки на палочках. «Где человек огонек топил, где чаечек попил, то место три года радуется», — говаривали старики.

Очень боялись грома, особенно женщины, считали, что Илья Пророк разъезжает на колеснице. Как только начинал греметь гром, все заходили в избу и не разводили большого огня. Во время раскатов женщины крестились и повторяли: «Свят дух! Свят дух!»

Накануне Крещения Господня девушки гадали. Основной темой гадания было замужество. Старались узнать, в какую сторону вый-

дешь замуж, сколько будет детей, долго ли проживешь и т.п. Следующими способами пытались узнать облик будущего мужа:

— Пристально смотрели в колечко, которое опускали на дно стакана с водой, пока не привидится образ суженого.

— Уединившись в бане, смотрели в зеркало. Сами садились спиной к нему, другое зеркальце держали пред собой и, оставаясь в неподвижном положении, довольно продолжительное время (около часа) пристально смотрели. В зеркале якобы мог появиться образ. Этот метод гадания применялся редко, так как бань было мало, а также потому что требовались большая выдержка и самообладание.

— Ночью выходили на улицу и слушали, в какой стороне залают собаки — оттуда и ожидай сватов или в той стороне твоя невеста.

— Состригали ногти и поджигали их, направление дыма указывало, в какой стороне находится суженая.

— Количество будущих детей можно было узнать по количеству окружностей вокруг луны, которая отразится в наведенном на нее зеркале. Или наливали в миску воду и выносили на двор. По количеству замерших пузырьков воздуха и «определялось» количество будущих детей.

С новогодней ворожбой было связано и представление о «шиликанах» — демонах, которые живут в воде и выходят из проруби во время Святок. Шиликан имеет вид маленького, с кулак, человечка. Он может забираться в избы, амбары, из-за чего продовольственные запасы быстро истощаются. Чтобы шиликаны не остались после Святок, на стенах, окнах и дверях ставили углем крестики. «Я приехал в Русское Устье 20 января 1912 г. и во всех избах и амбарах над дверями и в углах нашел намазанные углем или накопченные свечой крестики. После расспросов для меня выяснилось следующее: русскоустьинцы верят в существование "шиликанов" (или шилюканов). Эти шилюканы нечистая сила. Рассказывали, что два года назад на реке они девушку утопили, заманив в прорубь. Таков в Русском Устье "прилог" (предание) о шилюканах. Между прочим, у Маака встречается слово "шелюкан" в значении нечистого духа»[13].

Считали, что «будуница» — пчела — является чуть ли не священным насекомым. Рассказывали, что когда Христа распяли, хотели пригвоздить его в сердце, прилетела будуница и села ему на грудь, тогда жиды сказали: «Он уже пригвожден в грудь», — и не пригвоздили. Поэтому убивать будуницу — грех.

Узнать, будет ли скоро гость, можно таким способом: укрепить лучину стоймя в полу, верхний конец ее расщепить и в расщелину вставить небольшую распорку. Эту распорку надо поджечь посредине. Если огонь отскочит в передний угол — значит скоро будет гость.

Отправляющиеся в путь вели в основном разговор о том, какая погода ожидает их в дороге. Ведь от этого зависел успех дела. И естественно, ворожба, приметы и поверья были направлены в основном на то, чтобы умилостивить Стихию, задобрить ее — создать благоприятные условия для жизни и труда.

Если гагара летит против ветра, то он должен скоро стихнуть, а небо — проясниться. В таком случае, завидев летящую гагару, распевали: «Гагара-а-а, лети на низовой, на низовой (или на верхоской), небо чисти, небо чисти!»

Зимой, если долго стояли ясные морозные дни, призывали облака. Для этого женщина собирала «махнашки» — кусочки шерсти, «сметье» — различный сор с пола, бросала в огонь и приговаривала: «И-и, батюшка. Царь-огонь, дай "морок" — облака, дай тепло моему дитятке!» Если же долго стояли пасмурные дни, то бросали в огонь кусочки мамонтовой кости со словами: «Будь тихо, будь ясно!»

Иногда выносили на улицу икону, молились перед ней, прося утихомирить «Стихею»: «И-и, Николай Чудотворец, погоду укрути!»

«Против» непогоды применялся и такой способ: человек, родившийся в тихую ясную погоду, раздевался догола и бегал по тундре с криком: «Будь ясно! Будь тихо! Будь такой день, в какой я родился!»

Верили, что некоторые люди могли «спускать сату», т.е. создавать на некоторый срок определенную погоду. Спускание саты, видимо, перенято у якутов. Н.А. Худяков считал, что «сата» — камень, обладающий магической силой. Человек, имеющий такой камень (который он никому не показывал), мог вызывать необходимую погоду[14]. Если он желал дождя, то приговаривал: «Пусть идет дождь со снегом!» Если желал ветра и холода: «Пусть холодный сток три дня дует!» Чаще всего «сату спускают» весной, чтобы снег подмерз и легко было ехать, когда не завершены какие-либо хозяйственные дела.

Камень «сату» называли иногда «громовой стрелой», которую иногда находили после грозы. По всей видимости, это был маленький метеоритный осколок.

Много поверий и запретов связано с рыболовством и охотничьим промыслом. К примеру, охотникам, поджидающим диких оленей, следовало держать во рту щепку, чтобы его мысли не могли узнать звери. Охотники никогда не употребляли слов «добывать», «убивать», «промышлять», «ловить», «стрелять» и т.п., а говорили: «Пошли караулить оленей», «Пошли на Сендуху», «Поехали по пастям», «Поехали на озеро» и т.п.

При разделке дикого оленя охотник никогда не отдаст голову животного, чтобы вместе с ней не отдать свой промысловый фарт.

Провожая на охоту сына или мужа, женщина осеняла его крестным знамением. Со двора заносила несколько щепок и клала их у камелька. Они означали добытых песцов, гусей, оленей. В день отъезда мужа в дальнюю дорогу мыть в избе пол категорически запрещалось, иначе он не вернется.

Медведя называли дедушкой. Его не убивали, а «промышляли». Если дома шел разговор о медведях, то тут же обращались к огню: «Батюшка Царь-огонь, не сказывай!» Есть медвежье мясо матери охотника и беременным женщинам запрещалось. Голову и легкие убитого животного закапывали. Считалось, что огонь, медведь и горностай являются братьями, а вода — их старшая сестра.

Запрещалось вынимать из пасти — ловушки — песца против направления его движения, а также класть его на нарту головой назад. Нельзя кормить головами песцов собак. Топтать шерсть пушных зверей — грех. Есть беременной женщине головы гусей и уток — грех. Нельзя женщине перешагивать через весло — у гребца будут руки болеть. Варить озерную рыбу нельзя — озеро может «осердиться».

Вновь изготовленный невод окропляли «святой» водой. Бывали случаи, когда невод «уросил», т.е. плохо ловил, тогда его окуривали ладаном. Если не было ладана, то его заменял обыкновенный багульник. Вообще багульник играл на севере универсальную роль — им окуривали не только невода, но и избы, гробы, женщин после родов и т.п.

Если случалось, что через ружье случайно перешагнет женщина, то его тоже окуривали. Если же ружье «уросило» и окуривание не помогало, то шли на крайний метод: клали его под порог, чтобы через него случайно перешагнула женщина — клин клином вышибали.

Снятую обувь нельзя класть вверх носками — умрешь. Поливать воду умывающемуся наотмашь нельзя — умрет. Утираться одновременно полотенцем двоим — счастье воровать друг у друга.

Запрещалось мальчикам есть птичье сердце — будут трусами. Срывать в тундре «погоду» — грибы — категорически запрещалось — будет ненастье.

Девушке нельзя мыть полы с отдыхом — муж будет бить тоже с отдыхом. Нельзя в изголовье человека класть сети — «ум будет путаться», т.е. будет помешательство (записано в 1965 г. со слов М.С. Портнягиной, 72 года).

А вот некоторые приметы:

— Ребенок «нямгается» — капризничает — к приезду гостей.

— Грудь у женщины ноет — «титьки ломит» — к болезни или смерти ребенка. Если ребенок находился в другом месте — значит он болеет или голодает.

— Если во время разговора при утверждении чего-либо «щелкает огонь» — говорящий лжет или случится противоположное утверждаемому.

— Младенец или собака портит воздух — к сытости.

— Пульсация в висках — «голову бьет» — приезд гостей или начнется ветер определенного направления.

— Если собаки зарываются в снег — скоро будет пурга.

— Облака быстро движутся — к ветреной погоде.

— Багровый закат — к плохой погоде.

— Луна в радужном кругу — к пасмурной погоде.

— Гусь летит высоко — к теплой погоде, низко — к холодной.

— Конь зевает — к ненастью.

— Паук на паутине поднимается вверх — будет подъем воды в реке, опускается вниз — спад.

— Песец осенью рано белеет — к ранней весне.

Приведем несколько примеров толкования снов:

— Собаку во сне видеть — к приезду друга.

— Есть во сне мясо — к неприятностям.

— Кровь во сне — к встрече с родней.

— Если во сне женщина надевает серьги, кольцо, берет в руки ножницы — родится девочка, видеть же топор, ружье, лук — родится мальчик.

— Видеть во сне веревку, значит предстоит дальняя дорога, если веревка белая — дорога будет хорошей, если черная — к неприятности (записано в 1971 г. со слов А.И. Шкулевой, 75 лет).

Похоронные обряды

Верили, что природа неравнодушна к тому, что делается в жизни людей, она так или иначе отзывается на людские горести и радости. Умрет сердитый человек — пурга подымется, тихий добрый — день ясный, безветренный стоит. Необыкновенная удача, чрезмерно богатый промысел песца, рыбы, оленя воспринимались как нехороший признак — «счастье торопится».

Считали, что жизнь человека определяется еще при рождении. Если женщина долго мучилась при родах, то делали предположение: «Верно, Бог ему еще судьбу пишет». Думали, что от самого человека судьба не зависит, все зависит от Бога. «Молодостью не жить, а старостью не помереть» — такой поговоркой выражается мысль, что навсегда умирает старый, оставляя место молодому. Верили также, что некоторые явления могут быть предвестниками смерти. Так, если собака воет по ночам, опустив голову, или роет во дворе яму — кто-то

умрет. Матица в доме трещит или зеркало разобьется — к покойнику. Видеть во сне, что выпал зуб с кровью — это предвестие смерти.

Пожилые люди к смерти готовились заблаговременно. Прежде всего готовили «смертную лопать» — одежду и обувь. Завещали себя хоронить на высоких местах, вблизи проезжих дорог, чтобы кто-нибудь из путников мог добрым словом помянуть усопшего. Следует сказать, что слово «кладбище» было малоупотребительно. Вместо «Он ходил на кладбище» говорили: «Ходил к покойникам», «Посетил родителей».

Момент смерти представлялся так: вместе со смертью является и ангел, посланный Богом по душу, которая выходит через рот и улетает в небо. Усопшего обмывали теплой водой, поливая из ковша наотмашь. Если человек умер вечером, то обмывание должно завершиться до потухания зари. Одевали и клали в передний угол под иконы, накрывали белым полотном. Постель и одежду покойного увязывали в большой узел и вывешивали на высоких жердях около кладбища. Через сорок дней узел снимали и использовали его содержимое как кому угодно.

Покойник лежал в доме три дня. Все это время около него велось круглосуточное дежурство, читался псалтырь, жглись восковые свечи и т.п. Считалось, что умерший в течение трех дней все слышит, только сказать ничего не может. Усопшего клали в гроб перед самым выносом, при этом приговаривали: «Святы крепки, святы бессмертны». Во время выноса гроба было принято усиленно плакать — выговаривать свое горе. Определенных сложившихся текстов причитаний не существовало. Можно привести пример, как жена плачет о муже:

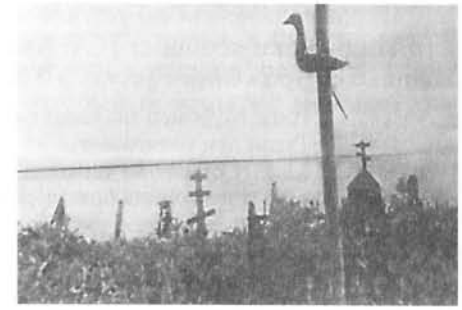
Сокол ты мой ясный,
На кого ты меня покинул,
На кого ты оставил малых детушек.

Во время прощания покойника целовали в лоб, при этом старались не уронить на него слезу, иначе на том свете каждая слеза будет его колоть. Крышку горба заколачивали в помещении. Из окна наблюдать похоронную процессию — грех, следует выйти на улицу, осенить ее крестным знамением и совершить несколько поклонов.

Тело выносили ногами вперед, при этом приговаривали: «Вот мы тебя хорошо провожаем, за что ты на нас не станешь сердиться».

Могила глубиной не менее 1,5 м должна располагаться по направлению с запада на восток. В нее сначала укладывали деревянный сруб. Гроб спускали на веревках и закрывали поперечными досками. Каждый из присутствующих бросал горсть земли. В восточной части

могильного холма ставили деревянный восьмиконечный крест. Впоследствии над могильным холмиком устанавливали деревянное надгробие — «голбас».



Старинный походский погост (*фото В. Мартынова*).

Для кладбища выбиралось сухое возвышенное место — «веречья» — в 1,0–1,5 км от жилья. Иногда на кресты прибивали иконы. На могиле разбивалась посуда, которой пользовался больной. В гроб клали курительную трубку и табак. Если родственники хотели, чтобы умерший пришел «ояви», т.е. вернулся в образе ребенка, то в крышке гроба делали отверстие. А если, наоборот, не желали его возвращения, то вбивали в могилу осиновый кол. Верили, что покойник, особенно если он пожилой, иногда может унести с собой души других людей. Поэтому, возвращаясь с погребения, по дороге ставили маленькие крестики — «запирали дорогу».

Пока совершалось погребение, в избе умершего шли приготовления к поминкам. Сжигали на дворе стружки от гроба, мыли полы и т.п. Когда в доме находился покойник, подметали и мыли пол от порога к переднему углу. Как только вынесут гроб — сразу же мыли от переднего угла к порогу. Пришедшие с кладбища непременно умывались и окуривались. Обязательным блюдом на поминках считались оладьи с примесью толченой икры.

В первую ночь после похорон также устанавливалось дежурство. На кровать, где лежал умерший, нельзя садиться раньше чем через сутки. Считалось, что ангел-хранитель еще в течение суток должен прилетать в дом. Поминки справлялись на девятый день, на сороковой и в годовщину смерти, родственники в день поминания должны сходить на могилу, разжечь там небольшой костер и бросить туда кусочки пищи.

I.5. ДРЕВНИЙ И НОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

Колымо-индигирские русские старожилы, оторванные от основного этнического массива, находясь в многолетнем иноязычном окружении, ставшие по крови ближе к аборигенам, упорно стремились — и сознательно, и интуитивно — сохранить свою духовную жизнь тождественной духовности предков, передавая из поколения в поколение произведения традиционного поэтического наследия.

Первые сведения об устном народном творчестве жителей нижней Индигирки сообщил Н.А. Худяков, записавший в 1868 г. в Верхоянске от уроженца Русского Устья восемь сказок и две былины:

Илья Муромец по кораблику похаживает,
Тугой лук натягивает,
Калену стрелу на тетивочку накладывает:
«Ты лети, моя калинова стрела,
Выше дерева стоячего,
Выше облака ходячего,
Подстрели ты серу утицу...»[1].

В 1912 г. В.М. Зензинов в Русском Устье услышал вариант песни о Стеньке Разине, записанный в свое время А.С. Пушкиным:

Во городе то было, во Астрахани,
Появился детина — незнакомый человек.
— Ты откуль взялся, детинушка, незнакомый человек,
Ты казанский, али московский, али востроханский?
— Не казанский, не московский я, не востроханский,
Я со Камень со реки, я — Стеньки Разина сынок.

Экспедиция под руководством Т.А. Шуба за два месяца работы в 1946 г. записала 62 сказки, 11 былин, в том числе много исторических: «Ермак», «Милославский», «Платов» и др. К сожалению, многое осталось не зафиксированным.

В 1986 г. «Пушкинский дом» выпустил книгу «Фольклор Русского Устья» объемом 33 печатных листа. Она содержит во многом уникальные записи, производившиеся от русскоустьинцев на протяжении 100 лет участниками ряда экспедиций и отдельными собирателями.

В ней представлены все основные виды песенного творчества и прозаического фольклора: былины, исторические, балладные, лирические песни, обрядовая поэзия, частушки, сказки, предания, легенды, пословицы и поговорки, загадки, составляющие необычайное богатство и разнообразие как по содержанию, так и по языку. Большой русский писатель В.Г. Распутин охарактеризовал этот сборник так: «"Фольклор..." — это уже не о Русском Устье, а из Русского Устья, это поэтическая исповедь, самосказание таинственной души, ее вдохновенный распев»[2].

Есть в сборнике немало произведений, нигде более незаписанных. Часть текстов отражает своеобразный быт русских рыболовов и охотников Крайнего Севера Сибири, записи передают выразительный и красочный народный язык, сохранивший исконные черты северно-русских говоров. Большая часть книги состоит из репертуара С.П. Киселева по прозвищу Хунай, который, по сведениям Н.А. Габышева, знал 60–70 штук одних только сказок. А до этого никто в России не знал, что на берегу Ледовитого океана жил невзрачный бедняк Семен Петрович Киселев, в голове которого хранился огромный сказочно-былинный эпос и который помнил не меньше, чем легендарный Гомер.

Участники бывших здесь экспедиций постоянно отмечали исключительную приверженность местных жителей к русской старине. Благодаря этому и сохранность древнерусского фольклора оказалась здесь столь высокой.

Местная эпическая традиция донесла до собирателей в той или иной степени сохранности несколько былинных сюжетов: «Илья Муромец и Идолище», «Добрыня Никитич», «Алеша Попович и Тугарин» и др.

Срубает Алеша у Тугарина по плеч голову.
Пал тут Алеша на Тугаринова коня,
Своего коня в поводу повел,
А Тугаринову голову на востром копье повез.
Выходила душечка княгиня Апракшея:
«Знать-то ясного сокола по полеточке.
Тугарина Змеевича по поездочке:
Едет Тугарин на Алешином коне,
Своего коня в поводу ведет,
Алешину голову на востром копье везет».
Как разъехался Алешенька Попович блад,
Бросает Тугаринову голову:
«Не назвать бы тебя, тетушка, княгинюшкой,
А назвать бы тебя сукой кончею, безхвостою.
А не назвать тебя, дядеко, Владимир князь,
А назвать тебя только свонником!»

* * *

Шел калига перехожая, переезжая,
У калиги шуба — гармажин сукна,
У калиги посошок — кипарис древо,
Кипарис древо — всем древам древо.
Увидал калига — стоят три царя:
Федошейко царь да Федошеевич,
Волтоменко царь да Волтоменович,
Кудреванко царь да Кудреванович.
Подымалась туча грозная,
Выпадала книга «Голубельный цвет».
В долину-то книга тридцати сажен,
В ширину-то книга двадцати сажен,
В толщину-то книга печатна сажень.
Берет калига книгу единой рукой
И читает на единый дух.

А читал ту книгу ровно три года,
А писал ту книгу сам Иисус Христос:
Отчего зачался у нас Белый Свет,
Отчего зачалось Красно Солнышко,
Отчего зачались красны звездочки,
Отчего зачалась мать плакун-трава.

Особой популярностью на Индигирке пользовалась древненовгородская былина о купце-гусляре Садко, который укротил бурю на Ильмень-озере, оборвав струны гуслей, веселящих буйного морского царя. Ее исполняли при затяжных ветрах:

«Собирайтесь, дружки, во един кружок,
Сделаем жеребьи легкие из чистого золота,
Бросим в море во Холбинское.
Чей будет жеребий сплувать поверх воды,
Чей будет жеребий сплувать посредь воды».
И бросали жеребий во сине море.
Все жеребьи поплавливают,
Садков-то жеребий, как ключ, ко дну.
В ту пору Садко запечалился:
«Немало раз я по морю бегивал,
Морского царя не одаривал.
Сделайте бочку хрустальную,
Бросьте меня в море во Холбинское».

Этой былине приписывалась магическая сила. При ее исполнении восклицали: «И-и, Садко, гость богатый, славный новгородец, погоду укрути!» Хорошо помню, как мой дед Чихачев Николай Гаврилович, пропев эту былину-молитву, выходил на двор и в стороне от избы ставил в тундре маленький деревянный крестик. Исполнять же «Садко» в тихую ясную погоду категорически запрещалось, так как это могло вызвать обратный эффект.

Любопытно отметить, что в былинной традиции русских иногда случается, что на их репертуаре отражаются местные особенности. Так, в былине «Алеша и Тугарин» есть упоминание о р. Уяндине — левом притоке Индигирки:

— Мы поедем, слуга, на Вуяндину.
— На Вуяндину яхать не выяхать:
На Вуяндине девки заманчивые,
Нам за девьими гузнами залежатися.
Мы поедем, Алешенька, блад,
Ко Солнышку, ко Владимиру.

Будучи важнейшим в сохранении духовно-психологического облика видом народной культуры, сказки для индигирцев и колымчан

зачастую являлись не просто забавой, но важной частью их бытия. Сказки играли свою роль в этнопедагогике. Приведем для примера один текст.

Кот-баюн*

Жил-был хришьянин. У него сын. Этот парень ходит по городу и ребэтишек обижат. Об онну пору сар призвал его и дал ему прозвище Ванька Бесприпутельный. И приказал, чтобы его нигде не принимали. Пошел он в один город и зашел в одну палату. Там девка живет. Он стал у этой девки жить. Узнал сар, призвал этого парня и сказал: «Иди в лес, там привязанный железными цепями кот-баюн есть. Его приведи». Ланно.

Пришел к девке значит он, рассказал. Она ему: «Спасу помолись, спать ложись. Утро вечера мудренее». Утром встали. Она дает ему три прута: железный, менный и оловянный. Дает большие шипцы и говорит: «Пойдешь в лес — будет завязанный кот-баюн. Этими щипцами зажми ему рот. Первым прутом дери его оловянным, потом — железным, потом — менным. Кот-баюн взмолится: "Я буду служить чибе". Тогда ты его приведи к сару».

Пошел этот парень в лес, нашел привязанного кота-баюна. Он направо пойдет — песню поет, налево пойдет — сказку сказывает. Зажал ему рот щипцами и стал драть оловянным прутом. Когда он изломался, стал драть железным. Драл-драл — и железный прут сломался, тогда да он стал драть менным. Прут гнется, но не ломается. Тозна, значит, кот взмолился: «Отпусти, — гуврит, — буду тебе служить». Он тозна кота отвязал и привел домой.

Сар его вызвал и говорит: «Приведе ко мне кота-баюна». Парень привел кота-баюна и сказал: «Покажи свою храбрость». Тут кот стал рявкать, огнем палить, дымом душить. Сар испужался и сказал: «Убери кота-баюна». Маленько пожили. Опять сар парня кличет: «Поди, — гуврит, — в лес, принеси не живое, не мертвое». Пошел в лес, поймал воробья и подал сару. Сар руку протянул, но воробей улетел. Парень сказал: «Вот чибе не живое, не мертвое».

Опять пожили, опять сар кликнул: «Поди, — гуврит, — туда, сам не знаешь куда, принеси то, неведомо что». Пошел. Видит: гора, а в горе дыра. Вошел в эту дыру. Стоит дом запретый. Парень спрататса. Видит: идет старичок, сам с ноготок, борода по полу водокоца. Вошел в этот дом и сказал: «То, неведомо что, приготовь обед!» Ниоткуль, значит, вшо свареное, приготовленное на столе оказалось. Старик пообедал и ушел.

Этот парень вошел в дом и сказал: «То, неведомо что, приготовь обед!» Вшо появилось на столе. Шал обедать и сказал: «То, неведомо что, обедай со мной». Отвечает голос: «Какой хорошей хозяин! Я у этого старика работаю три года, и не разу не приглашал обедать». Парень гуврит: «Тозна пойдем со мной», — тот отвечает: «Пойдем». — «Ты как пойдешь?» — «У чиба в кармане». Парень в кармане ищет — нихто-да ниту. Пришел в свой город.

* Сказка записана с диалектными особенностями произношения, характерными для Русского Устья.

Сар его вызвал: «Нашел?» Парень отвечает: «Не нашел». Тозна сар ему гуврит: «Будем чиба казнить. Завтра повесим». Парень просит: «Сострой большой дом, чтобы все люди города поместилися». Состроили этот дом. Весь город пришел, а сара нету. Парень сказал: «То, неведомо что, постав столы и стулья». Все появилося, вше люди ушелиша. Сар пришел. Парень сказал: «То, неведомо что, расстав посуду». Посуда и разные закуски появились. Сар такие продукты никогда не ел. Иные продукты ест, иные в карман кладет — шибко обзарился. Люди все напились и наелись. Сар вышол и удавился. Парень шал на его сарство. А девку сделал сарицой.

* * *

«На Индигирке еще заметны следы некогда процветающей высокохудожественной эпической традиции, — писал в 1985 г. Ю. Смирнов, — именно здесь были записаны наиболее яркие по мелодичной выразительности песни. Индигирцы Н.К. Рожин, Е.С. Киселев донесли до наших дней напевы и манеру исполнения, присущие именно эпическому песенному творчеству и, прежде всего, искусству сказителя»[3].

В наши дни, пожалуй, только здесь можно услышать песню, принесенную прадедами, о славном русском воеводе М.В. Скопине-Шуйском:

Скакал Скопин с горы на гору,
Он быстрые речки перепрыгивал,
Он круглые озерья промеж ног пускал,
Он грязи и болота хвостом застилал.
Выходит Скопин на Святую Русь.
Воходит Скопин во большую церковь,
Служит он молебны великие:
«Ох же, мать ты Божия, пречиста Богородица,
Помоги победить тварь поганую!»

или

Полетим, кукушечка, в Казань-городок.
Казань-городочек на красе стоит,
Казанская реченька медом протекла,
Мелки ручеечки — сладкой водочкой,
По бережку камушки разноцветные.
Врешь ты, врешь, молодчик,
Врешь — обманываешь:
Казань-городочек на костях стоит,
Казанская реченька кровью протекла,
Мелки ручеечки — горькими слезами,
А по бережку камушки — буйны головы.
(Это о покорении Казани дружиной Ивана Грозного.)

На память приходят картины, навеянные далеким детством... Зима. Полярная ночь, за стенами избушки воет пурга. Ярко горит камелек. Звучит напевная русская речь. Все мы — и взрослые, и дети — с замиранием сердца слушаем повествование о далекой Прародине, недосягаемой и «мудреной Руси», где встречаются оригинальные поэтические образы:

— И стали они Бога просить, молебны служить, приклады пригладывать: «Дай нам, Боже, не то сына, не то дочь, при младости — на утеху, при старости — на замену, при смертном часе — на помин души». Дни, часы исполнились — родился мальчик, растет не по годам, не по месяцам — как пшеничное тесто на опаре поднимается, так и он к верху.

— Красавица коска из коски в коску до проливного мозгу — утром зорю посмотреть.

— Молодцы — усы завитые, лбы заскаты.

— Родился — на травушку упал, в избе светло стало.

— Свадьба була — двенадцать суток беспробудно ели и пили. Подзамочники, подтюремщики вино и пиво бочками катили.

Местные реалии органично влились в сказочную ткань, герои прорубают рыбные речки, живут в юртах, медведь-похититель — белый медведь. Интересно, что в сказке нет деревни — только город — ведь Русское Устье иногда называли городом, а жителей — «зашиверскими мещанами»[4].

Хотя Колыму в XVII–XIX вв. довольно часто посещали разные путешественники и научные экспедиции, проявлявшие интерес к истории и быту русских старожилов и даже записывавшие образцы фольклорных произведений, тем не менее открытие бытования эпической поэзии произошло поздно. Одним из зачинателей исследования быта, этнографии, фольклора и языков народностей северо-востока был В.Г. Богораз. Но, как справедливо считает С.Н. Азбелев, колымский фольклор «заслуживает современного научного изучения. Желательно было бы провести подготовительную работу, чтобы установить, в частности, предварительный объем сборника русского фольклора Колымы, который, вероятно, мог бы со временем занять свое место рядом с изданным сборником “Фольклор Русского Устья”».

Байки и былички

Здесь довольно широко были распространены такие виды несказочной народной прозы, как бывальщины, байки и былички. Байка, по В. Далю, — это короткий рассказ, побасенка, анекдот.

В условиях оторванности и бездорожья людям требовалось общение. Поэтому каждый новый человек становился дорогим гостем.

К нему неизменно обращались с просьбой: «Расскажи, добрый человек, какие вести-повести. Что на белом свете деется?»

Разговор шел неторопливый, перебивать друг друга считалось бестактностью — признаком бескультурья. Среди наших рассказчиков встречались и «вракуны», и «завиральшики», и «свистуны», т.е. любители сочинять небылицы. Причем у каждого была своя манера вранья. Один начинал похлопывать себя по коленям или хватать собеседника за плечо. Другая во время разговора вдруг начинала креститься и приговаривать: «Не доводи, Иисус Христос, каждому православному христьянину такое видеть!» Слушатели понимают, что начался «свист» и улыбаются. Наконец кто-нибудь не выдерживал:

— Парень, Мишка, опять стал врать, опять стал бездонные пестеры наливать!

— Какие пестеры? Ты откуль знашь.

— Знаю, брат, знаю я твои ухватки. Если стал коленки шоркать да людей за крыльца хватать — значит, врешь.

Рассказчик смущенно умолкал, но ненадолго.

Вот несколько баек (бывальщин), внимательным слушателем которых был автор.

Раззадорился

(Мой-то дядя Ваня Щелканенок был раскулачен и выслан из Русского Устья в Хабаровск. Вернулся он в 1938 г. и много всякого рассказывал. Вот слушайте его баянье, если он врет — то вру я.)

В Хабаровске-то мы вольно жили. Над нами шибко-то не дековались. У меня товаришонок бул — Алешка Нужненко. За мной присматривал, как за ребенком. Я его тоже шибко жалел. Другие мужики его хохлом кликали, я за него заступался: «Грех, робяты, хохлом человека не кличьте. У нас в Русском Устье хохлом мохнатую собаку кличут». А он только посмеивается. Страсть смирной бул — комара да не обидит. А сам больший, просто иверень.

И вот оннежду мы с ним, с Нужненко, у его красотки гуляли. Семь литров спирту выпили. Де у меня в голове зашумело, домой стал собираться, Алешка и говорит:

— Чего, Ваня, на своих ногах дойдешь? Может проводить тебя?

— Ништо станешь провожать, что я енвалид али охто.

Пошел, а на дворе темень — углуха. Иду эдак потихоньку, никого не задираю, только наши досельные песенки попеваю. А на меня какие-то мужики натыкаются и натыкаются, я, брат, страсть обзадорился — идти не дают. Одного мужика со злости-то наотмашь ударил, он сразу крестом упал. Потом еще двое ли, трое ли на меня натыкались. Я их тоже благословил. Так все нырком и упали. Хлестал, хлестал, аж кулак заболел. Де, домой дочапал. Мольча кумельгой упал на постель, ничего-да не помлю.

Утром сквозь сон слышу: стукуток, громоток — люди чего-то шухумятся. Глаза открыл, меня красноармеец за плечо трясет:

— Ты Шелканенок из Русского Устья? Вставай!

Я на гузно шал. Сон обдернуло. Баю:

— Чего, брат, дашпелиша? Чего православному християнину отдохнуть не даете!

— Науродовал, а еще спрашиват. Щелканенок, тебя маршал Блюхер кличет. Во всем Хабаровске ни свет не горит, ни радиво не бает. Ты, дьявол, с пьяну глазу на Большой улице все телеграфные столбы переломал...

Первые переговоры

Наши, помните ведь, после войны у нас первый раз радиотелефон установили. Все на почту ходят, с Чокурдахом бают, кого надо вызывают. Дядя Проня ведь страсть шубутной человек бул. Его старики Пронькой-крикуном звали. Вот он и говорит старухе:

— Я, брат, тоже хочу с Митей побаять. Шибко давно вестей ниту. Пойдем, Петушок, побаем.

Пошел старик на «преговоры». По дороге спрашивает младшего сына:

— Чего, тятя, ты станешь кричать али я? Нет, пожалуй, лучше я крикну. Ты поклон да забудешь передать, про здоровье да не спросишь.

Пришли на радиостанцию, открыли дверь в сени. А в сенях стоял мотор. Дядя Проня как увидел его, сразу к нему кинулся, схватился за радиатор и стал кричать:

— Митя, Митя, здравствуй! Это я, тятя твой. Мама кабуть, поклон передает. Зине поклон скажи. Зине, — гувру, — поклонись от нас.

На крик выбежали радисты. Еле успокоили старика и объяснили, что «переговоры» надо вести из дома. Он вошел в избу, увидел аппаратуру, кинулся к столу, начал бегать и кричать:

— Митя, Митя, привет! Деньжонки пошли. У нас бабушка Ариша шибко захворала, покинуть, винно, нас хочет. Тебе она благословение шлет. Ты к Мишке Когану сходи да от нас большой поклон скажи.

Тут его останавливать не стали. Махнули рукой, а он бегал-бегал, кричал-кричал, потом, видимо, устал. Весь вспотел. Сел, выдернул ганзу, набил ее табаком, сделал несколько затяжек и обратился к сыну:

— Чего, тятя, хорошо ведь побаяли.

Гостинцы

Раньше наши люди матершинные слова вовсе не говорили и не понимали их. Однажды в Походске осенью тетка Огра поймала хорошую нельму. А ее сосед, бывший заключенный, страшный матершинник, собирался ехать в райцентр. Тетка Огра пошла к нему.

— Тятя, отвези да мою нельмушку землемеру Агроновичу. Может гостинцы он мне пошлет.

— Жди, жди. Пошлет он тебе... залупу еврейскую.

— Как да пускай пошлет, я и тому буду рада.

Культ личности

Вернулся дядя Вася на свою заимку и рассказывает домашним:

— Наши в Русском-то Устье радио доспели, во все избы проволоку протянули да черные тарелки на стене повесили. Из тарелки-те всякие голоса раздаются — так без умолку и бают, иногда песни поют. И, старуха, покойного Сталина шибко сильно ругают. Ну просто как маленького ребенка. Одно таки твердят: «Куль лишний, куль лишний».

— Грех! Мертвого человека ништо шевелять?! Царство ему небесное!

— Да вот ругают. Сказывают будто давно, еще до войны, у кого-то куль лишний взял, что ли.

— С чем? С рыбой?

— Ох, старуха, не знаю я, не знаю! Ху, наши, от дум голова кругом идет да сердце неловко бьется.

Поездка в Москву

Давно, после войны, в Москве сельскохозяйственная выставка открылася. Стали передовых людей туда для показу возить. Вот собрали в Чокурдахе из разных наслегов человек десять, посадили в самолет и в Москву отправили.

Из нашего-то колхоза Ванька Штык ехать напросился, он, брат, вовсе никогда стахановцем не был — просто в каждой дыре затычка. На колхозные деньги ему костюм да сапоги купили. Уяхал. Ланно.

Прошло эдак дней 10–12, наш человек живой, здоровой домой воротился да еще при галстуке и в ботинках. Ганзу и кисет бросил — «Беломор» покуривает, на грудь значки налепил, даже баять-то не по-нашему стал: заместо нужника говорит тувалет, заместо штаны — брюки, щербу ухой стал кликать, ушкана — зайцем. Страсть, брат, вовсе тамошним человеком дашпелся!

Де, нас в клубе собрали на встречу с ним как с большим начальником. Как да! В клубе собралися. Ванька не нам чета, в Москву ездил — белый свет повидал. Вышел Штык на трибуну. Долго стоял-стоял, весь вспотел от волнения, потом и говорит:

— В Москве-то, наши, народ полон накопился. Ну просто, как камары! Все куда-то торопятся, толкаются. И все на стойках едят, у иных-те баб весь божий день рот не закрывается — то чего-то грызут, то хлеб на обе стороны рвут. Повезли нас, значит, на автобусе. Народ туда набился, как силлядки в пестер. Одна охольная толстая баба титками-те мне о затылок уперлася. Меня от этого сразу в дрожь бросило, ум стал путаться, чуть голову не обнесло. Де, привезли нас на выставку-то, а там страсть красивые девки стоят и все каменные, и вода на них льется. Ху, ху! Наши, устал я страсть от толкотни... Да-а чуть не забыл. Наши, я живую облизьяну видел. Сама-то мохнатая-мохнатая, а жопа-то у нее голая и красная-красная...

КВВК

В одно лето нам гольный коньяк завезли. На бутылках-те стояли четыре буквы «КВВК» — это значит «коньяк выдержанный высшего качества». Как раз в ту зиму Микита Хрущев деньги поменял. Бутылка-то сперва стоила 50 руб., потом за пятерку стали давать. А мы тогда рыбку хорошо упромыслили, так что деньжонки водилися. Другого-то питья не было. Чего станем делать, поневоле его стали пить. Коньяк — не водка, в горле вяжет, да клопами пахнет, много не выпьешь. А вот некоторым нравился.

Однажды я на Сендухе старика Васенька встретил. На восьми собаках во прыть летит, остановились.

— Куда, дядя Вася, путь держишь?

— Да вот еду в Русское Устье за коньяком.

— Да-а. А чего?

— Анаменись к фершалу ходил показаться. Сердце чего-то худо стало. Иногда как будто замирает, однако, вохщу остановиться хочет. Геннадий-то Иванович меня долго-долго через трубку слушал, потом и говорит: «Советую тебе, Василий Митрофанович, для тонуса выпивать иногда коньячок. Когда — рюмочку, когда — полрюмочки». Я тапере так и делаю. После того разговора две недели прошло. На, брат, ящика не хватило.

Па-де-де

Наша-то тетка Катя, когда первый раз по телевизору балет увидела, молча качала головой, крестилась и шептала:

— Господи, господи, страсть-то какая! И, и, Матушка Царица небесная, образумь православных людей! Потом обратилась к дочери:

— Дева Варвара, скажи ты мне: чью это он оголенную бабу при людях весь вечер за ноги волочит, свою или чужую?

Компрессия

Первым нашим колхозным мотористом был Кенька Новгородов, шутник-безгалик — мертвого да рассмешит. Купили тогда у военных мотор Л-6, на шлюпку установили. Де, Кенька весь день в моторе копается. Сперва-то он у него часто глох. Приехали однажды в Брусово, а там дядя Сеня Шкулев жил. Мотор опять заглох. Старик и спрашивает:

— Тятя, а чего у тебя мотор-от часто ломаца? Винно худой подсунули. Эх, нашему брату нешто пугное дадут.

— Нет, дядя Сеня, сам-то мотор хороший. Свечи худые.

Старик ничего не сказал, молча ушел в амбар. Приходит и подает Кеньке две стеариновые свечки в магазинной упаковке.

— На, тятя, возьми, от зимы две свечечки остались.

Другой раз только отъехали от Табора, мотор опять заглох. Заводили, заводили — не заводится. А с нами один якут был, уполномоченный из района, такой хвастун и высокомерный, все старался нами командовать. Он

пустую кобуру пистолетную газетами набитую на поясе носил — нам, темным людям, страсть показывал, тут он стал выступать:

— Эх, вы! Один мотор всем колхозом наладить не можете, мне срочно надо быть в Чокурдахе. У меня дела.

— Что мы можем сделать, если компрессии нет, — отвечает Кенька.

— Как это нет компрессии, куда девалась. Почему не позаботились, когда выезжали из Русского Устья?

— Была маленько да кончилась. Ты бы вместо того, чтобы на нас рявкать да наганом пужать, сходил бы лучше к полярникам, попросил бы у ребят хоть полбанки компрессии, ты — начальник, тебе дадут.

Уполномоченный посидел, помолчал, потом взял банку и отправился за компрессией на полярную станцию, пришел туда и с порога заявил:

— Ох, эти русскоустьинцы, очень бесхозяйственные люди, даже компрессии не имеют. Дайте хоть полбаночки.

Полярники все поняли, их моторист налил в банку солярку с нигролом и велел спешно нести... Видим, ускорно возвращается наш «начальник» и на вытянутой руке несет банку. Кенька ему и кричит: «Быстрее, быстрее, а то может выдохнуться!» Тот прибавил шагу. Стал подбегать к моторке, за ногу запнулся и упал под угор, весь соляркой облился. Ну мы, брат, со смеху кишки надорвали.

Секретное сообщение

После войны у нас на Севере все было засекречено. В телеграммах нельзя было употреблять слова: аэропорт, самолет, воинская часть и т.п. Не дай Бог, американцы узнают, к примеру, что военные в Чокурдахе аэродром строят. Вместо этого писали поляна, оказия, хозяйство и т.п. Даже на якутском языке в районной газете нельзя было упоминать о работе аэропорта и его служащих. Поэтому всякие казусы встречались.

Как-то к нам в Русское Устье из-за пурги долго не летали самолеты. Наконец пурга утихла, самолет прилетел, но не смог совершить посадку. А у нас в командировке был один тоже очень шубутной мужик из райкома. Он подал в Чокурдах срочную «секретную» телеграмму: «Оказия прилетела, но не села».

Рассказывали, что в морском порту, то ли в Амбарчике, то ли в Певеке, была старая деревянная баржа «Мария Ульянова». Однажды она груженая села на мель, долго мучились, стаскивая ее с мели. Наконец, баржа переломилась надвое. Капитан буксирного катера сообщил в штаб морских операций телеграммой: «После третьего подхода Мария начала слегка поддавать. После четвертого приема не выдержала — у нее зад отвалился».

* * *

Быличка — это бытовой народный рассказ, где присутствуют аномальные явления, где причудливо переплетается реальное с мифическим, христианское с языческим. Они существуют и поныне.

На художественную ценность таких повествований давно обратили внимание наши классики, достаточно вспомнить «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, его повесть «Вий», чтобы убедиться в этом. Или «Бежин луг» И.С. Тургенева, в котором содержится несколько суеверных рассказов, бытовавших в крестьянской среде.

Конечно, можно предположить, что даже очень уважаемые люди во все времена говорили неправду, сочиняли небылицы, но некоторые «загадки тундры» довелось наблюдать и мне, и моим товарищам, о чем и хочу поведать.

«Смоленская»

Я никогда не был воинствующим атеистом, но и глубоко верующим человеком себя не считаю. Однако был в моей жизни случай, который наводит на глубокие раздумья.

Случилось это в 1968 г. в Чокурдахе. В конце мая полетели мы с Тимофеем Резниковым на гусиную охоту. Высадились на берегу речной протоки. Поставили палатку, два дня удачно охотились. На второй день я ушел далеко в тундру за подранком. Возвращаясь, вышел на мысок, где виднелись два бугорка, заросшие травой, — остатки старых жилищ. Здесь существовала когда-то русская заимка Марково. Но уже более полувека никто не жил. Не посещали это место даже местные охотники.

Выкурил я сигарету и прилег отдохнуть на бугорок. День был тихий, теплый и ясный. Слышался гогот гусей, щебетанье пташек и журчанье ручейка. Заснул. Слышу во сне церковное пение вперемежку с женским то ли стоном, то ли плачем (до этого я в церкви бывал лишь два-три раза). Проснулся. Чувствую, под головой что-то мешает. Разворошил траву, смотрю — черная доска. Развернул — икона. Вытер шарфом лик и не мог оторвать глаз. Передо мною образ прекрасной Богородицы с ребенком на руках.

Серебряная фигурная риза. Венок-ободок над головой тоже серебряный с позолотой, инкрустированный белой и голубой эмалью. Все удивительно хорошо сохранилось, особенно лик. Ну как живая! А ведь пролежала в тундре под открытым небом несколько десятков лет.

По приезду домой я ее тщательно протер. На ободке выступила надпись: «Смоленская». Думаю, она была не очень древней. Скорее всего начало XIX в.

Прошло 20 лет. Все эти годы она хранилась в Коломне у моей тещи, висела в переднем углу. В 1990 г. я решил выяснить, в каком же году написан образ. К тому времени я уже знал, что на тыльной стороне ризы иногда указывается год изготовления. Подхожу к божнице и глазам своим не верю. На полке стоит другая икона — красивая подделка. У меня невольно вырвался душераздирающий крик, сбежались все домашние. Теща упала на колени: «Прости меня, Алеша, не сберегла твою икону!» Сестра жены рассказала, что когда переезжали в новый дом, ходили по домам мужики и предлагали, кому врезать замок, кому оббить дверь. Однажды пришли двое, принесли вот эту икону и триста рублей и почти насильно сняли с полки «Смолен-

скую». Когда она пришла с работы, застала старушку в слезах. Побежала в милицию, но над ней там только посмеялись.

Это была невосполнимая утрата. Сейчас, когда вспоминаю про икону, слезы невольно наворачиваются на глаза. Иногда она мне даже снится и тоже плачет.

Дедовское угодье

В Русском Устье, на Голыженской протоке, есть заброшенный промысловый участок «Долгая виска». Это потомственное угодье моих предков Чихачевых. Сохранились даже дедушкин погребок в виде маленького заросшего травой бугорка и охотничья избушка — поварня. В детстве я на этом месте побывал только один раз.

И вот мы приехали сюда с братом Вениамином. Вышли на берег. Развели костер, «покормили» огонек, попили чаек — помянули дедов и отправились дальше.

Вдруг откуда ни возьмись выбежали на песок два оленя и почему-то побежали параллельно нашему движению. А ветер был сильный, лодку, как щепку, кидало на волнах. Да и я стрелок плохой, но, не долго думая, схватил карабин и, почти не делясь, выстрелил, один олень замертво упал на траву.

Мы тогда полушутя, полусерьезно говорили между собой: «Дедушкино-то угодье отблагодарило нас». А угодье, по В. Далю, — это все нужное и полезное в обиходной жизни, все, что дано природой или приспособлено человеком для насущной потребы.

Прошло лет десять, и «вновь я посетил тот уголок» родной земли. Поплыли мы туда с местным парнем Алешкой. И тут я, как теперь понимаю, совершил непростительную глупость — не вышел на берег у дедовской поварни, метров через триста-четыреста мы остановились. Видим, в тундре бродит олень. Алешка и говорит: «Ты, дядя, оставайся тут, а я поеду чуть подальше избушки. Понаблюдаем, куда он пойдет». Он проехал избушку метров на сто и спрятался. Смотрю, олень развернулся и медленно пошел к дедушкиному погребу. Это метров восемьдесят от притаившегося охотника. Мне стрелять было несподручно: во-первых, далеко, во-вторых, небезопасно для напарника. Алешка — парень бойкий, удачливый охотник — сделал восемь выстрелов и не попал в спокойно стоящего зверя.

Когда приехали на базу, расстроенный Алешка решил проверить ружье. Поставил метров на семьдесят бутылку и с первого выстрела разбил ее. И только тут я понял — олень-то предназначался для меня. Как объяснить эти факты? Что это — случайность или закономерность? Не знаю, одно несомненно: это удивительная, неразгаданная тайна природы.

Сендушный

Как-то я спросил знатного индигирского охотника Куприяна Киселева:

— А что, Кипа, нескучно, небоязно одному в тундре? Не было ли случая, чтобы что-то тебе привиделось. Ну там черт или что-то другое?

— Я сорок лет езжу по Сендухе (тундре). В море-да далеко бывал. Ни разу ни летом, ни зимой, ничего особенного видеть не доводилось.

Но только вот однажды случай был непонятный. Нас было тогда трое: я, брат мой Петя и старик дядя Проня. Рыбачили мы в ту зиму на Степановом острове. Севернее нас не было ни одного человека — дальше море.

Вечером как-то странно залаяли собаки. Мы все трое вышли на двор. Ярко светила луна — все видно вокруг, как ясным днем. Слышим, по реке нарта шарчит — кто-то быстро едет, видим, на берег взлетела упряжка из восьми очень крупных собак. На нарте спиной к нам сидит человек в белой камлейке. Как ехал, так мимо нас и проехал прямо в море. А собаки наши прямо надрываются. Тут дядя Проня осенил себя и нас крестным знамением, потом громко разразился «трехэтажным» матом и стал кукушки лепить: «Килу тебе! Кляп тебе!» Нарта моментально исчезла, как будто растаяла.

Вернувшись домой, старик достал дорожную иконку Прокопия Святого и помолился. Потом из лучинок соорудил крест и поставил напротив двери. На дверных и оконных колодах углем крестики нарисовал.

В тот вечер мы между собой почти не баяли. Был какой-то неприятный осадок на душе, молча улеглись спать. Ночь прошла спокойно. Про этот случай мы, как по уговору, особо никому не рассказывали — ведь тогда все были атеистами. Да и вообще у нас не принято рассказывать о таких случаях по «горячим следам».

Сколько лет прошло, я нет-нет да и думаю об этом. Что было, галлюцинация? Галлюцинация — это ведь, наверно, кратковременное явление. А это длилось минут десять — пятнадцать. Коллективная галлюцинация? Сомневаюсь. А что у собак тоже бывает галлюцинация?

Можно предположить, что это приключилось от скуки. Но нам было не до скуки — работы непочатый край, у нас был радиоприемник и кое-какие книжки. Да и жили-то мы всего лишь неделю. Нет, тут что-то другое.

(*Позже Петр Киселев — второй участник этого события, слово в слово подтвердил рассказ старшего брата.*)

Шаман Уппар

Давно на Алазее жил один старик — то ли чукча, то ли юкагир. По имени Уппар. У, брат, страсть большой знаток был. Чего скажет — все сбывается. Однажды весной во время войны, после Миколы, приехал уполномоченный из района. Заставляет на Алазею срочно для рыбозавода сети, снасти везти. Стали меня да Егоршу Аришина посылать. Мы отказываемся ехать, ведь все вокруг растаяло. Уполномоченный на нас рявкал да наган выдергивал. «Дело, — говорит, — военный заказ».

Поневоле поехал. Четверо суток по снежной каше до Алазеи брели. Назад не знаем, как воротиться — вохшу лето стало. Кругом вода, плавунчики плавают, плишечки поют. Чего делать?

Пошли к Уппару, а он на отшибе, в полуверсте от заимки, в яранге жил. Сам-то по-русски брякнуть-да не знал, а старуха-та по-нашему хорошо бая-

ла. Мы говорим: «Дедушка, крепись чего-нибудь да доспей. Сату ли, чего ли спусти. Заперлися, не знаем, как до Индигирки добраться».

Он посидел, помолчал и говорит: «Робяты, вы сегодня у нас ночуйте, только чего-нибудь принесите огонечек покормить».

Мы на факторию воротилися. Насилу у приказчика полбутылки спирта выпросили, мучку, сахарок купили да старику принесли. Де узну сварили, по стопочке выпили. Старик-от сначала ложку спирта в огонь вылил да чего-то проговорил, потом едишку туда бросил да опять чего-то сказал. Старуха нам толмачит: «Ребята, — говорит, — вы на улицу сходите, опростайтесь да ложитесь спать. Но до утра из яранги не выходите». Так и сделали.

Слышим, старик-от опять стал возле огня чего-то приговаривать, потом на улицу вышел да вокруг яранги долго ходил, потом стал свистеть да алагарить. Утром встали, на улицу вышли: снег просто лахтаками валит. Потом, брат, северяк дунул — все косой замерзло. Вохшу зима пришла. Вечером мы молча лехоматом уяхали. Ну, брат, страсть опасный старик бул. Он ведь он-незду аллаиховского якута Аикана прилепил. Вот слушайте, как дело было.

Прияхал Аикан на факторию, груз привез. Он ведь хвастун и пустобай бул. Пришел он пьяный к Суздаловским, а там Уппар сидел, чай пил. Аикан и стал его задирать: «Ты, говорит, раньше шаманом бул, людей обманывал, мы, говорит, тапере грамотные стали, шаманам да попам не верим». Старик-от на это слово не сказал, потихонько домой ушел. Ланно.

Наутро Аикан пустой нартой на 12 собаках на Аллаиху пояхал. Спихнулся. Алазею-то насилу переяхал — нарта не катится, а на крутой берег подняться не смог. Полозья как будто по песку идут. Собаки просто в упор тянут — ни с места. Аикан собак драл-да, драл-да, попустился подняться на угор. К вечеру собак на той стороне бросил, а сам пешком воротился. Не заходя на заимку, прямо направился к Уппару в ярангу. Пришел и на колени перед ним упал — прощения просил. На другой день поехал, нарта покатилася, рысью уяхал.

Землетрясение

(*В свое время походчанин Иван Березкин поведал следующий случай.*)

— Это было сразу после войны. Тогда я первый раз летовал на Алазее-реке. Весной во время ледохода мы с Егором Суздаловым поехали рыбачить на лайду. Тундра вся была залита водой, поставили сети. Палатку установили на небольшом поросшем травой бугорке, поужинали и легли спать. Только, брат, начали засыпать, вдруг под нами земля ходуном заходила. Думали, началось землетрясение. Выползли на волю. Вокруг все нормально, и ночь хорошая, ясная. Утки плавают, гуси летают. Покурили и снова залезли в палатку.

Через некоторое время земля под нашим ложем вновь затряслася, да до того сильно, что Егор вместе с одеялом оказался у меня в ногах. Сняли палатку и перенесли на новое место, в метрах двадцати от прежнего. Спали прекрасно.

Потом старики нам сказывали, что мы поставили палатку на старой-перестарой юкагирской могиле. Если не веришь, спроси у Гошки Суздалова — он подтвердит мои слова.

(*Суздалов полностью подтвердил рассказанное.*)

«Ступни»

А это случилось в середине 1980-х годов. Приехали два парня в местечко Станчик, туда, где наша церквушка сохранилась. В то время там жил старик дядя Ваня Черемкин. А недалеко от его избы находилась полуразрушенная избушка с двумя амбарами, это было старинное жилище Котевщиковых, про которых рассказывали, что в их роду было немало колдунов.

Вот эти два парня вели себя на новом для них месте довольно раскованно — бесцельно бродили по заимке, заглядывали в пустые амбары, громко смеялись.

Легли спать. Вдруг кто-то стал снаружи бить палкой по стенам. Выбежали на улицу — никого нет. Снова улеглись. И снова кто-то стал ходить вокруг избы и бить палкой по окнам и дверям. Сильно перепугались. Тут дядя Ваня и говорит: «Скажите, ребята, только честно, вы ходили к старым амбарам?» — «Ходили». — «Что-нибудь там трогали?» — «Мы старое толстое бревно с зарубками взяли и от избы отнесли к сараю и по нему, как по лестнице, поднимались вверх и в бинокль рассматривали тундру». — «Бревно это называется "ступни" — это лестница. Идите немедленно и поставьте их точно на то место, где они стояли». Все сделали точно, как велел старик. После этого жили двое суток безо всяких происшествий.

Андыльщины

Среди русского старожильческого населения Колымо-Индигирского края с давних времен были распространены своеобразные напевы под общим названием «андыльщина». Слово это произошло от юкагирского понятия «андыль», что означает «молодость, любовь».

Андыльщина представляет собой полуимпровизированную песню в основном любовного содержания. По жанру это не былина, не баллада, не частушка, а особый вид своеобразного «романса» для себя и про себя, где героем является сам автор или его возлюбленная. Почти каждый уважающий себя человек — как мужчина, так и женщина — имел андыльщину собственного сочинения, некоторые андыльщины сохранились до наших дней, но авторы их уже неизвестны.

В песнях заключены воспоминания о прошедшей молодецкой удали, о любви, о любовании родной природой. Характерно, что действующими лицами являются не только представители местной фауны: серая утка, розовая чайка, быстроногий олень, стройная ле-

vk.com/ethnograph

бедушка, но и неведомые здесь сизый голубок, голосистый соловей, серая кукушечка, о которых исполнитель знает только понаслышке.

Интересно, что в андыльщине часто употребляются уменьшительно-ласкательные слова, такие как «мишаночка», «чукчаночка», «колымочка», «индигирщички», «шелканеночки», «охотнички» и т.п. Вот отрывки из андыльщин, записанные Ф.П. Врангелем в Нижнеколымске в начале XIX в.

Напишу я письмо не пером, не чернилом,
Напишу я письмо горючей слезой.
Отошлю я письмо с сызокрылым голубком,
Полети, сызокрылый, во славный город Якутск,
Оборони там письмецо под косящее окошечко.

* * *

— Ты скажи, соловьишко, скажи, черноперенький,
Где морских ты повстречал?
— Повстречал я их да на долгих на плесах,
На морских, на белых торосах.
— Полети, соловьюшко, во сине море
И скажи моему суженому, что
Подруженька его горько плачет.

* * *

Протяну я проголоску ой-да про житье все про свое,
Да про свое!
Не гонялся я, Мишаночка, за твоею красотой,
Да красотой!
А гонялся я, Иванович, за твоею за русой за косой,
Да за косой!
Да в осеннюю темну ночку с Машей до бела света я, парень, не сыпал,
Да не сыпал!
Да тешил-нежил я Михайловну,
Да как малую, парень, я дитю, да как дитю!

Любопытно, что самое первое известие об андыльщине дал Ф. Матюшкин, лицейский друг А.С. Пушкина, в 1924 г. Он писал: «Андыльщины поются от избытка сердца. Напев их однообразен, дик и заунывен, но может нравиться»[5]. Через 70 лет В. Богораз отмечал, что «эти песни представляют оригинальное перерождение старорусского напева на почве туземного воздействия и прямой наследственности».

Около пос. Черского есть высокая сопка Пантелеиха. По преданию, она названа по имени юкагирского князя Пантели. Ей тоже посвящена андыльщина:

А Пантелеевска сера сопка
Стоит на лебяжьих на ногах,
Да на лебяжьих на ногах,
Да на всех северных ветрах.

Известный московский фольклорист Т. Шанталинская справедливо считает, что андыльщина на нижней Индигирке получила распространение гораздо позже. Действительно в Русском Устье слово «андыльщина» произносилось редко, чаще говорили: «...по-колымски песни петь» или «...кулумшане-то руки под голову, нога на ногу — поляживают да андыльщинки попевают». Русскоустьинская андыльщина несколько проще и значительно короче колымской. Она ближе к частушкам-страданиям. Любовные опевания в ней нередко заменяются шуточными подтруниваниями, от замысловатого напева остается лишь мелодический контур[6].

Вот текст русскоустьинской андыльщины, которую я помню и пою с детства:

Да от угору недалеко
Стоит во весь-дерво балаган.
В этом самом балагане, ой-да!
Ох! Скрипучий пол лежит.
Да дайте щетки-шаткары!
Дайте нескрипучи сапоги.
Я качюсь, качюсь, качюсь-да,
Ой-да! На периночку скачюсь.
Да я свою-то чернобровку-сторублевку,
Ой-да только на божницу не сажу.

В данном случае необычно сравнение подружки-чернобровки со сторублевкой. Но если знать, что на последней, как известно, был помещен портрет Екатерины II, то в подтексте любимая называется «царицей». Часто андыльщина сочинялась по конкретному случаю и была очень коротка: всего-навсего две-три строчки, каждая ценна откровениями сердца. Представим картину рождения такой песни.

...Тундра... Движется собачья упряжка. Вокруг на десятки километров ни души. И в этой тишине огромного пространства человеку хочется как-то самоутвердиться, самообозначиться. Поверьте, тебя охватывают полуосознание настроения и переживания, отчего-то сердце то замирает, то вновь стучит, и тогда непроизвольно из тайников твоей души вырывается песенная фраза:

Ах любил пташек, любил Машек,
Да любил от желанной, любил от души.

* * *

Да между Яром и Косовой
Да убил могучего третьяка.

* * *

Да толста Маша — загородка,
Да гулять волю не дала...

* * *

А где Дашин след увижу,
Да от радости реву.
Моей Даши-то следок,
Да словно пестрый шахмоток.

* * *

Да бурульгинский серый камень
Да над быстряночкой стоит,
Да над быстряночкой стоит,
Да красно солнце городит.
Да унеси ты, буйный ветер,
Мой нижайший им поклон.

В них и любовь, и надежда, и нежность, и тоска, а то и удаль. Старожилы бережно сохраняли свои песни, принесенные дедами. Но душе хотелось новых песен о современности. Импровизированная форма таких песен о сиюминутном существовала рядом, у соседей — юкагиров. Так что я присоединяюсь к мнению многих исследователей, что андыльщина возникла под влиянием юкагирского поэтического творчества и представляет собой интересное явление, свидетельствующее о взаимовлияниях северных культур.

Частушки

Частушки для походчан и русскоустьинцев имели большое значение, они играли роль сатирической устной газеты. В них высмеивались лень, угодничество, жадность, пустозвонство и другие отрицательные качества человека. Однако для понимания многих частушек надо не только в совершенстве владеть местным говором, но и в подробностях знать взаимоотношения упоминаемых персонажей или сущность критикуемого факта, ибо частушки сочинялись по конкретному случаю и были направлены против определенного факта. Слушатели прекрасно понимали, на кого нацелена частушка, и «переживали всеми фибрами души».

Жил в конце XIX в. в Походске знаменитый бард Ванька Кулдаренок, автор многих популярных частушек и сатирических песен. Чуть что-либо произойдет в обществе, Кулдаренок тут же щиплет струны и подбирает слова. Однажды некто Яков, недавно женившийся, уехал к чукчам и задержался, молодая жена совсем голову потеряла и побежала к казачьему командиру с требованием, чтобы

начали розыски мужа. Пока шли сборы, Яков благополучно вернулся. Кулдаренок тут же сочинил:

Замутилось сердце бабы —
В одиночку ночью спать,
Наказала командиру
В тундре Якова искать.

В 1920–1940 гг. в Русском Устье лучшими сочинителями частушек считались Петр Чихачев (Кокора), Иван Чикачев (Замарай) и Гавриил Шелоховский. Вот для примера известная частушка Кокоры, сочиненная в конце 1920-х годов:

Ушла Ванькина мережа,
У баб стала крива рожа.
Как мережу-то нашли,
Во кружок бабы пошли.

Эта частушка обличает лесть и угодничество. Ванька Щелканов был известный торговец-кулак. У него унесло водой сеть (мережу), и вот в угоду «сильному мира сего» бабы притворно плачут, жалея его снасть. Когда же сеть нашли, бабы под влиянием своих мужей-подхалимов «пошли во кружок», т.е. пустились в пляс. Нередко частушки Кокоры били по авторитету сельского начальства. Однажды под давлением его сельский сход принял решение: «Запретить Петрушке худые частушки складывать». «Худые» — это значит сатирического или пикантного содержания.

Частушки очень оперативно фиксировали многое из жизни и распространялись молниеносно. Случилось как-то Суздалову перевернуться с возом дров, как на другой же день распевалась частушка:

Неуклюжий, нестатной —
Не сумел нарту держать.
И пришлося Суздаленку
Вверх полозьями лежать.

В послевоенное время очень были популярны частушки Ваньки Замарая, который обладал способностью сочинять их экспромтом:

Канцелярия сбочилась —
Без подшива потолки.
Постарайся, председатель,
Собери с людей долги.

* * *

Я по Русскому иду,
Все меня качает.
В магазине больша бочка
Денежки кончает.
(«Больша бочка» значит бочка со спиртом.)

Если «поэзия» Замарая и Кокоры была больше сатирической, то частушки Шелоховского — лирическими:

В Русском Устье над заимкой
Гусь-губенник пролетел,
Вновь приезженький товарищ
Моей милкой завладел.

* * *

От Русского в Стариково
Протянулся волосок,
Долго-долго не слыхал я
Моей милой голосок.

* * *

В Русском Устье тучи ходят,
В Чокурдахе гром гремит.
Русскоустьинца полюбишь,
Сразу сердце заболит.

* * *

Индигирочка-река,
Твои крутые берега,
Скоро-скоро уезжаю,
Прощай, милая моя.

Хотелось бы привести несколько походских частушек, записанных в разное время:

Иркутяночка красива,
Колымчаночка — на ять,
У ней юбочка коротка,
Все коленочки видать.

* * *

В Колыме по улице
Едет поп на курице,
Попадья за ним пешком,
Подпоясана мешком.

* * *

Карамель-конфеточка
В кармане истосалася,
Мишки Кудрина жена
Без зубов осталася.

* * *

К Ваське Старшему зайдешь,
Сам голодненький уйдешь.
У них сордонки на рожне,
Как солдаты на войне.
Из сордонок кровь течет,
Барабанчики печет,
Барабанчик пригорел,
Васька Старший одурел.

* * *

Приезжает в Волочек,
У него там родничок,
Подъезжает к родничку,
Нужду важет к тальничку.

* * *

Где ты, милая, была?
Где ты подмочилася?
Я у тяти в огороде
Сеть метать училася.

* * *

Походчане — лодыри,
Всю Походску пропили.
Танцевали у шестка,
Утором встали — без куска.

Народные танцы

Во время рождественских праздников и Пасхи жители пытались сосредоточиться в центральном селении. Первая неделя Святок называлась «Виноградцы». В то время ходили группами по избам с пением «виноградья»:

Да мы золотой гребень возьмем,
Да на вине пропьем.
Виноградье красно-зелено!
Да у нас губки ширибят,
Пирожки исти хотят,
Да виноградье красно-зелено!
Да ты позволь, позволь, хозяйка,
В твою спаленку войти,
Да виноградье красно-зелено!
Да хозяйка-та в дому —
Да как оладья на меду,
Да виноградье красно-зелено!

Вторая неделя называлась «Машкараты». Молодежь наряжалась до неузнаваемости, девушки одевались в мужскую одежду, парни — в женскую. Лицо закрывали платком. Пришедшим машкаратам хозяева обязаны были организовать музыку: играть на балалайке или петь плясовую. Пришедшие плясали до тех пор, пока не надоест хозяевам, затем молча уходили в другую избу.

На вечерках плясали «досельный» танец «под язык», ибо музыкальных инструментов почти не было. Группа «припевальщиков» напевала своеобразный мотив: «тру-та, ту-та, ту-да... дер-лиль-ли-да, дер-лиль-да...» — и притоптывала ногами. Иногда раздавались воз-

гласы: «Ца-ца! Ца-ца! Выше! Выше!» Танцевали двое — мужчина и женщина. Сначала выходил мужчина, танцуя и кланяясь, приглашал женщину. Дама плавно кружилась на месте, затем грациозно плыла по комнате, помахивая платочком.

Кое-кому на первый взгляд такой танец может показаться и непонятным. Это естественно. Вроде бы и музыки-то нет. Но ведь не все, как известно, понимают и классическую музыку. Так и тут. Но если внимательно вслушаться, вдуматься, то постепенно сам невольно заряжаешься этим волшебным ритмом, который набирает силу и овладевает тобой. А музыка есть! Она внутри твоего существа. Тебя охватывают какие-то непонятные, но приятные настроения и переживания. Тут и молодецкая удаль, и тихая грусть, и еще что-то глубокое, необъяснимое. Танец очень напоминает деревенские пляски жителей русского Европейского Севера. Но, как правильно подметил А. Биркенгоф, здесь, пожалуй, было даже больше изящества и легкости.

И случилось так, что этот танец с легкой руки невежественных культпросветработников 1940–1950-х годов, не понимавших юмора, получил новое странное наименование «Омуканово». Дело в том, что в Русском Устье жил обрусевший юкагир Семен Варакин по прозвищу Омуканчик (умер в 1941 г.). Он очень любил петь и плясать. Поэтому во время пляски некоторые припевальщики в шутку напевали:

Омуканчик припеват,
Как собака пропадат.
Да омуканова-та, весела-та,
Собачья-та, зараза-та,
Ту-та, ту-та, ту-та...

И вот, не разобравшись, «деятели» культуры перекрестили древний русский народный танец в нелепое «Омуканово». Он даже транслировался по центральному телевидению: группа лиц, облачившись в якутские малахаи, странно подпрыгивая, размахивая руками и издавая нечленораздельные звуки, шумно двигалась по кругу. Беру на себя смелость со всей ответственностью заявить, что это была грубая пародия.

В памяти некоторых старожилов сохранились песни, с которыми когда-то водили хороводы в Походске:

Стой, мой милый караван,
Стой, не расходися.
Я во этом караване
Скакала, плясала,
Скакала, плясала,
Венок выроняла.

Вот мой миленький идет,
Вот хорошенький бегот,
Веночек несет.
Я веночек получала,
Дружка целовала.

Танец начинала женщина. Шаркающим шагом она плавно делала круг по ходу солнца, в руках был платочек, который она набрасывала на шею мужчины, приглашая на танец. Так в центре хоровода оказывалась танцевальная пара. Женщина в танце шла впереди, мужчина все время двигался за ней[7].

Были и другие хороводные танцы-песни, например: «Куда идти, тоску нести», «Как у солнышка-Владимира», «Летал голубь, летал сизый». Последнюю до сих пор исполняют русскоустьинцы на вечерах художественной самодеятельности:

Летал голуб, летал сизый со голубочкой,
Удалой молодец с красной девицей:
«Кабы ты, моя голубка, со мной, с голубем, была,
Кабы ты, моя милая, со мной, молодцем, жила,
Я бы золотом обсыпал, жемчугом бы унизал,
Я бы летнею порою во каретах покатал,
Я бы зимнею порою в Петербург-город свозил,
На ямских лошадях, на прекрасных санях».

На вечерках исполняли «А мы просо сеяли», «Каравай мой, каравай», а также русские пляски «Субботка», «Светит месяц», «Подгорная». Были большие мастера сопровождать танец аккомпанементом «под язык», имитирующим игру на разных музыкальных инструментах — балалайке, скрипке, гармошке.

В отличие от индигирских колымские танцы исполнялись в более быстром темпе с подскоками, резкими поворотами, дробями. Особенно популярным там был танец «Рассоха» с припевками-частушками:

Рассоха, Рассоха моя,
Рассоха немало дала.
Да-ди, да-ди-да, да-да.
Еще «Котит» пароходик идет,
Нашей Дуне на платье везет.
А Рассоха, Рассоха моя,
Рассоха — чужа сторона.
А еще курочка бычка родила,
Поросеночек яички снес,
А гусенок за печку унес.
Да-ди, да-ди, да-да.

I.6. ИЗ ЖИЗНИ ГАВРИЛЕНКОВЫХ

Как известно, индигирское русское общество состояло из нескольких фамилий, или родов. У каждого рода был свой «корень», происхождение которого по-разному объяснялось в легендах и преданиях. К примеру, бытовала легенда, что Щелкановы произошли от донских казаков. Их предок после разгрома восстания Степана Разина бежал якобы на неизведанный Север.

Своеобразным считался род Котевщиковых. Участник экспедиции Врангеля штурман П.Т. Козьмин сообщал об индигирском мещанине Романе Котевщикове следующее: «Родился он в Киренске. На 15 году жизни взял его брат с собой в путешествие вниз по Лене. Вместе с ними поехали еще 40 чел., в том числе женщины и дети, они отправились под начальством киренского мещанина Афанасия, две зимы провели они в безлюдной тундре, скудно питаясь рыбой, но много собрали мамонтовой кости.

На вторую зиму многие из спутников умерли, в том числе Афанасий. Тогда старший Котевщиков принял начальство над всеми. Они поплыли на восток вдоль берега, потерпели крушение около Индигирки. Спаслись только братья Котевщиковы. Они построили хижину, провели там зиму.

На следующее лето увидели двух человек и решили их убить, но люди оказались русскими, договорились вместе, вчетвером, совершить путешествие вверх по Индигирке, но ночью сбежали обратно в свою хижину. Почему сбежали? Старик ответил: “В то время, если товарищи на одном судне разделялись на две партии, существовало обыкновение при первой добыче выходить на берег и решать вопросы оружием, кому она должна принадлежать”.

Видя, что товарищи сильные и здоровые люди, не надеясь с ними справиться, Котевщиковы решили лучше возвратиться в свою хижину. Здесь провели они еще два года и, наконец, на пятую зиму, преследуя оленя, случайно приблизились к селению Русское Устье, состоящему из шести изб. В них жили 15 чел. русских. Котевщиковы также тут поселились»[1]. Видать не зря о Котевщиковых бытовало мнение как о колдунах, отшельниках и приверженцах какой-то странной веры.

Наиболее многочисленными фамилиями были Киселевы, Чихачевы, Шкулевы, Щелкановы, Портнягины, Черемкины. Считалось, что каждая фамилия-род обладала некоторыми определенными чертами в характере и поведении, присущими только ей. Например, Шкулевы отличались исключительной работоспособностью, удалью,

но были непрактичны в жизни. Они в основном составляли группу бедняков. Про них говорили: «У Шкулевых бестолковая удаль».

Киселевы — хорошие охотники, меткие стрелки, умелые плотники, очень неприхотливые, выносливые и сдержанные в проявлении своих чувств. Щелкановы — бывалые люди, «ездоки», умные, богатые, но высокомерные. Шаховы — силачи, кузнецы, плотники, безобидные люди, но «многоворные» и «диковатые», т.е. бесхитростные.

Лица, принадлежащие к одному роду, — «родники» — поддерживали друг друга, критикуя иногда другой клан, что выражалось в шутках и прибаутках:

Киселевы-то — охотнички,
А Шкулевы-то — работнички.
Чихаченочки — орленочки,
Щелкаленочки — разбойнички.

Наиболее многочисленным был род Чихачевых. Их называли кислоедами и жироедами. Род Чихачевых подразделялся на «отродья». Чтобы отличить друг от друга, звали людей по имени старейшего в роду или по месту жительства. Гавриленковы жили в Лобазном, Васильевы — в Федоровском, Якшины — в Кузьмичевом, Тихоновы — в Русском Устье. Гавриленковы считались «грамотеями», «ездоками по Земле», «певунами», «безгаликами» и «тяжелыми», т.е. ленивыми. Васильевы — удачливые рыбаки, «пертужие гребцы», мастера долбить лед и землю, но считались скуповатыми. Про них можно было услышать: «Они, брат, Васильевы, рыбу-ту в лыве-да добудут» или «Васильевы путное не дадут, опять злыння подсунут».

Я уже упоминал, что в Русском Устье по любому поводу сочинялись частушки. Удалось, к примеру, Шкулеву Илье опередить всех и догнать оленей на плаву, как сразу же родилась частушка, восхвалявшая его и критикующая представителей другой фамилии:

Бросились в реку быки,
Погонили мужики.
Вот один из них — беда,
То Шкулева сын Илья,
А Васильевы гребут,
Как икру в ступе толкут.

Наше «отродье» Гавриленковых жило на заимке Лобазнов. Гавриленковыми мы звались по имени деда Гавриленка — Николая Гавриловича Чихачева. Нашу бабушку посторонние звали Гавриленихa. У них было три сына и три дочери.

Хотя отец мой в 1929 г. отделился от семьи деда и вел свое хозяйство, он не имел собственного зимнего дома. Поэтому зимой прихо-

дилось жить в Лобазном в большой семье. Под одной крышей находилось 12–15 чел.: сыновья, дочери, внуки, снохи, а между тем ссор и конфликтов не было.

Дед имел небольшую библиотечку, в основном церковного содержания. Обучил его грамоте ссыльный И. Архангельский. От другого ссыльного, Гуськова, обучился кузнечному ремеслу. Он ковал ножи, копья, стрелы, делал железные печки. У него был небольшой набор инструментов: наковальня, мехи, зубило, бородок, клещи, ножницы по железу, что по тем временам считалось богатством.

Интересовался своей родословной. По его словам, его прапрадед Григорий Чихачев прибыл в эти края по морю. Он якобы был чернокнижник. У него имелось много книг, которые его внук, т.е. дед моего деда, сжег, так их боялся. Григорий Чихачев привез шелковую одежду, которая после досталась дочерям. Он замерз, проехав в пургу мимо Русского Устья, и долго «не отпускал» нашедшего его тоже «знающего» человека.

Дедушка особенно любил рассказывать о своем деде Иване Чихачеве, зажиточном мещанине, который в 20–30-х годах XIX в. был старостой и ездил якобы с челобитной в Иркутск. На поездку эту, по его словам, ушло полтора года: «Вот приехал он в Еркутск и нанял писаря написать прошение губернатору. Сам писать не умел. Заставил прочитать написанное. Слушал, слушал — не понравилось. Девять раз велел переписывать». После смерти Ивана Чихачева сыновья его промотали состояние и оказались бедняками. Когда родился мой дед Николай, отец его Гавриил был до того беден, что не имел даже куска холста, чтобы завернуть новорожденного. Тогда он содрал с дверей оболочку — оленью шкуру и завернул сына. Поэтому у моего деда существовало еще другое прозвище — «Оболочка», которым в основном пользовались якуты и юкагиры.

Через много лет, когда я работал секретарем райкома партии, приходилось нередко ездить по якутским наслегам и оленеводческим стойбищам. Старики обычно интересовались моим происхождением. Когда сообщал, что я внук Чихачева-Гавриленка, они недоуменно разводили руками. Когда же говорил, что моего деда звали «Оболочкой», они радостно восклицали: «*Билябин, билябин, Оболочка волун вола* ‘Знаю, знаю, сын сына Оболочки’», — и начинались воспоминания. Скончался Николай Гаврилович в 1939 г. в возрасте 77 лет.

Моя бабушка, Александра Петровна Стрижева, детство провела на Лене, хорошо владела якутским языком и, кажется, была рождена, чтобы делать людям добро. Она прожила около 100 лет.

Дед не только сам знал грамоту, но и обучил своих детей. Поэтому еще до открытия советской школы, все его дети могли довольно сносно читать и писать. Причем было заведено читать наизусть стихи и даже целые поэмы. Почти все наизусть знали «Конька-горбунка», «Генерала Топтыгина» и др. При этом старик строго следил, чтобы при чтении не было пропущено ни одно слово или выражение. То же самое наблюдалось и при исполнении песен. Если случалось кому-либо пропустить слово или исказить его, он бесцеремонно останавливал: «Ништо врешь, ништо шухума баешь! Снова натни».

По-видимому, такое строгое отношение к слову, к точности содействовало тому, что нашим предкам удалось на протяжении веков хорошо сохранить и передать из поколения в поколение богатство русского фольклора.

Следует подчеркнуть, что предания и рассказы о старине довольно точно сохранили конкретные исторические события. В книге «Фольклор Русского Устья» приводится следующая легенда:

«В Русском Устье построили часовню. А в местности Ожогино была настоящая церковь. Там жил отец Лев. Назывался благочинным. Однажды он приехал в Русское Устье, с ним приехали два попа. В часовне стояла “Божия Матерь” с младенцем на руках. Благочинный, отец Лев, сказал, что “Божия Матерь” не должна стоять в Русском Устье. Ее перемещают в Ожогино. Тут вышли старики и старухи, пали на колени, стали молиться и причитать: “Ты, Мать Божия, не оставляй нас, не бросай нас”. Не обращая внимания на них, благочинный сказал попам: “Снимите Мать Божию”. В это время с благочинным случился удар, и он свалился на пол. После этого он сказал: “Не даю благословение детям, чтобы снимать «Мать Божию». Она подсекла мои ноги. Верните меня домой, я скоро умру”. Благочинный не доехал до Ожогино, умер по пути в Ерче».

Недавно в Центральном архиве РС (Я) мы обнаружили отношение священника Льва Щипицына мещанскому старосте от 29 февраля 1866 г., где он пишет: «В подведомственной Вам часовне противозаконно хранятся ценные вещи и святые иконы. Имеющаяся при Русско-Устьинской часовне Чудотворная икона — Знаменская Богородица в серебряной под золотом ризе, которая должна быть перенесена в Ожогинскую церковь»[2].

В ответном письме от 2 мая 1867 г. общество отказывалось выполнить это указание. По-видимому, после этого и произошел инцидент, о котором повествуется в предании.

Старшим в доме, конечно, был дед. Его распоряжения исполнялись неукоснительно. Куда ехать, где ставить сети, кому ремонтиро-

вать пасти и т.п. Мужчины большую часть времени проводили в разъездах.

Вставали рано, до восхода солнца. Летом спозаранку отправлялись неводить. Зимой много времени у мужчин уходило на охоту и заготовку дров.

Женщины шили одежду и обувь, вязали мережи для невода, готовили пищу, мыли, стирали, кололи дрова, заготавливали лед для питья, варили корм для собак. Дети тоже выполняли посильную работу. В общем, без дела никто не сидел.

Особенно интересно наблюдать за ремонтом нарт и веток. Осенью, когда выпадал снег, надо было «ставить» нарты. Это дело совершалось с активным участием деда. На ремонт нарты уходил целый день. Нарту затаскивали в избу, оттаивали, развязывали многочисленные узлы, ремни смазывали салом и делали перетяжку.

Самая важная часть нарты — полозья. Березовые полозья ценились на вес золота. Их за большую цену доставали через якутских купцов или в последние годы привозили с Колымы, куда береза иногда завозилась пароходами из Владивостока.

Очень ответственным делом считалось «гнуть полозья». Эту операцию старик не доверял никому. Иногда дядя Ваня, загадочно подмигнув, доверительно сообщал нам, племянникам: «Сегодне дедушка, наверно, полозья будет гнуть». Мы с нетерпением ждали этого момента.

Дед долго парил в корыте концы полозьев. Затем начиналось главное. Привязав к полозу «бало» — шаблон, начинал потихоньку загибать конец. В это время в избе стояла мертвая тишина. Вдруг раздавался резкий треск. У дедушки, к немалой потехе присутствующих, непроизвольно вырывалось ругательство. Он смущенно останавливал работу, внимательно осматривал полоз, затем крестился на иконы: «Прости меня, грешного!»

Следует сказать, что в нашей семье, да и не только в нашей, сквернословие считалось позорным явлением, строго наказывалось — было грехом. Про сквернословившего человека говорили, что у него «поганый рот». Тем более было непривычным услышать «поганые» слова от пожилых. Младшие сыновья старика для потехи устраивали этот спектакль.

Помолившись, повздыхав, покурив, дед, наконец, снова приступал к делу. И вновь в самый ответственный момент раздавался треск. Казалось, полоз разломился на несколько частей. Дед снова разражался матом. Женщины стыдливо прятали глаза, а он бросал полоз и долго сидел молча, обхватив голову руками. Тут выступала бабушка:

— Охолонись, Микуня! Грех! Невестки поганые твои слова слышат. Успокойся. Полоз твой целый. Это Алешка, варнак, за спиной нарочно лучинки ломает.

Она спешно напяливала на меня малахай, набрасывала телогрейку и выталкивала на улицу.

— Иди, урос, на двор, продрогни, не доводи дедушку до греха.

Забавно было также наблюдать, как бабушка лечила дедушку. Он, видимо, болел тяжелой формой трахомы. Она укладывала его на скамью навзничь и зажигала несколько свечей. Потом брала маленький ножичек, вроде скальпеля — специально для этой цели изготовленный дедом, выворачивала ему веко и этим ножиком счищала трахомные зерна. Иногда под веко сыпала молотый сахар или кусочки медного купороса.

При растяжении мышц «ставила енно» — находила на теле больную точку и придавливала ее кольцом ножниц, а на тело клала горящую вату. Она горела две-три минуты. Старик корчился, кричал и матерился, но мы его по приказу бабушки крепко держали. А бабушка в это время по-якутски громко кричала: «Истан кот! Истан кот!» Это, как я позже понял, означало: «Сгинь! Уйди!»

Впечатлений хватало на неделю. Иногда я обращался к дедушке с просьбой:

— Чего-то тоскливо стало на душе, давай, деда, поставим тебе енно.

— Я тебе, варнак, самому его поставлю!

В 1930 г. дедушку раскулачили, посчитав зажиточным человеком, так как он имел две зимних избы, два невода и около трех десятков сетей. Кто-то вспомнил, что в начале века у него было два коня и что он в одно время являлся доверенным устьянского купца Санникова.

Одну избу, которая находилась в Русском Устье, отобрали, а самого сделали лишенцем, т.е. запретили присутствовать на собраниях. Поэтому дед с бабкой почти безвыездно жили в Лобазном.

Как радовался дед, когда ему разрешили голосовать на выборах в Верховные Советы РСФСР и Якутской АССР весной 1938 г.! Несмотря на распутицу, он усадил бабушку в шлюпку и погреб за 60 км против течения, чтобы «спустить буллетони».

А тогда, в 1930 г., ретивые чиновники хотели отправить его в ссылку, но общество заступилось: «Грех, куда его, старого, какой он человек будет? Он до Аллаихи-да не доедет, кончится». Уполномоченный нашел «выход»: «Раз вы его жалеете из-за старости, то надо выслать его сына».

Старшим сыном был мой отец Гавриил. Но он вел отдельное хозяйство и первым вступил в колхоз. Тогда решили взяться за среднего 20-летнего сына Пантелеймона.

Так как дальше Русского Устья — Ледовитый океан, то ни в чем неповинного Пантелеймона на 5 лет сослали на юг Якутии. Всего из Русского Устья попали в ссылку три человека, из них двое за «грехи» отцов. На младшего сына 18-летнего Ивана стали «ронять контрольные цифры», т.е. заставляли бесплатно выполнять самую трудную и неблагодарную работу.

Дядя Пантелеймон вернулся домой в 1935 г. Его приезд приравнивался у нас к возвращению с «того света». Глядя на Пантелеймона, старики одобрительно покачивая головами, поговаривали: «Эх, руска коска, сама во двор пришла!» Он привез много новых песен: «Далеко в стране Иркутской», «Отец мой был природный пахарь», «По долинам и по взгорьям» и другие, среди них немало было и блатных типа:

Пусть нарсуд меня осудит,
В Соловки на двадцать лет,
Уж я тем буду доволен,
Что ее, курвы, больше нет.

Я иногда прилюдно громко их распевал, за что мне попадало от бабушки.

В нашей семье любили и умели петь. Мягким чудесным баритоном обладал Иван. Сидя долгими зимними вечерами, дядя Ваня вдруг запевал. Его с удовольствием слушали остальные. Иногда подпевали, искренне сопереживая, комментировали содержание песни. Очень жалели персидскую княжну, которую Стенька Разин утопил в реке. Считали, что, видимо, за это его Бог наказал — голову отрубили.

Если пели о том, как мать-старушка к воротам тюрьмы пришла и своему сыну передачу принесла, бабушка обычно причитала: «Эх, матушка родимая. Этакую даль прикатилася и то сыночка живого не застала». Иногда дед просил: «Чего-да тоскливо стало на душе, Ваня, спой-да песенку про Байкал-от». Упрашивать долго не приходилось, и лилась песня о славном священном Байкале.

Порой кажется, что все это мне пригрезилось. Ведь действительно трудно, уважаемый читатель, представить картину — безлюдная тундра, край света, кругом снега «хоть сотни верст исколеси», жалкая хижина, занесенная снегом, тусклая коптилка, убогая одежда, полумонгольские лица людей и раздольная русская песня, яркие образы далекой Древней Руси. Все это невероятно, необъяснимо. Может быть, в этом феномен Русского Устья, удивительная неразгаданная загадка русской души.

В то же время вернулся из ссылки Щелканов Иван. Он лет семь провел где-то под Хабаровском. Врезался в память его рассказ: «Я-то, наши, на лесопилке работал. Над иными-то людьми страсть дековались, под ружьем водили. Не стану врать, меня, грех, шибко не тиранили. От Лены до Еркутска целый месяц пешком шли. Пришли мы к железной-те дороге, сели на угор. Видим, брат, идут, бенные, человек эдак сто. Как гуси друг за дружкой. По бокам-те солдаты с ружьями. Смотрю я на них и думаю: "Эх, дитятки, чьих-да ведь отца да матери дети. Чего караетесь? Чего науродовали? Может, как меня мольчачево из родного гнезда на снег выгонили да наушую посадили. Я ведь тоже ничего не украл, не над кем не дековался. Своими потом да кровью животишко нажил. Или, может, моя баба кого куском обнесла или кому косой взгляд показала? А голь-то кабацкая только хайло дерет: "Щелканенок — кулак, мироед!" Что я и у кого съел? Свои же люди, злоимщики, на меня набасничали и все отняли. Клемоской Тихошка да Пичугин Ванька до чего дошли — подушки мои да перину распороли, пух-от на Сендуху виллили — золото искали. Не грех это?! Я и гувру, те люди, которых тамока под ружьем водят да собаками пужают, может, тожа Господа Бога ничем не пригневали..."

Подвели нас всех к поезду. Вагоны-те на железных колесах и друг за дружку, как нарты за нарту, завязаны, а внутри-то вроде как сени: лавки стоят и патры есть.

Люди-те вагон-от полом набилися, как комары. Иные с ребятишками, сундучками, кулями. Други-те просто сукушерчики таскают. Вдруг, брат, охто-то страшно заревело и все дернулося. Я сначала-то страсть сдрогнул — чуть голову не обнесло. Де потом поехали, в окошках-те все замелькало. Потом, брат, страсть хлеско поехали. Илуга! На собаках бы эдак хлеско без устали яхать. Некать да не мешат!

Потом опять ступью пошел и вроде бы как на побердо остановился. По нашему — побердо, а по ихому-то — станция. Тут люди на сендуху выходят, другие заходят. Паровоз-от на станции постоит, постоит, опять заревет и опять дернется. И опять катимся. Так-да, сяк-да до Хабаровска и докатилися. У нас ведь земля-та белая, а у них все зеленое».

Мы эти рассказы слушали, затаив дыхание. А дед в особенности. Его интересовало все:

— Парень, охто она лебедка-та?

— А рельса-та, охто она?

— А сахар-от как делают?

В условиях огромной оторванности, бездорожья его любознательная натура, видимо, не могла мириться с отсутствием информации. Поэтому приезжим он задавал бесконечные вопросы. Пришли ли пароходы, чего привезли. Кто сколько рыбы поймал и где. Кто родился, кто болеет и т.д., и т.п.

Гость обязан был на все эти вопросы дать исчерпывающий ответ. Полученную информацию дед комментировал, анализировал: «Ну-да пароходы винно из-за льдов задерживаются, шибко холонные прибойные ветры дули».

Путники иногда шутили: «В Лобазно приедешь, Гавриленок опять одигу не даст. Опять будет допрос снимать». Если приезжий останавливался на ночевку, старик просил рассказать «бывальщину», сказку или что-то из прочитанного.

Иногда, особенно летом, он не выдерживал скуки: «Съезжу-ка я до Федоровского. Узнаю, чего на белом свете деется».

Через нашу заимку зимой на морское побережье для осмотра пастей проезжало немало охотников. Когда оставались на ночевку два-три человека, мой отец обязательно устраивал вечерку. Сам он вместе с сестрой припевал, а остальных попеременно заставлял плясать. Плясали все с удовольствием.

Загадывали загадки, пели песни, делились новостями. Все это в какой-то степени вносило оживление в нашу тоскливую и однообразную жизнь. Среди наших жителей встречались и «варкуны», т.е. любители «присвистнуть». Иногда, чтобы убедиться в достоверности информации, спрашивали:

— Охто тебе сказывал?

— Васька Голыженской вчераша приходил да сказывал.

— Ой, мама, его сказки нам не бай. Он вохшу из ума выдумливат. Он вракун.

Большой радостью было для семьи, когда приезжали «тамосные», т.е. лица из России, которые «свет видели». Для них отводилось почетное место в избе, выставлялось лучшее угощение.

Когда садились за стол, тарелка с вареной рыбой, мясом, строганиной была общая. Каждый брал кусок и клал на свою тарелку. Существовало неписанное правило брать кусок только со своей стороны, и этого правила строго придерживались. Если кто нарушал, тут же получал по рукам вилкой или ложкой. Но такого почти не случалось.

Вспоминается один эпизод. Было мне 5–6 лет, жил я ту зиму у стариков. Приехала экспедиция из трех человек. Поставили на стол большую тарелку со строганиной. Самые лакомые куски, как обычно, внизу. Я сидел рядом с дедом.

Начальник экспедиции, видимо, не знал наших правил. Он то и дело брал снизу или с нашей стороны жирные куски, я по детской наивности вдруг ляпнул: «Какой, брат, монной человек. С нашей стороны хорошие куски хватат». Не успел я этого сказать, дед схватил меня за шиворот и кинул на кровать. Начальник покраснел, как флаг, а я остался без обеда.

Особенно интересно было слушать, когда по праздникам собирались старики. Начинали степенно вспоминать молодость и рассказывать «бывальщины». Бабушка часто рассказывала о странствиях своего родственника Петра Стрижева, который служил каюром в экспедиции Эдуарда Толля и служил столь полезно, что его именем названы два острова в Ледовитом океане.

80-летний Никита Лазаревич Черемкин повествовал о своем отце, сопровождавшем когда-то «граф-барона Майдича Ергай Юлича» на ярмарку на Анадырь-реку, где встречался с «немирными» «носовыми» чукчами (имеется в виду путешественник барон Гергард Людвигович Майдель. — *А. Ч.*). Упоминал он что-то и о «чукотском бунте», Камчатке, «крепа-городе Подартуре».

Ах, как жаль! Как жаль! Слишком мал я был тогда и несмышлен. Многое не удалось захватить, запомнить, затвердить. Как много окончательно кануло в «троесподнюю».

А какой это был язык, не теперешний: вульгаризированный, обремененный пустовесом, жаргонами и канцелярщиной, а тот настоящий досельный родовитый русский язык!

Двоюродный брат деда Николай Никитович Шкулев, к примеру, говорил всегда в рифму. Незнакомому человеку представлялся: «Уроженец тундры-матушки и медвежьего угла, сын покойного Микитушки — это буду я». На вопрос, как идет рыбалка, отвечал: «Лед толстой, труд большой, рыбка плавает по дну, мы не ловим ни одну». Приглашение к столу сопровождал прибауткой: «Хлеб-соль на столе да руки свои».

Знал он массу сказок, песен, частушек, пословиц и поговорок, с охотой их исполнял, завершая все это припевкой: «Весела наша компанья, кто не хвалит тот каналья». Любимой его поговоркой была: «Эх-ма! Есть ума да денег нет». А какие былины пели. Запомнились лишь отрывки.

Жил Микитушка девяносто лет,
Жил Микитушка, состарился.
Наконец-то он преставился.
Оставалась у Микиты чесна вдова,
Чесна вдова — Амельфа Тимофеевна.

Хорошо помню ставшего знаменитым после смерти сказочника Семена Петровича Киселева, который являлся близким соседом и приходился нам дальним родственником.

Это был некрасивый, бедно одетый и совершенно неграмотный человек. Но как он прекрасно владел словом. Он рассказывал неторопливо, делая паузы и логические ударения, как бы смакуя и взвешивая отдельные слова. Он говаривал: «Я, брат, страсть люблю сказывать, когда мне в лицо-то смотрят да такают (поддакивают)». Зная это, слушатели частенько подбадривали сказочника возгласами: «Да-а! Надо же! У, бра, Иван-от, винно, рисковой бул!» и т.п.

Когда мы читали ему незнакомые сказки, порою проявлял неодобрение: «Ты, брат, шибко хлеско читашь, на один дух. Я не успеваю думать. Ино-то вохшу-да не толкую». Отдельные фрагменты его сказок мы с братом читали, как стихи, подражая манере исполнителя: «Вот пошел он на конюшню коня выбирать. На спину руку бросит — спина ломаца. На шею бросит — шея сорвется. На хвост бросит — и хвост сорвется. Вдруг старушка: "Здравствуй, юница прекрасной, чего задумался, чего запечалился? И повесил головушку на правую сторонушку, потупил очи ясные в мать сыру землю, идешь, ни слова не рече?" Он ей отвечает: "Ну, старуха, под темные глаза не сыпай хрущата песка, на одну ногу наступлю, по другую раздеру и синю морю попадрю"».

Вспоминаю, например, такую сказку: «В одно прекрасное время вышел царь со своею дочерью — с Подсолнешной Красотой — на балкон. Увидели: летит Ворон, уронил гумагу с двенадцатью печатями. Царь гумагу прочатал: едет двенадцатиглавый змей и требует Подсолнешную Красоту на двенадцатое Чудское озеро на пожирание.

"Добром дашь, — говорит, — добром возьму, худом дашь — худом возьму, все твое царство выжгу, выпленю". Царь послал Силу воваться. Змей всю Силу побил. Делать нечего; поплакали, погоревали, увезли Подсолнешную Красоту на Чудское озеро змею на пожирание.

Посылает царь людей проверить: "Если девка живая, привезите, если мертвая — похороните". Приехали — девка живая. Привезли. Отец спрашивает: "Кто тебя избавил?" Отвечает: "Не знаю, какой-то богатырь избавил, мимо проехал. Я ему кричу: "Охто мой избавитель? Возьми меня с собой". Он отвечает: "Я у Вашего папеньки немало раз бывал, да немного пивал да едал, на кухне двадцать пять плетей принимал""».

Вот что рассказал мне Семен Петрович в 1947 г.: «Ты, брат, однако, знаешь, что на заимке Домнино похоронен русский солдат...

Давно это было, шла война. Пришел Указ послать на войну солдат из нашего общества. Жребий пал на трех братьев Голыженских. Всех троих отправили в рекруты. Старший брат был женат. Прошло несколько лет, от солдат нет ни вестей, ни повестей, ждали-ждали и ждать перестали. Женщина вышла замуж.

...Однажды летом все мужики уехали по гуси. Видят бабы: сверху лодка плывет, подъезжает к берегу и выходит из нее человек по-городскому одетый — в сапогах, гимнастерке, картузе и медаль на груди.

Увидала жена его — в ноги ему упала. Это был старший Голыженский. Поднял он жену и сказал: "Я прощаю тебя. Ведь я сам не чаял живым остаться". Приезжий рассказал, что младший брат рекрутчины не выдержал — его шомполами запороли. А средний брат до того выслужился, что его "сами люди обувают, сами люди разувают, без доклада к нему не заходят" (видимо, дослужился до офицерского чина. — *А. Ч.)*.

И привез солдат царскую грамоту, золотыми буквами писаную: «Из рода Голыженских за их усердную службу больше никого в солдаты не брать». Мой отец эту грамоту своими глазами видел.

Остается предположить, что эти солдаты были участниками Крымской войны 1854–1855 гг. В обороне Севастополя участвовала II Сибирская дивизия. Она состояла из Якутского, Камчатского, Охотского и Селенгинского полков. Якутский полк сражался на Малаховом Кургане. Он состоял в основном из мещан, крестьян, казаков и других русских старожилов Якутской области[3].

Интересным человеком был и Новгородов Петр Николаевич по прозвищу Дума. А прозвали его так за то, что он не торопился давать быстрые ответы. «Погодите, погодите, дайте я подумаю да скажу». И еще он был «выдумщиком», или изобретателем, по тому времени. Он первый сделал нарту и ветку на гвоздях, построил искусственное «улово», т.е. сделал небольшой примитивный пирс — образовалась заводь, где можно было ставить сети.

Дума знал много сказок, песен и былин. Это был неторопливый, обстоятельный рассказчик, но любил «чудить», т.е. «придавать необычность» своим повествованиям. Вот поет он старинную песню:

Александр обещался
К Рождеству домой прибыть,
В Таганроге задержался,
К Рождеству он не прибыл.

Затем рассказчик умолкал.

— Что, дедушка, забыл продолжение?

— Нет, не забыл, помню.

— А что? Продолжай.

— Нет, не могу. Тут одно неловкое слово есть.

— А что ругательное слово?

— Нет, не ругательное. Может, в этом доме коммунисты-да есть, может, комсомольцы-да есть. При них нельзя это слово баять.

— Ну все-таки скажи на ушко, что это за слово. Старик наклонялся к слушателю и доверительно сообщал:

— Церковь Божия.

— !?

Дед и бабушка были глубоко верующими людьми. Их дети уже, как правило, не молились, за исключением больших праздников. Постепенно они совсем отвыкли креститься. В начале 30-х годов XX в. борьба с религией докатилась и до Русского Устья. Закрыли церковь, всю утварь растащили, из домов в приказном порядке велели убрать иконы. Среди местных жителей нашелся один, который икону Знаменской Божией Матери приспособил вместо столешницы. Старики сокрушенно качали головами и шепотом предсказывали, что на эту семью падет проклятие. Так оно и случилось. Умер от ожогов малолетний ребенок. В последующие годы два взрослых сына утонули. Из шестерых детей никто на дожил до 40 лет.

Только на дальних заимках старики упорно не разрешали посторонним подходить к божнице. У нас икон было много. Имелись так называемые персональные дорожные иконы, которые брали с собой в дальние странствования. У деда была икона Николая Чудотворца. В особых случаях он или бабушка обращались непосредственно к своему «шефу»: «И, и, святой Угодник, Николай Чудотворец, погоду укрути!»

Несмотря на антирелигиозную пропаганду, старик незаметно вел свою работу. Читал нам, внукам, выдержки из Библии. Однажды он долго рассказывал, как наступит конец света. Праведники попадут в рай, а безбожников за их тяжкие грехи будут судить страшным судом. Их будут три года кипятить в котле и жарить на большой сковороде. Старший мой брат Коля слушал, слушал и усмехнулся.

— Чего, парень, смеешься?

— Я думаю. Вот дядя Сеня Щелканенок — главный наш безбожник. Как-то он будет на сковородке корчиться.

— Грех, парень, великий грех! — грозно взревел дед. — Слышишь, Дука, какие он худые слова бает. Рот ему вырви, безгалику!

Через много лет, умирая, С.Н. Щелканов строго-настрого приказал сыну, чтобы не зарывал его труп в землю, а сжег. Так и поступили. Сделали гроб. Обложили его большим количеством дров, об-

лили бензином и подожгли. Случилось это в 1949 г. Первая в истории Русского Устья своеобразная кремация.

В семье деда строго соблюдались религиозные праздники. Впрочем, строгое знание праздников диктовалось не столько набожностью, сколько хозяйственной необходимостью. Ибо каждая дата в условиях Заполярья совпадала с каким-либо определенным циклом, связанным с хождением солнца или чередованием промыслов.

Чтобы не спутать дни, русскоустьинцы пользовались деревянным календарем — «святцами». Он представлял собой полуметровую хорошо отструганную планку, на которую ровной чередой наносились зарубки — дни недели, а на боковых гранях отмечались праздники. Каждый день надо было аккуратно стесывать по одной зарубке. За святцами к нам приезжали иногда и с дальних заимок.

Когда мне исполнилось 6 лет, решили меня обучать грамоте. Дедушка сделал указку, показывал ею на букву и велел громко называть. Читал маленькие рассказы из какой-то книжки и просил рассказывать наизусть. Например: «Михаил Иванович Калинин родился в деревне Верхняя Троица Тверской губернии».

В одну зиму я долго жил у родителей в Русском Устье. Там от школьников выучил назубок сказки Пушкина. Привез эту книжку я, стал читать старикам. Дед умилялся: «Слышишь, Дука, парень-от наш как выучился читать — просто щелкат!» Однажды он случайно увидел, что я держу книгу вверх ногами. Возмущению его не было конца: «Ох и мошенник! На, брат, ни одну-да букву не знат. Нам голову морочит. Ой, Дука, опасный он человек будет!»

Старшие неназойливо, но упорно прививали нам неписанные правила человеческого поведения. Сейчас, по происшествии лет, иногда думаешь, сколько же было в их бесхитростных заповедях миролюбия, душевности, высокой морали, а, может, интеллигентности, выработанных многовековыми народными традициями и обычаями.

Главная заповедь — не укради!

В связи с этим вспоминается случай, произошедший в нашей семье. Было это во время войны. Нашей матери кто-то послал 15–20 штук конфет-подушечек. Дала она нам по 2–3 конфетки, остальные оставила отцу, который был в отъезде. Младший 6-летний братишка Ваня не удержался и потихоньку съел остаток конфет. Мать не ругалась, не кричала, лишь сокрушенно качала головой, и мы все видели в ее глазах скупые слезы.

Сейчас Ивану за 60 лет. Он полковник. Когда мы вспоминаем прошлое, он часто говорит: «Когда ты, Алексей, уезжал из дому, мать

тебя поцеловала, перекрестила и ничего не сказала. А когда меня провожала, тихонько шепнула: "Ваня, никогда не бери чужого". Из-за тех злосчастных конфет она все-таки в душе в чем-то сомневалась во мне. Я на всю жизнь запомнил это».

Помним мы ее еще один совет: «Никогда не говори о людях плохое. Услышал сплетню — молчи, не рассказывай другим. Если люди и узнают об этой сплетне, но только не от тебя».

Дедушка постоянно внушал нам следующую заповедь: «Не сделать человеку добро — грех. Сделать и укорить за это — тяжкий, великий грех!»

Отец говорил: «Никогда не обижай юкагира. Они благородные люди. Сделаешь ему добро один раз, он сделает тебе три раза».

Отец наш был известный индигирский ездок на собаках. Он советовал: «Если догонишь пешего, никогда не проезжай мимо. Обязательно посади его на нарту. Сам можешь идти пешком возле нарты, а его посади». Подсознательно помня это, я и теперь никак не могу равнодушно проехать на машине мимо одиноко стоящего или «голосующего» человека. Всегда чувствую какую-то неловкость перед ним.

Не могу также равнодушно пройти мимо лежащего в тундре бревнышка, так и хочется его взять, поднять, чтобы не занесло снегом. Такой у многих у нас рефлекс, который выработался суровой жизненной необходимостью.

С детства прививалась нам и физическая закалка. Никаких специальных упражнений не было. Это достигалось детскими играми и посильным трудом. Когда исполнялось сыну 4–5 лет, отец или дед усаживали его в корыто, давали в руки маленькое весло и велели плавать по лыве. Так вырабатывалось чувство равновесия, столь необходимое при езде на ветках. С 6–7-летнего возраста мальчиков уже возили по пастям и заставляли выполнять посильную работу.

Помню, когда мне было 5 лет, дедушка запряг в маленькую нарту двух старых собак и отправил за два километра на летнюю заимку за спальным мешком, умышленно «забытым» для этой цели. Зато сколько было впечатлений и рассказов о моей поездке!

Отец рассказывал: «Когда меня 8-летнего тятя брал по пастям, то нарту нарочно укладывал так, чтобы мне неудобно было сидеть, чтобы я вынужден был соскакивать и время от времени бежать возле нее».

Презирались трусость, излишняя чувствительность к холоду, жадность и бахвальство. Постепенно приучали детей стойко переносить холод, голод и лишения.

ПРИМЕЧАНИЯ

I.1

[1] *Белов М.И.* Там на Восточном Таймыре // Летопись Севера. — 1979. — Вып. 10. — С. 211.

[2] *Александров В.А.* Русское население Сибири в XVII–XX вв. — М., 1969. — С. 96.

[3] *Павлов П.Н.* Пушной промысел в Сибири в XVII в. — Красноярск, 1972. — С. 51.

[4] *Гурвич И.С.* Русские на северо-востоке Сибири в XVII веке // Тр. Ин-та этнологии. — М., 1963. — Т. 34. — С. 69.

[5] Там же. — С. 72.

[6] *Белов М.И.* История открытия Северного морского пути. — М., 1966. — Т. 1. — С. 156.

[7] *Колониальная* политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. — М., 1935. — С. 184.

[8] *Берг Л.С.* История ознакомления с Якутским краем // Якутия: Сб. ст. — Л., 1927. — С. 22.

[9] Национальный архив РС (Я), ф. 52, оп. 1, д. 1.

[10] *Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне в Якутии. — Якутск, 1961. — С. 104.

[11] *Открытия* русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке на Северо-Востоке Азии. — М., 1951. — С. 76.

[12] Там же. — С. 131.

[13] *Ногин В.* На Полюсе холода. — М., 1923. — С. 44.

[14] *Открытия* русских землепроходцев... — С. 135.

[15] Там же. — С. 136.

[16] *Алексеев А.Н.* Первые русские поселения в XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. — Новосибирск, 1996. — С. 22.

[17] *Кокорин В.* Алазейск // Среднеколымский улус. — Якутск, 2000. — С. 161.

[18] *Полевой Б.* Находка челобитной первооткрывателей Колымы // Экономика и культура: Управление Сибири в XVII–XIX вв. — Новосибирск, 1965. — Вып. 2. — С. 38.

[19] Национальный архив РС (Я), ф. 53, оп. 1, д. 23.

[20] *Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне в Якутии. — Якутск, 1961. — С. 105.

[21] *Зензинов В.* Старинные люди у холодного океана. — М., 1914. — С. 13.

[22] *Русская* Тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979. — С. 57.

[23] *Федорова Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. — М., 1971. — С. 369.

[24] *Фольклор* Русского Устья. — Л., 1986. — С. 369.

[25] *Долгих Б.О.* Новые данные о плавании русских Северным морским путем // Проблемы Арктики. — М., 1944.

[26] *Зензинов В.* Старинные люди... — С. 12.

[27] *Богораз В.* Русское население на Колыме // Жизнь. — 1899. — Т. 4. — С. 73.

[28] *Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне... — С. 105.

[29] Там же. — С. 374.

[30] *Врангель Ф.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. — М.; Л., 1948. — С. 241.

I.2

[1] *Геденштром М.* Отрывки о Сибири. — СПб., 1830. — С. 160.
[2] Национальный архив РС (Я), ф. 25, оп. 1, д. 258.
[3] *Шкловский Н.* Очерки Крайнего Северо-Востока // Зап. ВСО ИРГО. — Иркутск, 1892. — Т. 2, вып. 2. — С. 123.
[4] *Скалон В.* Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири // Изв. Иркутского с.-х. ин-та. — 1960. — Вып. 8. — С. 321.
[5] *Алексеев Н.* Охотничий промысел у «досельных» русских низовьев Индигирки // Сб. материалов по этнографии якутов. — Якутск, 1948. — С. 65.
[6] *Пасецкий В.* Очарованный надеждой. — Л., 1970. — С. 102.
[7] *Зензинов В.* Старинные люди у холодного океана. — Якутск, 2001. — 2-е изд. — С. 258.
[8] *Зензинов В.* По гуси // Ежемесячный журнал, издаваемый Миролюбовым. — СПб., 1916. — № 7–8.
[9] *Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области. — СПб., 1894. — С. 488.
[10] *Шкловский Н.* Очерки Крайнего Северо-Востока. — С. 109.
[11] Национальный архив РС (Я), ф. 8, оп. 1, д. 258.
[12] Там же, ф. 11-п, оп. 1, д. 665.
[13] *Чикачев А.Г.* Походск: Старинное русское село на Колыме. — Иркутск, 1993. — С. 35.
[14] *Аргентов А.И.* Пятнадцать лет в Нижнеколымском крае. — Томск, 1869. — С. 31.
[15] *Ионова О.В.* Жилые и хозяйственные постройки якутов // Тр. Ин-та этнографии. — 1952. — Т. 18. — С. 265.
[16] *Каменецкая Р.В.* Русские старожилы низовьев Индигирки // Фольклор Русского Устья. — Л., 1986. — С. 341.
[17] *Гедеонов А.* За северным Полярным кругом // Русское богатство. — СПб., 1896. — № 6. — С. 116–152.
[18] *Геденштром М.* Отрывки о Сибири. — СПб., 1830. — С. 102.

I.3

[1] *Мостахов С.Е.* Сподвижники путешественников и исследователей. — Якутск, 1966.
[2] *Зензинов В.М.* По гуси // Ежемесячный журнал, издаваемый Миролюбовым. — СПб., 1916. — № 7–8.
[3] *Пасецкий В.А.* Витус Беринг. — М., 1992. — С. 96.
[4] Там же. — С. 97.
[5] *Попов С.В.* Морские имена Якутии. — Якутск, 1987. — С. 47.
[6] *Зубов Н., Бадигин К.* Разгадка тайны Земли Андреева. — М., 1953. — С. 87.
[7] *Явловский П.П.* Летопись Якутска. — Якутск, 2004. — С. 229.
[8] *Полуянов В.* Географические открытия якутского промышленника Белькова // Летопись Севера. — М., 1975. — Т. 6. — С. 167.
[9] *Попов С.В.* Морские имена... — С. 61.
[10] *Мостахов С.Е.* Русские путешественники и исследователи Якутии. — Якутск, 1982. — С. 83.

[11] Национальный архив РС (Я), ф. 8-и, оп. 1, д. 18, 21.
[12] *Геденштром М.М.* Записки о Сибири // Журн. МВД. — СПб., 1829. — С. 41.
[13] Национальный архив РС (Я), ф. 8, оп. 1, д. 18.
[14] *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. — Л., 1969. — С. 55.
[15] Национальный архив РС (Я), ф. 144-и, оп. 1, д. 36.
[16] *Мостахов С.Е.* Русские путешественники... — С. 101.
[17] *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. — Л., 1948. — С. 110.
[18] Там же. — С. 247.
[19] *Мостахов С.Е.* Русские путешественники... — С. 194–195.
[20] *Чикачев А.Г.* Два острова П. Стрижева // Сибирь. — 1999. — № 4. — С. 166.
[21] *Скворцов Е.Ф.* В прибрежных тундрах Якутии // Тр. по изучению Якутской АССР. — Л., 1930. — Т. 15. — С. 131.
[22] Там же.
[23] *Боякова С.И.* Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии. — Новосибирск, 2001. — С. 104.

I.4

[1] *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. — Л., 1969. — С. 98.
[2] *Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана. — М., 1914. — С. 98.
[3] *Шкловский Н.* Очерки Крайнего Северо-Востока // Зап. ВСО ИРГО. — Иркутск, 1892. — Т. 2, вып. 2. — С. 123.
[4] Национальный архив РС (Я), ф. 144, оп. 1, д. 80.
[5] *Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана. — Якутск, 2001. — 2-е изд. — С. 149.
[6] *Федосюк Ю.А.* Русские фамилии // Наука и жизнь. — 1971. — № 8. — С. 65.
[7] Речь. — 1913. — № 330.
[8] *Зензинов В.М.* Марковцы и русскоустьинцы // Этнографическое обозрение. — СПб., 1914. — Кн. 1.
[9] *Аргентов А.И.* Пятнадцать лет в Нижнеколымском крае. — Томск, 1869. — С. 57.
[10] *Циперович Г.* За Полярным кругом. — М., 1923. — С. 43.
[11] *Аргентов А.И.* Пятнадцать лет... — С. 58.
[12] *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. — М.; Л., 1948. — С. 213.
[13] *Зензинов В.М.* Старинные люди... — С. 104.
[14] *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. — С. 276.

I.5

[1] *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. — Л., 1969. — С. 97.
[2] *Распутин В.Г.* На Индигирке рядом с океаном // Предисловие к книге Чикачева А. «Русские на Индигирке». — Новосибирск, 1990. — С. 5.
[3] *Русская* эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1991. — С. 97.
[4] *Фольклор* Русского Устья. — Л., 1986. — С. 20.
[5] *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. — М.; Л., 1948. — С. 148.

[6] *Шанталинская Т.* Андылыщина // Экспедиционные открытия последних лет. — СПб., 1996. — (Фольклор и фольклористика).

[7] *Жорницкая М.* Народные танцы Якутии. — М., 1956. — С. 35.

I.6

[1] *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. — М.; Л., 1948. — С. 211.

[2] Национальный архив РС (Я), ф. 144, оп. 1, д. 146.

[3] *Башарин Г.П.* Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. — Якутск, 1971. — С. 85.

Глава II

ПЕСЦОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ЯКУТИИ В XX в.

II. 1. ИЗ ИСТОРИИ ПУШНОГО ПРОМЫСЛА

С древнейших времен самым ценным товаром, вывозившимся из Руси в другие страны, была пушнина. Меха являлись не только важнейшей статьей экспорта, но выполняли функцию денег, восполняя недостаток или отсутствие металлических монет.

Пушной промысел являлся одной из важнейших традиционных отраслей коренных малочисленных народностей Севера и русского старожильческого населения (табл. 1). На протяжении столетий он был единственной товарной отраслью, связывающей Якутию со всероссийским и международным рынками.

Следует подчеркнуть, что имеется довольно обширная литература по вопросам пушного промысла и пушной торговли в XVII–XX вв. Интересные сведения, не потерявшие значения и по сей день, находятся в книгах Ф.П. Врангеля[1], Г.Л. Майделя[2], В.И. Иохельсона[3], В.М. Зензинова[4] и др.

Из работ конца XIX в. наибольшую научную ценность, на наш взгляд, имеет труд В.И. Иохельсона «Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе», изданный в 1898 г. на средства известной купчихи-меценатки А.И. Громовой.

В советский период пушному промыслу были посвящены работы М. Константинова[5], Г. Допильмаира[6], М. Тимофеева-Терешкина[7], Н. Романова[8], Н. Михеля[9], Н. Ча и М. Попова[10] и др. В 70–90-е годы XX в. появились капитальные труды по этой теме: «Пушной промысел в Сибири в XVII веке» Н. Павлова (Красноярск, 1972), «Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии» Ф. Сафронова (М., 1980), «Пушной промысел в Якутии конца XVII — середины XIX века» А. Дьяконова (Якутск, 1995), «Пушной промысел и торговля Якутии. Конец XIX — начало XX века» В. Захарова (Якутск, 1995).

В монографии А. Дьяконова впервые в научной литературе о Якутии освещаются численность и социальной состав охотников-промысловиков, распространение среди них огнестрельного оружия, развитие выкормочного звероводства и вопрос об охране пушных зверей. В свете новых архивных данных приводится объем

Таблица 1

Удельный вес отдельных видов зверей в заготовке пушнины, %[11]

Вид	1913 г.	1924 г.	1940 г.	1961 г.
Соболь	11,0	3,7	0,4	18,1
Белка	26,0	47,1	22,4	16,7
Ондатра	—	—	3,0	12,7
Лисица	6,1	16,0	13,5	10,2
Песец белый	5,6	9,0	7,1	7,9
Горностай	8,0	2,9	4,5	2,5

добычи мехов, рассматривается система принуждения к промыслу, вопросы пользования охотничьими угодьями за период с конца XVII до середины XIX в.

Труд В. Захарова является первой специальной работой, охватывающей комплекс социально-экономических проблем пушного промысла в тесной взаимосвязи с пушной торговлей в эпоху развития капитализма в России. В нем по-новому рассмотрены вопросы организации пушного дела в Якутии, влияния техники русских промыслов на охотничьи занятия коренного населения, роль пушного обмена в формировании торгового капитала в Якутской области. Сделаны выводы и обобщения об особенностях развития пушного промысла в изучаемый период, введены в научный оборот новые архивные материалы.

Однако эти книги посвящены пушному промыслу и пушной торговле в целом. К сожалению, работ, посвященных непосредственно промыслу белого песца, до сих пор нет.

Известно, что к концу XVII в. соболь в Восточной Сибири был выбит. Его запасы иссякли. Появился спрос на белого песца, который и стал основным пушным зверем обширной тундровой территории России.

Русские «промышленники» (промысловики. — *А. Ч.*), которых по меткому выражению А. Герцена «соболь довел до Тихого океана», стали постепенно стягиваться к побережью Ледовитого океана, богатому песцом и рыбой. Появились здесь постоянные русские поселения: Усть-Оленек, Булун, Казачье, Русское Устье, Походск, Нижнеколымск и др. То же самое происходило и на севере Западной Сибири, и на русском Европейском Севере.

Несколькими поколениями русских арктических старожилов и полукочевыми аборигенами было совершено огромное по своим масштабам строительство пастника — системы песцовых ловушек, покрывающих полосу тундры от Северного Урала до Берингова пролива.

Песцовый промысел содействовал ускоренному развитию ездового собаководства, превратив его из средства внутрихозяйственного транспорта в извоз — производственный фактор, состоящий в перевозке людей, грузов и почты на значительные расстояния.

На протяжении трех столетий белый песец был основным пушным зверем, имевшим жизненно важное значение для местного населения. Якутия в годы Советской власти давала 20–25 % от общесоюзной добычи пушнины. Здесь заготавливалось 80 % шкурок горностая, 35 % ондатры и до 50 % белого песца.

В недалеком прошлом доля промысловой пушнины в структуре товарной продукции тундровой зоны составляла около 50 %. В 60-е годы XX в. только в пяти арктических районах Якутской Республики (Анабарский, Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский и Нижнеколымский) для ловли песца применялось свыше 100 тыс. пастей и 30 тыс. капканов.

Ныне добыча белого песца фактически прекратилась. Вся система промыслового хозяйства (пасти, охотничьи избушки, ледники и т.д.) разорена. Погоня за сиюминутной наживой создает так называемые выгодные и невыгодные виды пушнины, что может привести к истощению соболиных запасов, как это было в прошлом. В то же время наблюдается значительное недоосвоение белого песца.

Объектом данного историко-этнографического исследования является промысловая деятельность в тундре коренных малочисленных народностей Севера (якутов, эвенов, юкагиров, чукчей и русских арктических старожилов), направленная на добычу белого песца.

Изучение предложенной темы основывалось на данных Министерства сельского хозяйства РС (Я), Якутского территориального управления Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) СССР, Статуправления Якутской АССР, Якутского отделения Всесоюзного института охотничьего хозяйства и звероводства (ЯНИИОЗ), улусных архивов, а также на материалах, опубликованных в печати.

В данной работе предпринята попытка обобщить организацию песцового промысла на севере Якутии в период Советской власти, когда промыслово-хозяйственная деятельность была одним из основных занятий тундрового населения, когда северная пушнина являлась важным источником валютных поступлений, так необходимых для нужд индустриализации страны и восстановления народного хозяйства в послевоенный период.

10 Заказ № 911

II.2. КРАТКАЯ БИОЛОГИЯ ПЕСЦА

Песец относится к отряду хищных, семейству собачьих. По внешнему виду он напоминает лисицу, но отличается от нее более короткими ногами, укороченной широкой мордой, крутым выпуклым лбом, небольшими закругленными ушами.

Как отмечает В.И. Иохельсон, название «песец», т.е. маленький пес, данное русскими, вполне ему подходит. Его острая мордочка напоминает полярного пса, а гавкает он точно так же, как щенок. Только продолговатые зрачки выдают его более близкое, чем с собакой, родство с лисицей, а белоснежная шерсть отличает его как от собак, так и от лисиц[1].

Но до получения полной шерсти ни один пушной зверь не имеет столько переходных степеней в окраске меха в зависимости от возраста, как песец. Таких возрастов семь, и каждый охотник или пушнозаготовитель безошибочно назовет их при первом же взгляде на шкурку. Различаются следующие виды шкурок песца:

1. «Слепушка» — песец после рождения. Мех низкий темно-красный.

2. «Норник» — т.е. в норе пребывающий. Шерсть его немножко светлее, а волос несколько длиннее, чем у слепушки.

3. «Крестовик» — мех светлее и волос длиннее, чем у норника, но по спине, у лопаток, выступает крест более темного цвета.

4. «Чаяшник» — своим серовато-синим цветом напоминает цвет птенца чайки.

5. «Синяк» — у него серовато-синий цвет чаяшника переходит в синевато-белый.

6. «Недопесок» — имеет уже вполне белую окраску, но шерсть еще короткая.

7. «Дошлый» песец — с длинной шерстью. Таким песец становится обычно в ноябре. Но, по словам охотников, все эти переходы цветов шерсти, за исключением цвета слепушки, наблюдаются и у взрослого песца после линьки. Так, например, недопеском может осенью быть и подросток, и старый песец, пока у обоих не вырастет полный волос[2].

Мех песца очень пушистый с мягкой остью. Общая длина тела животного от 60 до 100 см, причем одну треть длины составляет пушистый хвост. В среднем вес взрослой особи составляет 4,5–5,5 кг.

Географическое распространение песца охватывает всю зону тундры Европейско-Азиатского и Северо-Американского материков, почти все острова Северного Ледовитого океана.

Песцы бывают белыми и голубыми. В Якутии голубые песцы встречаются очень редко. Они сохранились главным образом на островах с более мягким климатом, в частности на о-ве Беринга в Тихом океане.

Песец — коренной житель тундры. Он хорошо приспособлен к суровым условиям окружающей среды. Длительная и холодная зима, штормовые ветры и метели для него не страшны: он хорошо защищен теплым мехом. Свернувшись в клубок, песец закрывает мордочку хвостом и спокойно спит на сорокаградусном морозе. Прекрасное опушение, белая окраска и подкожный жир хорошо сохраняют тепло. В очень сильные морозы и пургу песец роет в сугробах норы, где отсиживается в течение нескольких суток.

В поисках пищи животное часто преодолевает огромные расстояния. Песца можно встретить на ледяных полях, далеко от берега, и в лесотундре, в непосредственной близости от его жилья.

В зимнее время в тундре основу питания песца составляют различные мышевидные грызуны, например лемминги, а также отбросы рыбного промысла и остающиеся на месте забоя оленей внутренности. В своих скитаниях среди льдов песец иногда неотступно следует за медведем, питаясь остатками его «обедов», или благодаря своей увертливости безнаказанно таскает куски добычи из-под медвежьих лап. Он питается также тушками себе подобных, попавших в ловушку.

С наступлением весны, в мае — начале июня, в тундру прилетает на гнездование большое количество разнообразных птиц. Яйца, птенцы и самки птиц, сидящие на гнездах, становятся для песца в таких случаях основным кормом. С этого момента животное не ощущает недостатка в пище.

Песец линяет два раза в год — весной и осенью. Весной белый зимний мех заменяется дымчато-серым летним. Осенью происходит обратная смена волоса. Срок линьки зависит от упитанности зверей и метеорологических условий. Упитанный песец линяет раньше. Первые признаки весенней линьки проявляются уже в начале марта.

Вполне оседлым песец становится только летом, в период воспитания молодняка, в остальное же время года он ведет преимущественно бродячий образ жизни. Как бы далеко не заходил песец в своих странствиях, он никогда не оседает в тех местах и к весне всегда возвращается в родную тундру, к своим норам.

Расположение песцовых нор непосредственно связано с хорошо дендрированными возвышенностями, не заливаемыми водой во время весеннего паводка. Из норы обычно открывается вид на окру-

жающую местность, так что песец еще издали успевает заметить приближение человека.

Само устройство нор отличается значительным разнообразием, но все они имеют не менее двух входов. Норы используются в течение многих лет несколькими поколениями песцов. Чем дольше норой пользуются звери, тем все больше увеличивается ее размер, усложняется конструкция, возрастает количество входных отверстий, доходящее до 20–25. Все эти многочисленные отнорки образуют сложный лабиринт сообщающихся ходов, расположенных иногда в два яруса. В глубине находится гнездовая камера.

Площадка песцовых нор обычно бывает покрыта густой сочной травой и цветами, чем выделяется среди растительности окружающей тундры. Это обстоятельство облегчает поиск песцовых нор — «капищ».

Гон у песца начинается в конце марта и тянется до мая. Продолжительность беременности 52–53 дня. Самка приносит от 4 до 18 щенят. Живут песцы парами (самец и самка), щенят воспитывают вместе. Кормящая самка большую часть времени проводит в норе, а самец снабжает ее пищей. Кроме того, он бдительно охраняет выводок от внезапного появления врагов[3].

Примерно в сентябре выводок расходится. Расходятся и взрослые звери-родители. В годы высокой численности леммингов молодняк не разбредается далеко. После распада семьи молодые песцы первое время держатся поблизости от капищ и пользуются ими как временными убежищами во время зимы.

Лемминги — это грызуны семейства мышеобразных. На 1 км^2 тундры иногда можно насчитать 500–600 зверьков. При пиках численности, которые случаются через 3–4 года, количество их возрастает во много раз. Подсчитано, что одна семья белых песцов уничтожает за весну около 2 тыс. леммингов. В «мышиные» годы особенно успешно размножаются гуси и утки, мелкие пернатые — кулики, жаворонки, плавунцы, поскольку их враг — песец — кормится теперь исключительно леммингами, а не из птичьих гнезд[4].

Если «неурожай» лемминга совпадает с годом большой численности песца, то с осени последний начинает откочевывать на юг, доходит до Намского и Томпонского районов. Миграция песца всегда носит массовый характер. Животные идут по берегам рек и тайге, выбирая открытые места. Дальность миграции песцов на юг зависит от климатических условий и интенсивности промысла. Есть сведения, что в середине XIX в. песцы доходили до Петербурга и Старой Руссы.

Численность песца сильно меняется по годам. Она зависит в основном от наличия лемминга. Причиной тому является то, что весь зимний период, продолжающийся около 9 мес, лемминг — это единственный корм для песца. В случаях хорошего «урожая» лемминга песец зимует нормально и весну встречает достаточно упитанным. В такие годы песцы хорошо размножаются.

По рассказам охотников, статистическим данным и литературным источникам видно, что имеются большие колебания в численности белого песца. Они вызываются высокой смертностью молодняка из-за недостатка корма, массовым мором. Эти колебания в большинстве случаев носят характер периодичности. «Едва ли будет ошибочен вывод, что в среднем по Союзу ССР наблюдается периодичность в колебаниях численности песца»[5].

Для подтверждения этого положения возьмем данные колебания численности песца по Якутской АССР с 1938 по 1952 г., т.е. за 15 лет, полученные из личного архива Р.К. Аникина:

Год	Добыто песцов	Год	Добыто песцов
1938	24 668	1946	18 155
1939	12 672	1947	29 108
1940	17 475	1948	16 575
1941	20 785	1949	7957
1942	12 640	1950	18 847
1943	16 801	1951	20 670
1944	33 705	1952	16 250
1945	20 092		

Видно, что в 1944 г. был небывалый «урожай» песца, когда выловили 33 705 голов. Далее идут годы снижения численности. И только в 1947 г. положение выравнивается. Потом снова идет спад. Самым «неурожайным» оказался 1949 г., когда по республике было поймано всего-навсего 7957 зверьков.

Таким образом, можно установить некоторую периодичность в «урожайности» песца — повышение численности происходит через три года на четвертый.

Кроме того, можно сделать вывод, что колебания численности песца по годам весьма значительны — от 7 до 33 тыс. голов.

II.3. ПРОМЫСЛОВОЕ ОСВОЕНИЕ ТУНДРЫ

Песцовый промысел был известен русскому населению северных областей задолго до выхода в Сибирь. П.Н. Павлов отмечает, что «песца издавна промышляли на Европейском Севере. Так, в 1613 г. в

Казенный приказ было продано 156 белых песцов. В 1626 г. в Березовском уезде в ясак поступило 1518 песцов, в 1632 г. — 3659 песцов и 8 песцовых шуб.

В Мангазейском уезде песцовый промысел начался с конца XVII в., когда основная часть русского промыслового населения переместилась в низовья Енисея, Пясины и Хатанги. В 1697 г. Туруханская таможня зарегистрировала 7370 песцов, в 1699 г. — 4 тыс.

Примерно также обстояло дело и на севере Якутского уезда. В 1643 г. в Якутске в продаже не было ни одного песца. В 1694 г. из Якутска было вывезено 110 песцовых шкурок, в 1695 г. — 1865, в 1704 г. — 2830 и в 1717 г. — 4 тыс. шкурок»[1].

С. Геберштейн в своих записках обратил внимание на особые качества песцового меха, использовавшегося русскими: «...есть некое животное, которое на их языке называется песец. Его мех употребляют в дороге или в путешествиях, так как он больше всех других греет тело»[2].

Легкий теплый мех невыходного песца широко использовался русским населением Севера: из него шили одеяла, меховые чулки, шапки, песцом подбивали шубы и кафтаны. Использовались также лапы и хвосты выходного песца: из лап шились шапки, а из хвостов, разрезая их на полосы вдоль и чередуя эти полосы с ровдугой, с последующей простежкой ворса, шили облегченные и очень ноские одеяла.

О древнем промысле песца повествует предание об охотнике Лаврентии: «Был старик Лаврентий. У него было двенадцать сыновей, и всем им работа была распределена. Не осталось самому младшему. Когда он подрос, он случайно увидел, что упало дерево и задавило песца. Шкурку он снял и принес домой. Старик Лаврентий сшил себе шапку-малахай. Мех оказался очень теплым. Он снарядил младшего сына специально ловить этого зверя»[3].

Об этом же свидетельствуют и единые для всего Севера русские по происхождению термины для обозначения возраста песцов: слепушка, копанец, крестовик, синяк, чаяшник, недопесок и т.п. Каждому возрасту соответствовали особые свойства меха, требовавшиеся для определенных изделий.

Песцов чаще ловят пастями — нехитрыми по устройству ловушками давящего типа, построенными из бревен и дерна. Пасть — старинное русское изобретение. Не случайно у долган и якутов бытует слегка измененное ее название — «паас», по-русски же — «брыкалом», «сторожком» — они называют отдельные детали ловушки.

Русские промысловики от шкур песца отрезали лапы и хвосты, оставляя для продажи пластину. Был ли этот обычай свидетельством влияния верований коренных народов? Интересный исторический факт приводит Н. Кутепов: «...в 1504 г. дочь Ивана III Елена, выходившая замуж за Великого князя Литовского, обратилась к отцу с просьбой прислать собольего меха. Иван III вынужден был ответить отказом: "...а что если приказала ко мне, чтобы прислати тебе соболь черн с ногами передними и с задними, и с ноготками и где смерд ловят и они у них отрезывают"»[4].

О том, что песец регулярно совершает миграции, было известно давно. А.Л. Дьяконов приводит следующие слова из документа XVII в.: «В промысле песцовом две главные перемены: если много при горах набегов мышьих, то повсеместно на матерой земле оного зверя довольно. Но ежели за умалением мышей... весь зверь удаляется по льду в открытое море... в то время промысел весьма труден и не столько знатен». О спросе на песцовый мех в тот период можно судить по следующему документу: «...мех песцовый легок и тепл, но сильно марает, особенно белый. На голубом держится крепче, а потому употребляют его на дамские салопы, тогда как белый годен только под покрышку. Из лап песца делают прочные меха, но они низки шерстью и более употребляются под бекеши»[5].

В первые годы существования Якутска добыча пушнины достигла громадных размеров. В 1641 г. было, к примеру, вывезено в Москву 199 «сороков» соболей, т.е. 8000 соболиных шкурок.

Хищническое истребление соболя дало о себе знать уже через 30 лет после открытия пути на Лену. Уже в 1676 г. якуты жаловались, что «в якутских угодьях промышленные люди соболя выпромышляли, и ныне де у них стало мало, а которые и есть соболиные промыслы, и те де у них, якутов, удалены». Но и в данных местах соболей становилось все меньше и меньше. В 1682 г. промышленные люди с Колымы, Индигирки и Алазеи вышли обратно в Якутск, потому что «на тех реках соболиные промыслы стали худы и соболи выпромышлялись»[6].

В связи с истощением соболиных промыслов и возникновением спроса на белого песца как казны, так и частного рынка русские люди стали постепенно стягиваться к низовьям сибирских рек — в зону тундры, богатую песцом и рыбой. Здесь появляются постоянные русские поселения: Усть-Оленекское — на Оленьке, Булун — на Лене, Казачье — на Яне, Русское Устье — на Индигирке, Походск — на Колыме и др. Образуются мещанские и крестьянские общества, основными занятиями которых являются песцовый промысел, поиск мамонтовой кости, рыболовство и ездовое собаководство.

История сохранила для нас письмо, адресованное матерью сыну Константину Красильникову, оставшемуся на Севере: «От матери твоей Настасьи к сыну своему Констятину Ивановичу благословение и поклон. Буди за тебя, сын мой, мое материнское благословение отныня до века всем веке и в будущем.

Я Божиею милостью у Соли Вычегодской у зятя своего Ивана и дочери своей Огрофены на подворье до воли Божией жива, а впереди что будет — на то уже Спасова воля. А жена твоя Марья, дай Бог, здорова, живет у Соли Вычегодской со мною вместе да сын твой Петруша... Да Бог тебе судья, что ты меня, матерь, позабыл и кинул на старости лет, ко мне по се время не придешь. И ныне, чадо мое, помилуй меня, утоли мои матерны повседневные по тебе слезы, беспрестанно по тебе слезами на старости плачу, на жену твою и на сына твоего смотря. А сын твой полмужика. Бог дал ему и разум, а промыслу никакому учить некому.

Послушай, Константин Иванович, меня, матерь твою, и не презри моего слезного моления, приди ко мне. Стара и немощна я при конечном житии. И буде меня не послушаешь и матерно моление призришь, и у Соли не будешь и меня, и жену свою, и сына своего покинешь, тебе, сын мой, за твое ко мне непослушание не будет милость Божия и мое материнское благословение»[7].

Уже в конце XVII в. рядовые промышленники потеряли связи с Русским Севером, находили пути сближения с местным населением, что способствовало в дальнейшем втягиванию последнего в товарно-денежные отношения. Формирование постоянного русского промыслового населения на севере Сибири, несомненно, имело большое прогрессивное значение.

Посетивший в 1868 г. Русское Устье известный путешественник Г.Л. Майдель писал: «Индигирские мещане — преинтересный народец. Мещанин в природе своей имеет ремесло, крестьянин — земледелие. За право заниматься ремеслом и обрабатывать землю мещанин и крестьянин вносят свою лепту в общегосударственную кассу. А за что же платит подати государству русский человек, живущий на берегу Ледовитого океана? Они занимаются охотой и рыбной ловлей, подобно юкагирам, и ни в чем от них не отличаются, кроме языка. Русскоустьинцы просили меня ходатайствовать об исключении их из мещанского и крестьянского сословий и приравнении к инородцам — плательщикам ясака. Они не могут платить подати, так как не могут сбывать свою рыбу. Самое большое — их можно обложить ясаком. Это соответствовало бы принятому в Сибири правилу, что охотник платит государству из того, что дает ему охота. Во всем

этом со мной соглашался Якутский губернатор Лоховицкий, но не хотел входить с представлением в Иркутск, не переговорив с генерал-губернатором Корсаковым. Лоховицкий вскорости занял пост губернатора в Красноярске, а Корсаков умер. И люди, по всей вероятности, до сих пор платят крестьянские и мещанские подати»[8].

Приполярное комплексное хозяйство русских старожилов и северных оседлых якутов в значительной степени зависело от капризов природы. Высокая вода, изменение пути миграции оленей, откочевка песца плачевно сказывались на благосостоянии населения. Весенние голодовки считались обычными явлениями как на нижней Колыме, так и на нижней Индигирке и Яне. Тяжелые налоги и ростовщическая деятельность скупщиков пушнины не давали большинству хозяйств оправиться и в более благополучные годы.

В 1891 г. верхоянские мещане просили в связи с обнищанием «даровать облегчение по отнесению земских повинностей». Крайне тяжелым было в этот период положение Усть-Оленекского мещанского общества. В нем значилась формально 31 ревизская душа, тогда как подати в действительности оплачивали 7 взрослых мужчин[9].

II.4. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫСЛА ПЕСЦА В XX в.

Затянувшаяся в Якутии Гражданская война значительно подорвала слабо развитую экономику Севера. В хозяйствах малочисленных народов Севера более чем на 80 % сократилось поголовье оленей. Пришел в полный упадок рыбный промысел в низовьях Лены. Ежегодный улов рыбы по сравнению с дореволюционным сократился вдвое. В полную негодность пришли рыболовные снасти. Отсутствие корма и частые эпизоотии привели к резкому сокращению ездовых собак.

«Расстройство» транспортного сообщения и товарообмена привело к полному отсутствию промышленных товаров и предметов первой необходимости. Переброска груза даже в небольших количествах требовала огромных средств и большого количества оленьего и собачьего транспорта.

В сентябре 1923 г. Правительство Якутии освободило Верхоянский и Колымский округа от сельскохозяйственного налога. Впервые за много лет в 1924–1925 гг. северные округа получили достаточное количество продуктов: Булунский — 34 тыс. пудов, Верхоянский — 9702 пуда[1].

В 1925 г. народы Севера были освобождены от всех прямых общегосударственных и местных налогов, воинской и трудовой повинности.

В 1927 г. вместо отраслевых видов кооперации, нерентабельных в условиях Севера, создали интегральную кооперацию с задачами снабжения, сбыта, заготовок, кредитования и организации на плановых началах промыслов. Снабжение северных регионов стало планироваться таким образом, чтобы удовлетворить особые производственные нужды охотников, оленеводов и рыбаков.

В 1929–1932 гг. было положено начало реконструкции транспорта и связи в северных районах. Проводились подготовительные изыскательные работы, для того чтобы проложить морские, речные и воздушные пути. В 1933 г. началось строительство морского порта Тикси, в 1935 г. совершил первый коммерческий рейс к устью Индигирки пароход «Русанов». Началось судоходство на Индигирке, Яне и Оленеке.

Все это дало определенный стимул для развития традиционных отраслей северного хозяйства — оленеводства, рыболовства и пушного промысла.

По общему объему заготовки пушнины в 1925–1926 гг. был достигнут довоенный уровень. И с этого времени заготовки из года в год неуклонно росли.

По хозяйственной переписи 1926–1927 гг., продукция зверобойного и пушного промыслов по Булунскому, Верхоянскому и Колымскому округам составила в год 1 млн 626 тыс. 980 руб. Было добыто 6148 кг мамонтовой кости. В этих округах начали развивать активную деятельность различные пушно-заготовительные организации: «Якутскторг», «Холбос», «Дальгосторг» и др.[2]

Все эти организации имели на местах своих торговых агентов, уполномоченных, отделения и лавки. В Колымском округе продолжали активно действовать американские торговцы Свенсон, Кастель и др.

Многочисленные торгующие организации в период НЭПа всячески старались захватить как можно больше пушнины, мало обращая внимания на ассортимент товаров и удовлетворение нужд промыслового хозяйства. В 1931 г. якутское правительство запретило частным лицам вести заготовку и торговлю пушниной.

В 1929 г. была реорганизована система заготовки пушнины. Многочисленных заготовителей заменила единственная организация — «Якутпушнина».

Эта кооперативная организация занималась не только приемкой пушнины, но и содействовала реконструкции промыслового хозяйства, рационализации охоты, улучшению техники пушного промысла, правильной эксплуатации пушных богатств республики. Ассортимент товаров, завозимых на Север, утверждался в Наркомате торговли и

Комитете Севера при Центральном исполнительном комитете Якутской АССР (ЯЦИК).

На Ляховских островах созданный в 1932 г. «Якутгосторгом» охотничий совхоз вел охоту на белого песца и медведя. При его организации были выработаны следующие основные положения:

1. Вся группа Новосибирских островов должна быть закреплена за охотсовхозом «Якутгосторга» сроком на 15 лет. Охотсовхозу предоставляется монопольное право эксплуатации всех природных богатств.

2. «Якутгосторг» покупает у островных промысловиков имеющиеся в их распоряжении пригодные для пользования орудия промысла (пасти, поварни, нары, собак). В дальнейшем все орудия промысла приобретаются за счет совхоза.

3. Все промысловики островов, трудоспособные и прошедшие качественно-политическую проверку, принимаются «Якутгосторгом» на службу в качестве охотников. Оплата смешанная: 50 % — ежемесячная, 50 % — отчисления от суммы стоимости промысла. «Якутгосторг» принимает на себя снабжение промысловиков и их семейств за наличный расчет товаропродуктами. Отпуск товаров населению производится по умеренным ценам и установленным нормам.

4. Все добытое на островах принадлежит совхозу.

5. «Якутгосторг» забрасывает на острова достаточное количество товаропродуктов для обеспечения полного снабжения охотников и их семей, принимая меры к переселению на острова для постоянного жительства там определенного контингента охотников с семьями. На о-ве Большом Ляховском при дирекции будет построена фактория, а на других крупных островах — товарозаготовительные магазины.

6. Основная деятельность совхоза — планомерная и рациональная добыча песца, мамонтовой кости и дикого оленя. Кроме того, должен развиваться промысел морского зверя и рыбы.

7. Из общего числа пастей, имеющихся у промысловиков (4840 шт.), при приемке 25 % выбраковывается. Ежегодно совхоз силами промысловиков ремонтирует разрушенные пасти и строит новые по 500–700 в год, доведя общее количество пастей к концу пятого года до 6700 шт.

8. В обязанности совхоза должно входить проведение постоянной научно-исследовательской работы по изучению биологии промысловых зверей, наилучших мехов, качества меха, условий содержания зверей в неволе и т.п., для чего приглашается специалист-охотовед, создается исследовательская лаборатория и организуется небольшой опытно-показательный песцовый питомник.

9. Основная база совхоза (Правление совхоза, фактория, лаборатория и пр.) будет построена на о-ве Большом Ляховском, на мысе Бурус-Тас (в 30 км от радиометеорологической станции ВАИ), где имеется якорная стоянка для морских судов.

10. Совхоз должен полностью обеспечивать культурное и медицинское обслуживание населения островов, организовать для этого школу и медпункт, библиотеку-читальню и другие культурно-просветительные учреждения. Кроме того, совхоз построит баню, радиоустановку и небольшую радиостанцию.

11. Завоз на Большой Ляховский товаропродуктов и стройматериалов, а также вывоз продукции совхоза должны быть обеспечены путем организации ежегодного рейса небольшой шхуны или продолжения рейса морского парохода от устья Колымы до острова. При неудаче такого рейса сообщение должно производиться из с. Казачьего по льду. На этот случай в Казачьем должен быть создан особый товарозапасный фонд[3].

Известный в прошлом полярник Н.В. Пинигин так описывает жизнь арктических охотников: «На станции мы встречались только с промышленниками Ляховских островов. На Котельном и Фаддеевском промышляют артели, во главе которых стоят опытные промышленники, люди исключительной энергии.

Желающий промышлять на дальних островах должен проехать 750–1000 км только для того, чтобы добраться до промысловой базы. С дальних островов нельзя выехать раньше середины полярной ночи. Были случаи, когда море не замерзало до конца января.

Из островников самым удивительным человеком мне показался Костромин, 36-летний якут по прозвищу "Суорун" (ворон). Он первый построил ловушки на острове Новая Сибирь, который отстоит от Казачьего более чем за 1000 км. Он рассказывал мне про животных этого острова, про Деревянные горы, сообщил предание о гибели на Новой Сибири 9 промышленников (индигирских мещан. — *А. Ч.*). Кости этих несчастных Суорун находил и предавал земле.

В те времена, когда Казачье было в руках купцов, на острова ездили артели для добычи мамонтовой кости. В первом десятилетии XX в. цены песцового меха на мировом рынке резко возросли. В Казачьем появились новые люди — охотники за песцами. Они стали осваивать Новосибирские острова и временами привозили богатую добычу. Многие, испробовав горя на островах, бросили промысел навсегда. Из этого переменного состава мало-помалу остались настоящие "островники"»[4].

С 1932 г. сперва «Якутзаготпушнина», затем ГУСМП приступили к организации производственно-охотничьих станций (ПОС). К 1934 г. было создано 11 таких станций: Токкинская, Южно-Саккырырская, Оленекская, Северо-Саккырырская, Колымская, Ляховская, Сагыстырская, Момская, Оймяконская, Мархинская и Пеледуйская. Несколько позже создали Алазейскую ПОС.

Было разработано положение «О производственно-охотничьей станции», утвержденное Госкомитетом по охотничьему хозяйству при Наркомвнешторге СССР, где говорилось:

«1. ПОС является государственным предприятием и организуется для хозяйственной деятельности в охотничьих угодьях.

2. Основные задачи ПОС: освоение неосвоенных, недостаточно освоенных территорий путем организации на них комплексного охотничьего хозяйства с постановкой рационального промысла и широкого развертывания сопроизводственных процессов и увеличение, таким образом, экспортируемых ресурсов.

3. Функции ПОС:

— Возведение необходимых сооружений (дома, склады, бани и т.п.).

— Комплектация необходимой рабочей силы, в первую очередь из местного населения, проживающего на территории ПОС, путем договоров, повышая его материальное состояние, проводя снабжение его, всемерно улучшая бытовые условия его жизни.

— Проведение работы по поднятию культурного уровня охотников и их семей.

— Заключение с колхозами и охоткооперативами договоров о направлении сезонной рабочей силы»[5].

Решением ГУСМП создавались еще так называемые промыслово-производственные станции (ППС), которые всю работу проводили через колхозы. Спустя некоторое время ППС слились с ПОС, некоторые самоликвидировались, отдельные были реорганизованы в фактории.

В начале 1930-х годов в Якутске открыли Пушно-меховой техникум, входивший в систему ГУСМП и подготовивший немало квалифицированных техников-охотоведов, организаторов пушного промысла.

Функционировала также Якутская зональная промыслово-биологическая станция, преобразованная впоследствии в Якутское отделение Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства (ВНИИОЗ) им. Житкова, просуществовавшее до конца 1980-х годов. Это отделение ВНИИОЗ изучало охотничьи угодья, биологию промысловых зверей, разрабатывало методы их

учета, орудия и способы лова, занималось прогнозированием численности пушных зверей. Важную роль в научно-практическом решении многих проблем промысловой биологии сыграли В.И. Белык, В. Тавровский, Н.И. Ча, Р.К. Аникин, Г.П. Коротов, А.И. Грязнухин и другие специалисты.

В те годы была хорошо поставлена так называемая «служба урожая», которую ученые вели, опираясь на широкий актив охоткорреспондентов. По республике их тогда было свыше 700 чел. Они (местные охотоведы и кадровые охотники) по специальной методике вели природные наблюдения: фиксировали данные о динамике численности животных, кормовой базе, глубине и сроках выпадения снега и многом другом.

На основании этих сведений удавалось делать довольно достоверные прогнозы заготовки пушнины. Заготовке пушнины в те годы в Якутии да и в целом по стране придавалось огромное значение (наравне с добычей золота). Не зря ведь пушнину называли «мягким золотом». Взять хотя бы такой пример: в 1941 г. в Москве в издательстве Главсевморпути СССР была напечатана трехтысячным тиражом небольшая книжка недавнего выпускника Якутского пушного техникума Василия Лонгинова «На песцовом промысле (стахановский опыт охотников Аллаиховского района)».

В 1939 г. в Москве в издательстве Селхозгиз тиражом 5000 экземпляров выпущен буклет «Иннокентий Матвеевич Барабанский. Охотник-стахановец. Колхоз им. Молотова Устьянского района Якутской АССР», где в доступной форме, с наглядными примерами повествовалось об опыте знаменитого промысловика.

С промыслом белого песца неразрывно связано ездовое собаководство. Собачье поголовье всегда было подвержено резким колебаниям, вызванным эпизоотиями — так называемым «собачьим бешенством». Резкое сокращение поголовья собак отмечено в 1905, 1907, 1911, 1917, 1928, 1933, 1936 и других годах.

Поэтому Главсевморпуть предпринимал попытки по организации на Севере собакопитомников для ездового хозяйства. Первый такой небольшой собакопитомник, рассчитанный на 25 лаек, был создан в устье р. Омолой в 1934 г.

Питомники обеспечивали полярные станции и экспедиции ГУСМП ездовыми собаками. Экспедиция Всесоюзного арктического института (ВАИ) под руководством Ф.И. Балабина в 1934 г. исследовала состояние и перспективы северного собаководства в низовьях Яны, Индигирки и Колымы. В 1936 г. были организованы собакопитомники в пос. Чокурдах Аллаиховского района и в местечке Петушки Нижнеколымского района, которые просуществовали до начала Великой Отечественной войны.

Сосредоточение в системе Главсевморпути пушно-заготовительных функций окончательно закрепило государственную монополию на продукцию пушного промысла. Теперь снабжение северных районов ставилось в прямую зависимость от роста пушных заготовок. Среди мероприятий, осуществленных в предвоенный период, следует выделить следующие: расширение границ промысловых угодий, улучшение снабжения оружием и охотничьим инвентарем, реорганизация торгово-заготовительной сети, изменение системы оплаты труда охотников.

Кроме того, охотники были переведены на систему контрактации, т.е. на договорные отношения между заготовителем и покупателем. При заключении хозяйственных договоров охотники получали для лучшей подготовки к промыслу денежный аванс в размере 25 % от суммы договора на приобретение предметов охотничьего снаряжения, продовольствия и других необходимых товаров. Погашение полученных авансов проводилось по мере сдачи добытой пушнины в течение всего промыслового сезона.

В середине 1930-х годов в Якутии действовали две монопольные пушно-заготовительные организации: Якутское территориальное управление (ЯТУ) Главсевморпути и «Холбос», удельный вес которых в этих операциях составлял соответственно 53,3 и 46,7 %.

Приведем отрывок из отчета Якутской пушно-заготовительной конторы ЯТУ ГУСМП за I полугодие 1938 г.:

«План пушнозаготовок выполнен на 101,6 %, что в ценностном выражении составляет 4 млн 158 тыс. руб. Премировано 120 лучших охотников. В том числе знатный охотник, ныне депутат Верховного Совета СССР Шемяков Н.В. (Жиганский район) премирован 7 тыс. руб. на постройку дома.

Качественные показатели пушнины по данным Иркутской пушной базы выше, чем в прошлом году.

По состоянию на 15 июля 1938 г. прошли курсы повышения квалификации:

Заведующих заготпунктов и пушников — 62 чел.

Курсы охотбригадиров — 39 чел.

Курсы стахановцев — 28 чел.

Курсы райпушников в Иркутске — 8 чел.

Заслужили право участвовать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 23 чел., из них 15 поедут в Москву за счет ГУСМП, остальные — за счет Наркомзема ЯАССР.

На охотничьи мероприятия — строительство пастей, охотизбушек — ассигновано 247,7 тыс. руб.»[6].

Охотничье-промысловое хозяйство, так же как и другие традиционные отрасли северного производства, переводилось на коллективные формы организации труда. Охотники объединялись в производственные товарищества. Среди охотников появились первые ударники и стахановцы. Это А.А. Бобровский, Н.Д. Ачикасов, Д.С. Барабанский (Булунский район), А.И. Болтунов, И.С. Солдатов, И.М. Барабанский (Усть-Янский), Г.Н. Щелканов, Т.В. Чикачев, Т.А. Климовский, Е.Е. Едукин, Е.Н. Рожин (Аллаиховский), К.Д. Слепцов, Е.М. Борисов (Нижнеколымский) и др.

Наркомат заготовок СССР в декабре 1938 г. учредил знак «Отличнику охотничьего промысла». В том же году его получили 13 охотников из нашей республики. Вместе со знаком выдавалось охотничье ружье. Награждение утверждалось решением ЯЦИКа[7].

В постановлении ЦИК СССР от 9 февраля 1936 г., подписанном М.И. Калининым, по докладу якутского правительства был принят специальный пункт «По пушному хозяйству»: «В целях дальнейшего развития пушного хозяйства Якутии Главному Управлению Севморпути СССР совместно с правительством ЯАССР: обеспечить при помощи соответствующих производственно-охотничьих станций полное снабжение охотников на промыслах оружием и боеприпасами, расширить фабрику по переработке пушмехсырья в Якутске, организовать научно-исследовательскую работу по изучению условий размножения, питания и миграции ценных видов пушного зверя: песца, горностая, лисицы...»[8].

Составной частью пушно-заготовительной деятельности ГУСМП стали работы по развитию клеточного звероводства и акклиматизации ондатры. Научными сотрудниками Якутской зональной промыслово-биологической станции в период 1934–1940 гг. на территории республики было расселено 1602 особи ондатры. С 1937 г. приступили к отлову этого ценного пушного зверька. В 1939 г. было отловлено 8135 животных, а в 1940 г. — уже 10 659. Появилась новая профессия охотников — ондатроловы[9].

Промысел ондатры успешно развивался в Среднеколымском, Абыйском, Верхоянском и Жиганском районах. Так, впоследствии среднеколымский охотник-ондатролов И.В. Волков был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Приведем для примера данные по добыче ондатры в Среднеколымском районе в 1960–1961 гг. (табл. 2).

В дореволюционной России упоминается разведение песцов в домашних условиях. Щенки песца и лисицы извлекались из нор

примерно в полуторамесячном возрасте и содержались в деревянных срубах до созревания меха, однако это не давало нужного эффекта. Примитивность содержания отловленных щенков и связанное с ним низкое качество получаемой продукции, а также в большинстве случаев разрушение нор при выборке щенков, конечно, не могли быть узаконены, и одним из первых шагов Советского государства в упорядочении охотничьего хозяйства стало запрещение хищнического способа охоты — норничества — и установление твердых сроков охоты.

Однако в 1960-х годах некоторые ученые-охотоведы (Н. Ча, М. Попов и др.) предпринимали попытки доказать положительные хозяйственно-экономические предпосылки осеннего отлова и передержки белого песца, но их предложения не получили поддержки.

В конце 1930-х годов провели реорганизацию Главного управления Северного морского пути. Основная задача ГУСМП была дана в решениях XVIII съезда ВКП(б) в марте 1939 г.: «Превратить к концу 3-й пятилетки Северный морской путь в нормально действующую водную магистраль, обеспечивающую планомерную связь с Дальним Востоком».

Из Главсевморпути Наркомторгу и Центросоюзу были переданы вся торгово-заготовительная сеть, Наркомзему — совхозы, Наркомпищепрому — рыбные промыслы. Согласно постановлениям правительства, функции хозяйственного и культурного обслуживания малочисленных народов Севера возложили на местные органы Советской власти.

С 1940 г. к пушным заготовкам на Севере были допущены четыре организации: Заготживсырье, Главсевероторг, Дальстрой и Центросоюз.

В Якутской АССР в девяти северных районах заготовкой пушнины занимался Главсевероторг, в остальных — Центросоюз.

Таблица 2

Уровень добычи ондатры в Среднеколымском районе в 1960–1961 гг.

Ф.И.О.	Количество добытой ондатры	Сумма, руб.
Лаптев И.Н.	813	1020
Слепцов И.К.	1250	1522
Кондаков Г.Г.	2065	2484
Шарин А.И.	2208	2484
Винокуров Н.Н.	1450	1852
Гуляев Н.Г.	2568	3218
Третьяков В.С.	2175	2717

Таблица 3

Цены на шкурки отдельных видов пушнины в 1970 г., руб.[10]

Вид пушнины	Цена	
	Закупочная	Оптовая
Песец белый	75	116
Соболь	100	150
Ондатра	3,8	5,5
Лиса красная	43	57
Белка	3,2	4,4

11 Заказ № 911

Низовым пушнозаготовительным пунктом на Крайнем Севере являлась фактория. Она была непосредственно связана с охотниками, на нее ложилась обязанность организовать пушной промысел и обеспечить выполнение плана пушных заготовок. Фактория (ТЗФ) устанавливала нормы добычи на одного охотника, определяла необходимый контингент охотников, организовала службу «урожая», проводила пробные отловы, руководила ремонтом орудий лова, обеспечивала охотников необходимым снаряжением, принимала добытую пушнину и рассчитывалась с ними и колхозами.

Районная торгово-заготовительная контора руководила работой ряда факторий, организовывала завоз необходимых для района товаров. В штате конторы состояли специалисты-охотоведы. Большое внимание уделялось строительству и ремонту пастей и охотизбушек, а также изучению и распространению передового опыта.

В годы Великой Отечественной войны значение пушного промысла резко возросло, так как оно служило одним из важных источников поступления валюты, особенно необходимой в те трудные годы.

Цены, установленные на пушнину Постановлением Экономсовета при СНК СССР от 16 сентября 1939 г., действовали в течение 11 лет. Несколько повысились они на песца в 1950 г.

Для улучшения материальной заинтересованности охотников в 1968 г. были повышены закупочные цены на пушнину, добываемую в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним, в среднем на 50 %, в том числе на белого песца на 41,1 % (табл. 3).

В войну и в первые годы после нее на территории Якутской Республики заготовками пушнины занимались:

— Республиканский потребсоюз «Холбос» — в 26 районах, расположенных в южной части республики;

— Якутский республиканский «Рыболовпотребсоюз» — в 6 районах, находящихся в западной части тундровой и лесотундровой полос в нижнем течении рек Анабар, Лена и Яна;

— Колымо-Индигирский торг Наркомата торговли РСФСР — в 4 районах, расположенных в восточной части тундровой и лесотундровой зон, в низовьях рек Индигирка и Колыма.

За 1941–1945 гг. было выловлено и сдано государству 104 122 песцовых шкурки. Председатель Президиума Верховного Совета ЯАССР С.П. Сидорова, выступая на XI сессии Верховного Совета СССР в 1945 г., привела следующие данные: «Во время Великой Отечественной войны охотники республики удвоили добычу пушнины и дали в валютный фонд родины на 78 млн руб. Сверх плана в Особый фонд Верховного Главнокомандования внесено ценной пушнины на

9 млн руб. Охотник Гавриил Иванов в 1944 г. сдал государству пушнины на 43 тыс. руб. Охотник колхоза "Красная Звезда" Анабарского района И. Спиридонов добыл более 200 белых и голубых песцов»[11].

Следует отметить, что народности Севера (чукчи, эвены юкагиры, русские старожилы) проявили себя истинными патриотами и всеми силами крепили оборонную мощь Родины. Так, охотник из Аллаиховского района С.А. Чикачев за первый квартал 1943 г. добыл 40 песцов, деньги за них передал в фонд обороны страны. Охотник Г.Н. Щелканов из того же района за успехи на многолетнем песцовом промысле был награжден орденом Ленина.

За годы войны жители Олеринского и Халарчинского сельских советов Нижнеколымского района сдали государству пушнины на сумму, превышающую 1 млн руб.

Чукчи, как известно, — оленеводы, и пушной промысел у них всегда имел второстепенное значение. Но и они активно занялись промыслом песца. Среди промысловиков в то время был широко распространен лозунг: «Один добытый песец — один убитый фашист». Так, за период войны оленевод Андрей Нутендли сдал государству 212 песцовых шкурок, Иван Лелекей — 215, Егор Утельгин — 185. За особые заслуги в деле развития пушного промысла 15 чукчей были награждены Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Якутской АССР[12].

С 1956 г. заготовками пушнины по всей стране ведала в основном потребительская кооперация. Только в отдельных районах Якутской АССР и Магаданской области эти функции выполнял «Главсевероторг» Министерства торговли РСФСР. С 1970-х годов пушным промыслом в Якутии занималось Северное управление Министерства сельского хозяйства ЯАССР. Постепенно интерес к промыслу песца стал падать, под конец эта отрасль северного хозяйства была «пущена на самотек».

На основании различных источников нами составлена таблица, отражающая среднегодовой уровень добычи белого песца в XX в., данные для удобства подсчета распределены по семилеткам (табл. 4).

Таким образом, за XX в. на севере Якутии выловлено 1 445 610

Таблица 4

Добыча белого песца в Якутии с 1901 по 1996 г.[13]

Годы	Итого	В среднем за год
1924–1930	151 177	21 596
1934–1940	132 167	18 881
1941–1947	145 286	20 755
1948–1954	110 959	15 851
1955–1961	119 016	17 002
1962–1968	120 238	17 176
1969–1975	155 134	22 162
1976–1982	140 169	20 024
1983–1989	95 185	13 597
1990–1996	22 079	3154
Всего...	1 191 410	

голов белого песца. Фактически, конечно, больше, так как в дореволюционное время много шкурок шло на нужды самих охотников и их семей: шили одеяла, шубы и т.п.

В годы Советской власти при государственной монополии на заготовку пушнины статистические данные имели большое научное и практическое значение. На основании этих сведений, порой единственных, изучались особенности численности основных пушных зверей.

В Приложении к данной работе приводится краткий перечень решений Советского правительства, которые способствовали развитию экономики и культуры народов Севера. Необходимо отметить две особенности этих решений: подчинение их единой цели всемерного развития промыслового хозяйства, являющегося основой благосостояния народов, а также стремление постоянно учитывать при выработке и претворении в жизнь этих решений природно-климатические условия Крайнего Севера и, главное, национальные особенности народов.

Значительное влияние на резкий подъем Промыслового хозяйства, реконструкцию быта коренного населения северных регионов оказало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 300 от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». Особое внимание в нем было уделено жилищному строительству и повышению материального благосостояния оленеводов, рыбаков, охотников и зверобоев.

Большую положительную роль для нас, якутян, сыграло принятое в 1960 г. постановление Совета Министров РСФСР «О преобразовании 69 колхозов северных районов Якутской АССР в совхозы». Это позволило значительно укрепить материально-техническую базу промыслового хозяйства, превратившегося в экономически устойчивую отрасль северного производства (табл. 5, 6).

Таблица 5

Затраты на 1 руб. промысловой пушнины по северным совхозам ЯАССР, руб.[4]

Совхоз	1962 г.	1963 г.	1965 г.	1967 г.	1968 г.
Аллаиховский	1,55	1,41	2,29	1,46	1,60
Анабарский	1,55	1,7	1,07	1,21	1,98
Булунский	1,2	1,17	1,4	1,6	1,27
Нижнеколымский	2,45	1,21	1,5	2,0	1,97
Приморский	1,41	1,16	1,64	1,39	1,92
Усть-Янский	0,71	0,80	1,06	1,03	0,93
В среднем по всем хозяйствам	1,48	1,24	1,49	1,45	1,61

Таблица 6

Себестоимость одного песца промысловой добычи по шести тундровым совхозам ЯАССР, руб.[15]

Показатель	1962 г.	1963 г.	1964 г.
Себестоимость	55,21	55,0	58,3
Среднесдаточная цена	32,2	31,8	34,1

С 1991 г. начался распад совхозов, основных поставщиков пушнины, на различные мелкие хозяйства. В результате контроль за добычей и отчетность по сдаче продукции резко ухудшились. Довольно значительная часть пушнины стала реализовываться по усмотрению самих охотников по собственным путям сбыта и не отражалась в отчетности. Разница между фактической добычей и официально поступившими в заготовки шкурками резко возросла.

И тем не менее приведенные в табл. 4 данные наглядно показывают те изменения, которые происходили в песцовом промысле на протяжении XX в. на территории Якутии. Так, среднегодовая добыча белого песца в 1911–1917 гг. увеличилась по сравнению с периодом 1901–1910 гг. в 2 раза. Такое резкое повышение объясняется ростом цен на пушнину, в частности и на белого песца. Если в довоенный период (в 1934–1940 гг.) среднегодовая добыча песца по республике составляла 18 881 голова, то в 1941–1947 гг. она достигла 20 755 голов, т.е. стала на 10 % больше. Это объясняется самоотверженностью охотников и лучшей организацией труда торгово-заготовительных организаций. Затем произошел спад. В течение последующих 20 лет вылавливалось в среднем 16–17 тыс. зверьков. С 1969 по 1985 г. среднегодовой вылов песца по республике достиг 20–22 тыс. Известно, что в 1968 г. было повышение цен на шкурку белого песца более чем на 40 %. Песцовый промысел в те годы привлекал и любителей.

В результате «реформ» и краха Советской власти произошло разрушение традиционных отраслей северного хозяйства — оленеводства, рыболовства и охотничьего промысла, — являющихся материальной и духовной основой существования аборигенного населения. За 1990–1996 гг. поголовье оленей сократилось на 40–50 %, резко снизилась добыча рыбы и промысловой пушнины. Среднегодовой вылов песца составил 3154 головы, т.е. сократился в 4–5 раз. А в последние годы фактически прекратился песцовый промысел. Сегодня по всему Арктическому побережью нет ни одного кадрового охотника. Вся система промыслового хозяйства (пасти, охотизбушки, ледники и т.п.), покрывавшая зону тундры шириной 400–500 км от Северного Урала до Берингова пролива, создававшаяся столетиями, разрушена.

II.5. ТЕХНИКА ПРОМЫСЛА И ПЕРЕДОВЫЕ МЕТОДЫ ТРУДА

По данным Госземкомитета, в 1932 г. на севере Якутии имелось следующее количество пастей: в Анабарском районе — 16 464, в Булунском — 21 730, в Устьянском – 36 675, в Аллаиховском — 15 000, в Нижнеколымском — 4000 и на Новосибирских островах — 3700. Таким образом, по всей Якутской тундре насчитывалось примерно 100–110 тыс. пастей. В среднем на 4–5 км^2 приходилось по одной стационарной песцовой ловушке.

По традиции с давних пор те или иные территории считались юкагирскими, чукотскими или русскими. Например, тундра между реками Колымой и Чукочьей (Халларчинская тундра) воспринималась как кочевья юкагиров и чукчей.

Дельта р. Индигирки считалась территорией русскоустьинцев. Условными были границы наслегов и улусов. Аллаиховские ламутизированные юкагиры летом пасли своих оленей на песцовых угодьях русскоустьинцев. Русскоустьинцы ловили песца на Алазее — на территории Колымского округа. Недоразумения иногда возникали лишь между охотниками и оленеводами, так как последние, хотя и редко, пускали пасти на дрова.

Пасти бывают трех типов: ломовые, завозные и коробовые. Самой распространенной пастью является завозная и единичной — коробовая. Коробовую пасть пытались внедрить в 1930-х годах. Она технически более усовершенствованна, но не получила широкого распространения. Причина: она темная, песец в нее плохо идет.

Основа пасти — трехстенный короб, длина которого примерно 1 м, ширина 25 см и такая же высота. Над коробом сверху устанавливается массивное бревно — «гнеток», длина его около 4 м и диаметр не менее 20 см. Одним концом гнеток свободно укладывается на козлах — «озаднике», поперек другого конца крепится крестовина — «коромысло». Одно, более длинное, плечо коромысла кладется на кол — «коромысленный кол», другое — остается свободным.

Сторожевой механизм считается самой «ответственной» частью орудия, от него зависит безотказное действие пасти. Механизм состоит из «сторожка», «симки» и «прыгальца». Сторожок — плоская планка длиной примерно 12 см, шириной 2,5 см и толщиной 1 см. В нижней части сторожок имеет отверстие, куда вставляется симка. Верхний конец сторожка привязывается к «прыгальцу» — прочной планке длиной около 1 м. Симка — плоская планка длиной 4 см, толщиной 1 см и шириной 2 см. В нижней части симки имеется выступ, при помощи которого она вставляется в отверстие сторожка. К верхнему

концу симки прикрепляется волосяная или капроновая нитка, другой конец которой закрепляется на противоположной боковине пасти. Снизу симка при помощи крепкой нитки крепится к боковине.

Для того чтобы гнеток был тяжелее, на него иногда кладут кирпичик дерна. Чтобы пасти не сильно заносило снегом, их, как правило, устанавливают устьем против господствующего в данной местности ветра.

Каждый охотник имел в среднем 150–200 пастей. Расстояние между ловушками составляло примерно 1 км. Таким образом, чтобы осмотреть все ловушки и вернуться домой, промысловику необходимо было проехать по безлюдной тундре 300–400 км.

Путики с пастями располагались в основном по побережью северных морей и берегам речек или вблизи от них, так как строительство пастей строго лимитировано наличием в указанных местах плавника.

Пасти и охотничьи избушки требуют почти ежегодного ремонта, кроме того, надо летом заготавливать приманку и корм для собак. На все это уходит немало сил и времени.

В 30–40-е годы XX в. при организации пушного промысла внимание обращалось на внедрение передового опыта лучших кадровых охотников. К примеру, техник-охотовед В.Д. Лонгинов, рассказывая об организации песцового промысла охотников Аллаиховского района, писал: «Некоторые охотники считают, что летом во время ремонта пастей гнеток желательно оставлять приподнятым, чтобы песец мог свободно войти в пасть и поесть остатки приманки. Привыкнув к приподнятому гнетку, песец с меньшей опаской войдет зимой в настороженную пасть...».

Большую роль в пушном промысле играет «служба урожая». Она создается для наблюдения за песцами и изучения повадок пушного зверя — его образа жизни, хода размножения, причин миграции. Охотники-корреспонденты присылают письма со своими наблюдениями. Эти письма помогают правильно организовать пушной промысел. По сведениям В. Лонгинова, в 1939 г. в Аллаиховском районе имелось 24 постоянных охоткорреспондента. До начала промысла они послали 130 сообщений, большинство из которых представляли практическую ценность и были использованы при подготовке к промыслу.

В том же 1939 г. после окончания сезона многие охоткорреспонденты сообщали, что большое количество песцов живет не в норах, а на снегу. Так, например, охотник Г.Н. Чикачев писал: «25 мая я наблюдал двух песцовых беременных самок. Они лежали на снегу. За-

видев меня, они поднялись и медленно стали удаляться. Самки должны были на днях ощениться, а поблизости песцовых нор нет».

Осенью провели учет норения песца по Русскоустьинскому сельсовету. Установили, что, во-первых, количество имеющегося песца выше среднего; во-вторых, старые норы — капища песцами не заселяются, видимо, вследствие того что песец пришел сюда в конце марта из других мест и не смог сразу распознать свободные норы.

Можно было предположить, что песцы станут щениться на поверхности земли и положение молодняка весной 1940 г. окажется тяжелым. Приняли меры по усилению подкормки. Дальнейшие сообщения подтвердили правильность этого предположения. Любопытны наблюдения за 73 капищами в течение 1940 г. В помете пришлых песцов, ощенившихся в снегу, в среднем было четыре щенка, в то время как у местных песцов, ощенившихся в норах, — по шесть щенков.

Письма охоткорреспондентов представляли не только практический интерес, но и обладали научной ценностью. Нередко в них можно найти важные сведения по биологии зверя, неизвестные науке и позволяющие сделать ряд полезных выводов о жизни животных[1].

Из опыта охотника И.М. Барабанского

Охотник из Устьянского района И.М. Барабанский в 1937 г. сдал государству белого песца на 11 062 руб. при среднем плане 1900 руб. на охотника, в 1938 г. — на 15 284 руб.

При его непосредственном участии значительное количество пастей было заменено новыми, более усовершенствованными, по типу «пасть-короб».

Внимательное наблюдение за жизнью тундры позволяло опытному промысловику довольно точно определять количество песца в наступающем промысловом сезоне, возможные его миграции.

Известно, что результат высокопромыслового сезона в большей степени зависит от частого осмотра орудий лова. При редких осмотрах шкурка песца, попавшего в ловушку, может быть испорчена другими зверьками. Частая пурга забивает снегом пасти и капканы. Поэтому И.М. Барабанский увеличил частоту осмотра, что подняло производительность орудий лова.

Но ни одна только техника лова и правильная организация труда обеспечивали ему высокий заработок. Соблюдение всех правил съемки, обезжиривания и сушки обусловливало сдачу государству продукции повышенного качества, способствовало увеличению его дохода.

Многих дефектов, сильно обесценивающих белоснежного песца, ему удавалось избежать путем аккуратной съемки шкурок и тщательного удаления жировой ткани с мездры. Плохо обезжиренная шкурка даже при недолгом сроке хранения может испортиться и пожелтеть, что делает ее менее ценной.

Правильная просушка мездры и хранение шкурок вдали от огня и копоти, в абсолютной чистоте являются необходимыми условиями для получения высококачественной пушной продукции.

Прежде, чем уйти с промысла, Барабанский объезжал свой участок и тщательно разряжал свои ловушки, иначе в них могли попасть и погибнуть зверьки, которые оставались после промысла, выдержав суровую зиму, и начинали размножаться[2].

Опыт песцелова Н.С. Колесова

Вот как описывает известный в прошлом охотовед Н.И. Ча опыт Героя Социалистического Труда Николая Саввича Колесова: «Николай Саввич живет в поселке "Юкагир" на берегу Янского залива моря Лаптевых. Основной его участок промысла располагается по морскому побережью между Святым Носом и Меркушиной Стрелкой. Общая длина пути промыслового маршрута туда и обратно 750 км. На этом расстоянии расставлено 750 пастей и 40 капканов. На один объезд всех орудий лова требуется не менее трех недель. На маршруте имеется 14 охотизбушек, расположенных примерно в 40 км одна от другой.

За тридцать промысловых сезонов Николай Саввич сдал более 2300 песцовых шкурок. Успех промысла Н. Колесов ставит в прямую зависимость от подготовительных мероприятий. Поэтому он уделяет исключительное внимание летнему ремонту орудий лова и особенно заготовке различных приманок.

После окончания промыслового сезона, обычно с апреля до середины мая, он охотится на диких оленей. С середины мая уезжает, как правило, вместе с семьей на свой промысловый участок, где добывает рыбу на корм собакам. Это очень трудоемкая работа. В августе заготавливает приманки, закладывает подкормочные площадки для песцов и ремонтирует пасти.

Учитывая, что в течение года песцы неодинаково реагируют на различные пищевые приманки, охотник стремится иметь широкий ассортимент приманок и применяет наиболее эффективные из них. В качестве приманок он использует завяленные и пролежавшие в земле внутренности оленя, внутренности оленя-самца, убитого во время гона, различную дичь и многое другое.

Наиболее ценной приманкой Колесов считает внутренности оленя. Приготавливает приманку из них следующим образом: в желудок оленя заливает кровь, закладывает печень, легкие, неочищенные кишки. Наполненный желудок подвешивает на козлах и завяливает на солнце и ветре.

Бывает, что целый промысловый сезон именно запах этой приманки притягивает песцов. Но бывает и так, что в середине зимы "вкусы" зверьков меняются. Важно, чтобы охотник своевременно заметил это и заменил приевшуюся приманку новой. Своевременная замена приманок — своеобразный "секрет" песцового промысла. Н.С. Колесов изучил его в совершенстве. Изменение промысловой обстановки никогда не заставало его врасплох. Он всегда умеет выбрать именно ту приманку, которая в данный момент лучше привлекает зверя.

Николай Саввич за успехи в добыче пушнины в 1952 г. был награжден орденом "Знак Почета". А в 1957 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1962 г. земляки избрали его депутатом Верховного Совета СССР»[3].

Методы работы охотника С.И. Антонова

С.Н. Антонов — охотник совхоза «Булунский». За высокие показатели в труде в 1965 г. награжден орденом Ленина.

Общая площадь промышляемого участка 480 км^2. Вот некоторые его показатели:

Год	Добыто песцов	Год	Добыто песцов
1958	71	1962	120
1959	40	1963	94
1960	77	1964	71
1961	102	1965	70

Основную часть песцов С.Н. Антонов добывает капканами. Пасти он обычно проверяет через 6–7 дней, капканы — через 2–3 дня, невзирая ни на какую погоду, ибо систематическая проверка орудий лова — залог успеха.

Успешной добыче песцов способствуют удачный выбор места для постановки капкана и его маскировка. В наиболее темное время (декабрь — январь) капканы он устанавливает на постоянном месте с приманкой и, наоборот, в светлое время настораживает их у камней и других темных мест и предметов, причем нередко переставляет их с одного места на другое.

Песец — любопытный зверек, его все привлекает: незанесенная снегом кочка, лежащее бревно, колышек и т.п. В таких местах и расставляет свои орудия охотник.

Очень важно знать не только места обитания песцов, но и места их норения. Щенки из поздних пометов осенью обычно остаются около своих нор в количестве 3–5 голов. Возле них по более удобным местам охотник и ставит свои капканы.

В тундре при отсутствии удобных для постановки капканов мест С.Н. Антонов делает искусственные бугорки: вырезает кусок плотного снега и ставит его на ребро, около него настораживает капкан. Поставленный таким образом кусок снега привлекает зверя, и он подходит к нему не только ради любопытства, но и по естественным надобностям.

На больших речках Антонов орудия лова расставляет на обоих берегах, не упуская случая ставить их и около озер, где, как правило, водятся мыши. В таких местах охотник оставляет тушу свежеубитого оленя, возле которой устанавливает капканы.

Настораживает капканы следующим образом: подыскав подходящее место, делает ножом ямку размером с капкан с раскрытыми дугами и пружинами. Настороженный капкан охотник устанавливает на дне ямки и накрывает пластиной снега. Капканная охота, считает Антонов, требует от каждого промысловика большого терпения, выдержки и старания. В период промысла рабочий день продолжается 10–12 ч[4].

Из опыта нижнеколымского охотника С.А. Слепцова

Сорок три года промышляет песца охотник совхоза «Нижнеколымский» Савва Алексеевич Слепцов. Не было ни одного случая, чтобы он с участка домой воротился с пустыми руками. В последнее десятилетие его ежегодная добыча втрое выше, чем приходится в среднем на одного следопыта по совхозу. Как-то выдалась особенно неудачная зима. Многие едва осилили полплана, а он сделал два. Чтобы работать так, нужны богатый опыт, смекалка, умение пользоваться техникой и передовыми методами труда.

«Однажды, — рассказывает Савва Алексеевич, — я обратил внимание на бочку, более чем наполовину вмерзшую в лед. В ту зиму особенно часто бушевали метели. Охотники замучились откапывать пасти и капканы, настораживать их заново. А что если на бочке установить капкан и положить приманку? Результат: поймал несколько песцов, и капкан не заносило».

Но бочек в тундре не напастись, поэтому Слепцов начал сооружать из твердого снега и дерева возвышения. Похожие приемы охотники применяли здесь и прежде. Заслуга Саввы Алексеевича в том,

что он придумал настилы-трапики и доказал их преимущество. Теперь на нижней Колыме многие используют трапики.

С.А. Слепцов первым в совхозе освоил работу на снегоходе «Буран». На участке «Крестовая» под его руководством создана первая в районе механизированная промысловая бригада. Некоторые говорят: «Ему просто везет». Но умная русская поговорка утверждает: «Без труда не вынешь и рыбку из пруда». Слепцову помогает не удача, а отношение к делу, трудолюбие.

Жили тогда Слепцовы на краю с. Походска в маленьком приземистом домике, который зимой почти полностью заносило снегом. В апрельские дни жена С. Слепцова Наталья Николаевна часто поднималась на крышу, чтобы издали увидеть возвращающуюся домой родную упряжку. Вначале ждала только мужа, потом, когда подрос и отслужил в армии сын Слава, — их обоих. И уже не одна, а с невесткой Анной.

Теперь они живут в Черском, в многоэтажном каменном доме, который специально построили для охотников и рыбаков. В квартире три большие комнаты. Квартиру сыну дали рядом.

На Севере охотник — он же одновременно и рыбак. Савва Алексеевич в прошлом году бригадирство на неводном лове передал сыну Вячеславу. И тот отличился — занял первое место по республике.

Слепцов стремится не только к тому, чтобы как можно больше дать стране «мягкого золота». Не меньше он заботится и о том, чтобы сохранить и преумножить богатства Заполярья.

«В летний период, — рассказывает ветеран, — я и мои товарищи стремимся как можно больше выловить рыбы для приманки песцов. Разбрасываем возле озер, на пригорках, и это очень помогает песцовому молодняку. Он быстрее растет, меньше болеет, сокращается естественный отсев зверьков. Они привыкают к родному месту, прикармливаются и реже мигрируют.

Сохранению воспроизводства поголовья песца во многом помогает техника. Использование снегоходов позволяет вдвое, даже втрое расширить охотугодья. А это значит, что появляется больше возможности давать участкам “отдых”, то есть не облавливать их в ту или иную зиму. Дать зверю “накопиться”».

С. Слепцов хотя и добывает много, но распоряжается промыслом разумно, по-хозяйски, численность песца на его участке постоянно увеличивается.

Недавно Савве Алексеевичу исполнилось 60 лет. Но столько в нем силы и энергии! Сам про себя говорит, что не знает, как в больнице двери открываются. И это верно. Не зря говорят: «На таких, как Слепцов, весь Север держится»[5].

Из промысловых будней К.А. Киселева

Индигирский полярный следопыт, заслуженный работник народного хозяйства РС (Я), кавалер многих наград К.А. Киселев за 45 лет промысловой деятельности выловил более 4 тыс. белых песцов. Для примера приведем таблицу его показателей за 1966–1971 гг. (табл. 7)[6].

Куприян Алексеевич в свое время рассказывал: «Песец — очень чуткий и непоседливый зверь. Он кочует по тундре за мышами-леммингами. Лемминги — маленькие зверьки, похожие на хомячков. Их едят песцы, волки, даже самый травоядный олень с удовольствием съест лемминга, если ему удастся схватить его. С неба на лемминга пикируют совы, орлы-сапсаны и тарбеи-поморники.

Переплывая реки, мыши могут оказаться в пасти щуки, налима и даже нельмы. Мыши-лемминги — основная пища белого песца. Когда слишком много этих мышей, тоже плохо. Лучше всего, когда лемминга достаточно, тогда песец активно плодится. А к осени лемминг исчезает либо ложится под глубокий снег, так что достать мышь трудно. В это время голодный песец активно идет в пасть-ловушку.

Летом песец разоряет птичьи гнезда и ворует рыбу у рыбаков. Если сбитую птицу вовремя не взять, песец не проскочит мимо — тут же съест до последней косточки, но остается след — перо. Если тут поставить капкан, то через 2–3 дня песец может угодить в него, когда снова придет на это место. Такая у него привычка — заглянуть туда, где однажды хорошо поел.

Кроме того, песец — осторожный зверь. К примеру, если капкан с заржавленными пружинами или цепями — не жди удачи. Купил капкан — протри его травами или прокипяти в рыбном бульоне, чтобы не осталось запаха заводской смазки. Вообще-то у каждого охотника свои “секреты”. Какие-то переняли от старших, а до других сами додумались. Поэтому и результаты бывают разными: год на год не приходится. Иногда 100–150, а другой год и 40 песцов добываешь за зиму».

Таблица 7

Показатели работы К.А. Киселева

Годы	Количество добытых песцов	Сумма, руб.
1966	189	5948
1967	308	10 433
1968	110	3857
1969	87	3893
1970	213	8446
1971	308	10 433
Всего...	1215	43 010

Чтобы приучить песцов к определенному месту и предотвратить их миграцию, Киселев устраивал так называемые подкормочные площадки: в неглубокую яму закладывал 100–150 кг рыбы или мяса, затем закапывал слоем земли. В октябре эти ямы частич-

но раскрывал, чтобы «шел дух», т.е. запах от разлагающихся продуктов. Песцы, привлеченные запахом, сосредоточиваются около подкормочной площадки. Здесь весьма эффективна добыча их капканами.

Песец очень любопытен. Его привлекает все. Даже просто колышек. Он обязательно увидит его и прибежит помочиться во время гона. Около колышка или у другого чернеющего на белом снегу места и надо ставить капканы. Причем капкан следует накрыть глыбой снега, которую необходимо утончить ножом до такой толщины, чтобы она (пластина снега) не смогла выдержать тяжесть лапки песца, если он наступит.

К.А. Киселев первым применил в охотпромысле бригадный подряд. «Хотим мы нынче изменить представление об охотничьем промысле как о труде единоличника. Решили работать в "общий котел", а заработок делить между членами бригады с учетом активности каждого». Это было сказано Киселевым в 1977 г.

Когда подросли сыновья и племянники, Куприян Алексеевич одним из первых организовал бригадный подряд. Его бригада, состоящая из пяти человек, успешно трудится на участке «Гусиное». Производственная база бригады одна из лучших в районе: капитальный дом надежно защищает от жестоких ветров и морозов. Здесь большой ледник, гараж, радиостанция, ветродвижок.

Охотятся парами. Каждый проверяет ловушки по своему маршруту, но через каждые 7–8 ч встречаются в условленном месте. Если встреча не состоялась — это сигнал тревоги, тогда напарник едет навстречу другому по его маршруту. Каждый выполняет свое дело в привычных рамках индивидуального промысла, но дополненного элементами коллективной организации труда.

И что самое главное, коллективный подряд — это взаимозаменяемость на всех видах работы. Тут усматривается еще одно важное достоинство нового метода, которое отсутствовало при работе в одиночку. Это возможность подготовки молодых кадров, передачи опыта отца детям, воспитания будущего поколения мастеров пушного промысла. «Делай, как я» — этот принцип наставничества прочно начинает прописываться в пушном промысле. В 1986 г. бригада К.А. Киселева сдала государству 18 т рыбы, на 20 тыс. руб. пушнины и добыла около сотни голов диких оленей.

Киселевы — известные потомственные промысловики в Аллаиховском районе. Старший из них — Василий Алексеевич, несмотря на пенсионный возраст, по-прежнему возвращается из тундры с богатой добычей. Его сын Евгений — один из лучших молодых охотников республики, был участником Всемирного фестиваля молодежи в Москве, а второй сын — Алексей — управляющий отделением совхоза[7].

II.6. ПОЛЯРНАЯ ПУШНИНА НА ВНУТРЕННЕМ И МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКАХ: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В дореволюционные годы XX в. в Якутской области в среднем ежегодно заготавливалось от 16 до 29 тыс. шкурок белого песца. Тобольская губерния давала в среднем 10 тыс. шкурок. Самыми крупными пушными фирмами в Якутии были следующие: «Наследники Коковина и Басова», «Наследники Громовой» и «Наследники Кушнарева». Эти фирмы, находясь в Якутске и имея свои отделения в Москве и других городах России, фактически являлись хозяевами якутского пушного рынка.

Конкуренция купцов часто доводила мелкие фирмы до разорения и поглощения их более крупными. Важнейшими пунктами торговли на Севере были Булун, Казачье, Среднеколымск.

Торговля с отсталыми народностями имела свою специфическую особенность — товар обменивался купцами в основном на пушнину. Посетивший нижнюю Колыму губернатор И. Крафт рассказывал в свое время: «Понадобилось мне на ярмарке купить у чукчи шкуру нерпы. По оценкам на деньги она стоила 2–3 руб. Я давал ему 5. Чукча упорно стоял на своем, прося за шкуру чайник. Я давал ему 10 и убеждал, что на них можно купить три чайника. Он не соглашался. Тогда я купил у купца за 2 руб. 50 коп. чайник и вручил чукче, который охотно отдал мне шкуру»[1].

Неэквивалентный характер торговли приносил огромные прибыли купцам. Купцы и их приказчики, проводя товарообменные операции, в своем стремлении к безудержному обогащению не останавливались ни перед какими препятствиями, вплоть до прямого обмана простодушных и доверчивых северян, обмера и обвешивания, шулерства при игре в карты, спаивания водкой. Бутылка водки в Булуне стоила 6 руб., в Верхоянске — 13, в Среднеколымске — 30. «Очень многие из северных купцов не брезгуют смотреть на карты, как на подсобный заработок. Впрочем, не только купечество занимается картами. Зимой 1912/13 г. колымский исправник Собуров обыграл местных купцов на 12 тыс. руб. Об этом сообщалось в "Якутской окраине" и сообщение не было опровергнуто»[2].

Все скупщики пушнины возили с собой спирт и «угощали» им инородцев. Опьяневший охотник утрачивал представление о ценно-

стях. Отрезвев, он с горечью констатировал факт крупных обязательств купцу и, скрепя сердце, приносил к ногам своего довольного гостя связку песцов да сверх того оставался еще должен милостивому тойону.

В Национальном архиве РС (Я) имеется документ о добыче нижнеколымского юкагира Вострякова в конце XIX в. За 50 лет он добыл 552 лося, 15 тыс. оленей, 497 лисиц, из них 7 чернобурых, 60 сиводушек, 59 волков, 46 росомах, 36 медведей, 30 тыс. гусей, 6 тыс. белок и 1200 горностаев. И тем не менее жил очень бедно. Главная причина — искусственное занижение цен на меховые шкурки[3].

«Попытаемся из имеющихся у нас данных сделать практические выкладки относительно выгодности пушнины перед революцией. Возьмем для примера группы наиболее ходовой пушнины и, выводя общую их цену, выраженную в деньгах, определим, какое количество товара, сколько и в какой действительной стоимости мог получить охотник за сданную пушнину. В 1916 г. стоили: песец белый — 18 руб., лисица — 18 руб., горностай — 70 коп., белка — 48 коп., т.е. вся группа стоила 37 руб. 18 коп.

На эту сумму охотник получал приблизительно 1 кирпич чаю — 2 руб., пуд сухарей — 12 руб., 10 фунтов табаку — 9 руб. 50 коп., 9 аршин сатину — 4 руб. 50 коп., 10 фунтов масла — 10 руб., итого — 38 руб.

Фактическая стоимость этого товара с провозом до Казачьего составляет 26 руб. 45 коп. Если добавить к этой сумме накладные расходы 20 %, то получится только 31 руб. 74 коп. Получивши за эти 31 руб. 74 коп. песца, лисицу, горностая и белку, купец реализует их на рынке (цены на ярмарке 1917 г. — *А. Ч.*): песца — за 89 руб., лисицу — за 45, горностая — за 2 руб. 50 коп. и белку — за 1 руб. 70 коп. Всего на сумму 138 руб. 20 коп. Таким образом, в карман купца возвращается в среднем в 4,5 раза больше, чем из него выходит»[4].

Торговые операции велись так хитро и умело, что промысловик всегда оставался должником купца и попадал в безвыходную кабальную зависимость. Известно, например, что в 1913–1914 гг. в Жиганском улусе из 328 трудоспособных человек только 53 (16 %) не являлись должниками купцов. За остальными числился огромный долг в размере 61 580 руб., т.е. за каждым в среднем по 224 руб. Товарооборот булунского купечества ежегодно достигал 400–500 тыс. руб., Устьянского – 200–250 тыс.[5]

Курьезный случай приводит В.М. Зензинов. В 1912 г. в Булуне поднимался вопрос об открытии почтового отделения, причем улус высказывал желание половину расходов на первоначальное обзаведение взять на себя. Купечество посмотрело на это иначе. Вот что говорится об этом в приговоре Булунского сельского схода: «...купцы, торгующие по Устьянскому и Верхоянскому улусам, заявили о том,

что если будет открыто правительственное почтовое отделение, благодаря чему они (население. — *А. Ч.*) будут получать почтовые сведения о ценах на пушнину, что на материальном положении улуса отразится благоприятно, поэтому они (купцы) совершенно отказываются от помощи по содержанию квартиры для почтового отделения». Мотивировка отказа здесь откровенна и ясна: нам выгодно, если населению живется плохо, и не в наших интересах поднимать его благосостояние[6].

В сентябре 1911 г. в Нижнеколымске впервые и совершенно неожиданно появился американский корабль — моторно-парусная шхуна «Китивек». В последующие годы американские шхуны стали приходить ежегодно. Особенно усиленную торговую деятельность развил американец Олаф Свенсон. К примеру, известно, что он в 1912 г. на Анадыре скупил пушнину на сумму 20 909 руб. 25 коп.

В связи с Гражданской войной прекратились русские торговые рейсы на Колыму из Владивостока. Население голодало. Этим воспользовались американские фирмы Вульфсона и Свенсона. Они доставляли необходимый минимум товаров.

В августе 1920 г. в Нижнеколымск пришли две американские шхуны с грузом 2000 пудов. Уездный ревком не препятствовал их торговле. В дальнейшем якутское правительство разрешило американцам вывозить полученную в обмен на товары пушнину, но распорядилось реквизировать остатки их товаров.

Хотя торговля американских купцов была, мягко говоря, неэквивалентным обменом, она позволяла местному населению в какой-то мере пользоваться благами цивилизации.

Современники рассказывали, что коммерсант и опытный моряк Свенсон более четверти века плавал на Колыму и Чукотку. Он знал каждую бухточку, речку и сопку, каждого прибрежного охотника. Несомненно, он «выкачал» с наших берегов пушнины, мамонтовой кости, моржовых клыков и китового уса не на один миллион долларов.

С песцовым промыслом были тесно связаны добыча и торговля мамонтовой костью. В.М. Зензинов дал очерк промысла мамонтовой кости и сопоставил статистические данные ее привоза на Якутскую ярмарку до 1914 г. Мамонтовую кость добывали по берегам Ледовитого океана, в низовьях рек Колымы, Алазеи, Индигирки, Хромы и Яны, а также по обеим сторонам Ленской дельты.

«По большей части кость промышляют летом и осенью во время промысла ленных гусей и диких оленей. Но гораздо большее количество мамонтовой кости вывозят с Новосибирских островов.

Промыслом занимаются в основном инородцы, живущие в Казачьем. Впрочем, среди промышленников встречаются даже приез-

жие из Якутска. Раньше на острова ходили также мещане из Русского Устья, оставившие этот промысел из-за трудности и опасности пути через море в сороковых годах прошлого столетия»[7].

«Для отыскания мамонтовой кости промышленники ежегодно ездят на дальние острова. Они отправляются в путь с марта — апреля месяца. Путь свой они направляют по положению торосов льда и наметов снега. Долговременная опытность научила их, как распознавать надлежащее направление для достижения желаемых островов. Достигнув островов, промышленники остаются на оных: при берегах ищут мамонтовой кости, ловят зверей и рыбу. И по наступлении осени, как вскоре море покроется льдом, они отправляются к домам и уже на следующий год с наступлением марта месяца перевозят весь свой промысел»[8].

Бивни мамонтов вывозили через Кяхту в Китай и через Москву в Англию, где они конкурировали со слоновой костью (табл. 8).

Известно, что большое количество пушнины шло на экспорт на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Цены на пушнину в начале XX в. значительно повысились по сравнению с ценами конца XIX в. Одной из причин этого было сокращение добычи пушнины вследствие хищнического истребления зверей как в России, так и в других странах и, кроме того, увеличение спроса на меха. Так, цены на белого песца повысились почти на 100 %, на красную лисицу — на 85. По данным А. Каплина, якутский белый песец в Соединенных Штатах Америки в 1914 г. стоил 20 дол. за шкурку, а в 1917 г. — 25 дол.

В первые годы Советской власти внешняя торговля страны была невелика в связи с трудностями, вызванными Гражданской войной. В экспорте советской пушнины в 1922–1923 гг. белка составляла по стоимости 50 %, лисица — 15, куница и песец — 10 %. Главными импортерами нашей пушнины являлись Англия, США и Германия.

Таблица 8

Количество мамонтовой кости на Якутской ярмарке[9]

Годы	Количество пудов	Цена за пуд, руб.	Продано на сумму
1891–1900	12 166	25–60	341 890
1901	700	25	19 600
1902	1600	25–60	44 800
1908	1000	—	—
1909–1911	4870	—	—
1912	1200	51–53	63 600
1913	1600	53	84 000

Лозунг социалистической индустриализации страны, поставленный XIV съездом ВКП(б) в декабре 1925 г. перед государственными экспортными организациями, определил задачу расширения и увеличения вывоза советских товаров в целях приобретения за границей необходимого оборудования для реконструкции промышленности.

В том же году ряд отечественных специалистов внес предложение об организации пушных аукционов непосредственно в нашей стране. Первый Ленинградский международный пушной аукцион состоялся в марте 1931 г., на него прибыло 78 купцов из 12 стран.

Результаты аукциона были весьма успешными. На торгах продали 95 % выставленных для реализации мехов по ценам в среднем на 6–8 % выше уровня цен Лондонского аукциона, состоявшегося за месяц до этого.

Таблица 9

Цены на шкурку белого песца на аукционах Лондона и Ленинграда[11]

Год	Цена за шкурку, дол.	Всего продано, тыс. шт.
1931	31–32	108
1932	19–27	50
1933	19–45	100
1934	39–52	81
1935	25–28	54
1936	30	139
1937	23–40	73
1938	22–29	130
1939	21–22	32
1940	18–19	84

Было продано 3766 шкурок белого песца на сумму 99 466 дол., лисицы красной 16 688 шкурок на 195 986 дол., горностая 70 740 шкурок на 118 471 дол. Удельный вес белого песца в общих продажах на I Ленинградском международном аукционе составил 7,2 %[10].

С тех пор ленинградские международные пушные аукционы стали проводиться ежегодно (табл. 9). Первый послевоенный пушной аукцион (18-й по счету) состоялся в Ленинграде в июне 1947 г.

Всесоюзное пушно-меховое объединение «Союзпушнина», входившее в систему Наркомвнешторга, занималось всеми вопросами пушно-мехового хозяйства страны — от добычи, заготовок до экспорта включительно. Удельный вес пушнины в общем экспорте СССР в 1930 г. составлял 7,4 %, в 1931 г. — 6,9, в 1932 г. — 7,3 и в 1934 г. — 7,8 %.

За годы Великой Отечественной войны было продано 320 тыс. песцовых шкурок в среднем по 35 дол. на общую сумму 11 445 000 дол. (табл. 10). В первые послевоенные 7 лет экспортировали за границу 497 тыс. шкурок белого песца.

В январе 1952 г. правительство США ввело запрет на ввоз в страну шкурок и изделий из шести видов советской пушнины (горностай, куница, норка, колонок, лисица, песец). Многие фирмы и некоторые американские органы печати не были согласны с этим актом администрации США.

Таблица 10

Экспорт белого песца из СССР в 1941–1945 гг.[12]

Показатель	1941	1942	1943	1944	1945
Количество шкурок, тыс. шт.	71	39	67	49	94
Стоимость одной шкурки, дол.	23	34	44	38	30

Таблица 11

Советский экспорт белого песца в 1953–1959 гг.[13]

Показатель	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Количество шкурок, тыс. шт.	8	31	32	40	46	92
Стоимость одной шкурки, дол.	24,4	—	—	—	23,15	24,0

В последующие годы удельный вес белого песца в экспорте основных пушно-меховых товаров страны колебался от 0,4 до 4 % (табл. 11). При реализации белого песца приходилось постоянно сталкиваться с конкуренцией со стороны шкурок этого же вида пушнины, добываемых в Канаде, Гренландии и на Аляске.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава II

II. 1

[1] *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. — М., 1948.

[2] *Майдель Г.Л.* Путешествие на северо-востоке части Якутской области. — СПб., 1894.

[3] *Иохельсон В.И.* Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. — М., 1898.

[4] *Зензинов В.М.* Очерки торговли на севере Якутской области. — М., 1916.

[5] *Константинов М.* Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. — Иркутск, 1921.

[6] *Допильмаир Г.* Пушной и охотничий промысел в Якутии. — Л., 1927.

[7] *Тимофеев-Терешкин М.* Очерки пушного дела в Якутии. — Иркутск, 1927.

[8] *Романов Н.* Пушные звери Лено-Хатангского края // Тр. НИИ полярного земледелия животноводства и промыслового хозяйства. — М.; Л., 1941.

[9] *Михель Н.* Очерки промысловой охоты Северо-Восточной Якутии // Арктика. — Л., 1937. — Кн. 5.

[10] *Ча Н., Попов М.* Хозяйственно-экономические предпосылки осеннего отлова и передержки песца // Материалы по экологии и численности животных. — Якутск, 1973.

[11] *Пилотович С.* Промысел и заготовка пушнины. — М., 1971. — С. 51.

II.2

[1] *Иохельсон В.И.* Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. — М., 1898. — С. 69.

[2] Там же. — С. 70.

[3] *Грязнухин А.* Промысел песца // Промысел основных пушных зверей. — Якутск, 1953. — С. 36.

[4] *Успенский С.М.* Живая Арктика. — М., 1986. — С. 90.

[5] *Губер В.* Песец и его промысел. — Л., 1939. — С. 19.

II.3

[1] *Павлов П.Н.* Пушной промысел в Сибири в XVIII веке. — Красноярск, 1972. — С. 276.

[2] *Геберштейн С.* О московских делах. — СПб., 1906. — С. 96.

[3] *Фольклор* Русского Устья. — Л., 1986. — С. 216.

[4] Там же. — С. 344.

[5] *Дьяконов А.Л.* Пушной промысел в Якутии в конце XVII — середине XIX века. — Якутск, 1990. — С. 19.

[6] *Якутия* в XVII веке: Очерки. — Якутск, 1953. — С. 406.

[7] Там же. — С. 406.

[8] *Майдель Г.Л.* Путешествие на северо-востоке части Якутской области. — СПб., 1894. — 599 с.

[9] *Гурвич И.С.* Этническая история северо-востока Сибири. — М., 1966. — С. 200.

II.4

[1] *Шелехова Р.В.* Борьба за Советскую власть на севере Якутии. — Якутск, 1972. — С. 152.

[2] *Похозяйственная* перепись Приполярного Севера в 1926–1927 гг. — М., 1929. — С. 78.

[3] *Гросман И.Я.* Якутская АССР. — М., 1932. — С. 35.

[4] *Пинигин В.В.* Записки полярника. — М., 1952. — С. 403.

[5] *Пушно-заготовительная* контора ЯТУ ГУСМП // НА РС (Я), ф. 490, оп. 1, д. 68.

[6] Там же, ф. 490, оп. 2, д. 74.

[7] Там же, д. 66.

[8] *Коллективизация* сельского хозяйства ЯАССР. — Якутск, 1978. — С. 196.

[9] *Боякова С.И.* Главсевморпуть в освоении и развитии севера Якутии. — Новосибирск, 1995. — С. 90.

[10] *Пилотович С.* Промысел и заготовка пушнины. — М., 1971. — С. 51.

[11] *Вклад* народов Якутии в дело Победы. — Якутск, 1985. — С. 362.

[12] *По ступеням* 50-летия: Рукопись // Нижнеколымский улусный архив. — С. 37.

[13] *Захаров В.П.* Пушной промысел и пушная торговля в Якутии (конец XIX — начало XX века). — Якутск, 1995. — С. 94; *Гросман И.Я.* Якутская АССР. — М., 1932. — С. 25; *Каплин А.* Советская пушнина. — М., 1962. — С. 941. Данные с 1935 по 1996 г. взяты из личного архива А. Аникина (старшего научного сотрудника ИПБК АН РС (Я)).

[14] *Ча Н., Попов М.* Хозяйственно-экономические предпосылки осеннего отлова и передержки песца // Материалы по экологии и численности животных. — Якутск, 1973. — С. 23.

[15] Там же.

II.5

[1] *Лонгинов В.С.* На песцовом промысле. — М.; Л., 1941. — С. 27–28.

[2] *Герберштейн С.* О московских делах. — СПб., 1906. — С. 96.

[3] *Ча Н.* Опыт охотника Н.С. Колесова // Рационализация охотничьего промысла. — М., 1963. — С. 21.

[4] *Нарецкий Л.* Опыт работы охотника С. Антонова // Охота — пушнина — дичь: Сб. НТИ. — Киров, 1961. — Вып. 20.

[5] *Переверзин В.* На ком держится Север // За высотою высота: Сб. ст. — Якутск, 1981. — С. 19.

[6] *По ступеням* 50-летия: Рукопись // Нижнеколымский улусный архив.

[7] *Чикачев А.Г., Горохов С.Н., Дохунаев В.Н.* За дальними шиверами: Путевые очерки. — Якутск, 1988. — С. 35.

II.6

[1] *Седов Г.Я.* Путешествие на Колыму // Записки по гидрографии. — М., 1917. — С. 24.

[2] *Зензинов В.М.* Очерки торговли на севере Якутской области. — М., 1916. — С. 41.

[3] *Николаев М.Е.* Страницы жизни народа Саха. — Якутск, 1999. — С. 10.

[4] *Константинов М.* Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. — Иркутск, 1921. — С. 80.

[5] *Зензинов В.М.* Очерки торговли... — С. 42.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] *Геденштром М.М.* Записки о Сибири // Журн. МВД. — СПб., 1829. — С. 166.

[9] *Зензинов В.М.* Очерки торговли... — С. 67.

[10] *Каплин А.* Советская пушнина. — М., 1962. — С. 455.

[11] Там же. — С. 359.

[12] Там же. — С. 357.

[13] Там же. — С. 359.

Глава III

ЕЗДОВОЕ СОБАКОВОДСТВО ЯКУТИИ

III.1. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЕЗДОВОГО СОБАКОВОДСТВА

Арктика — самый север нашей планеты, край суровой и удивительной природы. Она всегда вызывала интерес российских и зарубежных исследователей.

Заполярье уже давно — несколько тысячелетий назад — обжито человеком. Осваивая арктическую территорию, северяне выработали специфические типы хозяйства и культуры, механизмы сохранения здоровья и жизни в особых природно-климатических условиях. В отличие от «европейского взгляда», рассматривающего Арктику как тяжелую, агрессивную, античеловеческую среду, они считают ее родной средой обитания, ощущая себя ее неотъемлемой частицей. Здесь существуют традиционные формы хозяйствования — оленеводство, охота, рыболовство, ездовое собаководство, морской зверобойный и песцовый промыслы.

Изучение традиционных занятий коренного населения Севера не может быть полным без переработки и обобщения материалов по песцовому промыслу и неразрывно связанному с ним ездовому собаководству. Это одна из актуальных задач сибирской историко-этнологической науки.

О ездовом собаководстве имеется определенная литература отечественных сибиреведов. Интересные наблюдения о нем есть в трудах М. Геденштрома[1], Ф. Врангеля[2], П. Анжу[3], Г. Майделя[4]. Исследования методов езды на нартах, видов упряжек, способов выращивания, отбора и лечения ездовых собак можно найти в работах А. Степанова[5], П. Третьякова[6], Б. Долгих[7], М. Левина[8], И. Лащука[9], Н. Михеля[10], Д. Травина[11], Э. Шерешевского[12], И. Тихоненко[13] и др.

Большую ценность для своего времени представляла обширная статья В. Кротова «Транспортно-промысловое собаководство в Колымо-Индигирском крае», опубликованная в нескольких номерах журнала «Советская Якутия» в 1936 г.[14] В ней автор сделал попытку выяснить роль собаководства в хозяйственной жизни местного населения и наметить пути перестройки этой отрасли полярного хозяйства.

Из зарубежной, доступной нам литературы следует отметить интересные работы Р. Амундсена[15], П. Виктора[16], Н. Уэмура[17], которые носят повествовательный характер.

Однако трудно объяснить, почему в сибирской этнографической литературе до сих пор нет специальных обобщений, конкретных исследований об исторической роли транспортного собаководства, если не считать указанные выше довоенную брошюру И. Тихоненко и выпущенную в 1946 г. в Москве небольшую книжку Э. Шерешевского, которые давно стали библиографической редкостью. А ведь ездовое собаководство очень помогло жителям Крайнего Севера выполнить высокую миссию перед историей — экономически освоить огромную, почти не тронутую человеком территорию, тем самым внести весомую лепту в развитие циркумполярной цивилизации.

Объектом данного историко-этнографического исследования является транспортно-промысловое собаководство коренных малочисленных народов Севера — чукчей, юкагиров, якутов и русских арктических старожилов — как одна из важнейших хозяйственных отраслей.

Хронологические рамки данной работы охватывают в основном период начала XIX — середины XX в., так как именно на этот отрезок времени, на наш взгляд, приходится расцвет ездового собаководства на Северо-Востоке Азии.

Территориальные рамки ограничиваются регионом заполярных улусов Якутии, наиболее благоприятным для существования этого вида транспорта.

При изучении темы нами были использованы архивные данные, опубликованные работы предшественников и личные полевые наблюдения автора. По нашему мнению, развитие транспортного собаководства и освоение зоны тундры неразрывно связаны с приходом сюда русских, появлением спроса на белого песца, развитием всероссийского и международного рынков. Тогда песцовый промысел превратился в основное занятие полуоседлого тундрового населения, пушнина и мамонтовая кость стали главным источником валютных поступлений.

Практическое значение работы состоит в том, что в ней даны рекомендации по возрождению в малых масштабах ездового собаководства в комплексе с развитием песцового промысла, отечественного и иностранного туризма.

Таким образом, мы первыми предприняли попытку обобщающего исследования по указанной теме, ликвидации в какой-то мере пробела в изучении истории северных народностей Якутии. Однако

данная работа ни в коей мере не претендует на исчерпывающий труд об этой незаслуженно забытой форме человеческой деятельности. Она может послужить лишь вспомогательным материалом нашим последователям для более глубокого и всестороннего ее изучения.

Ездовое собаководство — одна из традиционных отраслей северного хозяйства. Оно предполагает использование в транспортных целях специально выращиваемых и тренируемых собак, наличие различных типов собачьих нарт, видов упряжи — способов расположения животных в запряжке, разновидностей упряжи (сбруи) и методов езды.

В литературе иногда употребляется понятие «упряжное собаководство». На наш взгляд, более точен термин «ездовое (транспортное) собаководство».

Если собаки как домашние животные несколько тысяч лет являются обитателями Севера, то собаководство как вид транспорта, каким мы его знаем в XVII–XX вв., могло появиться, видимо, сравнительно недавно (может 350–400 лет назад) и является, вероятно, в своей основе продуктом проникновения в зону тундры торгового капитала. Необыкновенная выносливость и плодовитость собак позволили человеку использовать этих трудолюбивых животных как транспортное средство в условиях Крайнего Севера.

В XVIII–XX вв. ездовое собаководство имело довольно большое распространение в хозяйстве многих сибирских народов. В Западной Сибири и на Русском Севере оно почти не развивалось. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке было широко распространено вдоль Арктического побережья, по нижнему течению Амура и на Сахалине.

Кроме того, на территории севера Сибири собаки использовались в качестве тягловой силы. Если при ездовом собаководстве человек в виде возницы только управляет собаками, то при тягловом он сам помогает животным тянуть нарту (сани). И в наши дни практикуется впрягание собак в ручные нарты у многих народов Сибири, не имеющих специальных ездовых собак. Особенно это применяется на промысле в тайге. Вплоть до середины XX в. на больших сибирских реках собак нередко использовали для буксировки лодок. Тягловое собаководство несомненно является самым древним, где сохранились наиболее примитивные виды нарт и упряжи.

Различают два вида расположения собак в упряжке:

Восточно-сибирский — парная, цуговая упряжка, при которой собаки расположены парами вдоль длинного ремня — потяга. Для

этого вида упряжки характерна низкая прямокопыльная нарта с двумя дугами — горизонтальной (баран) и вертикальной, сбруя (упряжь) — алык с двумя (реже тремя) поперечными перемычками, при которой собака тянет грудью.

Веерный (гренландская упряжка) — при ней каждая собака привязана к нарте на отдельном ремне. Они бегут рядом в одной шеренге.

В первом случае собаки управляются голосом, во-втором — вожжой. Езда восточно-сибирским (цуговым) способом требует использования собак более «высокой квалификации», т.е. лучше обученных. При цуговой упряжке на нарту можно положить больше груза, легче проехать по морскому льду среди торосов, по дну узких оврагов и глубокому снегу. Ее при необходимости легко круто развернуть в сторону. При этом собаки трудятся увлеченно, ибо каждая из них старается догнать впереди бегущую.

При езде веером требуется много места, нерационально используется тяговая сила животных, которые затевают частые драки между собой.

По способу ношения тяговой лямки транспортное собаководство принято разделять на четыре типа:

Шейная упряжь — лямка-петля надевается на шею и коротким ремнем привязывается к потягу. Такая упряжь имела распространение у народов нижнего Амура и Сахалина.

Грудная упряжь — лямка-петля с двумя перемычками пристегивается длинной постромкой. Собака тянет грудью. Этот тип упряжи был распространен среди русских арктических старожилов Якутии, северных якутов и чукчей.

Тазовая упряжь — лямка-петля надевается на заднюю часть туловища собаки, охватывая область таза. Длинная постромка проходит между задними ногами. Собака тянет задней частью туловища. Такой вид упряжи в XIX в. встречался у хантов, манси и русских старожилов Западной Сибири.

Лопаточная упряжь — лямка из двух отдельных петель, соединенных перемычкой. В каждую перемычку пропускается одна передняя нога собаки. Перемычка ложится ей на спину. Животное тянет обеими лопатками. Такой тип бытовал у эскимосов.

Вопрос происхождения и распространения восточно-сибирского вида ездового собаководства многие исследователи связывают с приходом в Сибирь русского населения. В. Иохельсоном было высказано мнение, что русские заимствовали собачью нарту у юкагиров и, усовершенствовав, распространили на Восток, но, по утверждению Шренка, «юкагиры ездили на собаках в санях своеобразной формы»[18].

Гипотезу В. Иохельсона справедливо, на наш взгляд, подверг сомнению М. Левин: «Трудно объяснить, почему русские обратили внимание на собачью нарту только достигнув Индигирки и Колымы... Тягловое и, по-видимому, упряжное собаководство было известно местному населению Западной Сибири задолго до знакомства с русскими. Здесь же бытовала и ручная охотничья нарта. Поэтому более правдоподобно приурочить возникновение восточно-сибирского варианта нарты к районам Западной Сибири. Сведения об употреблении собак для езды на территории Западной Сибири относятся к XV–XVI вв. и к более раннему времени»[19].

В целом развитие восточно-сибирского вида ездового собаководства можно представить следующим образом. Русские познакомились с транспортным собаководством в Западной Сибири и воспользовались этим очень удобным средством передвижения. Первоначально они, по всей вероятности, употребляли местную нарту, потом ее быстро усовершенствовали:

— увеличили длину и глубину кузова, снабдили его переплетениями и т.п., тем самым повысили грузоподъемность;

— изменили способ расположения собак в упряжке: распределили их попарно или елочкой на одном ремне — потяге, тем самым усилили ее тяговую силу, улучшили проходимость и маневренность;

— плохо приспособленная для перевозки грузов, сильно изнуряющая собак тазовая упряжка Западной Сибири была заменена новой — грудной, которая является подражанием конской сбруе.

По определению П.Н. Павлова, крупного знатока истории сибирского пушного промысла, «движение промышленников в Сибирь с учетом возвращающихся обратно было самым многолюдным в XVII в.» и явилось «живой нитью, связывающей Сибирь с Россией»[20]. За Уралом сформировалось довольно многочисленное постоянное промысловое русское население.

Работами В.А. Александрова и некоторых других опровергнуто бытовавшее раньше мнение о промышленниках как «пестрой толпе случайных гостей Северной Азии»[21].

Даже после оскудения соболиных запасов не все промышленники торопились покинуть Сибирь и прочно осели в низовьях Оби, Енисея, Хатанги, Оленека, Лены, Яны, Индигирки, Колымы и Анадыря.

В конце XVII в. начался «песцовый период» освоения зоны тундры. Белый песец стал своего рода денежной единицей, какой был

соболь в XVI–XVII вв. Когда же якуты и другие полукочевые народы Севера поняли значение песцового промысла, хозяйство их стало перестраиваться и постепенно приняло «русское» направление — рыболовецко-промысловое, в обязательном комплексе с ездовым собаководством. Более того, в его современном виде оно возникло и развилось благодаря возникновению спроса на белого песца.

Известно, что землепроходцы и полярные мореходы в XVII в. на Индигирке и Колыме встречались с юкагирами-собаководами. Но собаководство юкагиров, скорее всего, было не ездовым, а тягловым. Оно носило совершенно иной, чем современное собаководство русских арктических старожилов и северных якутов, характер. У юкагиров оно могло иметь значение лишь как средство общения между соседними семьями, но не как основной производственный фактор в хозяйстве, когда не существовало еще песцового промысла и извоза, т.е. специального занятия, состоящего в перевозке на собаках грузов или людей на значительные расстояния.

И только с приходом на Крайний Север русских ездовое собаководство получило здесь широкое распространение. Оно стало обеспечивать песцовый и зверобойный промыслы, рыболовство, административные и торговые перевозки. Русские довели ездовое собаководство до совершенства, превратив его в межрегиональный транспорт, сыгравший огромную роль в освоении Арктики — в развитии циркумполярной цивилизации.

III.2. РОЛЬ ЕЗДОВОГО СОБАКОВОДСТВА В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ, ОСВОЕНИИ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Хорошо известно, что полярные ездовые собаки открывали оба полюса Земли. В апреле 1909 г. упряжка эскимосских собак, которыми управлял Роберт Пири, достигла Северного полюса, а через два с половиной года, 14 декабря 1911 г., Руаль Амундсен на сибирских собаках вступил на Южный полюс.

Русские землепроходцы и полярные мореходы еще в XVII в. первыми из европейцев стали применять собачью упряжку в полярных путешествиях. С. Дежнев, М. Стадухин, И. Ребров и многие другие совершали свои походы не только на кочах, но и на собаках.

В начале XVIII в. этот вид транспорта широко использовался участниками Великой северной экспедиции: С. Челюскиным, Х. Лаптевым, В. Прончищевым, Д. Лаптевым. Они прошли на собачьих упряжках тысячи километров, совершив при этом научный подвиг — описание северных берегов Евразии и отображение их на карте. Так, в

1742 г. штурман российского флота С.И. Челюскин, пройдя на собаках 4 тыс. верст, впервые достиг северной оконечности Азии — современного мыса Челюскин. В результате плаваний и санных походов Д. Лаптева на карты нанесены побережья четырех морей: Лаптевых, Восточно-Сибирского — подробно, Охотского и Берингова — частично. Описаны дельты рек: Лены, Яны, Индигирки, Алазеи и Колымы, бассейны Анадыря и Пенжины, составлена первая карта Северо-Востока России.

По сведениям известного французского полярного исследователя П.Э. Виктора, первым из западных европейцев применил собачью упряжку английский мореплаватель Эдуард Парри в 1822 г. Но пользовался ею лишь для того, чтобы перевозить снаряжение от одного судна к другому. В 1850 г. Мак-Клинток отправился на поиски Д. Франклина, не подававшего о себе известий в течение 4 лет. С помощью каюра и дюжины собак он совершил переезд длиной в 750 км за 15 дней[1].

Весьма любопытно, что одно из первых в зарубежной литературе упоминаний о собаководстве в Якутии содержится в воспоминании поляка Адама Каменского-Длужика, отбывавшего здесь ссылку. Оно написано в конце 60-х годов XVII в. и впервые опубликовано в 1874 г. в Познани.

В Якутии он выделил так называемую «Собачью страну», где собаки составляли главное богатство населения и где каждый двор имел их по нескольку десятков. Их ценили там дороже соболей и других животных: «Тот, кто имеет больше собак — тот наибольший господин».

Следует подчеркнуть, что огромный архипелаг — Новосибирские острова, исключая острова Де-Лонга, открыт местными жителями на собаках. На это ушло более 100 лет.

Благодаря трудам Геденштрома, Кожевина, Пшеницына, Санникова и многих других бескорыстных помощников из местного населения впервые была составлена географическая карта Новосибирского архипелага и собраны сведения, характеризующие его природу, выполнена опись материкового побережья между Яной и Колымой.

Геденштром высказал некоторые свои представления о климате Восточной Сибири, отметил влияние на него Ледовитого океана. Большую ценность имели сведения о том, что океан зимой не покрыт сплошным льдом. Так стало известно о существовании «Великой полыньи». Одним из чудесных открытий являются Деревянные горы на Новой Сибири. Деревянными они называются потому, что в толще пород находятся скопления деревянных стволов и линзы бу-

рого угля. Геологи считают, что климат здесь тысячи лет назад был теплым и произрастали не только сосны, но и секвойи.

М. Геденштром, пожалуй, первым в литературе высказал суждения о езде на собаках. Он, в частности, писал: «Езда на собаках очень приятна и покойна. Хорошо выдержанные собаки пробегают, в случае необходимости, до двух сот верст. Надежные двенадцать собак везут здесь до 50 пудов, при хорошей дороге»[2].

В 20-х годах XIX в. «собачий транспорт» активно использовался участниками Русской Полярной экспедиции под начальством Ф.П. Анжу и Ф.П. Врангеля. Последний опубликовал «Замечания о езде на собаках». Он же в 1846 г. впервые предложил использовать собак для достижения Северного полюса. «Между всеми домашними животными здешнего края, — писал он, — во всяком отношении собака занимает первое место. Животное как будто самой природой предназначенное быть сотоварищем человека, охранять его, следовать за ним на охоту, могущее подобно ему переносить всякий климат, приучаться здесь к тому, что в других странах вовсе ему несвойственного. Крайность заставила обитателей Севера употреблять собаку вместо рабочего скота ...Индигирские и янские собаки считаются предпочтительнее колымских, употребляемых жителями только при недолговременных переездах, между тем как жители Яны и Индигирки ежегодно переезжают на остров Котельный и Новую Сибирь, разъезжают для промыслов по две — три недели кряду. При хорошей дороге без уброда мы проезжали в день по 40 верст, а возвращаясь домой — от 60 до 100 верст»[3].

В 1893 г. Ф. Нансен, отправляясь на судне «Фрам» к Северному полюсу, взял на Новой Земле 34 отличные сибирские собаки, купленные для него Э. Толлем, известным русским полярным исследователем. Он подготовил еще одну упряжку, поджидавшую «Фрам» в устье Лены. На этих собаках Ф. Нансен дошел до 860° с. ш., но вынужден был повернуть назад.

Он первым из западных европейцев понял значение собаки в полярных экспедициях не только как транспорта, но и как средства, чтобы выжить в критических обстоятельствах. На обратном пути пришлось убивать собак одну за другой, чтобы кормить оставшихся и питаться самим. Нансен писал: «Если полярные исследователи примут решение уподобиться эскимосам и ограничиться лишь самым необходимым, они смогут проезжать значительные расстояния в этих местах, считавшихся до сих пор недоступными для людей».

Зимой 1900 г. устьянский мещанин П. Стрижев и казачий урядник С. Расторгуев отправились в далекий путь с 20 отборными псами. От Якутска до Иркутска их везли на санях и телегах. В Иркутске погрузили в вагон, и поезд тронулся на запад по недавно введенной в строй Транссибирской магистрали. Закончилось путешествие на Мурмане, где собаки были переданы в Русскую Полярную экспедицию, которая под руководством Э. Толля на яхте «Заря» отправлялась на поиски легендарной «Земли Санникова». Якутян включили в состав экспедиции, там они научились нести матросские вахты и служили каюрами столь исправно, что их именами названы три острова в Северном Ледовитом океане[4].

Руаль Амундсен 14 декабря 1911 г. с группой товарищей достиг Южного полюса. Все путешествие по Антарктиде туда и обратно заняло 99 дней. Отправлялись они на 52 сибирских собаках, обратно вернулись менее половины животных. Были убиты 24 собаки. Это являлось актом вандализма, в котором нередко упрекали Амундсена, но это была печальная необходимость, запланированная заранее. Мясо этих собак предназначалось в пищу их сородичам и людям.

Через месяц, 18 января 1912 г., к норвежской палатке на Южном полюсе подошла партия англичанина Роберта Скотта. На обратном пути Р. Скотт и четверо его товарищей погибли в ледяной пустыне от голода.

Главной причиной гибели англичан является то, что они пришли к полюсу усталыми. Норвежцы использовали сибирских ездовых собак — наиболее выносливых и приспособленных к полярным условиям животных, а англичане — лошадей, которые в этих условиях сильно уставали, мерзли и увязали в снегу. На первом же этапе пути лошади погибли или были пристрелены, а людям пришлось тащить сани с грузом самим. В общем, победа досталась тем, кто был лучше подготовлен и приспособлен к суровым полярным условиям.

Наученные горьким опытом Р. Скотта англичане в своих экспедициях вплоть до самых последних дней блестяще использовали технику передвижения на нартах, запряженных собаками. Назовем лишь несколько таких походов. Д. Уткинс в 1930 г. совершил поход на собаках по Гренландии. В. Фукс в 1958 г. пересек Антарктиду через Южный полюс, в 1968 г. — Ледовитый океан через Северный полюс. Японец Наоми Уэмура 5 марта 1978 г. на 17 собаках стартовал в одиночку с мыса Колумбия (Канада) и 29 апреля достиг Северного полюса. Возвратившись самолетом на базу, он всего лишь через несколько дней — 11 мая 1978 г. — уже отправился в новый путь, заменив половину собак. Впервые в мире он пересек на собачьей упряжке ледовитый щит Гренландии: от самой северной точки ее оконечности до самой южной — 2600 км.

В нашей стране одной из последних арктических экспедиций, пользовавшейся только собачьим транспортом, была экспедиция Г.А. Ушакова, впервые изучавшая в 1930–1932 гг. Северную Землю. В то время еще не существовало какого-либо надежного полярного транспорта. За два года, порой с невероятными трудностями, исследователи объехали на собаках весь неведомый архипелаг, открытый в 1913 г., и, проехав около 7 тыс. км, положили его на карту. Экспедиция установила, что Северная Земля — крупный архипелаг, включающий четыре больших острова и ряд мелких общей площадью 37 тыс. км^2.

Многие маршруты отмечены кровавыми следами собачьих лап, изрезанных льдом и снегом. Иногда животные не выдерживали тяжести походов и падали замертво прямо в упряжке. Г.А. Ушаков писал: «Они делили с нами все тяготы и невзгоды. Во многом нашей победой мы обязаны их выносливости. Мы бы не проделали этот путь без помощи наших четвероногих друзей... хочется крикнуть им: “Спасибо, родимые!”»[5].

Не счесть примеров собачьей преданности. У коренных народностей Севера собака почиталась как существо, способное отвести от человека беду. В прошлом существовал обычай: кроме человеческого имени давать родившемуся ребенку имя собаки, чтобы дух болезни принял его за щенка.

Наряду с современной техникой собачьи упряжки применялись и в годы Великой Отечественной войны. В общей сложности тогда были мобилизованы десятки тысяч собак. Они несли ездово-санитарную службу — вывозили с поля боя раненых, подвозили грузы. Так, в 1942 г. только на одном участке Западного фронта отряд нартовых собак перевез за месяц 1239 раненых, доставил на передовую 327 т боеприпасов. Вожатый — младший сержант Полянских — прошел со своей упряжкой от Дона до Праги, вывез 726 раненых[6].

«Друзья по риску» — это образное выражение. Но это действительно так. Достаточно сказать, что работа самолетов по спасению в 1934 г. челюскинцев требовала напряженной работы собачьего транспорта всей Чукотки, перевозившего бензин, продовольствие, пассажиров, оказавшего неперeоценимую помощь при вынужденных посадках и т.п. Первый Герой Советского Союза А.В. Ляпидевский в своих воспоминаниях указывал: «Чукотку я больше объездил на собачьих упряжках, чем налетал на своем АНТ».

Полярные ездовые собаки заслуживают памятника. Кстати, за рубежом рукотворные памятники верным друзьям человека есть: в Нью-Йорке — в честь вожака собачьей упряжки Болто, доставившего противодифтерийную сыворотку зимой 1935 г. в г. Ном на Аляске, в Токио — упряжке собак, оставшихся в Антарктиде.

В книге Н. Уэмура «Один на один с Севером», изданной в 1983 г. в Москве, заключительная ее часть звучит как подлинный гимн «друзьям по риску»: «Когда нам тяжело, больно, мы — люди — уже сдаемся, — говорит Уэмура, — собаки же сдаются только тогда, когда умирают... Во всей этой экспедиции я понял, что человеку важно в кого-то верить, кого-то любить. И натолкнули меня на эту мысль собаки. За это время я не раз попадал в беду, но собаки меня выручали и успокаивали»[7].

Известный якутский поэт С. Дадаскинов недавно издал сборник стихов под общим названием «Песнь о моих собаках», где есть такие строки:

Друг — Собака! Вечный работник,
Как тебя не любить, не славить?
И рождаются следом свежим,
И звучат для России ново:
Бухта Врангеля, грот Медвежий,
Море Лаптевых, мыс Дежнева.
Сколько мчалось Вас без опаски,
Непокорных метелям, пурге,
От Вилюйска и до Камчатки,
От Чукотки до Петербурга.
Погибали и вновь вставали,
Землю гибелью утверждали.

III.3. СОДЕРЖАНИЕ, КОРМЛЕНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ ЕЗДОВЫХ СОБАК

Общее количество ездовых собак на Крайнем Севере России, по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., 54 483 головы. Причем переписью было охвачено только 80 % указанной территории.

Р. Амундсен, характеризуя ездовых собак Колымы, Чукотки и Индигирки, пишет: «Они мало отличаются от гренландских собак, только более длинноноги». Некоторая приземистость гренландских и высоконогость колымо-индигирских собак бесспорно связаны с более глубоким и рыхлым по сравнению с Гренландией снегом нашего Северо-Восточного побережья, где преобладает уплотненный снежный покров[1].

Э. Шерешевский считал, и мы согласны с ним, что северных ездовых собак России следует рассматривать как одну породу, а именно как «северо-восточную ездовую собаку», объединяя в этом понятии ездовых собак низовьев Енисея, Лены, Индигирки, Колымы и

Чукотки. Каждую из названных групп следует рассматривать только как местные отряды одной и той же породы[2].

Кстати, иногда употребляется название «ездовая лайка». Мы согласны с теми, кто считает это название неправильным. Охотничье-промысловая собака, выведенная древними таежными охотниками, разыскивает, преследует и облаивает птицу или зверя. Ездовым же собакам не свойствен этот инстинкт облаивания, и если они и применяются для охоты, то другим способом и для другого зверя. Название «лайка» было перенесено на них по признаку общего, чисто внешнего сходства.

Основные требования, предъявляемые к ездовой собаке: физическая (тягловая) сила, выносливость (медленная утомляемость), высокие скорость бега и степень приспособляемости к суровым условиям Севера. Под последним следует понимать способность легко переносить арктический климат, хорошо работать при низких температурах, сохранять работоспособность при кормлении один раз в сутки, быстро восстанавливать тело после голодовок, высокий процент усвояемости корма в мороженом виде и т.п.

Принято считать, что высота ездовой собаки в холке должна составлять 55–65 см, вес — 35–45 кг. Относительно большая масса тела (вес, рост) ездовой собаки имеет большое практическое значение, так как обусловливает большую тягловую силу и относительно меньшую теплоотдачу.

Шерстный покров северной собаки — весьма характерная и практически важная особенность ее экстерьера. Основная особенность шерстного покрова — это хорошо развитый, густой и сравнительно длинный подшерсток.

Вот как описывает Д. Травин разновидность индигирской ездовой собаки: «У нее белая, грубая, легко падающая или секущаяся шерсть, черное пятно на лбу, черные уши и черное пятно на спине у хвоста. Лоб широкий, глаза угрюмые, морда по росту, но типа борзой не напоминает. Зубы большие и крепкие. Ноги длинные, грудная клетка очень объемистая, живот и бока слегка подтянуты. Уши у нее иногда стоят, иногда полувисячи, как бы надломленные, остроконечные, лапы крупные.

Наиболее распространенные разновидности: черная с белыми пятнами на груди и начесами на щеках, а также серая, как волк, сходная с немецкой овчаркой. Зрачки отливают зелено-красным цветом, зубы, особенно клыки, крепкие, длинные и острые. Вся собака очень гибка и ловка, хотя величина ее средняя»[3].

Таким образом, лучшие ездовые северо-восточные собаки волкообразны. Они сохранили в большей, чем другие домашние собаки,

степени ряд признаков, характерных для их сородичей, имеют мощный костяк и крупные массивные зубы.

В результате естественного отбора у них развились густой теплый меховой покров и подшерсток. Такая шерсть практически не промокает, быстро просыхает, на мех почти не намерзают лед и комья снега. Из-за широкого разлапа и смягченного контура всей лапы ездовая собака не сильно проминает ледяную корку снега и поверхность тундренного болота.

При подборе собак как специалисты, так и практики советуют обращать внимание на следующее:

1. Общую величину (не менее 55 см в холке) и вес (не менее 30 кг).

2. Правильное телосложение и отсутствие основных пороков экстерьера: неправильности строения конечностей, провислость спины, недоразвитая грудь и т.п.

3. Длину конечностей (приземистость и коротконогость считаются большим пороком, лишающим собаку работоспособности даже при неглубоком снеге).

4. Качество шерстного покрова (бракуют собак без подшерстка и гладкошерстных).

5. Наличие и качество зубов, правильность зубной системы (у взрослой собаки 42 зуба; в верхней челюсти 20 зубов, в нижней — 22; по стиранию резцов и определяют возраст собаки).

6. Возраст (лучшая рабочая собака от 2 до 6 лет).

7. Пол (подбирать следует только кобелей, которых необходимо кастрировать).

В популярной литературе встречаются иногда утверждения, что северные собаки не лают, а только воют. Это неверно. Ездовые собаки лают, как и всякая другая собака. Но в работе, в упряжке она действительно лает редко. Лай в упряжке безусловно заторможен искусственным отбором и большим физическим напряжением организма.

Художники очень часто изображают ездовых собак в упряжке с закрученными кверху хвостами, как у обычной охотничьей лайки. В действительности же во время работы в упряжке собака не может бежать с закрученным хвостом. Это просто физически невозможно.

Ездовых собак принято было холостить на первом году, обычно осенью. Кобеля, назначенного для выкладывания, сперва держат голодом, чтобы сошел жир, иначе рана долго не заживает.

Кастрировать умел далеко не каждый каюр. При кастрировании разрезали мошонку и перерезали семенные канатики. После этого собаку опять держали на голодном пайке. Позже раз в день кормили

vk.com/ethnograph

холодным рыбным отваром. Затем «проминали» — водили на поводке по ровному месту без травы и кустарника. Постепенно увеличивая порцию, хорошо кормили до полного заживления раны. После холощения собака становится жирнее, крупнее, сильнее и спокойнее. Кобель же, как правило, плохо работает в упряжке и быстро худеет.

Собак зимой постоянно держали на привязи. Во время пурги их укрывали за ту или иную стену в зависимости от ветра. Кормили один раз в день, обычно в обеденное время, если не предстояла поездка. В пути собак кормили только после того, как окончен дневной маршрут. Если же они накормлены, то никакие обстоятельства не заставят каюра ехать: езда на сытых животных вызывает у них рвоту, они худеют и долго не могут поправиться.

Опытные каюры считали, что никогда не следует собак кормить вволю. Они легко жиреют и теряют свои качества. Только при самой напряженной работе животному разрешается дать корма столько, сколько оно может употребить.

Если собаки не работают или работают немного, время от времени, лучше держать их впроголодь. Иначе в первые 2–3 дня на них никуда не уедешь. Неопытные полярники часто закармливают собак, и они потом при езде быстро выбиваются из сил, начинают сдавать, тяжело дышат, хватают снег, языки у них вываливаются и почти волочатся по снегу. И только тогда, когда с них сойдет жир, животные втягиваются в работу.

Научными опытами, проведенными в 1930-х годах Э. Шерешевским, Д. Травиным, И. Тихоненко и другими, установлено, что пищевод собаки без особого труда способен пропустить довольно крупные куски пищи. А желудок настолько велик, что может вместить в один прием суточную порцию мяса или рыбы, это позволяет кормить собаку один раз в день.

Установлено также и то, что у утомленной собаки выделяется меньше желудочного сока по сравнению с неработающей, причем сок этот пониженной переваривающей силы. Следовательно, утомленную собаку не следует кормить сразу, ей необходимо дать отдохнуть 1,5–2 ч.

Доказано и то, что если собака начинает работать сразу после кормления, у нее выделяется малое количество желудочного сока и замедляется пищеварение. У работающей сытой собаки пища из желудка поступает в двенадцатиперстную кишку, что и вызывает расстройство пищеварения. Поэтому не следует кормить собак перед дорогой. Таким образом, выработанное практикой правило кормления ездовых собак — один раз в день после работы — является научно обоснованным.

Желудочный сок собаки содержит значительное количество соляной кислоты, убивающей бактерии, что позволяет ей без вреда поедать испорченное мясо и рыбу.

Пищеварение собаки «быстрое» — пища проходит через пищеварительную трубу в течение 12–15 ч, что позволяет ей быстро восстанавливать силы даже при кратковременном отдыхе. Усваивается пища весьма хорошо, благодаря чему собака хорошо держит тело и быстро нагуливает его. Она способна к долговременному (4–5 дней) недоеданию[4]. Это и делает собаку незаменимой в арктических условиях никаким другим животным транспортом.

Летом свободно бегающие собаки отъедаются на воле, сами себе добывая корм. Как только сходит снег, одной из разновидностей их пищи становятся мыши-лемминги, которых они добывают из нор, работая лапами и зубами. Суки приносят пищу щенкам.

Основной корм заполярной ездовой собаки — рыба, обычно ряпушка. Зимой требуется в среднем 1,5–2 кг в сутки. Летом, а также при кормлении вареной пищей требуется в 2 раза меньше. Условно считается, что пять ряпушек составляют 1 кг. С учетом того, что кормление собак проводится не полный год, а примерно 10 мес, среднегодовой расход корма составляет в среднем 1 кг в сутки. Таким образом, на упряжку из 10 собак потребуется примерно 3–4 т рыбы. Заготовка такого количества рыбы в заполярных условиях не представляла большого труда.

При отборе кобелей для продолжения потомства их следовало обязательно проверить в работе. Кобель-производитель должен был показать свою «понятливость к команде», послушание, резвость и выносливость. Лучшим кобелем-производителем считалась собака, имеющая следующие данные:

1) возраст от 2 до 5 лет;

2) средняя одномастная шерсть с хорошим густым подпухом;

Зачем рыбу ловим — чтобы собак кормить. А зачем собак держим — чтобы рыбу возить (*фото П. Ковтуна*).

3) длина туловища до корня хвоста от 105–115 см;
4) длина хвоста 20–25 см;
5) длина головы до затылочной кости 20–23 см;
6) ширина головы в висках 9–10 см;
7) высота в холке 60–65 см;
8) высота в крестце 60–62 см;
9) ширина таза 16–20 см;
10) охват пясти 10–12 см[5].

При отборе сук имелось в виду одно очень важное обстоятельство: одни суки передают в наследство только свои качества, другие — только качества отцов, третьи — и те и другие. Считалось, что лучший возраст для вязки 1,5–2 года. Эту особенность давно заметили хитроумные американцы.

Никто не знает, сколько собак в конце XIX — начале XX в. вывезли с Колымы на Аляску коммерсанты Свенсон и Томсон.

Причем покупали они только кобелей, чем приводили в изумление простодушных колымчан: «О, брат, странные эти американцы — одних собачьих жеребцов покупают. Ну куда на них хотят уехать?!» Но это была глубоко продуманная операция. Ныне только на Аляске да в Северной Канаде сохранилась светло-голубоглазая сибирская ездовая собака, которая там называется хаски и считается самой резвой.

О заболеваниях собак

Самыми распространенными заболеваниями ездовых собак являются бешенство, чумка, глистные инвазии, чесотка и экземы.

Одно из наиболее губительных и распространенных заболеваний — это чумка. На человека она не распространяется. С. Шашков в своей работе «Сибирские инородцы», вышедшей в Москве в 1892 г., пишет: «На Колыме подохли все собаки. Вследствие этого охота и рыбная ловля сделались вовсе безуспешными. Жители голодали и страдали от изнурительных работ, исправляемых прежде собаками. Остались два щенка, которых одна женщина вскормила грудью и от которых пошло новое племя собак».

В 1930–1934 гг. на севере Якутии наблюдались три вспышки чумки. Так, в 1931 г. на Быковом мысе погибло 500 ездовых собак. В 1933 г. на Колыме собачье поголовье сократилось наполовину. То же самое происходило на Индигирке, Яне и Лене.

Основные признаки заболевания чумкой следующие: аппетит становится «капризным», собаки часто отказываются от корма, много пьют, шерсть их взъерошивается, температура поднимается на

1–3 °С (нормальная температура у собак 37,5 °С, измеряется специальным градусником, вставляемым в анальное отверстие), из глаз и носа появляются гнойные выделения. У здоровой собаки нос всегда холодный и влажный, а у больной — сухой и горячий.

Заболевшее животное должно быть переведено в сухое теплое место, необходимо улучшить питание. Специалисты-ветеринары советуют давать собакам для возбуждения аппетита столовую ложку вина или 10–20-градусной водки.

Иногда встречается у собак так называемая «потливость». Особенно лохматые собаки потеют зимой, на улице под ними скапливается влага, в результате чего они примерзают на утро к снегу. Шерсть всклокочивается. Их лечили народным способом: давали есть талую ряпушку, предварительно обмокнув рыбу в древесную золу. Посыпали пеплом место, где лежала собака, а также примешивали к пище медвежью желчь.

Существовали неписаные правила собаководства. Например, если собака часто худела при нормальном питании, у нее отрубали кончик хвоста. После этого она будто бы становилась полнотелой.

Бывают собаки, которые имеют привычку поедать упряжь (алык, потяг и т.п.). У таких рассекали среднюю часть языка и вырезали мышцы — «вытаскивали черву», после чего собака якобы бросала свою вредную привычку.

В холодное время года (декабрь — февраль) при встречном ветре случается, что гладкошерстные собаки обмораживают пах, после чего животное становится почти непригодным для езды в упряжке. Поэтому каждый каюр должен был иметь при себе несколько «ошейников» — специально сшитых повязок из заячьих или песцовых шкурок. Такие ошейники подвязывали к паху собаки.

При нехватке собак иногда приходилось запрягать суку через 1–2 нед после щенения. Чтобы не отморозить ей соски, шили для нее большую меховую повязку — «нагрудник». Обморозить собаку на Колыме и Индигирке считалось признаком крайней бесхозяйственности, и такой горе-хозяин вызывал не только насмешки, но и презрение товарищей[6].

Весной при длительной езде по насту или гололеду у собак образуются ранки на лапах. Во избежание этого шили из плотной ткани или ровдуги специальные «сапожки» или «торбоски», которые надевали собакам на ноги. Пораненные собачьи лапы теперь смазывают йодом, раньше в таз с горячей водой насыпали порох и в таком растворе промывали собакам раны.

Использование ездовых собак на охоте

Собак выучивали не только для езды, но и для промысла песца, оленя, нерпы, медведя и даже гуся. В промысле песца использовалась только молодая сука как более легкая в беге. «Песцовая» собака приучается гнать зверя по глубокому и рыхлому снегу и давить его, не разрывая шкуры. Чтобы промысловая собака не пристрастилась к песцовому мясу, ее никогда не кормили песцовыми тушками, в то время как остальных ездовых собак частенько баловали этим калорийным видом еды.

Русские арктические старожилы довольно успешно охотились на диких оленей методом «гоньбы», т.е. преследованием их на собачьей упряжке. Это происходило обычно в конце марта — начале мая, в период хорошего скольжения полозьев. Запрягали в нарту 9–10 собак, садились в нее двое и ехали в тундру «оленей гонять».

Раньше арктические охотники в апреле занимались добычей нерпы сетями. Для этого надо было иметь «нерпичью» собаку, специально натасканную на поиск во льдах нерпичьих «лунок», у которых дышат эти животные. Лунка, через которую нерпы выходят на лед, обычно скрыта под толстым слоем снега. Собака, почуяв запах нерпы, разыскивает лунку и лаем дает знать об этом хозяину. Под лед спускают сеть в виде мешка, прикрепленного к раме. Нерпа подплывает к лунке и выходит на лед. Затем она вертикально погружается в прорубь и попадает в сеть.

В старину на белых медведей охотились в берлогах с копьями и ружьями. Если зимой медведь встречался в тундре, то за ним гнались. Сначала отпускали двух собак, которые должны были облаять и остановить зверя.

С начала XX в., когда появилось достаточное количество боеприпасов и гусей стали бить влет, при охоте начали использовать и собак. Это происходило в конце мая, когда гуси подбирали места для гнезд. Следовало брать собаку белой или светло-серой масти, чтобы ее хорошо было видно на проталинах. Гуси, завидев собаку и приняв ее за песца — главного разорителя птичьих гнезд, кружили над ней, стараясь отвлечь от предполагаемого места высиживания птенцов. По зову хозяина собака устремлялась к нему, за ней пикировали гуси. В это время раздавались выстрелы.

III.4. ОРГАНИЗАЦИЯ И ТЕХНИКА ЕЗДЫ НА СОБАКАХ

Мастерство колымо-индигирских русских старожилов в воспитании и дрессировке ездовых собак очень высоко оценивал великий полярный исследователь Р. Амундсен: «Единственное средство пере-

движения у них нарты и собаки. Зато они на редкость опытны в этой области, и сущее удовольствие смотреть, как они подкатывают к кораблю без шума, гама и понукания собак. Они даже не пускают в ход бича. Короткими возгласами они в совершенстве управляют своими собаками. Животные так хорошо выдрессированы, что с величайшей легкостью и спокойствием передвигаются там, где мы с бранью, проклятиями и свистом бичей не можем заставить своих сдвинуться с места. Впрочем, причина заключается не только в том, что они могут направлять своих животных куда хотят, но и в самом способе упряжки. Мы применяем гренландский способ — веерообразный, который требует много места и как нельзя хуже использует тяговую силу животных. А здесь собаки привязаны к длинной веревке попарно, и таким образом тяговая сила их используется полностью. Кроме того, они обледеняют полозья нарт, так что последние скользят легко. Мы никогда не удосуживались это делать и, вероятно, много от этого теряли. Другими словами — в езде на собаках эти русские и чукчи стоят выше всех, кого мне приходилось видеть»[1].

Полозья нарты (длиной примерно 3 м, шириной 10 см и толщиной 4 см) изготавливались из моченой березы и дуба, а в случае отсутствия этих пород дерева — из молодой лиственницы с сохранением лубяного слоя. Последние назывались «соковыми». Они крайне не прочны и давно вышли из употребления. Делали полозья также из наружного затвердевшего слоя старой сухой лиственницы, который называется «кренем», а полозья из него — «креневыми». Крень обладает хорошей упругостью, поэтому из него изготавливали также луки и кольца для сетяных грузил.

Обычно в сентябре полозья, как старые, так и новые, недели на две погружали в воду, в результате они становились более гибкими и хорошо «держали лед», т.е. зимой, когда полоз покрывали тонким слоем льда, он дольше держался. Каждому хозяину следовало иметь несколько пар полозьев. В течение зимы в зависимости от состояния снежного покрова он не раз менял их. К примеру, ранней осенью по рыхлому снегу употреблялись креневые и дубовые полозья, которые не «вайдали», т.е. не покрывали слоем льда.

В холодное время года применялись березовые полозья, а весной по насту — вновь дубовые. Зачастую весной во время таяния снега пользовались стальными или «костяными» полозьями, изготовленными из китовых ребер. В настоящее время применяют пластмассу ПХВ.

К полозьям крепятся четыре пары копыльев на расстоянии примерно 35 см пара от пары. Каждый копыл имеет на конце конице-

ский шип — «няпуг», который вставляется в специальное гнездо на полозе. Копыл прикрепляется к полозу при помощи крепкого ремня — «кинары». Для закрепления каждого копыла в полозе просверливаются четыре отверстия, куда особым образом пропускается кинара. Каждая пара копыльев соединена между собой при помощи крепкой поперечины — «вязка», концы которой имеют коническую форму. Кроме того, каждая пара копыльев выше и ниже вязка стягивается крепкими ремнями — «поясками».

Между верхними поясками и вязками пропускаются вдоль нарты две тонкие доски. По верху копыльев привязываются две тонкие жерди — «вардины». Пространство между доской-сиденьем и вардинами переплетается тонкими ремешками — «кутагами», поэтому получается своеобразный кузов.

Передняя часть полоза — «головка» — загнута кверху. Перед тем как загибать головки, их распаривали в горячей воде и загибали при помощи специального шаблона — «бала». Особое внимание обращалось на получение плавного изгиба, так как более крутой изгиб головок делает нарту тяжелой, а сами головки непрочными. Загиб обоих полозьев должен быть строго симметричен. Хранить заготовленные полозья следует в сухом проветриваемом месте, при этом надо следить за тем, чтобы их не покоробило.

К головкам полозьев прикрепляется горизонтальная дуга — «баран». Чтобы полозья не разогнулись, концы барана натуго стягивали ремнями — «подъемами» — с передней парой копыльев. Концы барана соединены также поперечиной, на которую кладется передняя часть настила.

Копылья на полозе устанавливаются несколько наклонно внутрь. По ширине нарта должна иметь три измерения: по полозьям, вязкам и вардинам. Наибольшая ее ширина всегда по полозьям (примерно 65–66 см), наименьшая — по вязкам (62–63 см), поэтому нарты отличались хорошей устойчивостью. К передней паре копыльев прикрепляется вертикальная дуга, которая служит своеобразным рулем и опорой для возницы.

В задней части нарты иногда делали специальное приспособление — «кратку». Это четыре тонких столбика высотой около 1 м, прикрепленные к двух задним парам копыльев. Поверху столбики с трех сторон соединяли планками. Для прочности передние два столбика укрепляли при помощи двух наклонных планок. Пространство между горизонтальными планками и вардинами переплетали ремнями. Этот своеобразный кузов — очень удобное приспособление при перевозке пассажиров, особенно женщин с детьми, и грузов[2].

Главная отличительная черта колымо-индигирской нарты, что в ней нет ни одного твердого, «мертвого» крепления. Все они сделаны из кожаных ремней-амортизаторов и гибких полозьев, благодаря чему на первый взгляд она кажется расхлябанной, сделанной на «живую нитку». На самом же деле собачья нарта, обладая большой упругостью, очень прочна и удобна, так как легко выдерживает удары о заструги. Ф.П. Врангель, Ф.П. Анжу, Р. Амундсен и другие полярные исследователи считали этот тип нарты лучше остальных, неоднократно указывали на это в своих работах.

На нарту клали 2–3 ц груза в зависимости от количества собак и времени года из расчета в среднем 25 кг на собаку. В отдельных случаях весной, в марте — апреле, когда хорошее скольжение, 10–12 собак могут везти до 5–6 ц груза.

В далеком прошлом тот, кто имел хорошую прочную нарту, мог ездить дальше, перевозить больше груза, следовательно, и больше зарабатывать.

Нарта, состоящая из четырех пар копыльев, называлась «четверкой», или дорожной нартой. Она предназначалась для дальних грузовых перевозок. Для мелких хозяйственных нужд применялась «домашняя нартушка», или «тройка-нарта». Она состояла из трех пар копыльев. Сделать нарту может не каждый. Изготовление ее — процесс трудоемкий. Копылья и полозья делали специальные мастера. Сборка же нарты из готовых деталей занимала 2–3 ч.

Для остановки упряжки применяется «прикол», или «прудило». Прикол — круглая березовая палка длиной около 1 м. В верхней части несколько утончена. На конце имеется расширение — «шляпка». Это делалось для того, чтобы прикол удобно было держать в руке. На нижний конец надевается железное кольцо — «обойма» — и вбивается стальной шип.

К шляпке прикола прикрепляется несколько мелких колец, которые при быстрой езде бренчат и тем самым в какой-то мере оживляют утомительно-однообразное движение. Прикол служит также и погонычем для нерадивых собак. При остановке упряжки прикол продевают в специальную петлю, привязанную к правому переднему копылу и глубоко вбивают в снег.

По длине нарты шьется широкий мешок из прочной ткани — «чум». В него складывается все то, что подлежит перевозке, и стягивается от вардины к вардине несколько раз тонким прочным ремнем — «поворомом».

Способ расположения собак в запряжке на севере Якутии парный. Собаки пристегиваются к поводку — «потягу» — попарно на

расстоянии 1,5 м пара от пары. Поводок изготавливался из моржовой или лосиной кожи. Для лучшей эластичности его время от времени смазывали салом и даже иногда коптили.

Общая длина поводка на упряжку из десяти собак примерно 8 м. Поводок одним концом привязывается к «барану» нарты. К другому концу поводка пристегивались две лучшие собаки — «передовики». Посредством тонкого ремешка на переднем конце поводка вся упряжка привязывалась к какому-либо неподвижному предмету.

Собачья упряжь — алык — кожаная петля с двумя, а иногда даже с тремя перемычками. Собака тянет грудью. Лямка проходит по груди и бокам животного. К ее концам — «вожжам» — через металлический «вертлюг» прикрепляется узкий ремень — «свара» — с деревянной застежкой, при помощи которой животное пристегивается к поводку. Каждый алык имеет ремень, проходящий под брюхом собаки, — «подобрюшник». Алыки шились из нерпичьей или свиной кожи, снаружи зачастую обшивались сукном и орнаментировались. Иногда наиболее красивым и «заслуженным» собакам повязывали вышитый ошейник — «галстук» — и даже маленький бубенчик — «шеркунец».

Впереди запрягаются, как правило, две собаки: одна главная — передовик, вторая молодая в качестве «стажера». Хорошо выученная передовая собака — главное богатство и гордость каюра. Ценность ее не только в том, что она ведет упряжку и делает ее управляемой, но и в том, что в полярную ночь в пургу не сбивается с маршрута, заданного хозяином, на далеком расстоянии чувствует жилье и «хорошо гонит дорогу», т.е. различает давно занесенную снегом полозницу.

С.А. Бутурлин пишет, что на Колыме и Индигирке на предложение продать вожака, он не раз получал ответ: «Да я лучше жену отдам, чем передового пса».

Легкость хода груженой нарты и удобство управления упряжкой зависят от правильности распределения груза и его увязки. Тяжелый, но малогабаритный груз укладывается в передней половине нарты, более объемистый — в задней. Очень важно, чтобы груз был равномерно распределен по обеим сторонам нарты, чтобы давление на оба полоза оказалось равномерным.

В сработанной упряжке каждая собака в соответствии со своими качествами имеет определенное место — ближе к нарте или голове поводка. Более ленивые собаки запрягаются ближе к нарте. Надо помнить, что собачья упряжка — это не просто сумма «собачьих сил». Это своеобразный коллектив, состоящий из добросовестных трудяг, лодырей, задир, трусов, пустолаек, обжор и т.п. К каждой необходим индивидуальный подход.

Главное требование к ездовым собакам — абсолютное послушание и уважение к своему хозяину. За это они получают от него еду и ласку. Ласка хозяина, если не считать кормежки, — единственная награда ездовой собаке за ее тяжелый труд и лишения. Собака любит ласку и даже ревнует к хозяину своих товарок. Поэтому принято обходить всю упряжку: одного почесать за ухом, другого погладить, третьему потрепать загривок и каждому сказать ласковое слово.

Известный в прошлом писатель Н. Вагнер приводит интересный факт, рассказывая о процессе дрессировки собак в упряжке, который он наблюдал на нижней Колыме: «Здесь имеет место пресловутая "школа дранья собак". Надирать собак — трудная работа. Их надирают на ходу. Садится мальчик на нарту. Нарту пускают в ход, а каюр, владелец собак, бежит рядом. По уговору мальчишка крикнет заранее определенное слово: "Та-та!" или "По-ца! По-ца!". И вровень с криком владелец начинает драть собак плеткой, отчего они в страхе бросаются вперед. Но хозяин должен не отстать от собак. Тогда каюру приходится набавлять ход, обгонять собак и настигать передовика. Но виновная уже поняла свою ошибку и увеличивает скорость бега. Но человек знает, что она может прибавить еще и еще. И он бежит, чтобы нагнать виновную. Человек и собака состязаются в беге»[3].

Суки иногда щенятся дважды в год: зимой и летом. Зимние щенки считались лучшими. Их уже в 8-месячном возрасте можно впрягать в упряжку, в корень, чтобы они приучались не просто бежать, а тянуть лямку. Иные щенки, видя собак впереди, затевают возню. Чтобы отвадить их от этого, им надевают на шею ремень — «нагорлик», который оттягивают передние собаки.

Утром, отъехав от дома 200–300 м, упряжка обязательно останавливается минут на пять. Это делается для того, чтобы собаки опорожнили свой кишечник. Кал не должен попадать под скользящую поверхность полозьев, так как это затрудняет движение нарты.

Очень скоро собаки втягиваются в работу и переходят на ровную плавную рысь, тогда нарта без рывков идет по снежному пространству. Вскоре после выезда собаки раскрывают рты, высовывают языки, дыхание их сильно учащается, они начинают прихватывать снег, особенно это бросается в глаза при небольшом морозе. Неопытный человек принимает это за усталость. На самом же деле, по утверждению Э. Шерешевского, это объясняется тем, что на коже собаки отсутствуют, за исключением мякишей пальцев, потовые железы и терморегуляция тела производится при помощи учащения дыхания, что влечет за собой указанные явления[4].

Ни один уважающий себя каюр не гонит упряжку вскачь, так как собаки при этом выбиваются из сил. Хорошие каюры, наоборот, всегда следят, чтобы упряжка шла ровно, а если она чем-либо увлечется, хозяин ее обязательно попридержит.

Средняя скорость упряжки не должна превышать 10–12 км в час. При такой скорости можно покрывать большие расстояния.

Из-за драчливости некоторых собак иногда приходится применять физическое воздействие. Необходимо полное послушание, основанное на постоянном поддержании абсолютной власти человека. Но это ни в коей мере не означает, что нужно беспрерывно бить собак и кричать на них. В этом случае значение физического воздействия притупляется, собаки будут забиты, задерганы, заезжены. Работоспособность такой упряжки станет весьма низкой.

Осенью после долгого перерыва езда начиналась с разминки собак — «путешествия» на короткие расстояния (3–4 км). Постепенно расстояние увеличивалось, и через неделю начинались обычные поездки. В зимнее время кратковременные остановки — «поберда» — делали через 8–10 км. С утра делали частые и кратковременные остановки, а к вечеру дистанции между ними увеличивались, зато остановки становились более продолжительными.

Собаки управляются командами: «Подьпо!» — направо, «Кур-р!» — налево, «По-ца, по-ца!» — вперед, «То-о!» — стой. У индигирских и колымских якутов команды другие: «Тях!» — направо, «Нарях!» — вперед (табл. 12).

Управлять ездовыми собаками далеко не просто. Каюр сидит с правой стороны. Левой рукой он держится за вертикальную дугу, а в правой у него находится прикол. Правая нога стоит на полозе. Особенно тяжело управлять нартой при быстрой езде по хорошо укатанной дороге с частыми спусками, подъемами и поворотами. Если каюр замечает, что нарта делает крутой правый поворот, он становится на полоз, держась за дугу, свешивается в правую сторону. Если

Таблица 12

Команды, употребляемые собаководами[5]

Район	Информант	Команды			
		Направо	Налево	Вперед	Стой
Усть-Янский	И. Гурвич	Тах!	Ныр-р!	Йота!	Той!
Нижнеколымский	И. Гурвич	Подьпо!	Кх!	Поть!	Та-а!
Анадырь	Г. Дебец	Поть!	Кху!	Хак!	Та-а!
Камчатка	И. Гурвич	Поть!	Кхр!	Хак!	То-о!
Русское Устье	А. Чикачев	Подьпо!	Кур-р!	По-ца!	То-о!
Аллаиха (индигирские якуты)	А. Чикачев	Тях!	Кхр!	Нарях!	Та-а!

же левый поворот — он ложится поперек нарты и свешивается в левую сторону.

Каюру необходима быстрота реакции на всех спусках и поворотах. Зазевавшийся возница в одно мгновение может оказаться под нартой и упустить упряжку. Много забот у каюра, когда едут несколько нарт, особенно утром — надо внимательно следить, чтобы полоз не попал на испражнение. Таким образом, работа каюра требовала большой физической силы и ловкости. «Ввиду такого искусства, ловкости и выносливости, требуемых от хорошего каюра, — пишет С. Бугурлин, — понятно, что это дело является любимым спортом молодежи — да и старые люди увлекаются гонками, хвастают умением и высоко ценят хороших собак». Многие каюры до преклонного возраста сохраняли прямую осанку и гибкую молодую фигуру.

Проживая постоянно в условиях Арктики, каждый житель должен быть одновременно каюром, бурлаком, рыбаком, охотником, плотником, столяром, шорником, астрономом, ветеринаром, метеорологом, владеть десятками других необходимых для жизни в Заполярье профессий и навыков.

Представьте такую картину... Глухая полярная ночь, безбрежная однообразная снежная равнина. По этой целине движется упряжка. Вокруг на десятки километров ни жилья, ни деревца, ни кустика. Как ориентируется каюр? В ясную погоду — по звездам да ему одному известным приметам на голой тундре. Если нет звезд, каюр обычно волочит свою правую ногу по снегу. Он знает, какой ветер дул накануне и в каком направлении образовались снежные барханчики — заструги. Ногой он определяет угол их скоса и тем самым держит заданное направление. Ориентировались также по ветру, наклону травы под снегом, корягам на речных отмелях и т.п.

В долгие полярные ночи, находясь в пути, ездоки ориентировались по «кол-звезде», известной современному читателю как Полярная звезда. Умели довольно точно предсказывать погоду, определять расстояние и время. Ф.П. Врангель писал: «Жители сибирских тундр совершают большие путешествия по несколько верст по безлюдным однообразным пространствам, руководствуясь направлением своего пути единственно застругами. Я должен упомянуть об удивительном искусстве проводников сохранять и помнить данный курс»[6].

При езде на собаках делали остановки через 10 км, точнее через 1 ч. Время определяли благодаря особому навыку, который, по словам другого известного знатока Севера П.Ф. Анжу, помогал следопытам «в один час редко ошибаться на пять минут».

С 1911 г. начались ежегодные пароходные рейсы из Владивостока в бухту Амбарчик, и оттуда грузы развозились по тундре. Индигир-

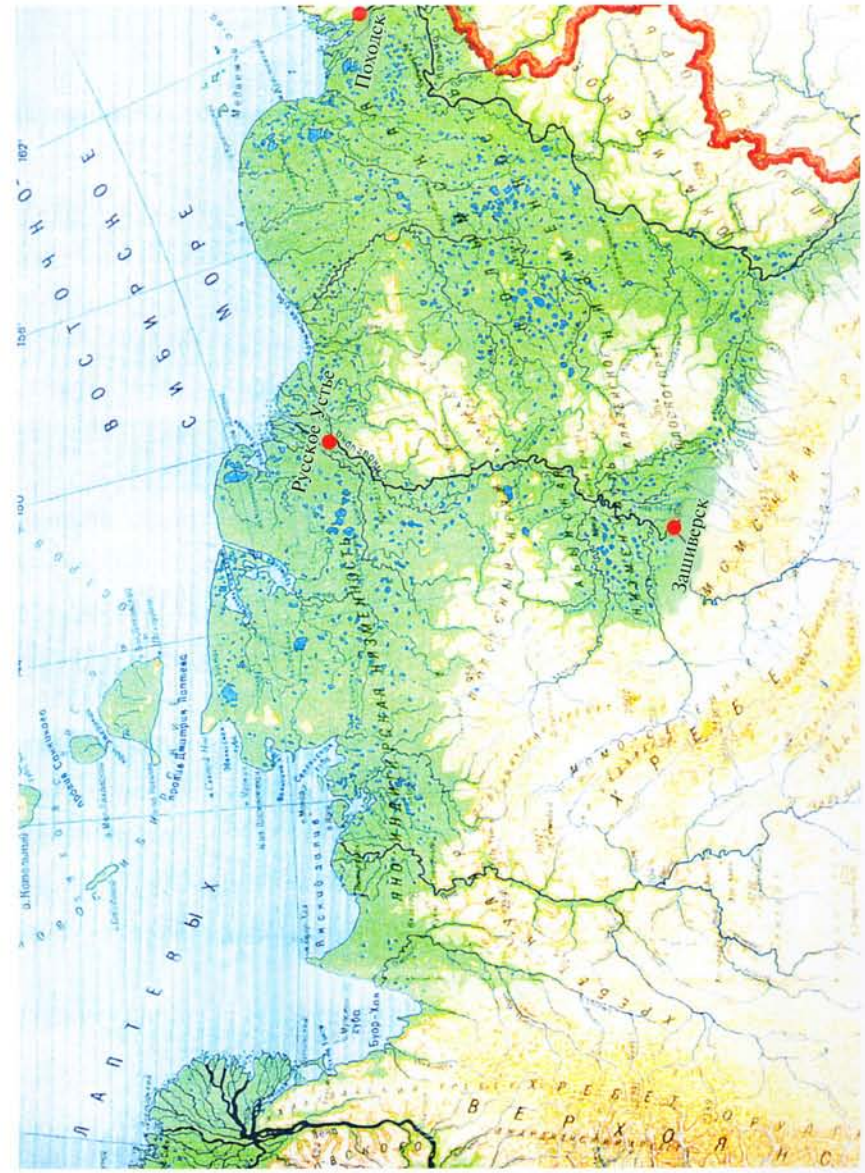
щики ездили в Амбарчик вплоть до 1935 г. — до начала регулярных морских рейсов к устью Индигирки. Каждому хозяйству давалось твердое задание: доставить из Амбарчика не менее 20 пудов груза. С учетом того что с собой надо было брать корм для собак, груз на одну нарту достигал 500–600 кг. И его следовало доставить за 700–750 км.

Известны случаи, когда одна упряжка без смены проходила с Яны на Индигирку (около 600 км) или с Индигирки на Колыму (700 км) за трое суток. При этом следует отметить одну из ценнейших особенностей этого транспорта, отличающую его от конного или оленьего, — собаки обычно идут до тех пор, пока у них есть силы, а в случае наличия хорошего корма и относительно благоприятной погоды способны работать изо дня в день продолжительное время.

На севере Якутии выше всех ценилась индигирская ездовая собака, она всегда была предметом купли и на Яне, и на Колыме. К умению езды на собаках индигирщики относились очень ревностно. Здесь искусство езды на собаках подразделялось на три вида. Первый — это умение тренировать животных на скорость. Так, по сведениям Э. Шерешевского, 2 мая 1938 г. на районных соревнованиях в Нижнеколымске дистанцию 50 км лучшая упряжка прошла за 2 ч 6 мин, а занявшая третье место — за 2 ч 20 мин. Второй — это возможность перевозки наибольшего количества груза. И третий, пожалуй, самый главный — умение ориентироваться на местности при любой погоде.

В Якутском Заполярье был в свое время распространен обычай «кормления животных», заключавшийся в том, что при рождении сыновьям кроме собственного давали и собачье имя. Этим именем впоследствии называли щенков, которых выкармливали мальчики-подростки. В отличие от купленных или выменяемых такие собаки назывались «кормленными». Обычай «кормления собак» подрастающим поколением ездоков предусматривал раннее освоение ими приемов ухода за животными, получения навыков езды на них в детских играх и несложных работах по дому. Уже к 10 годам подростки совершали довольно длинные поездки[7].

«Собачий вопрос» в жизни русских арктических старожилов занимал большое место. Собак называли «скотом» или «скотинкой», а конуру — «стаей», очевидно, в память о домашнем животноводстве, которым занимались их предки в «мудреной Руси». При встречах, за чашкой чая, зимними вечерами заводили бесконечные разговоры о собаках, об их повадках, о лучших ездоках и т.п.



Карта северо-востока Якутии.

А.Г. Чикачев — летописец и патриот Русского Устья (*фото Б. Дмитриева*).

Последний русскоустьинский сказочник — Е.С. Киселев (*фото Б. Дмитриева*).

У дедовской избы (*фото Б. Дмитриева*).

На берегу родной реки (*фото автора*).

Баба Маня из рода Чикачевых (*фото Б. Дмитриева*).

Походский танец «Рассоха» (*фото О. Чариной*).

Юные походчане (*фото О. Чариной*).

Посиделки в Походске (*фото О. Чариной*).

Походская сказительница (*фото О. Чариной*).

Ремонт сети (*фото Б. Дмитриева*).

Друзья по риску (*фото Б. Дмитриева*).

Белый песец «довел» русских до Ледовитого океана.

Надвигается пурга.

Собачья нарта — «тройка» (*фото автора*).

Строганина — северное «мороженое» (*фото Б. Дмитриева*).

Рыбный «хлеб» (*фото Б. Дмитриева*).

Натюрморт с юколой (*фото Б. Дмитриева*).

Часовенка в Походске (*фото О. Чариной*).

Самый северный в мире православный храм (71° с.ш.) — церквушка в местечке Станчик, в дельте Индигирки. Памятник старины начала XIX в. (*фото В. Мартынова*).

На этом месте в 1644 г. был заложен Нижнеколымский острог. Протока Стадухинская, «Старый город» (*фото автора*).

Памятник предкам-землепроходцам в Русском Устье (*фото автора*).

«Собака сама себя кормит и нас тоже. Деньги собака не просит, одежду — тоже. Надо только соблюдать, чтобы она не голодала, она и тебя от смерти спасет. Человек не поест, работать не может. А собака день не ест, все с нартушками идет и идет, пока не упадет...

...Мой-то отец большой ездок был. В царское время один раз на спор из Нижнеколымска в Среднеколымск купца возил за тысячу рублей. В споре выиграл, довез за двое суток — а это ведь 560 верст. Получил два "Петра" (т.е. две пятисотрублевые бумажки), но собак потерял, все подохли»[8].

Такой повышенный интерес местных жителей к ездовым собакам вполне объясним, ибо от их состояния зависело благополучие жителей Заполярья.

III.5. ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЗДОВОГО СОБАКОВОДСТВА

Поскольку не сама собака (ее шкура или мясо) являлась объектом хозяйственного использования, а те ценности, которые добывались при помощи ее работы, вполне справедливо собаководство считалось не самостоятельной, а подсобной отраслью промыслового хозяйства Крайнего Севера. Однако роль транспортного собаководства в Заполярье была настолько велика, что сколько-нибудь активная хозяйственная деятельность в регионе без него оказалась бы просто немыслимой (табл. 13–15).

В арктических районах собаки являлись почти единственным видом домашнего скота. Они выполняли гигантскую работу как по обслуживанию охотничьего и рыболовного промыслов, так и по перевозке грузов.

В зоне тундры основным орудием охоты была стационарная ловушка — пасть. В начале XIX в. на нижней Колыме имелось 7500 пастей. Жители Жиганского улуса настораживали 9520 пастей, надо

Таблица 13

Динамика численности ездовых собак в Якутской области[1]

Год	Верхоянский округ	Колымский округ	Итого
1875	1661	1145	2806
1880	925	850	1775
1885	420	2236	2656
1888	890	819	1709
1890	450	1178	1628
1893	870	1370	2240

Таблица 14

Динамика численности собак в Якутии в 1891–1910 гг.[2]

Годы	Среднее количество собак в округе	
	Верхоянский	Колымский
1891–1900	1181	1735
1901–1910	531	1745

Таблица 15

Размещение ездовых собак в Якутии в 1933 г.[3]

Территория	Хозяйства		Количество собак	
	Итого	Имеющие собак	Итого	На одно хозяйство
Устьянский улус (восточная часть)	306	261	1486	5,7
Эльгетский улус	823	458	826	1,8
Среднеколымский улус	1020	944	4084	4,3
Нижнеколымская волость	290	209	2162	10,3
Восточная тундра	191	166	632	3,8
Омолонский район	46	38	171	4,5
Всего...	2676	2076	9361	4,5

полагать, неменьшим количеством владели и обитатели устьянской тундры[4].

Пастники охватывали огромную территорию, поэтому их объезд (осмотр) требовал много времени и сил.

Материалами Приполярной переписи 1926–1927 гг. установлено, что всего по Якутскому Северу в семи районах, где было развито собаководство, насчитывалось 7307 голов собак. Из них 75 % использовались в упряжке, 15 % считались охотничьими, а остальные показаны как пастушьи. Так же, как и по отдельным районам, наблюдалось неравномерное распределение собак по направлению их использования между отдельными национальностями. Так, по Колымскому округу цифры были следующие: у русских ездовые собаки составляли 99 %, якутов — 91, юкагиров — 96, чукчей — 30 %.

Нижнеколымские, алазейские, аллаиховские и устьянские якуты имели такое же развитое собаководство, как и русские, ибо на них опирался песцовый промысел.

Ряд авторов, писавших о юкагирах, не считали их собаководами, какими, по-видимому, часть их являлась в прошлом. Собаководство западных (колымских) чукчей, которые были кочующими, носило смешанный характер. На песца чукчи охотились мало. Так, из 191 чукотского хозяйства в 1927 г. собачьи упряжки имели лишь 28.

В низовьях Лены, Яны, Индигирки и Колымы каждое хозяйство имело не менее 7–8 ездовых собак, на использовании которых основывалось все благополучие населения. В Походске, по данным Н. Вагнера, в 1929 г. на 23 хозяйства было 500 собак, в Русском Устье, по данным Д. Травина, на 45 хозяйств приходилось 497 животных.

К сожалению, в отличие от всякого другого скота, использующего малоценные корма, собака потребляет высококачественную рыбу, которой иногда не хватало самому населению. Поэтому многие ис-

следователи делали вывод о необходимости замены собачьего транспорта оленьим или лошадиным, не понимая, что в арктической тундре собака оказывается совершенно незаменимым средством передвижения независимо от издержек. Пока существовал песцовый промысел и не было надежного механического транспорта, собаки участвовали в нем как необходимое условие.

В середине 1930-х годов, когда остро встал вопрос об увеличении транспортных средств для перешедшей в ГУСМП при СНК СССР торгово-заготовительной сети, были организованы специальные питомники ездовых собак в низовьях Яны, Индигирки и Колымы. Так, на эти цели в 1936 г. Главсевморпуть выделил 400 тыс. руб.[5]

Начиная с конца XVII в. взамен исчезнувшего соболя роль главной товарной продукции стал выполнять белый песец, цены на которого постоянно росли. Песцовый промысел породил товарные отношения и явился единственным источником развития транспорта, в частности ездового собаководства. В то же время рыба не являлась рыночным продуктом, так как не находила сбыта на внутреннем рынке.

С развитием песцового промысла появилась необходимость увеличения вылова рыбы на корм многочисленным собакам и на приманку песцам. Приобрести товары легче всего было в обмен на песцовые шкуры, а чтобы добыть песцов, следовало иметь хорошую упряжку. Содержать ее можно лишь при наличии своего корма. Успешная охота на песца зависела в первую очередь от количества ловушек (пастей), расставленных по огромной территории вдоль побережья моря. Сделать это мог лишь тот, кто имел много собак. Хозяйственно-экономическая деятельность в тундре на протяжении нескольких столетий шла по кругу: рыба — собаки — песец — товары — рыба. На Колыме и Индигирке существовала поговорка на эту тему: «Зачем рыбу ловим — чтобы собак кормить, а зачем собак держим — чтобы рыбу ловить».

Таким образом, ездовая собака являлась основным средством производства, без которого промысловик не мог участвовать в песцовом промысле и извозе. В глазах населения рыба, скармливаемая собакам, приобретала особый смысл — становилась необходимым элементом производства.

Если бы у арктических охотников и рыболовов существовала возможность приобретать необходимые товары и обеспечивать свое существование более простыми и легкими путями, они, надо полагать, не стали бы содержать большое количество собак и обременять себя тяжелой заботой об их удовлетворении кормом, им бы не пришлось готовить транспортный инвентарь, требующий постоянного

наблюдения и ремонта, а также выполнять работу по извозу и песцовому промыслу.

В 60–70-е годы XX в., когда создались благоприятные рыночные условия для занятия рыболовством, северные хозяйства постепенно стали сворачивать трудоемкий песцовый промысел, отказались от услуг ездовой собаки и ограничились в основном добычей рыбы. Следовательно, экономические условия сделали ездовое собаководство ненужным, на смену ему пришел механический транспорт.

Да, ездовые собаки выносливы, неприхотливы, способны пройти там, где нет пути трактору и вездеходу, для них не существует нелетной погоды, проблем запчастей и горючего. И тем не менее конкуренции с механическим транспортом они не выдерживают прежде всего потому что как тягловую силу использовать их стало невыгодно. Но значит ли это, что надо поставить крест на этом экзотическом виде транспорта, так славно послужившим отечеству? Думаем, что нет.

Раньше на севере Якутии весенние праздники никогда не обходились без бегов на оленьих или собачьих упряжках. Существовали традиционные маршруты и правила таких состязаний. Например, на о-ве Врангеля трасса для бегов составляла около 70 км, на нижней Колыме — около 50, в Чокурдахе — 30 км.

Ныне такие соревнования ежегодно проводятся в Северной Америке. В канадской провинции Квебек, например, пользуются успехом «Восточное дерби» на дистанцию 192 км и «Гудзонское дерби» — на 320 км. Однако наибольшую популярность бега на собачьих упряжках завоевали на Аляске, где существуют многочисленные клубы любителей ездового собаководства.

По сведениям С.М. Успенского, большие аляскинские гонки проходят теперь по маршруту Анкоридж — Ном на дистанцию около 1700 км. В 1975 г. чемпион прошел ее за 18 сут, в 1976 г. — за 14 сут, 18 ч 52 мин и 25 с (и в этих соревнованиях судьи любят точность), а в 1980 г. — за 14 сут, 7 ч 11 мин и 51 с. Причем в соревнованиях участвуют и женщины[6].

Недавно в газетах промелькнуло сообщение, что с 2006 г. соревнования на собачьих упряжках станут олимпийским видом спорта. Законодателями моды здесь выступают американцы и японцы. Наверное, здесь-то — в спортивном начале — и кроется будущее ездового собаководства. Поэтому нам незамедлительно надо создавать специальные собакопитомники и школы каюрского мастерства так, как это делалось в 30-е годы прошлого века, когда начиналось широкое транспортное освоение Российской Арктики. Причем дело это должно держаться на хорошей научно-практической основе.

Так, недавно президент Российского национального клуба северных собак, эксперт международной категории Г.В. Баклушин 4 мая 2002 г. направил заключение в адрес Правительства Республики Саха (Якутия) о необходимости выведения национальной породы якутской ездовой собаки. Авторитетные эксперты-кинологи так характеризуют наших собак: «...крепкой конструкции, с уравновешенным, подвижным, добродушным характером. Собаки очень азартны, энергичны, выносливы. Шерсть длинная с густым остевым волосом, мягким подшерстком»[7].

Ездовые собаки еще долго могли бы послужить в возрожденном песцовом и рыболовном промыслах, на полярных станциях, в национальных парках, туристских маршрутах, да и во многих других случаях. Естественно, встанет извечный вопрос о создании стабильной, экономически выгодной кормовой базы и транспортабельных кормов. Считаем, что в современных условиях и этот вопрос вполне решим. Во-первых, речь идет лишь о возрождении ездового собаководства в малых масштабах. Во-вторых, у нас в Якутии вполне можно организовать производство высокопитательных концентратов из отходов рыбной и мясоконсервной промышленности — пеммикана, педигрипала, рыбокостной муки, галет и т.п.

Немалую выгоду мы могли получить от продажи собак возрожденной прославленной сибирской породы на международных аукционах. Со временем, думаем, найдется немало российских и зарубежных состоятельных людей, которые захотели бы совершать экзотические путешествия по Заполярью на собачьих упряжках. Допустим, с Индигирки на Колыму, с Колымы на Аляску или по следам С. Дежнева и Я. Санникова с попутным участием в охотничьем промысле и арктическом рыболовстве. Но для этого потребуются серьезные инвестиции и глубоко продуманная работа заинтересованных государственных учреждений и частных фирм. Словом, век ездовых собак не должен кончиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

III.1

[1] *Геденштром М.М.* Записки о Сибири // Журн. МВД. — 1929. — Кн. 1. — С. 166.

[2] *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820–1824 гг. — М.; Л., 1948.

[3] *Пасецкий В.М.* Петр Анжу. — М., 1958.

[4] *Майдель Г.Л.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. — СПб., 1894—1896. — Т. 1–2.

[5] *Степанов А.П.* Енисейская губерния. — СПб., 1835. — Ч. 1.
[6] *Третьяков П.С.* Туруханский край. — СПб., 1869.
[7] *Долгих Б.О.* Езда на собаках у русского старожильческого населения Енисея // Краткие сообщения Ин-та этнографии. — 1960. — Вып. 35.
[8] *Левин М.Г.* О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. — 1946. — № 4. — С. 75–108.
[9] *Лащук Л.П.* Упряжное собаководство в Северо-Западном Приуралье // Краткие сообщения Ин-та этнографии. — 1954. — Т. 65, вып. 2.
[10] *Михель Н.М.* К вопросу о ездовом собаководстве на Якутском Севере // Изв. Географического о-ва. — 1935. — Т. 65, вып. 2.
[11] *Травин Д.Д.* Собаководство на Индигирке // Сов. Север. — 1940. — № 7–8.
[12] *Шерешевский Э.И.* Ездовое собаководство в Колымо-Индигирском крае // Сов. Якутия. — 1936. — № 4.
[13] *Тихоненко И.И.* Ездовые собаки Чукотки. — Л., 1939.
[14] *Кротов В.А.* Транспортно-промысловое собаководство в Колымо-Индигирском крае // Сов. Якутия. — 1936. — № 6–7.
[15] *Амундсен Р.* Северо-Восточный проход. Экспедиция «Мод» вдоль северного побережья Азии в 1818–1822 гг. — Л., 1936.
[16] *Виктор Поль Э.* Ездовые собаки — друзья по риску. — М., 1981.
[17] *Уэмура Н.* Один на один с Севером. — М., 1983.
[18] *Андропова В., Левин М.* Упряжное собаководство // Историко-этнографический атлас Сибири. — М., 1961. — С. 71.
[19] *Левин М.Г.* О происхождении... — С. 99, 101.
[20] *Павлов П.Н.* Пушной промысел в Сибири в XVIII веке. — Красноярск, 1972. — 49 с.
[21] *Александров В.А.* Русское население Сибири в XVII — начале XX в. — М., 1969. — С. 96.

III.2

[1] *Виктор Поль Э.* Ездовые собаки — друзья по риску. — М., 1981. — С. 158.
[2] *Геденштром М.М.* Записки о Сибири. — М., 1829. — 135 с.
[3] *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. — М., 1948. — 141 с.
[4] *Чикачев А.Г.* Два острова Петра Стрижева // Сибирь. — 1999. — № 4. — С. 166.
[5] *Ушаков Г.А.* По нехоженой земле. — Л., 1999. — С. 330.
[6] *Виктор Поль Э.* Ездовые собаки... — С. 158.
[7] *Уэмура Н.* Один на один с Севером. — М., 1983. — С. 78.

III.3

[1] *Амундсен Р.* Северо-Восточный проход. Экспедиция «Мод» вдоль северного побережья Азии в 1818–1822 гг. — Л., 1936. — С. 241.
[2] *Шерешевский Э.И.* Ездовое собаководство. — М., 1946. — 22 с.
[3] *Травин Д.Д.* Собаководство на Индигирке // Сов. Север. — 1940. — № 7–8.
[4] *Шерешевский Э.И.* Ездовое собаководство. — С. 23.
[5] *Тихоненко И.И.* Ездовые собаки Чукотки. — Л., 1939. — С. 26.
[6] *Чикачев А.Г.* Русские на Индигирке. — Новосибирск, 1990. — С. 69.

III.4

[1] *Амундсен Р.* Северо-Восточный проход. Экспедиция «Мод» вдоль северного побережья Азии в 1818–1822 гг. — Л., 1936. — С. 325.
[2] *Чикачев А.Г.* Русские на Индигирке. — Новосибирск, 1990. — С. 75.
[3] *Вагнер Н.П.* Человек бежит по снегу. — Л., 1981. — С. 82.
[4] *Шерешевский Э.И.* Ездовое собаководство. — М., 1946. — С. 93.
[5] *Чикачев А.Г.* Русские на Индигирке. — С. 77.
[6] *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. — М., 1948. — С. 141.
[7] *Фольклор* Русского Устья. — Л., 1986. — С. 342.
[8] *Зингер Макс.* 112 дней на собаках и оленях. — М., 1950. — С. 118.

III.5

[1] *Захаров В.* Пушной промысел и торговля в Якутии. — Якутск, 1995. — С. 94.
[2] Советская Якутия. — 1936. — № 6–7. — С. 78.
[3] *Статистический* сборник ЯАССР. — Якутск, 1934. — Табл. № 28. — С. 62–65.
[4] *Дьяконов А.Л.* Пушной промысел в Якутии. — Якутск, 1990. — С. 109.
[5] *Боякова С.И.* Главсевморпуть в освоении и развитии севера Якутии. — Новосибирск, 1995. — С. 85.
[6] *Успенский С.М.* Живая Арктика. — М., 1997. — С. 181.
[7] Якутия. — 2003. — 25 янв.

Глава IV

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО УСТЬЯ

Исторические судьбы русских групп населения Севера складывались по-разному, что и привело к различной степени сохранности полярного варианта северно-русской материальной и духовной культуры. Наиболее полно сохранили традиционные формы хозяйствования, языка, культуры и фольклора старожилы Колымско-Индигирского края.

Основной причиной высокой этнической устойчивости старожильческого населения этого региона можно считать его значительную изолированность. Не меньшее значение имело и то, что коренные народы Севера — чукчи, эвены и юкагиры — вели кочевой образ жизни, специализировались на оленеводстве, контакты с пришлым русским населением долгое время оставались ограниченными из-за различий в социально-экономическом развитии.

Якуты, появившиеся на Индигирке и Колыме позже русских, были в низовьях этих рек малочисленны и жили по преимуществу в местах, где есть тайга, поэтому на этническую и языковую ситуацию такого влияния, как в земледельческих регионах, они не имели.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на этническое родство, общие историко-культурные корни, одинаковые формы хозяйственной деятельности, традиций, быта, фольклора и языка, индигирцы сохранили во многом более архаичные черты, чем колымчане. Основная причина состоит в том, что Русское Устье находилось в стороне от торговых путей, и его культурные связи с внешним миром были более ограниченны.

Колымские старожилы жили в других условиях. Через Колыму шел торговый путь на Чукотку. Для обслуживания почтового тракта, экспедиций и других нужд на Колыме существовала казачья команда. И хотя казаки были местными жителями, по долгу службы им приходилось надолго уезжать из своих мест, чаще вступать в контакты с «тамошними» — приезжими представителями администрации и другими народностями.

На Колыме проживало много ссыльных, которые свободно общались с местным населением. Так, в XX в. первое морское судно на Колыму из Владивостока прибыло в 1911 г., а на Индигирку — только

в 1927. Все это способствовало тому, что на Колыме современная культура появилась раньше, чем на Индигирке.

Нижнеколымский и нижнеиндигирский говоры, несомненно, принадлежат к северно-великорусским, так как первые русские поселенцы в этом крае были выходцами с Русского Севера. При сравнении колымско-индигирской лексики с лексикой архангельской и новгородской найдем много общего, например: *хивус* ‘сильный мороз’, *баран* ‘горизонтально расположенная дуга у нарты’, *вадига* ‘глубокое тихое место в реке’, *калтус* ‘равнина, мокрый луг’, *застру́га* ‘небольшая снежная гряда’, *веречья* ‘сухая возвышенность среди болот’, *шелонник* ‘юго-западный ветер’, *виска* ‘маленькая речка’ и т.п.

Русские, оказавшись на Крайнем Северо-Востоке Азии, не испытывали влияния литературного языка, им приходилось пользоваться запасом лексики, который был свойствен говорам Европейского Севера XVII в. Вот почему зачастую в лексиконе русских Колымы и Индигирки встречаются слова и выражения, ставшие ныне редкостью, например: *вичь* ‘дневная норма пищи на упряжку собак’, *повор* ‘веревка для привязывания вещей на нартах’, *папоротки отбить* ‘избить, изувечить, победить’.

Русскоустьинцы никогда не скажут: «Началась пурга» или «Начался ветер», вместо этого: «Пурга упала», «Запад упал». Сравните выражение древних мореходов: «И пала, государь, на море великая погода».

В.М. Зензинов, прибывший в Русское Устье в январе 1912 г., писал: «Когда за чаем завязался разговор, я не мог не подметить особенных слов и выражений, иногда не совсем понятных, но, несомненно, русских, которых никогда до этого не приходилось встречать в живой речи и которые почему-то смутно напоминали старинные русские книги. Все эти впечатления были особенно ярки в первые дни моей жизни в Русском Устье, и я не мог отделаться от мысли, что попал в какой-то странный уголок Древней Руси, сохранившийся на далеком севере, как обломок далекой и чуждой для нас жизни»[1].

И сегодня в языке индигирцев внимательный исследователь может найти старинные слова и выражения, не сохранившиеся в других местах Сибири. Во фразеологических оборотах северян через пословицы и поговорки, метафоры и иносказания дается оценка предмета. Значение большинства таких речений требует специального толкования: *наушую посадить* ‘обмануть, поставить в безвыходное положение’, *назгал делать* ‘выполнять работу некачественно’, *не по дыре милостыня* ‘незаслуженная награда’, *до вонного света прощаться* ‘прощаться навсегда’, *поновильником уйти* ‘разойтись по чужим рукам, достаться разным лицам (о наследстве, хозяйстве)’, *на травушку упасть* ‘родиться’, *наразве-*

жах ‘сидеть на чемоданах’, *на побег уйти* ‘сбежать’, *с полоза жить* ‘жить без запаса пищи, дров’, *с полоза да за стол* ‘с корабля на бал’, *в нужду гонить* ‘притеснять’, *через баять* ‘проявлять неуважение, бестактность’, *басни таскать* ‘сплетничать’ и т.п.

«Речь индигирцев отличается от других говоров своей мелодикой. Она своеобразная, напевная, ударная гласная последнего слога во фразе произносится с ярко выраженным тоном, повышением тона голоса и последний слог растягивается. Особенно мелодична речь женщин, в одном слове интонация может смениться несколько раз, повышаясь вначале, достигая наибольшей высоты в конце»[2].

Известный писатель В.Г. Распутин пишет: «Говоря о звуковой красоте “Слова о полку Игореве”, я хочу вспомнить одно место на севере Якутии, где русские люди, по преданию, живут со времен Ивана Грозного. Живут в устье Индигирки. Здесь сохранился архаичный язык, коим говорили наши предки, близкие к “Слову...”. Видимо, община была крепкая, вокруг инородцы, русская община охраняла язык от чуждых влияний, хранила обычаи, традиции и фольклор, которые они принесли с Русского Севера. Послушайте их, и Вы узнаете, как звучала древняя речь.

Ведь по письменным источникам мы знаем, каким языком говорили в XVII в. Но мы не знаем, как звучала речь. Если станем слушать, как эти люди сейчас говорят между собой на русском, подчеркиваю, языке, понять нам будет трудно. Дело не в архаике, а в том, как звучит эта речь. Это поистине какое-то природное звучание, без резких асоциальных понижений, которыми пользуемся мы. Их речь в неточном сравнении напоминает то ли далекий шум ветра, то ли шелест травы, ковыля, что-то естественное, под стать природному голосу. Слушать их для меня было очень интересно. Здесь я услышал то самое звуковое совпадение, о котором мы вспоминали в связи со “Словом о полку Игореве”»[3].

В словарном составе походчан и русскоустьинцев встречается много общих, специфических только для них слов и выражений, например: *шипленок* ‘детеныш любого зверя’, *детница* ‘самка с детенышем’, *дракун* ‘дрочун’, *утопель* ‘сырое дерево’, *клипина* ‘топляк’, *волкоторжина* ‘задранный волками олень’, *икраница* ‘каша из рыбьей икры’, *досельные люди* ‘предки’, *огонь угасить* ‘оставить без хозяйки дом’, *сендушный* ‘хозяин тундры’, *накликать* ‘вызывать на спор, состязание’ и др. Однако в лексике есть и отличия (табл. 16).

Наиболее отличительные морфологические особенности нижнеиндигирского русского говора следующие.

Очень продуктивно безударное окончание *-а* у существительных с собирательным значением, обозначающих социальную принадлежность людей и их местожительство: *дворяна*, *христьяна*, *мещана*, *колымчана*, *иркучана*, *якучана*.

Таблица 16

Значение	Слово	
	Нижняя Индигирка	Нижняя Колыма
Палка с железным наконечником, при помощи которой останавливают упряжку собак	Прудило	Прикол
Веревка, которой пристегивают собак в упряжке	Поводок	Потяг
Длинная рубашка из оленьей шкуры	Дундук	Кукашка
Меховые чулки	Чажи	Канчи
Напиток из пережаренной муки	Пережар	Жженка
Небольшой остров на реке	Островок	Осередыш
Наклонная палка над костром для подвешивания чайника	Очаг	Олдон

Существительные среднего рода на *-мя* оканчиваются на *-мо*: *имо*, *семо*, *знамо*, *племо* и т.п.

После существительных, несущих логическое ударение, постоянно употребляются постпозитивные дейктические элементы (*от*, *то*, *та*), которые согласуются по роду и падежу:

а) существительные женского рода в именительном падеже единственном числе имеют частицу *-та*: *старша-та сестра приехала*, *земля-та замерзла*. В винительном падеже появляется *-ту*: *старшу-ту сестру*, *мерзлу-ту землю*;

б) существительные мужского рода в именительном падеже единственном числе имеют частицу *-от*: *старик-от заболел*, *мужик-от уехал*. Эти же слова в винительном падеже будут иметь *-та* (у одушевленных существительных) и *-от* (у неодушевленных): *старика-та навестили*, *мужика-та видели*, *карандаш-от нашли*, *пояс-от потеряли*, *маяк-от увидели*;

в) существительные среднего рода в именительном и винительном падежах имеют частицу *-то*: *небо-то просветлело*, *озеро-то замерзло*, *сено-то накосили*, *озеро-то переехали*.

Примеры склонения существительных единственного числа с постпозитивными частицами *-та*, *-от*, *-то* по падежам:

Именительный	*Книга-та*, *стол-от*, *озеро-то*
Родительный	*Книги-те*, *стола-та*, *озера-та*
Дательный	*Книге-те*, *столу-ту*, *озеру-ту*
Винительный	*Книгу-ту*, *стол-от*, *озеро-то*
Творительный	*Книгой-те*, *столом-те*, *озером-те*
Предложный	*О книге-те*, *о столе-те*, *об озере-те*

г) во множественном числе существительные всех трех родов имеют частицу *-те*: *старики-те приехали*, *столы-те привезли*, *окна-те помыли*.

Окончания родительного падежа единственного числа мужского рода у некоторых прилагательных имеют долгое *-оо*: *большоо мужика*, *белоо песца*, *красноо галстука*.

Все прилагательные в форме именительного падежа единственного числа мужского рода вместо окончания *-ый* имеют *-ой*: *красной галстук*, *старой человек*, *широкой ручей* и т.п.[4]

В низовьях Индигирки сложился «шаркающий» говор, в низовьях Колымы — «сладкоязычный». Русскоустьинцы вместо мягких свистящих *с* и *з* произносят шипящие: *вешело*, *пишмо*, *жипун*, *шено* и т.п. Мягий согласный *т* заменяется аффрикатой *ч*: *чело* (*тело*), *чихо* (*тихо*), *печ* (*петь*), *читач* (*читать*) и т.п.[5]

Многие исследователи, отмечая диалектные особенности колымского русского говора, указывают, что так называемое «сладкоязычие», или «сладкозвучие», появилось в результате влияния на говор старожилов юкагирского языка. «Сладкоязычие» выражается в произношении *л* и *р* перед гласными, как *й*: *гойова*, *зойото*, *Койыма*, *дойога*, *хойосо*, *здойово*, *найта*.

Шипящие звуки заменяются свистящими: *ж* переходит в *з*, *ш* — в *с*: *сапка*, *суба*, *пуснина*, *пассазир*, *зивот*, *розок* и т.п.

Было время, когда походчане даже посмеивались над теми, кто говорил без «сладкоязычия». Если кто-то из местных жителей пытался говорить литературным языком, то считалось, что «бает он свысока». О себе они говорили: «Какие мы юские — мы походчане, койимский найод».

Вот как звучит С. Есенин на походском диалекте:

Бейая бейоза
Под моим окном
Пйинакйиясь снегом,
Сйовно сейебйом.

На русскоустьинском диалекте этот же отрывок будет звучать так:

Белая береза
Под моим окном
Принакрылаш шнегом,
Словно шеребром.

В северной русской лексике закрепилось определенное количество иноязычных слов якутского, тунгусского и юкагирского происхождения. От аборигенов были усвоены в первую очередь названия

тех предметов, которые отличались практичностью, удобством и приспособленностью к условиям полярной природы. Русские заимствовали лишь самые необходимые названия, касавшиеся реалий, с которыми они раньше не сталкивались. Заимствованные слова адаптировались к русскому произношению:

агéды ‘высокие дорожные сапоги’;
акипóнок ‘детеныш нерпы’;
барча ‘кушанье из сушеной и толченой рыбы’;
бадаран ‘топкое болотистое место’;
дюкак ‘сосед’;
дендюр ‘поперечная дощечка, соединяющая копылья нарты’;
ильчича ‘сплетенная из влажных ремней веревка’;
кыдыран ‘деревянная серпообразная дуга с зубьями, при помощи которой мнут кожи’;
малкан ‘годовалый олень’;
омоки ‘древние оседлые вымершие юкагиры’;
нимат ‘обычай безвозмездной передачи напарнику половины добычи’;
тыган ‘лоскут шкуры или холста, на котором разделывают рыбу или мясо’;
урун ‘кровать’;
ураса ‘жилище конусообразной формы’.

Таких иноязычных слов в лексике Русского Устья, несмотря на его так называемое островное положение, сравнительно немного. По нашим подсчетам, чуть более сотни.

Интерес к диалектной лексике родного говора у меня (т.е. А.Г. Чикачева) появился давно. Еще в 1958 г., во время учебы в Коломенском педагогическом институте, мной была написана курсовая работа на эту тему. Значительно позже она была переработана в статью «Заметки о некоторых особенностях нижнеиндигирского русского говора» и помещена в сборнике «Фонетика и морфология народов Сибири», вышедшем в Новосибирске в 1972 г.

В 1990 г. в г. Новосибирске в издательстве «Наука» вышла работа «Русские на Индигирке», где в главе четвертой «Лексика досельного говора» помещен словник из 1 тыс. слов. Мне приятно сознавать, что данный словарь оказался востребованным. Он был довольно широко использован при составлении «Словаря русских говоров Сибири», пять томов которого под редакцией профессора А.И. Федорова вышли в 1999–2006 гг.

В книге «Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков»

А.Е. Аникина, вышедшей в 1997 и 2000 гг. в Новосибирске, также имеются неоднократные ссылки на эту работу.

В наши дни русскоустьинцы, естественно, почти утратили особенности своего говора и перешли на литературный язык. Именно для того, чтобы эта чудом сохранившаяся крупица старорусской духовной культуры не канула в «троеподнюю», а стала достоянием любознательных потомков, мы и решили, значительно дополнив и переработав упомянутый словник 1990 г., но не претендуя на исчерпывающий охват темы, издать его в виде отдельной книги.

Основным источником «Диалектного словаря Русского Устья» послужила личная картотека автора, насчитывающая около 2 тыс. слов и фразеологических выражений.

Немного о построении словаря. Все словарные статьи расположены в алфавитном порядке.

Имена существительные даны в именительном падеже единственном числе (*pluralia tantum* — в именительном падеже множественном числе), затем приведено окончание родительного падежа, указание на родовую принадлежность и толкование:

ЗАГЛУМКА, -и, *ж.* Улыбка.

Имена прилагательные даны в именительном падеже мужском роде с указанием окончаний женского и среднего родов:

ЗАГЛУМНЫЙ, -ая, -ое. Улыбчивый.

Глаголы приведены в инфинитиве, после даны окончания 1-го и 2-го лица настоящего времени:

БАЯТЬ, -ю, -ешь. Говорить, разговаривать.

В отдельных случаях после толкования приводится пример, выделенный курсивом. Фразеологические и другие устойчивые выражения даются после знака ◊ в соответствующих словарных статьях.

Условные сокращения

ж. — женский род	см. — смотри
кол. — колымское слово	ср. — средний род
м. — мужской род	фольк. — фольклорный
межд. — междометие	як. — якутский
мн. — множественное число	юк. — юкагирский
нареч. — наречие	эв. — эвенский

А

АА, *межд.* Да, хорошо, ладно; *см.* **ээ**.

АБЕШШЕ́НИТЬСЯ, -нюсь, -нишься. Просчитаться, обмануться.

АБЛА́Й, -я, *м.* Скандальный, неуживчивый человек.

АВИВА́ТЬСЯ, -юсь, -ешься. Увиваться около кого-нибудь.

АВИ́ДЕНЬ, *нареч.* Проделать путь туда и обратно за один день. *Авидень съездили.*

АВОДИ́ТЬ, -жу, -дишь. Заговаривать, завораживать.

АГЕ́ДЫ, *-мн., эв.* Длинные меховые сапоги, сшитые из оленьих камусов.

АДА́МЩИНА, -ы, *ж.* Старое гнилое дерево; глубокая старина.

А́ДРЕНЬ, -и, *ж.* Ветхость.

АЙА́, БРАТ! *межд.* Выражает удивление, восхищение и боль. *Айа, брат! Какие у тебя собаки-то шепеткие!*

АЙДА́Н, -а, *м.* Скандал, ссора.

АЙДА́НИТЬ, -ню, -нишь. Скандалить, вздорить.

АЙДА́НЩИК, -а, *м.* Скандалист.

АКИПО́НОК, -а, *м., юк.* Детеныш нерпы, белек.

АКЛЯ́НЫ, *мн., юк.* Летние домашние сапожки из ровдуги.

АЛА́ЧИКИ, *мн.* Башмаки из юфты, к которым пришиваются голенища из ровдуги.

АЛГАЖНИ́, *мн., юк.* Деревянные палки, куда вставляется металлический скребок для обработки шкур.

АЛГУ́Й, -я, *м., як.* Большой котел; *см.* **олгуй**.

А́ЛДОВАТЬ, -ую, -ешь. Накликать беду.

АЛЕКСЕ́ЕВ ДЕНЬ. 30 марта — начало промысла нерпы.

АЛЛЯ́СИТЬ, -шу, -сишь, *як.* Говорить вздор, впадать в детство.

А́ЛЫК, -а, *м.* Шлея для собачьей упряжки.

◊ **ПО ПЕ́РВОМУ (ПО ВТОРО́МУ) А́ЛЫКУ**. В возрасте одного-двух лет (о ездовой собаке).

АЛЫ́РИТЬ, -рю, -ришь. Бездельничать, валять дурака.

АЛЫ́С, *як.* Очень. *Это алыс хорошая собака.*

АМАЛА́ХТЫВАТЬСЯ, -ваюсь, -ваешься. Закутываться, плотно одеваться.

АМАЛЫ́ЗГОВАТЬСЯ, -гуюсь, -гуешься. Обманываться, верить в несбыточное, напрасно надеяться. *Я-то все амалызговался — думал меня тоже пригласят.*

vk.com/ethnograph

АМАНА́Т, -а, *м.* Заложник, пленник.
АМСЫКА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Жадничать.
АНАГДЫ́Ш, *нареч.* Намедни, недавно.
АНДЫ́ЛЬЩИНА, -ы, *ж.*, *юк.* Песенное предание; лирическая песня, сочиненная для себя и про себя.
АНАМЕ́НЕ, *нареч.* Несколько дней назад. *Анамене геологи прошли.*
АНАМЕ́НЕШНИЙ, -ая, -ое. Недавний.
АНАМЕ́НИСЬ, *нареч.* Недавно, несколько дней назад. *Анаменись вертолет прилетал.*
АННЕ́ЗДУ, нареч. Однажды.
АНТИЯ́Х, -а, *м.* Глыба льда, выброшенная на берег ледоходом; *см.* **асинес**, **осинец**.
АПРИЗО́РИТЬ, -рю, -ришь. Сглазить.
АРА́НДА, *нареч.* Конечно.
АРАХЛЕ́Й, -я, *м.*, *ж.* Неряха.
АРГАБА́С, -я, *м.*, *як.* Старая потертая ровдуга.
АРГИ́Ш, -а, *м.* Олений обоз.
◊ **А́РДОВЫ ВЕ́КИ.** Долгие годы. *Старуха ардовы веки жила.*
АСИНЕ́С, -а, *м.* Глыба льда, выброшенная ледоходом на берег; *см.* **антиях**.
АСЛЯ́ДКА, -и, *ж.* Длинная тонкая лесина.
АСЛЯ́ПИНА, -ы, *ж.* Громадина.
АТРАЧИ́ТЬ, -чу, -чишь. Украсить одежду (обувь) отделкой.
АХИТЯ́ТЬ, -яю, -яешь. Убирать, подчищать за кем-либо.
АХЛИПЕ́СНУТЬ, -ну, -нешь. Дать пощечину. *Перестань болтать, а то ахлипесну!*
АЧИЛИ́НКА, -н, *м.* Милый, любимый, любовница, зазнобушка. *Ачилинка, воротись — шаровары твои нашлись!*
АШШИВУ́ЛЬНИК, -а, *м.* Подлиза, зубоскал, безалаберный человек.
АЯН, -а, *м.* Небольшое озеро, соединенное с рекой.

Б

БА́БКОЙ ХОДИ́ТЬ. Принимать роды; *см.* **бабничать**.
БА́БНИЧАТЬ, -аю, -ешь. Заниматься повивальным делом; *см.* **бабкой ходить**.
БА́БЬИЙ СТОЛ. Стол, находящийся на левой стороне избы.
БАГА́Т. Возможно, может быть. *Багат завтра приедет.*

БАДАРА́Н, -а, *м.*, *як.* Топкое болотистое место.
БА́ЙКАТЬ, -аю, -аешь. Укачивать, баюкать ребенка.
БАКЛЫШО́К, -шка, *м.* Шишка, нарост.
БАЛАГА́Н, -а, *м.* Жилище типа якутской юрты.
БАЛАМО́ШКА, -и, *ж.* Балка, брус, бревно, положенное на две стены. *Баламошки класти лень — Коля ходит, как олень* (частушка).
БАЛБА́Х, -а, *м.*, *як.* Тушка гуся, из которой удалены кости и внутренности, а мясо оставлено на коже с перьями. В этот своеобразный мешок складывали для сохранения мясо разделанных гусей.
БА́ЛО, -а, *ср.* Деревянный шаблон, по которому гнут полозья.
◊ **КАК НА ОДНО́ БА́ЛО**. Совершенно одинаковые. *Двойняшки до того похожи — как на одно бало.*
БАРАБА́Н, -а, *м.* Большая лепешка из теста; блин из толченой икры.
БАРА́Н, -а, *м.* Деревянная горизонтально расположенная дуга в передней части нарты.
БА́РДОВАТЬ, -дую, -дуешь. Стесняться, бояться.
БАРЧА́, -и, *ж.* Кушанье из сушеной и толченой рыбы.
БАРЧА́ТЫЙ, -ая, -ое. Узорчатый, вышитый узорами.
БА́СКО, *нареч.* Хорошо, красиво.
БА́СКОЙ, -ая, -ое. Хороший, красивый.
БА́СНИК, -а, *м.* Сплетник.
БА́СНИЧАТЬ, -аю, -аешь. Сплетничать.
БА́СНЯ, -и, *ж.* Сплетня.
◊ **БА́СНИ ТАСКА́ТЬ**. Сплетничать.
БАТА́С, -а, *м.*, *як.* Большой охотничий нож.
БА́ТЮШКА, ЦАРЬ-ОГОНЬ, НЕ СКАЗЫВАЙ! Обращение к огню как к свидетелю тайны.
БА́ТЯ, -и, *м.* Обращение к старшему брату или к старшему по возрасту.
БАШ НА БАШ. Прямой обмен: я ему — собаку, он мне — ружье.
БАЮН, -а, *м.* Разговорчивый человек.
БА́ЯТЬ, -ю, -ешь. Говорить, разговаривать.
◊ **ПОЗАВО́ЧЧУ БА́ЯТЬ.** Упрекать, критиковать заочно.
◊ **СВЫСОКА́ БА́ЯТЬ**, *нареч.* Говорить высокомерно.
◊ **ЧЕ́РЕЗ БА́ЯТЬ**. Проявлять неуважение, бестактность.
БЕДА́, -ы, *ж.* Также в значении очень. *Юкагиры — беда хорошие люди.*

◊ **БЕДА́ И ВЫ́РУЧКА.** О человеке, который готов прийти на помощь в любое время.

БЕЗГАЛИ́К, -а, *м.* Насмешник.

БЕЗКУЛТЫ́ШНЫЙ, -ая, -ое. Бесконечный, длительный (о дороге, разговоре, действии).

БЕЗПУТИ́, *нареч.* Чрезмерно, невыносимо. *Сосед-от у нас безпути пьющий.*

БЕЛЬ, -я, *ж.* Еле различимый, тусклый свет на горизонте.

БЕРДЕ́ТЬСЯ, -юсь, -ишься. Ушибиться.

БЕ́РДИТЬ, -дю, -дишь. Трусить, бояться. *Если на Сендухе бердить будешь — ничего не добудешь.*

БЕ́РДО, -а, *ср.* Загородка из тальника для ловли рыбы.

БЕРЕЖНИ́К, -а, *м.* Веревка, при помощи которой тянут невод вдоль берега.

БЕРЕЖНИ́ЧАТЬ, -аю, -ешь. Идти по берегу с веревкой (бережником), привязанной к неводу.

БЕРЕЖНО́Е КРЫЛО́. Часть невода, которую тянут вдоль берега.

БЕРЕ́МО, -а, *ср.* Груз, ноша. При заготовке юколы на зиму счет вели беремами. *Сто юкол — одно беремо.*

БИ́РКИ НА ПОДВОРО́ТЕ. Поднятые кверху и повязанные наушники у шапки.

БИ́СТЕР, -и, *ж.* Течение реки.

БИ́ТВА, -ы, *ж.* Шумное событие.

БИЧЕВНИ́К, -а, *м.* Отлогий берег, по которому удобно идти бичевой.

БИЧЕВЩИ́К, -а, *м.* Человек, идущий по берегу в бичеве, лямке.

БЛАГОСЛОВЕ́ННАЯ МАТЬ (ОТЕ́Ц). Лицо, заменяющее мать (отца) жениху или невесте.

БЛАГОСЛОВЕ́ННАЯ ПЕ́СНЯ. Песня, исполняемая во время венчания.

БЛАЖЬ, -и, *ж.* Истерика.

БЛА́ЗНИТЬСЯ, -нюсь, -ишься. Мерещиться, чудиться, казаться.

БЛЮДОЛИ́ЗНИК, -а, *м.* Подхалим, подлиза.

БОГ ПРОСТИ́Л. Благополучные роды.

БОЖНИ́ЦА, -ы, *ж.* Полка для икон.

БОРДОГОН, -а, *м.*, *як.* Травянистое растение, произрастающее во влажных местах, сабельник. При нехватке средств обжаренные стебли бордогона использовали вместо чая. *Хорошо с тобой была — время проводила: бордогончик не пила, халю не курила* (из частушки).

БОРОЗДА́, -ы, *ж.* Фарватер реки, путь для безопасного прохода судов.

БРАТА́Н, -на, *м.* Двоюродный брат.

БРИГА́ТЬ, -аю, -ешь. Обижаться.

БРИГЛИ́ВЫЙ, -ая, -ое. Обидчивый человек.

БРИТКО́Й, -ая, -ое. Острый, бреющий. *У дедушки нож всегда бриткой бывает.*

БРО́ВИТЬ, -влю, -вишь. Говорить много и бестолково.

БРОДИ́ТЬ, -жу, -дишь. Ходить вброд.

БРОДКИ́, *мн.* Летние сапоги из ровдуги.

БРО́НЯ, *мн.* Сапоги, предназначенные для ходьбы в воде.

БРЮ́ХО ПОНЕСТИ́. Забеременеть.

БУГУ́Л, -а, *м.*, *як.* Копна сена.

БУДИ́, *союз.* Если. *Буди меня не послушаешь — худо будет.*

БУДУНЕ́НКИ, *мн.* Сапоги из нерпичьей кожи.

БУДУНИ́ЦА, -ы, *ж.* Пчела.

БУЙНИ́ЦА, -ы, *ж.* Бойница, форточка.

БУ́КИШКА! *межд.* Выражает страх, удивление, соответствует выражению: «О, господи!»

БУЛДЫ́Р, -а, *м.* Водяной подкожный пузырь от ожога или трения; шишка.

БУЛДЫРО́К, -рка, *м.* Небольшая шишка; нажива из сушеной рыбы для приманки песцов.

БУРА́К, -а, *м.* Кратковременный дождь со снегом.

БУРС, -а, *м.* Старинная шелковая ткань. *На свадьбу-ту бабы в бурсовые платья оделись.*

БУРУНДУ́К, -а, *м.* Веревка, протянутая с носа лодки к бечеве, которая необходима для управления при тяге лодки.

БУС, -а, *м.* Мелкий дождик.

БУТУРУ́СЫ, *мн.* Лохмотья, рвань; бутафория, украшения на шаманской одежде.

БУТЫЛИ́, *мн.* Бахилы, грубая просторная обувь.

БУЯ́ВЫЙ, -ая, -ое. Веселый, резвый.

БУЯ́Н, -а, *м.* Открытое место на ветру. *Палатку поставили на самом-те буяне — от комаров спасались.*

БЫВА́ЛЬЩИНА, -ы, *ж.* Быль, небольшой устный рассказ.

БЫСТРИ́ТЬСЯ, -юсь, -ишься. Зло смотреть на кого-либо.

В

ВА́ДИГА, -и, *ж.* Глубокое тихое место в реке.

ВАЙМ, -а, *м.* Чурка, зажим при обработке дерева.

ВА́НЬКАТЬ, -аю, -аешь. Баловать, нежить, пестовать.

ВА́РА, -ы, *ж.* Заварка.

ВА́РДИНА, -ы, *ж.*, *эв.* Тонкий шест, который привязывается к верхним концам копыльев нарты, нащеп.

ВА́РКА, -и, *ж.* Блюдо из вареной и толченой рыбы.

ВАРНА́К, -а, *м.* Хулиган, разбойник.

◊ **БЕ́ГЛЫЙ ВАРНА́К**. Каторжник, дезертир.

ВАРО́К, -рка, *м.* Начинка для пирога из вареной и толченой рыбы; *см.* **тельно**.

В ГО́ДЫ ВОЙТИ́. Стать совершеннолетним.

ВЕ́ДАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Знаться, дружить.

◊ **ВЕ́КИ ВЕ́ЧНЫЕ, БЕСКОНЕ́ЧНЫЕ**. Очень давно. *Веки вечные тут живем.*

ВЕЛИКА́ТНЫЙ, -ая, -ое. Привередливый, заносчивый, надменный.

ВЕЛИЧА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Гордиться, важничать.

ВЕ́РА, -ы, *ж.* Привычка, обычай, традиция. *У нас вера такая: лучшее место, лучший кусок — гостю.*

ВЕРВЕРЕ́Т, -а, *м.* Вельвет, хлопчато-бумажный бархат. *На избе стоит монах в верверетовых штанах* (загородка над дымоходом).

ВЕРЕТНО́, -а, *ср.* Веретено.

ВЕРЕ́ЧЬЯ, -и, *ж.* Сухая возвышенность среди болот.

ВЕ́РУЮЩЕЕ ПИСЬМО́. Доверенность.

ВЕРХОВСКИ́Е, *мн.* Поречане, живущие выше по течению реки.

ВЕРЬ ЧЕ́СТИ! Честное слово! Истинная правда!

ВЕ́СИЛЬНА, -ы, *ж.* Козлина, на которую вешают сети для просушки.

ВЕ́СКА, -и, *ж.* Деревянная палка, используемая вместо цепи для привязывания собак.

ВЕСНОВА́ТЬ, -ную, -нуешь. Промышлять весной; *см.* **весновка**.

ВЕСНО́ВКА, -и, *ж.* Весенний промысел рыбы; *см.* **весновать**.

ВЕ́СНУСЬ, -ся, *нареч.* Прошедшей весной.

ВЕСТИ́МО, *нареч.* Конечно, разумеется, известно.

ВЕ́ТКА, -и, *ж.* Одноместная лодка.

ВЕ́ТОШЬ, -и, *ж.* Пучок сухой травы или сухих корней.

ВЕ́ТРУ ДУ́НУТЬ НЕ ДАВА́ТЬ. Оберегать, нежить, холить.

ВЕЧЕ́РНИК, -а, *м.* Вечерние заморозки.

ВЕЧЕ́РШНА, *нареч.* Вчера вечером.

ВЕШАЛА́, *мн.* Спаренные длинные козлы, на которые вешают невод для просушки.

ВЗАПРА́ВДУ, *нареч.* Действительно.

ВЗА́ПУСКИ БЕ́ГАТЬ (ЕЗДИТЬ). Соревноваться в беге (езде).

В ЗА́РАХ-ТЕ, *нареч.* Не помня себя, в состоянии аффекта.

ВЗДРЕМЕНИ́ТЬСЯ. Проявиться, ясно обозначиться, получить видимые очертания. *Долго ехали наугад, потом холм-от вздременился.*

ВЗДРОГНУ́ТЬ, -ну, -нешь. Сильно испугаться.

ВИСКА, -и, *ж.* Маленькая речка.

ВИЧЬ (ВИТЬ), -и, *ж.* Дневная норма пищи на одну собачью упряжку. *Две вичи осталося — придется за кормом ехать.*

◊ **ВИЧЬ ПОТЕРЯ́ТЬ**. Лишиться аппетита.

ВИШНЕКО́ВИНА, -ы, *ж.* Шкура весеннего оленя.

В КОНЕ́Ц РУК ДЕ́ЛАТЬ. Выполнять работу плохо, некачественно.

В ЛЮБО́Й ДЫРЕ́ ЗАТЫ́ЧКА. О том, кто необходим в каждом деле.

ВМЕ́СТО БА́БЫ ДЕРЖА́ТЬ. Содержать любовницу.

◊ **В НУЖДУ ГОНИТЬ**. Притеснять.

ВОДИ́ТЬСЯ, -жусь, -дишься. Нянчиться, опекать.

ВО́ДЛИННО, *нареч.* Длинновато.

◊ **В ОДНУ́ ЩЕ́КУ ТОЛМИ́ТЬ**. Повторять одно и то же.

ВОДОПО́ИНА, -ы, *ж.* Остывший плохо заваренный чай.

ВОДОСЕ́ЛЕВО, *нареч.* Давным-давно; *см.* **досель**.

ВО-ЗДРА́ВЬЕ! На здоровье!

ВО́ЗДУХОМ БОЛЕ́ТЬ. Болеть гриппом.

ВО́ЙДА, -ы, *м.* Тонкий слой льда на полозьях нарт для лучшего скольжения.

ВО́КОРОТКО, *нареч.* Коротковато.

ВО́ЛЕГКО, *нареч.* Легковато.

ВО́ЛКОТОРЖИНА, -ы, *ж.* Задранный волками олень.

ВО́ЛОК, -а, *м.* Участок пути между озерами и речками.

ВОЛТО́РИТЬ, -рю, -ришь. Говорить без умолку.

ВОЛХОВНИ́К, -а, *м.* Колдун, кудесник.

ВО́ННЫЙ СВЕТ. Загробный мир.

◊ **ДО ВО́ННОГО СВЕ́ТА ПРОЩА́ТЬСЯ**. Прощаться навсегда, до встречи в загробном мире. *Мы с ним простились до вонного свету.*

ВОНЬКО́Й, -ая, -ое. Вонючий.

ВОО́ЧЬЮ, *нареч.* На виду, явно.

ВОПЛОТЕ́, *нареч.* Давно, вовсю.

◊ **ВОПОЙМЕНИ СИДЕ́ТЬ**. Быть в отрешенном состоянии.

◊ **ВОПРОКЛА́Д СИДЕ́ТЬ**. Быть без дела, без забот.

ВОРО́ХНУТЬСЯ, -нусь, -нешься. Шевельнуться. *Тут скок, там скок, в угол ляжет — не ворохнется* (веник).

ВОСТРА́К, -а, *м.* Кулак с выдвинутым в согнутом виде средним пальцем.

◊ **ВОСТРОКА́МИ СТЫКАТЬ**. Бить острым кулаком.

ВОСТРОХВО́СТ, -а, *м.* Утка-шилохвост.

ВОСТРУ́ШКА, -и, *ж.* Небольшая нельма.

ВО́ТАКА, *нареч.* Тут, здесь.

ВО́ТЯЖЕЛО, *нареч.* Тяжеловато.

ВО́УЗКО, *нареч.* Узковато.

ВО́ХШУ, *нареч.* Вообще, воистину, вовсе.

ВО́ШИРОКО, *нареч.* Широковато.

В ПАЛИСТЕ́НКУ ЛЕЧЬ. Спать возле стенки.

В ПЕНЬ ПРИЙТИ́. Сильно устать.

В ПОДО́ЛЕ ПРИНЕСТИ́. Родить вне брака.

ВПРОХОННУ́Ю, *нареч.* Все время, постоянно, беспрерывно. *Ребенок у нее впрохонную плачет.*

ВРАКУ́Н, -а, *м.* Врун, лжец.

ВРЕМЕННО́Й, -ая, -ое. Сильный, внезапный. *Вдруг, брат, временная пурга упала.*

ВСЕ́УШТАКИ, *нареч.* Все ж таки.

ВСКО́РМЛЕННИК, -а, *м.* Воспитанник, усыновленный.

ВСКО́РОСТИ, *нареч.* Недолго.

ВСЯ́КИЕ ДЕЯ́НИЯ, *мн.* Разные дела, события.

ВСЯ́КИЕ КОНЦЫ́. Выходки, непредсказуемые поступки. *У него-то всякие концы.*

В ТЕПЛЕ́ СИДЕ́ТЬ. Сидеть дома, не работать.

ВТИ́МИТЬСЯ, -люсь, -ишься. Прийти в голову, втемяшиться. *Парню втимилось на Сендуху ехать одному.*

В ТУК НЕ ИДТИ́ (о пище). Не идти на пользу. Близкое по значению: «Не в коня корм».

В УМЕ́-ДА НИ́ТУ. Ничего не помню, не знаю.

ВЫ́БОРНЫЙ, -ого, *м.* Сельский староста.

ВЫ́ВОД, -а, *м.* Пристройка к сеням для выхода во время снежных заносов.

ВЫ́ВОРОТЕНЬ, -тня, *м.* Гордый, высокомерный человек.

ВЫ́ДРА, -ы, *ж.* Балка, на которую стелют пол в избе.

ВЫЖУРА́ВЛИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Высовываться, стараться быть выше.

ВЫ́КАТЫШ, -а, *м.* Очищенное ненасиженное яйцо.

ВЫКЛА́ДЫВАТЬ, -аю, -аешь. Кастрировать собаку.

ВЫ́КОПАТЬ ГЛАЗА́ (из сказки). Выколоть.

ВЫ́МЕКАТЬ, -аю, -аешь. Избить, победить.

ВЫ́МОДЕТЬ, -дею, -деешь. Зачахнуть, захиреть.

ВЫ́ПЕСТРИТЬ, -рю, -ришь. Украсить вещь орнаментом.

ВЫ́ПОРОТОК, -тка, *м.* Шкурка новорожденного оленя.

ВЫПРЯ́ГАТЬ СОБА́К, -аю, -аешь. Выпрячь, освободить собак от упряжки.

ВЫПРЯ́ГАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Выходить из себя, нервничать.

ВЫ́ПУЧЕНОЙ, -ая, -ое. Гордый, чванливый человек.

ВЫПУ́ЧИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Гордиться, чваниться.

ВЫ́СОЧКА, -и, *ж.* Маленькая узкая речка (проточка).

ВЫТАРА́ЩИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Хвастаться, гордиться.

ВЫ́ТУЛИТЬ, -лю, -лишь. Выжить из дому.

◊ **ВЫХОДИ́ТЬ НА ВЫДЮШКУ**. Вести себя нескромно, неприлично.

ВЫ́ШЕПЕЧИТЬ, -чу, -чишь. Украсить что-либо.

ВЬЁМ, *нареч.* Расстояние, на котором пуля сохраняет убойную силу. *Не стал стрелять в оленя — ружью было не вьём.*

ВЯ́ЗОК, -зка, *м.* Перекладина, соединяющая копылья нарты.

Г

ГАВРЕ́ТЬ, -ю, -ишь. Говорить, рассуждать.

ГАД, -а, *м.* Мусор, нечистоты.

ГА́ЖЕ, *нареч.* Хуже.

ГАЙТА́Н, -а, *м.* Шнурок от нательного креста.

ГАЛАНИ́ТЬ, -ню, -нишь. Бездельничать, жить разгульно; *см.* **прогаланить**. *В темном лесу медведь галанит* (вошь в голове).

ГА́ЛИТЬСЯ, -люсь, -лишься. Насмехаться, глумиться; *см.* **подгаливаться**.

ГАЛЬБА́, -ы, *ж.* Насмешка.

ГАМАЖИ́ТЬСЯ, -жусь, -жишься. Беспокоиться, тревожиться, суетиться.

ГА́МУЗОМ, *нареч.* Гуртом, группой. *Пошли гамузом.*

ГАНЗА́, -ы, *ж.* Курительная трубка.

ГАРМАЖИ́Н СУКНО́. Сукно алого цвета. *У Кампи-те кафтан — гармажин сукно* (из былины).

ГИЛЫ́ГА, -и, *ж.* Замухрышка, голяк, голытьба.

ГЛИНТИ́НА, -ы, *ж.* Гнилое, трухлявое дерево.

ГЛУ́ХО СКАЗА́ТЬ. Намекнуть.

ГЛЫ́ЗА, -ы, *ж.* Глыба льда, снега.

ГЛЫ́ЗКА, -и, *ж.* Кусочек сахара.

ГЛЯ́НУТЬСЯ, -нусь, -нешься. Нравиться.

ГНЕТО́К, -тка, *м.* Падающая часть ловушки (пасти).

ГО́ЛБАС, -а, *м.* Надмогильный памятник.

ГОЛК, -а, *м.* Гул, раскат грома (выстрел).

ГО́ЛОВУ ОБНО́СИТ. Головокружение.

◊ **ГОЛЬ КАБА́ЦКАЯ**. Нищета, беднота, пьянь.

ГО́ЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Ничем не приправленный, не сдобренный.

ГОНИ́ТЬ, -ню, -нишь. Догонять, преследовать; притеснять.

◊ **ГОНИ́ТЬ В НУЖДУ́**. Притеснять, угнетать.

◊ **ДОРО́ГУ ГОНИ́ТЬ**. Ехать по дороге.

ГО́РЛО, -а, *ср.* Узкий короткий пролив.

◊ **НА ГО́РЛО ИДТИ́**. Вести себя в споре агрессивно; лезть напролом, брать нахрапом.

ГОРНОСТА́ЛЬ, -я, *м.* Горностай, мелкий пушной зверек.

ГОРЮ́ЧИЙ КА́МЕНЬ. Твердый, дающий искры при высекании огня. *Когда выплывет из мать Волга-реки сер-горючий камушей* (из былины).

ГРА́ДКА, -и, *ж.* Тонкий шест, подвешенный около печки, на котором сушат вещи.

ГРАДОБО́Й, -я, *м.* Мелкота, мелюзга, шваль.

ГРЕ́БОСНО, *нареч.* Гадко, брезгливо.

ГРЕБЧИ́ТЬСЯ, -чуть, -чишься. Мниться, думается.

ГРЕХОВА́ТЬ, -хую, -хуешь. Не совершать что-либо, избегать, считать грешным делом. *Немытую посуду на ночь оставлять мы грехуем.*

ГРОМОТО́К, -тка, *м.* Шум, грохот.

ГУБЕ́ННИК, -а, *м.* Порода гусей.

ГУЖЕВА́ТЬ, -жую, -жуешь. Веселиться, гулять, пьянствовать, сытно есть.

ГУ́ЗНО, -а, *ср.* Зад.

ГУМА́ГА, -и, *ж.* Письмо. *Пришла гумага.*

ГУСЕВА́НИЕ, -я, *ср.* Охота на ленных гусей.

Д

ДА. Постпозитивная усилительная частица. *Дай-да посмотреть.*

ДАБА́, -ы, *ж.* Китайская бумажная ткань.

ДА́ВЕЧА, *нареч.* Недавно, сегодня, до момента разговора. *Давеча Иван принес.*

ДАЛЕКО́ ДУ́МАТЬ. Обдумывая, предвидеть ход событий.

ДА́РОМ, *нареч.* Безразлично, все равно.

ДА́СТОВАТЬ, -тую, -туешь. Загораживать, заслонять собой свет. *Не дастуй письмо писать.*

ДАТЬ НА́ РУКИ. Поручить, доверить что-либо важное.

ДЕ́ВА, -ы, *ж.* Фамильярное обращение к женщине.

ДЕВИ́ТКА, -и, *ж.* Девятка.

ДЕВИ́ШНИК, -а, *м.* 12 песен свадебного обряда, которые поются в доме невесты.

ДЕ́ВЬИЙ, -я, -ё. Внебрачный ребенок.

ДЕ́ДУШКО-СОСЕ́ДУШКО, -а, *ср.* Домовой.

ДЕ́КОВАНЬЕ, -я, *ср.* Насмешка, издевка.

ДЕ́КОВАТЬСЯ, -куюсь, -куешься. Насмехаться, издеваться, подшучивать.

ДЕЛЬ, -и, *ж.* Нити, из которых вяжется сетка для невода.

ДЕНДЮ́Р, -а, *м., эв.* Поперечная дощечка, соединяющая копылья нарты.

ДЕННО́Е, -ого, *ср.* Дневное чаепитие, обед.

ДЕНЬЩИ́К, -а, *м.* Посыльный, курьер. *Меня деньщиком послали.*

ДЕРЕВИ́НКА, -и, *ж.* Деревяшка, палочка.

ДЕ́РЖАНАЯ ВЕЩЬ. Шаманский амулет, талисман.

◊ **ДЕРИ́ НЕ СТОЙ БЕЖА́ТЬ**. Бежать без оглядки.

ДЕТНИ́ЦА, -ы, *ж.* Самка с детенышем. *Вчера медвежью детницу с шипленком видел, стрелять не стал — жалко.*

ДЕ́ЯТЬСЯ, -юсь, -ешься. Совершаться, происходить, твориться. *Расскажи, что на белом свете деется.*

ДИ́ВО, -а, *ср.* Удивительно, ново.

ДИВОВА́ТЬСЯ, -вуюсь, -вуешься. Дивиться, удивляться.

ДИВЬЯ́, *нареч.* Хорошо, достаточно, пусть бы. *Дивья бы ты мне помог.*

ДИ́КОЙ ЧЕЛОВЕ́К. Несмышленый, отсталый.

ДИ́КО ТУ́ЛОВИЩЕ. Грубый, недалекий человек. *Он-то дико туловище — ни ума, ни удали.*

ДИЧА́ТЬ, -ю, -ешь. Сходить с ума, совершать непредсказуемые поступки.

ДО КИ́ЧКИ НАПО́ЛНИТЬ. Заполнить посуду доверху.

ДОКО́ЛЬ, *нареч.* Как долго, долго ли.

ДОЛИНА́, -ы, *ж.* Длина. *В долину-то книга 20 сажен* (из былины).

ДОЛО́НЬ, -и, *ж.* Ладонь.

ДОМЕКНУ́ТЬСЯ, -нусь, -нешься. Догадаться. *Я-то позже домекнулся.*

ДО ПОВИДА́НИЯ. До свидания.

ДО ПОТУ́Х ЗАРИ́. До поздней ночи.

ДОПРЕ́ЖЬ, *нареч.* Прежде.

ДО ПРОКУ́, *нареч.* До будущего года.

ДОСЕ́ЛЬ, *нареч.* В старину. *Досель тут люди жили.*

ДОСЕ́ЛЬНОЕ ВРЕ́МЯ. Старина, древность.

ДОСЕ́ЛЬНЫЕ ЛЮ́ДИ. Старинные люди, предки.

ДОСЕ́ЛЬЩИНА, -и, *ж.* Старина, древность.

ДОСПЕ́ТЬ, -ю, -ешь. Изготовить, сделать, построить, устроить. *Обед мужу еще надо доспеть.*

◊ **СТОЛ ДОСПЕ́ТЬ**. Организовать пирушку.

ДОСЮ́ЛЬ, *нареч.* До этих мест.

◊ **ДО УТО́ПУ НАБИ́ТЬ**. Заполнить емкость доверху.

◊ **ДО ЧУКИ́ СИДЕ́ТЬ**. Находиться в нерешительности до предельных возможностей. *До чуки сидели — баба на заимке без фершала родила.*

ДО ШИХ МЕСТ, *нареч.* До сего места. *Груза-то только до ших мест довезут.*

ДО́ШЛЫЙ ПЕСЕ́Ц. Песец с длинной шерстью, пригодной для продажи.

ДРА́ЗНИТЬ, -ню, -ишь. Подражать, перенимать.

ДРАКУ́Н, -а, *м.* Драчун. *Он сам в молодости дракуном был, теперь и дети его такие же.*

ДРЕ́ВИТЬ, -влю, -вишь. Говорить бессмыслицу, чепуху.

ДРОБИ́ТЬ, -блю, -бишь. Плясать, бить чечетку.

ДРОВА́ КОСТРО́М ПОСТА́ВИТЬ. Поставить дрова стоймя, чтобы их не занесло снегом.

ДРО́ГНУЛА. Пошла на убыль (о воде).

ДРОЧЕНО́, -а, *ср.* Сбитая с мукой яичница. *Бывает икряное дрочено* (т.е. яйца с икрой).

ДРУГЕ́РИТЬ, *нареч.* Повторно, второй раз.

ДУБРА́ВУШКА, -и, *ж.* Суша, природа, растительность.

ДУ́МУ ПОДУ́МАТЬ. Сглазить, околдовать.

ДУНДУ́К, -а, *м.* Длинная меховая рубашка из оленьей шкуры.

ДУНЧЕ́ТЬ, -чу, -чишь. Глухо гудеть, издавать неясный звук.

ДУРНО́Й, -ая, -ое. Шалун, баловник.

ДУША́ — НО́ША, *нареч.* Сильная усталость. *Душа-ноша добрались.*

ДУША́ ХО́ЧЕТ. Есть желание, потребность души. *Шибко сильно душа хочет увидеть его.*

ДУШЕВРЕ́ННАЯ БОЛЕ́ЗНЬ (РА́НА). Тяжелая, смертельная, неизлечимая болезнь (рана). *Он-то недушевренно болеет — скоро поправится.*

ДУШНИ́К, -а, *м.* Форточка, отверстие в стене.

ДУ́ШУ ПОДНИМА́Т. Тошнит.

◊ **С ДУШИ́ ПОДНИМА́Т**. О чем-либо отвратительном по запаху или внешнему виду, что вызывает тошноту.

ДЫ́ГАТЬ, -аю, -аешь. Бояться, трусить, остерегаться.

ДЫМ, -а, *м.* Крестьянский двор, жилой дом. *На нашей-то заимке пять дымов.*

ДЫ́МОВОЛОК, -а, *м.* Дымоход.

ДЮ́ДЯ, -и, *м.* Ласковое обращение к деду.

ДЮКА́К, -а, *м.*, *як.* Сосед.

Е

ЕГО́РЬЕВ ДЕНЬ. 6 мая — день прилета гусей. *Егорий — с травой, Никола — с водой, Федосья — с едой* (поговорка).

ЕДА́, -ы, *ж*. Пища, главным образом рыба. *В этом году мы едишку хорошо добули.*

ЕДЁМНЫЙ, -ая, -ое. Съедобный. *Едёмной-то рыбки мало осталось.*

Е́ДОМА, -ы, *ж*. Небольшая гора, возвышенность.

ЕЗ, -а, *м*. Плетень, городьба поперек реки для лова рыбы; *см.* **заездок**.

ЕЗДА́, -ы, *ж*. Темп движения собачьей упряжки. Различают четыре основные скорости: вскачь (галоп), рысь, езда и ступь (медленный шаг).

ЕЗО́ВИЩЕ, -а, *ср*. Место на речке, где устанавливается ез; угодье с езом.

ЕЛА́НЬ (ЕЛО́НЬ), -и, *ж*. Ровное сухое место.

ЕННО́ СТА́ВИТЬ. Прижигать больное место на теле горячим трутом.

ЕРА́ХТА, -ы, *м*. Неуемный, неспокойный человек. *Дедушка, расскажи мне сказку про Кривого Ерахту.*

ЕРДА́НЬ, -и, *ж*. Большая четырехугольная прорубь. Ее делали осенью для льда, который использовался вместо стекол на окнах.

ЕРДА́НЬ-РЕКА́. Иордан. *Когда выповет из мать Ердань-реки сер-горючий камушек* (историческая песня).

ЕРЕСЛИ́ВЫЙ, -ая, -ое. Неуживчивый человек.

ЕРЕСТИ́ТЬСЯ, -тюсь, -тишься. Ссориться, враждовать.

Е́РЕСЬ, -и, *ж*. Ссора; неуживчивость.

ЕРЕТИ́К, -а, *м*. Тень умершего безбожника; человек, бодрствующий по ночам.

◊ **ЕРЕТИКО́М ХОДИ́ТЬ**. Нарушать ночной покой соседей.

ЕРМО́ЛКА, -и, *ж*. Старинная меховая круглая шапка с матерчатыми ушами.

Ж

ЖАЛЕ́ТЬ, -ею, -еешь. Любить. *Он-то своих сестер шибко сильно жалеет.*

ЖА́ЛОВАНЬЕ, -я, *ср*. Алименты.

ЖА́МКАТЬ, -аю, -аешь. Мять, стирать вручную. *Белье-то жамкать не могу — руки болят.*

ЖА́РИНА, -ы, *ж*. Жареная рыба. *Приготовь-ка ты нам, сестра, омулевую жарину.*

ЖГО́ТА, -ы, *ж*. Изжога.

ЖЕЛЕЗНИ́ЦА, -и, *ж*. Насекомое, божья коровка.

ЖЕЛТЫ́Ш, -а, *м*. Желток яйца.

ЖЕ́НКА, -и, *ж*. Самка любого зверя и птицы. *Утка — женка, турпан — мужичок.*

ЖЕРЕБЕ́Ц, -бца, *м*. Кобель; жеребец.

ЖЕРЕ́БИЙ, -ия, *м*. Жребий. *Все жеребии поплавливают, садково-то жеребий — как ключ ко дну* (из былины).

ЖЖЕ́НКА, -и, *ж*., *кол*. Напиток, приготовленный из пережареной на рыбьем жиру муки; своеобразное какао; см. **пережар**.

ЖИВКО́М, *нареч*. Живьем. *Хотел живком проглотить.*

ЖИ́ВОТ, -а, *м*. Имущество, пожитки. *Не свой живот — живот батюшкин* (поговорка).

◊ **ЖИ́ВОТЫ НАЖИВА́ТЬ**. Наживать богатство, имущество. *Стали жить — поживать, животы наживать* (из сказки).

ЖИГА́НКА, -и, *ж*. Особый вид полярной истерии. Названа по имени знаменитой шаманки Агрофены из Жиганска.

ЖИ́ЛА, -ы, *ж*. Мелкий кровеносный сосуд, капилляр.

◊ **ЖИ́ЛЫ НЕ ПОДНИМА́ЮТ**. Слабость, бессилие.

ЖИ́ЛИТЬСЯ, -люсь, -лишься. Жадничать.

ЖИ́ЛО, -а, *ср*. Обитаемое место, жилище. Русское жило — первоначальное название Русского Устья.

ЖИ́ЛОВАТЫЙ, -ая, -ое. Жилистый.

ЖИ́ЛЬНА НИ́ТКА. Нитка, изготовленная из оленьих жил.

ЖИТЬЁ, -я, *ср*. Жилье, деревня. Якутское жилье — якутская деревня.

◊ **ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ**, -я, *ср*. Нажитое имущество, добро. *Отдам тебе полжитья, полбытья, пол-имения своего* (фольк.).

◊ **ЖИТЬЕМ ЖИТЬ**. Постоянно находиться где-либо; сожительствовать.

ЖО́ЛОСТЬ, -и, *ж*. Желчь. *Медведья жолось — отменитое лекарство.*

ЖУ́ЛКАТЬ, -аю, -ешь. Мять, стирать.

З

ЗАБА́ЯТЬ, -аю, -аешь. Заговорить.

ЗА́БЕРГА, -и, *ж*. Вода, выступающая из-подо льда у берега во время половодья.

ЗА́БУЛЬ, *нареч.* Правда, на самом деле. *Ты забуль говоришь или шутишь?*

ЗАВА́ЛОК, -лка, *м.* Обрыв под водой, яр у мели.

ЗА́ВЕДЬ, -и, *ж.* Запястье руки.

ЗАВЕ́РТОК, -тка, *м.* Портянка.

ЗАВЕРТУ́ШКА, -и, *ж.* Маленькая посылка.

ЗАВЕ́РТЫШ, -а, *м.* Небольшая заводь на реке.

ЗАВЕТЕ́РЬЕ, -ья, *ср.* Подветренная сторона.

ЗАВИДЕ́НЬЕ, -ья, *ср.* Привычка, обычай. *У нас завиденье такое.*

ЗАВО́Д, -а, *м.* Хозяйственный, рыболовный инвентарь.

ЗАВО́ЗОМ ГРУЗ ВОЗИ́ТЬ. Способ перевозки грузов: груз доставляют до полпути, затем возвращаются за остальной частью, которую везут до места назначения, через некоторое время доставляют остальную часть.

ЗАВО́ЙКА, -и, *ж.* Нижняя завязка у штанов.

ЗАГА́НИВАТЬ, -аю, -аешь. Держать под гнетом, в постоянных унижениях.

ЗАГАНУ́ТЬ, -ну, -нешь. Загадать, предложить для разгадывания. *Загану я загадку, заброшу за грядку...* (присказка при загадывании).

ЗАГЛУ́МКА, -и, *ж.* Улыбка.

ЗАГЛУ́МКИ ДАВА́ТЬ. Улыбаться.

ЗАГЛУ́МНЫЙ, -ая, -ое. Улыбчивый.

ЗАГНЕ́ТКА, -и, *ж.* Жар в печи.

ЗАГОВО́Р, -а, *ж.* Магические слова, обладающие целебной или колдовской силой.

◊ **ЗАГО́НОМ ХОДИ́ТЬ**. Во время охоты пытаться загнать диких оленей в воду.

ЗАДЕ́ВА, -ы, *ж.* Затонувший предмет, мешающий тянуть невод.

ЗАДЕ́ЛЬЕ, -я, *ср.* Легкое второстепенное дело; повод, предлог. *Что долго не заходил? — Заделья не было.*

ЗАДО́РИТЬСЯ, -рюсь, -ришься. Сердиться.

ЗАДО́РНЫЙ, -ая, -ое. Сердитый, вспыльчивый человек.

ЗАЕ́ЗДОК, -дка, *м.* Небольшое сооружение, перегораживающее часть реки для ловли рыбы; *см.* **ез**.

ЗАЖУРИ́ТЬСЯ, -рюсь, -ришься. Запечалиться.

ЗАИ́МЩИК, -а, *м.* Человек, живущий на заимке. *Мы с заимщиком-то дружно живем.*

ЗАКА́З ПРА́ВИТЬ. Передавать чью-то просьбу в устной форме.

ЗАКА́РЖЕВЕТЬ, -лю, -ешь. Заржаветь.

ЗА́КЛИК НЕ ЗНАТЬ. Не соблюдать никаких норм поведения. *Нынешние дети заклик не знают.*

ЗАКОМО́ЛДА, -ы, *м.*, *ж.* Здоровяк.

ЗАКРУЖИ́ТЬСЯ, -жусь, -жишься. Заблудиться, потерять ориентировку.

ЗАКУЛЕ́МЕШИТЬ, -шу, -шишь. Плохо шить что-либо.

ЗАКУ́РЖЕВЕТЬ, -ею, -ешь. Покрываться инеем.

ЗАЛИ́ШЕК ЗАЙТИ́. Переборщить.

ЗАЛЫ́ЧИТЬ, -чу, -чишь. Заездить, загнать собак.

ЗАМЕЛЕ́ЖИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Проводить время.

ЗАМЕ́Т, -а, *м.* Точное место, с которого начинают закидывать невод. *На замете-то колышек стоит.*

ЗАМУЛЕ́ВАНЫЙ, -ая, -ое. Невзрачный. *Его-то собаченки шибко замулеваные.*

ЗАНА́ВОЛОЧЧО, -а, *ср.* Зарастающее озеро.

ЗАОДНОМА́, *нареч.* Вместе с тем, заодно, попутно. *Заоднома мой рюкзак привези.*

ЗАПАПЕРЕ́ТИТЬСЯ, -тюсь, -тишься. Застрять, завязнуть, стать посреди пути.

ЗАПА́РЫШ, -а, *м.* Насиженное яйцо.

ЗАПЕ́ЖИТЬ, -жу, -жишь. Удушить, удавить.

ЗАПЕНДРЕЧИ́ВАТЬ, -аю, -аешь. Завалить непосильной работой.

ЗАПЕ́СТОВАННЫЙ РЕБЕ́НОК. Изнеженный, избалованный.

ЗАПИРА́ТЬ, -аю, -аешь. Притеснять, не давать ходу.

ЗАПОВУРА́ТЬ, -аю, -аешь. Запаковать, увязать.

ЗАПОДСЕ́РЕДКУ, *нареч.* Обнять за талию, взять заподруки.

ЗАПУ́ТРИТЬ, -рю, -ришь. Запутать, спутать нитки, бечевки.

ЗА́РНОСТЬ, -и, *ж.* Жадность, корыстолюбие.

ЗА́РОСТЕЛЬ, -и, *ж.* Глубокий снег под берегом.

ЗАРУЧИ́ТЬ, -чу, -чишь. Сосватать.

ЗАСТО́ЙКА, -и, *ж.* Место, где находится кухонная утварь.

ЗАСТРУ́ГА, -и, *ж.* Небольшая снежная гряда.

ЗА́ТИШЬ, -и, *ж.* Спокойный участок воды; *см.* **тишь**.

ЗАУГО́ЛЬНИК, -а, *м.* Внебрачный ребенок.

ЗАХАРЛИ́ТЬ, -лю, -лишь. Присвоить себе чужую вещь. *Он мою книжку взял почитать да захарлил.*

ЗАХО́Д, -а, *м.* Отхожее место, туалет.

◊ **ЗА́ХОДЫ ЗАХОДИ́ТЬСЯ**. Смеяться до изнеможения.

ЗАЧЕПА́ТЬСЯ, -аюсь, -ешься. Зашататься.

ЗАЧИ́ЧЕРЕТЬ, -рею, -решь. Захиреть, захрястнуть.

◊ **ЗАЧИ́ЧЕРЕННЫЙ РЕБЕ́НОК**. Заморыш.

ЗАШИ́ВЕРСКАЯ ПО́ГАНЬ. Черная оспа, по названию старинного русского города на Индигирке, население которого погибло от оспы.

ЗАШУХУ́МИТЬСЯ, -млюсь, -мишься. Зашуметь, заволноваться, засуетиться.

ЗВОЗ, -а, *м.* Подъем с речной переправы.

ЗВО́ННАЯ ВОДА́. Морская (светлая) вода в реке после прилива, при которой лучше рыба ловится.

ЗДОР, -а, *м.* Оленье сало.

ЗЕЛО́, *нареч.* Весьма, очень.

ЗЕЛЬЁ, -я, *ср.* Порох. *Нуждались и в свинце, и в зелье.*

ЗИ́МНЫ, *мн.* Зимнее жилище.

ЗИМУ́СЬ, ЗИМУ́СЯ, *нареч.* Прошлой зимой.

ЗЛОИ́МКА, -и, *ж.* Ненавистница.

ЗЛО́ЧЕСТЬ, -и, *ж.* Напасть, несчастье.

ЗЛЫ́ННЯ, *мн.* Остатки, отходы. *Он-то путное не даст, опять злыння покажет.*

ЗМЕЁВЕЦ, -вца, *м.* Гнойное воспаление надкостницы.

ЗНАКО́МИСТЫЙ, -ая, -ое. Ласковый, обходительный.

ЗНА́МО ДЕ́ЛО, *нареч.* Понятно, несомненно, разумеется.

ЗНАТО́К, -а, *м.* Знахарь, колдун, лекарь-самоучка.

ЗОРО́Н, -а, *м.* Неправильно связанные, перепутанные ячеи сети.

ЗУЁК, -а, *м.* Морской кулик.

ЗЫ́БКА, -и, *ж.* Колыбель, люлька.

ЗЫБУ́Н, -а, *м.* Топкое место, трясина.

ЗЫ́СКОВАТЬ, -ую, -уешь. Упрекать, критиковать.

И

И́ВЕРЕНЬ, -я, *м.* Большой кусок, часть чего-либо. *За гвоздь зацепилась платьем, да иверень вырвала.*

ИЗВАРНА́ЧИТЬСЯ, -чусь, -чишься. Стать хуже в моральном отношении, приобрести дурные наклонности. *Парень-от наш совсем изварначился.*

ИЗВО́З, -а, *м.* Перевозка грузов на собаках на промысел; спуск к реке.

ИЗ ГОДО́В ВЫ́ЙТИ. Состариться.

ИЗЛА́ДИТЬ, -жу, -дишь. Исправить, наладить.

ИЗМОДЕ́ЛЫЙ, -ая, -ое. Несвежий, протухший; измученный. *Рыба-та совсем измодела.*

ИЗМО́РХАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Похудеть, подурнеть.

ИЗОХИ́ТИТЬ, -чу, -тишь. Привести в порядок, надлежащий вид.

ИЗУРО́ЧИТЬ, -чу, -тишь. Сглазить, навести порчу.

ИЗУРО́ЧЬЕ, -я, *ср.* Редкость, невидаль. *Эко изурочье!*

ИЗ ЧА́СТИ РАБО́ТАТЬ. Наниматься рыбаком за часть улова.

И́К-ДА НЕ́ТУ. Нет ответа, реакции. *На мои письма ик-да нету.*

ИКРА́НИЦА, -ы, *ж.* Каша из икры.

И́ЛУГА! *межд., юк.* Выражает зависть, сожаление. *Илуга! Он новые часы купил.*

ИЛЬИ́Н ДЕНЬ. 2 августа. В этот день солнце первый раз заходит за горизонт. Конец полярного дня. Праздник Ильи-пророка.

ИЛЬЧИЧА́, -и, *ж.* Сплетенная из влажных ремней веревка. Отличается прочностью, из нее обычно делают арканы для ловли оленей.

ИМЕНИ́ТЫЙ, -ая, -ое. Богатый, известный.

И́НДЕ, *нареч.* Там, в другом месте.

ИСКАЗОВА́ТЬСЯ, -уюсь, -уешься. Издеваться.

ИСПЕРПОЛО́ШИТЬ, -шу, -шишь. Сильно напугать кого-либо.

ИСПОВА́ДИТЬ, -жу, -дишь. Избаловать.

И́СПОДКА, -и, *ж.* Меховая подкладка у одежды, рукавиц.

ИСПОДТИ́ХА, *нареч.* Исподтишка, украдкой.

ИСТО́К ЗНАТЬ. Знать первопричину чего-либо.

И́СТОПЕЛЬ, -и, *ж.* Одна топка дров. *Смотря как квартира: одной на истопель пять полешек, другой — две охапки.*

ИСЧЁРВИТЬСЯ, -влюсь, -вишься. Напуститься с бранью и упреками.

И́ЧИГИ, *мн.* Обувь из сыромятной кожи с голенищами без каблуков.

К

КАБУ́ТЬ, КАЙБУ́ТЬ, *нареч., кол.* Здоров, слава Богу, хорошо.

◊ **МЫ КАБУ́ДЬ**. Мы здоровы.

◊ **КАБУ́ДЬ БУДЬ**. Будь здоров!

КАВАРДА́К, -а, *м.* Кушанье из жареной и мятой рыбы.

КАК СТЯ́ГОМ УДА́РИТЬ. Огорошить, огорчить, обидеть.

КАЛА́ВУЖ, -а, *м.* Небольшой мешок для мелкого хозяйственного инвентаря.

КАЛИ́КА, -и, *ж.* Паломник, странник, странствующий богатырь. *Калика перехожая, переезжая* (из былин).

КА́ЛТУС, -а, *м.* Равнина, мокрый луг.

КАЛТУСНЫ́Е ЛЮ́ДИ. Оленеводы, кочующие по тундре. *Калтусные пришли, мясо да камусы на продажу принесли.*

КАЛЫ́П, -а, *м.* Железная форма для литья пуль.

КА́МЕНКА, -и, *ж.* Печка в бане.

КА́МЕНЬ, -мня, *м.* Гора, горный хребет.

КАМЛЕ́ЙКА, -и, *ж.* Верхняя дорожная рубаха.

КАПИ́ЩЕ, -а, *ср.* Песцовые норы.

КАПКА́Р, -а, *м.* Дорожная сумка.

КА́РА, -ы, *ж.* Боль, страдания, муки. *Ох, какую мы кару приняли!*

КАРАВА́Н, -а, *м.* Хоровод. *Стой, мой милый караван, стой, не расходися* (из хороводной песни).

КАРАВА́ШКА, -и, *ж.* Твердая кожа.

КА́РГИН, -а, *м.* Олень чукотской породы.

КАРА́НИТЬ, -ню, -нишь. Ругать, упрекать.

КАРА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Мучиться, страдать.

КАРАУ́ЛКА, -и, *ж.* Каталажка, тюрьма.

КА́РБАС, -а, *м.* Большая лодка для рыбного промысла.

КАРГА́, -и, *ж.* Длинный узкий полуостров; остов лодки.

КА́РЖЕВИНА, -ы, *ж.* Ржавчина.

КАРЛУ́К, -а, *м.* Осетровый пузырь, из которого делали клей.

КАСТЕ́РКА, -и, *ж.* Молодь осетра.

КАСЬЯ́НИТЬСЯ, -нюсь, -нишься. Капризничать.

КАТУ́ШКА, -и, *ж.* Скользкое место, скользкий лед.

КЕ́КУР, -а, *ж.* Скала в виде столба.

КЕЛЕМЧА́, -и, *ж.* Протухшие рыба или мясо.

КИ́БАС, -а, *м.* Грузило сети, невода.

КИДЫРА́Н, КЫДЫРА́Н, -а, *м.*, *юк.* Деревянная серпообразная дуга с зубьями, при помощи которой мнут кожу.

КИСЛО́Й, -ая, -ое. Гнилой, протухший.

КИТА́Х, -а, *м.* Деревянное корытце, в котором разделывают рыбу.

КИТЫЧО́К, -а, *ж.* Земляной шалаш.

КИ́ЧА, -и, *ж.* Пороша, мелкий снегопад.

КИШКА́, -и, *ж.* Длинное узкое глубокое озеро.

КЛАДЕНЕ́Ц, -нца, *м.* Мерин.

КЛЕВКИ́, *мн.* Черви, опарыши.

КЛЁСК, -а, *м.* Рыбья слизь.

КЛИ́КАТЬ, -чу, -чешь. Звать.

КЛИПИ́НА, -ы, *ж.* Топляк.

КЛЯП (НИ КЛЯПА). Совсем ничего. *Кляп ты от меня получишь.*

КЛЯЧ, -а, *м.* Толстая веревка, при помощи которой тянут невод.

КОВРИ́ЖКА, КОВРИ́ГА, -и, *ж.* Массивный холм, который на фоне неба вырисовывается, как каравай хлеба.

КО́ГА, -и, *ж.* Образованный ледоходом бугор на берегу реки.

КО́ЖУ ОБОДРА́ЛО. Озноб от сильного испуга.

КОЗОНО́К, -нка, *м.* Позвонок. *Люблю рыбный козонок погрызть.*

КОКО́РА, -ы, *ж.* Коряга, корень дерева.

КО́Л-ДА НЕ ЗАКОЛОТИ́ТЬ. Ничего заметного не сделать. *Она у нас два года в сельсовете работала. Кол-да не заколотила.*

КОЛОБРО́ДИТЬ, -дю, -дишь. Болтать, пустословить.

КОЛОВРА́ТНЫЙ, -ая, -ое. Высокомерный, замкнутый, спесивый.

КО́ЛОМ ЗАМЕ́РЗНУТЬ. Сильно озябнуть.

КОЛО́МИНА, -ы, *ж.* Колонна.

КО́ЛОТЬЕ, -я, *ср.* Простудное заболевание.

КОЛЯДА́, -ы, *ж.* Святочное величание в честь хозяев.

КОМА́РНО, *нареч.* Много комаров.

КО́МЕЛЬ, -я, *м.* Нижняя толстая часть дерева.

КОМЛО́Т, -а, *м.* Плотная шерстяная ткань.

КОМО́ЧКА, -и, *ж.* Лоскуток цветной материи.

КОНОПА́ТКА, -и, *ж.* Деревянная или железная лопатка для конопачения.

КО́НОПОТЬ, -и, *ж.* Пакля, приготовленная для конопачения.

◊ **КО́НЦЫ ВСЯ́КИЕ**. Странности в поведении человека, выходки.

КОПОТИ́ТЬ, -чу, -тишь. Поднимать пыль, пылить. *Небо копотить — жить скучной, бесцельной жизнью.*

КО́ПОТНО, *нареч.* Снежно, туманно.

КО́ПОТЬ, -и, *ж.* Снежная пыль.

КО́РБАС, -а, *м.* Тонкий шест.

КОРИ́НА, -ы, *ж.* Кора дерева.

КО́РМЩИК, -а, *м.* Рулевой.

КОРНЕ́ВОЙ, -ая, -ое. Коренной.

КОРНОВА́Я ВОДА́. Второе водополье от таяния горных снегов.

КОРОЛЕ́К, -лька, *м.* Бусинка, бисеринка.

КОСИ́ЦА, -ы, *ж.* Висок, часть черепа от ушей до лба.

КО́СКА, -и, *ж.* Кость.

◊ **КО́СКА БРА́ВАЯ**. Красивая фигура.

КОСОПЛЕ́ТКА, -и, *ж.* Ленточка, тряпочка, вплетенная в косу.

КОСПО́Х, -а, *м., як.* Земляной сарай.

КОСТИ́ТЬ. ◊ **ПОД СЕБЯ́ КОСТИ́ТЬ**. Быть не в состоянии справлять свою нужду.

КОСЯ́ЩЕЕ ОКНО́. Окно с косяком. *Полети ты, сизый голубок, во славный город Якутск. Опусти мое письмецо под косящее окно* (из андыльщины).

КОЧ, -а, *м.* Морское судно, предназначенное для плаваний вдоль побережья.

КОШТ, -а, *м.* Содержание, пропитание, расходы. *На своем кошту на морские острова ходили.*

КРА́ДЧИ, *нареч.* Украдкой, тайком. *Крадчи от нас убежал.*

КРА́СКИ, *мн.* Менструальная кровь.

КРА́СНО, *нареч.* Красиво, модно.

КРА́ТКА, -и, *ж.* Высокий кузов у нарты.

КРЕНЬ, -я, *м.* Обращенная к югу смолистая часть лиственницы. Из креня делали луки и полозья.

КРЕПИ́ТЬСЯ, -плюсь, -пишься. Стараться. *Крепись-да, брат, напиши от меня письмо.*

КРЕСТО́ВИК, -а, *м.* Мех 4-месячного песца, у которого на спине и у лопаток выступает крест более темного цвета.

КРЕСТО́ВЫЙ БРАТ (СЕСТРА́). Дети крестного отца по отношению к крестнику (крестнице); побратимы, поклявшиеся в вечной дружбе, поменявшиеся нательными крестами.

КРУЖА́ЛО, -а, *ср.* Питейный дом, кабак.

КРУЖА́ТЬ, -аю, -аешь. Блуждать; говорить сбивчиво, нелогично. *Будет тебе кружать.*

КРУПА́ШКА, -и, *ж.* Куропатка. *Крупашечка весная, у ней шейка пестрая.*

КРУТА́, -ы, *ж.* Крутой, значительный изгиб реки.

КРЫВУ́ЛЯ, -и, *ж.* Крутой изгиб реки; *см.* **крывун**.

КРЫВУ́Н, -а, *м.* Крутой изгиб реки; *см.* **крывуля**.

КРЫ́ЛЬЦА, *мн.* Лопатки у человека.

КРЫЛЬЧА́Т СО́КОЛ. Переосмысленное слово «кречет». Кречетом на Руси называли крупных соколов, нередко имеющих серую и даже белую окраску.

КУБУ́Л, -а, *м.* Копыл, стойка, соединяющая полоз нарты с верхней ее частью.

КУБУ́ЛКА, -и, *ж.* Деревянная подставка под струны балалайки.

КУЗЛО́, -а, *ср.* Кузнечное ремесло. *Ножик-от шибко бриткой — сразу видно шаховское кузло.*

КУКА́ШКА, -и, *ж., як.* (преимущественно *кол.*). Пальто из оленьей шкуры.

КУКУ́ШКУ-ДА НЕ ПОКАЗА́ТЬ. Ничего не дать, не выполнить обещанное.

КУЛЕ́МА, -ы, *ж.* Ловушка из тяжелых бревен.

КУЛЕМЕ́СИТЬ, -шу, -сишь. Делать что-либо небрежно, шить плохо.

КУЛИ́ГА, -и, *ж.* Озерный залив.

КУЛИКА́, -и, *ж.* Клюшка, при помощи которой гоняли деревянный шар при игре в «куликание».

КУЛИКА́НИЕ, -я, *ср.* Древняя игра с деревянным шариком, подобие современного хоккея на траве.

КУЛТЫК, -а, *м., як.* Тупик.

КУЛУМША́НА, *мн.* Колымчане.

КУ́МЕЛЬГОЙ СПАТЬ, *нареч.* Спать не раздеваясь. *Напьются, упадут, где попало, да кумельгой спят.*

КУМОХА́, -и, *ж.* Лихорадка.

КУ́НЕЛГА, -и, *ж., эв.* Палка, за которую привязывают силок для ловли куропаток.

КУ́РЕНЬГА, -и, *ж., эв.* Ободранная тушка животного.

КУРЖАВЕ́ТЬ, -ею, -еешь. Покрываться инеем. *Борода закуржавела.*

КУРЖА́К, -а, *м.* Иней; *см.* **куржевина**.

КУ́РЖЕВИНА, -ы, *ж.* Иней; *см.* **куржак**.

КУРКУЛЕ́Й, -я, *м.* Нелюдимый человек.

КУРМА́, -ы, *ж.* Женская куртка, полупальто.

КУРЧА́ЖИНА, -ы, *ж.* Небольшой глубокий речной залив.

КУРЬЯ́, -и, *ж.* Неглубокий речной залив.

КУ́САРА, -и, *ж.* Чуб, челка.

КУСКО́М ОБНОСИ́ТЬ. Обделить пищей, не поделиться. *Моя-то баба в жизни человека куском не обнесла.*

КУСО́ЧНИК, -а, *м.* Скряга, мелочный человек.

КУ́ТАГА, -и, *ж.*, *эв.* Ремень для плетения кузова нарты.

КУХЛЯ́НКА, -и, *ж.* Верхняя меховая дорожная шуба.

КУ́ЧЕРГА, -и, *ж.* Теплая вьюга, непогода, снегопад.

КУЯК, -а, *м.* Доспехи из металлических или костяных пластин. *А на чукотский кулак, подставляй плотной куяк...* (из колымской песни).

Л

ЛАБАКТА́, -ы, *ж*, *эв.* Ягель, олений мох.

ЛА́ЙДА, -ы, *ж.* Сточное озеро.

ЛАМПАСЕ́Я, -и, *ж.* Монпасье, леденцы.

ЛАНИ́СНОЙ, -ая, -ое. Прошлогодний.

ЛАНИ́СЬ, ЛАНИ́СЯ, *нареч.* В прошлом году; *см.* **лонись**.

ЛА́СНО, *нареч.* Вероятно, вроде, видимо.

ЛА́ТКА, -и, *ж.* Небольшая сковородка с высокими краями.

ЛАХТА́К, -а, *м.* Большая часть шкуры, материи, бумаги; разновидность тюленя. *Снег-от вовсе лахтаками валит.*

ЛЕБЕЗИ́НА, -ы, *ж.* Лакомое, но не сытное кушанье.

ЛЕВ-ЗВЕРЬ, *м.* Лев *(фольк.)*.

ЛЕГКОВЕ́ТКА, -и, *ж.* Детская игрушка в виде деревянного кружка.

ЛЕ́ГКОЙ, -ая, -ое. Хороший бегун.

ЛЕГО́ТА, -ы, *ж.* 1. Облегчение. *Раньше-то все на гребах ходили. Ныне — на моторе. Теперь — легота.* 2. Льгота.

ЛЕЖА́ЛЫЙ, -ая, -ое. Несвежий, непервосортный (о рыбе, мясе).

ЛЕЙКА, -и, *ж.* Плошка с рыбьим жиром, в которой лежит горящий фитиль, светильник.

ЛЕКА́ННЯ СБИТЬ. Грубо обработать дерево, удалить лишнюю щепу.

ЛЕМЕ́ШИНА, -ы, *ж.* Стебель табака, табачная жвачка.

ЛЕН, -а, *м.* Шейная связка, затылок, шиворот.

ЛЕННО́Й, -ая. О птице (гусе), теряющей в период линьки способность летать.

ЛЕ́СТНО, *нареч.* Льстиво, притворно, хитро.

ЛЕ́ТНЫ, *мн.* Летнее жилище, летняя заимка.

ЛЕТНЯ́К, -а, *м.* Щенок, родившийся летом.

ЛЕ́ТОСЬ, ЛЕ́ТОСЯ, *нареч.* Прошлым летом.

ЛЕХОМА́ТОМ, *нареч.* Быстро, стремительно. *Лехоматом уехал.*

ЛЕ́ШИЙ, -го, *м.* Хозяин тундры; см. **сендушный**.

ЛИПО́К, -пка, *м.* Бабочка. *В старину липка поймают и в тряпочке к неводу привязывают, чтобы рыбка лучше ловилась.*

ЛИХО, *нареч.* Сонливо. *Что-то лихо стало.*

ЛИХОСТИ́ТЬСЯ, -тюсь, -тишься. Находиться в полусонном состоянии.

ЛИХОТА́, -ы, *ж.* Сонливость. *Лихота на меня упала.*

ЛОБА́ШИЙ, -ая, -ое. Лобастый, большелобый.

◊ **ЛОБАША́Я СОБА́КА**. Черная с белым пятном на лбу.

ЛО́ГДА, -ы, *ж.* Большой поплавок, который привязывается над мотней невода.

ЛО́ДУГА, -и, *ж.* Обсохшее место, опорожненная от жидкости посуда.

ЛО́НИСЬ, ЛОНИ́СЯ, *нареч.* В прошлом году; *см.* **ланись**.

ЛОНСКО́Й, -ая, -ое. Прошлогодний; *см.* **ланской**.

ЛОНША́К, -а, *м.* Годовалый теленок.

ЛОПАТИ́НА, -ы, *ж.* То же, что и лопать.

ЛОПА́ТКА, -и, *ж.* Плоский мыс, наносная песчаная коса, выдающаяся в море.

ЛО́ПАТЬ, -и, *ж.* Одежда.

◊ **ПОРТЯНАЯ ЛО́ПАТЬ**. Одежда из ткани.

ЛОСК, -а, *м.* Зеркальная гладь воды, штиль.

◊ **ЛО́СКОМ ЛЕЖА́ТЬ**, *нареч.* Вповалку. *На полу лоском спали.*

ЛУКОМ СТРЕЛИТЬ, *нареч.* Близко, на расстоянии 30–40 м.

ЛЫ́ВА, -ы, *ж.* Лужа; *см.* **лывина**.

ЛЫ́ВИНА, -ы, *ж.* Большая глубокая лужа; *см.* **лыва**.

ЛЫ́СОВЫЙ РЕМЕ́НЬ. Ремень из кожи моржа.

ЛЮ́ША, -и, *ж.* Промокшая одежда или обувь. *Под дождь попал — одежда просто люша.*

ЛЯ́ЖЖИЙ, -ая, -ое. Неповоротливый, неуклюжий.

ЛЯХТЕ́ТЬ, -тю, -тишь. Учащенно дышать.

М

МА́ЗАНКА, -и, *ж.* Кашица из прокисшей печени, приготовленная для обработки шкур.

МАЙДА́Н, -а, *м.* Круг, образованный участниками картежной игры; площадка посреди чего-либо. *Чево расселся посреди майдана?*

МАКА́РША, -и, *ж.* Растение змеиный корень. На Севере употребляется в пищу.

МА́КУН, -а, *м.* Багор.

МАЛАХА́Й, -я, *м.* Меховая шапка-капор.

МАЛКА́Н, -а, *м.* Годовалый олень.

МАМА, -и, *ж.* Ласковое обращение к младшей по возрасту. *Мама, скипяти-да чаек.*

МАНГАЗЕ́Я, -и, *ж.* Магазин.

МАНДА́РКА, -и, *ж., эв.* Замша из шкуры нерпы.

МАНЯ́ЛО, -а, *ср., юк.* Содержимое желудка животного.

МА́РЕВО, -а, *ср.* Сухой туман, дымка.

МАРКИТА́НТ, -а, *м.* Мелкий торговец.

МАРМОЗО́Н, -а, *м.* Колдун, знахарь, чернокнижник. *Дедушка моего дедушки был мармозон-чернокнижник. Когда сжигали его книги, они из огня выскакивали.*

МАРТЫ́ШКА, -и, *ж.* Чайка-вилохвостка.

МАТА́НЯ, -и, *м., ж.* Милый, возлюбленный, милая, возлюбленная. *У меня матаня Маня. Маня — старостина дочь. Она встретит и проводит в глухую темну ночь* (из частушки).

МАТА́УЗ, -а, *м.* Тонкая прочная веревка.

МАТЕ́РАЯ ЗЕМЛЯ́. Материковый берег моря, суша, материк.

МА́ТИЦА, -ы, *ж.* Среднепотолочная балка.

МАТУ́ХА -и, *ж.* Самка песца, имеющая детенышей.

МАХ, -а, *ж.* Сажень.

МАХА́ЛКА, -и, *ж.* Крыло птицы.

МАХНА́ШКА, -и, *ж.* Кусок меха.

МАШКАРА́ТЫ, -ов, *мн.* Ряженые во время Святок.

МЕЖЕУ́МОК, -мка, *м.* Половинчатое решение или действие.

МЕЖУ́ТОК, -тка, *м.* Интервал, период, разделяющий что-либо.

МЕ́КАТЬ, -аю, -аешь. Ударять, бить.

МЕ́КЕШИТЬСЯ, -шусь, -ишься. Быть в нерешительности.

МЕЛЕДА́, -ы, *ж.* Бесконечный труд, работа (зачастую такая, из которой ничего не выходит).

МЕЛЕДИ́ТЬ, -жу, -дишь. Медлить, не торопиться.

МЕРЕ́ЖА, -и, *ж.* Часть невода.

МЕРЗЛЯ́К, -а, *м.* Человек, плохо переносящий холод.

МЕ́СТОВАТЬСЯ, -уюсь, -уешься. Чудачить, фокусничать. *Ребята, хватит местоваться.*

МЕ́ТА, ПРИМЕ́ТА, -ы, *ж.* Цель, маленькие колышки, в которые дети стреляют из лука или ружья. *Пошел приметы стрелять.*

◊ **ПРИМЕ́ТЫ СТРЕЛЯ́ТЬ**. Детская игра, заключающаяся в стрельбе по колышкам-меткам.

МЕТА́ТЬ, -чу, -чешь. Закидывать, ставить сеть.

МЕТА́ТЬСЯ, -чусь, -чешься. Рыбачить сетями. *Я в эту зиму на Гавриловом озере метался.*

МЕ́ТИТЬСЯ, -тюсь, -тишься. Целиться, прицеливаться. *Долго метился, потом выстрелил.*

МИЗГИ́РЬ, -а, *м.* Паук.

◊ **МИЗГИРО́ВЫ СЕ́ТИ**. Паутина.

МИХА́ЙЛОВ ДЕНЬ. 21 ноября — начало полярной ночи.

МИЧИ́К, -а, *м.* Мелкий лед, плывущий после ледохода.

МНО́ГОРО, -ра, *нареч.* Много.

МОГУ́Н, -а, *м.* Живот, внутренности.

МОДЕ́ТЬ, -ею, -еешь. Гнить, чахнуть, тлеть, хиреть.

МОЛОНЬЯ́, -и, *ж.* Молния.

МОЛО́СНОЕ, -ый, -ая. Скоромное, мясомолочная пища.

МО́ЛЬЧА, *нареч.* Вовсе. *Мольча эту работу я не стану делать.*

МО́ННЫЙ, -ая, -ое. Необычный, странный, своеобразный. *Какой-то монный человек: не с кем не бает, как сыч надутый.*

МО́РОК, -а, *м.* Сплошная облачность. *Зимой когда морок натянет — теплее бывает.*

МО́РОМ МОРИ́ТЬ. Плохо кормить.

МО́РОСЬ, -и, *ж.* Изморось, мокрый туман.

МОРСКА́Я ЧА́ЙКА. Розовая чайка.

МОСТ, -а, *м.* Деревянный пол в избе.

МОСТАЛЫ́ГА, -и, *ж.* Кость оленьей ноги.

МОТНЯ́, -и, *ж.* Потолочная балка; мешок в средней части невода, куда попадает рыба.

МОТОВИ́ЛО, -а, *ср.* Орудие для ручного перематывания пряжи.
МУГУЛЁК, -лька, *м.* Мешочек для хранения нагрудной иконы.
МУДРА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Хитрить.
МУДРО́НЫЙ, -ая, -ое. Хитрый человек.
МУ́ДРОСТЬ, -и, *ж.* Хитрость.
МУЖИЧО́К, -чка, *м.* Самец животного.
МУЛКУБЛА́Н, -а, *м.* Утка, гага-гребенушка.
МУ́МЛЕТЬ, -лею, -леешь. Жевать, сосать, чавкать.
МУТО́ВИТЬ, -влю, -овишь. Мутить, делать мутным.
МУТО́ВКА, -и, *ж.* Палочка с кружком или спиралью на конце для взбалтывания.
МУТЫРО́К, -рка, *м.* Маховая часть крыла.
МУЧИКА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Ругаться матом, материться.
МУЧИЛЁК, -ка, *м.* Птичий желудок.
МЯ́ГКАЯ РУ́ХЛЯДЬ. Пушнина.

Н

НАБА́СНИЧАТЬ, -аю, -аешь. Насплетничать.
НАБА́ЯТЬСЯ, -юсь, -ешься. Наговориться вдоволь.
НАБИ́ТЬ ДО УТО́ПУ. Наполнить до краев.
НАБО́Й, -я, *м.* Нижние доски борта лодки.
НАБОЛЬШИНЁ ОСТА́ТЬСЯ. Оказаться за старшего.
НАВАЛИ́ТЬСЯ, -люсь, -лишься. Неловко повернувшись, упасть из лодки в воду.
НАВАРГА́НИТЬ, -ню, -нишь. Сварить, приготовить много, но некачественно.
НАВЁТКИ ДАВА́ТЬ. Намекать.
НА ВЕРЕ́ЧЬЮ (УВОЛОКЛИ́). На кладбище похоронили.
НА ВИ́ДЮШКУ ВЫХОДИ́ТЬ. Выходить за рамки приличия.
НАВО́НТОР, *нареч.* Делать, говорить наперекор.
НА ГНЕВ НАПЯ́ТИТЬСЯ. Попасть в неловкое положение, вызвать чье-либо раздражение.
НАГНЁТКИ, *мн.* Меховая оторочка у сапог.
НОГОСТО́, *нареч.* Возможно, может быть.
НАГОТО́ВО, *нареч.* 1. Совершенно, окончательно завершить работу. *Лодку наготове доспел.* 2. Навсегда, совсем. *Баба ушла наготово.*
НА ГРЕБАХ ИДТИ́. Плыть на лодке при помощи весел.

НАГУМА́ЖНИК, -а, *м.* Бумажник, кошелек.
НАДВО́РЬЕ, -я, *ср.* Двор, место около него. *Ребята с надворья прибежали.*
НАДЕЯ́НИЕ, -я, *ср.* Страшилище.
НАДЖА́БИТЬ, -лю, -ишь. Ушибить. *Я сегодня руку наджабил.*
НАДОЛО́НАКА, -и, *ж.* Нашивка на ладонную часть рукавицы.
НАДРЁВЛИВАТЬ, -аю, -аешь. Говорить чепуху.
НАДСА́ДА, -ы, *ж.* Забота, дело, занятие. *Не моя надсада — не мое дело, не моя забота.*
НАЖИ́ТОК, -тка, *м.* Нажитое добро.
НА́ЗГАЛ ДЕ́ЛАТЬ. Выполнять работу некачественно.
НАИПА́ЧЕ, *нареч.* Особенно, более всего, тем более.
НАЙДУ́ШКА, -и, *ж.* Находка.
НАКЛИКА́ТЬ, -аю, -аешь. Вызывать на спор, состязание, обмен, торг и т.п.
НАКО́ЛКА, -и, *ж.* Головной убор замужней женщины.
НА́КОРОТКИ ПРИЙТИ́. Подойти очень близко.
НА КУ́КОРКАХ. На корточках сидеть.
НАКУЛЕМЁСИТЬ, -шу, -сишь. Наделать беспорядок, перемешать; небрежно сделать что-либо.
НА МАЧЧЁ СИДЕ́ТЬ. Находиться в ожидании чего-либо.
НАМЕТ, -а, *м.* Шаблон, по которому можно изготовить обувь или одежду.
НА НЕВОДЬБЕ СИДЕ́ТЬ. Заниматься ловом рыбы неводом.
НА ОДНО ЛЕЖА́ТЬ. Быть в бездействии.
НА ОСОБИЦУ ЖИТЬ. Жить отдельно, самостоятельно.
НА ОТШИБЕ ЖИТЬ. Жить в стороне от деревни.
НАПА́ЛОК, -лка, *м.* Палец перчатки.
НАПАРЬЕ, -я, *ср.* Бурав.
НАПАСТИ́, НАПАСТИ́СЬ, -сусь, -сешься. Заготовить, припасти, обеспечить. *Ох, транжиры — на вас не напасешься.*
НАПЕРКАШЁРЬЕ, *нареч.* Делать что-либо наперекор, назло.
НАПЕРПУ́ЧЧО, *нареч.* На перепутье.
НАПЕРЬЁМ, *нареч.* Наперехват, наперерез. *Мы, не долго думая, на наперьем побежали.*
НАПЁТАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Плотно укутаться, одеться.
НАПЛА́В, -а, *м.* Большой поплавок.

НА ПОБЕ́Г УЙТИ́. Сбежать.

НАПОГА́Д ПУСТИ́ТЬ. Испоганить, осквернить, привести в негодность. *Мою избушку чужаки напогад пустили.*

НА ПОЛЕ́ТЯХ ХВАТА́ТЬ. Хватать на лету.

НА ПОРО́Г СТА́ВИТЬ. Выгонять из дома.

НА ПОСТО́Е ЖИТЬ. Квартировать.

НАПРИГЛЯ́Д (ДЕРЖА́ТЬ). Для примера, образца, для сравнения.

НАПРО́К, *нареч.* На будущий год. *Напрок в это время встретимся.*

НАПРО́МЕТАЖ (СПАТЬ). Спать вместе с кем-либо, ногами к голове другого.

НАПРОХО́Д ИДТИ́ (Е́ХАТЬ). Двигаться не останавливаясь; проходить насквозь.

НАРАЗВЕЖА́Х, *нареч.* Собрав все вещи, ждать отъезда; находиться в неопределенном состоянии.

НАРАХТИ́ТЬСЯ, -чусь, -тишься. Намереваться. *Он с давних пор нарахтится моим рыбучастком завладеть.*

НА́РВА, -ы, *ж.* Аккуратный выруб на бревне, куда вставляется клин.

НАРО́КОМ, *нареч.* Умышленно. *Нароком так делай.*

НАРЯДИ́ТЬСЯ, КАК ШЮЛЮКАН. Одеться пестро, безвкусно.

НАРЯЖА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Собираться в дорогу.

НА́ СМЕРТЬ БРОСАТЬ. Оставлять кого-либо одного в безвыходном положении.

НАСМО́РКА, -и, *ж.* Насморк, воспаление слизистой оболочки носа. *Меня насморка замучила.*

НА СНЕГ САДИ́ТЬСЯ. Поселиться на новом, необитаемом месте.

НА́СТОВАТЬ, -тую, -туешь. Пестовать кого-либо, опекать, заботиться о ком-либо.

НАТАКА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Случайно кого-либо увидеть, встретить. *Хорошо, что люди на него натакались — спасли от смерти.*

НА ТЕ́Х ПОРА́Х. Женщина накануне родов.

НАТОВА́РИЩИ, *нареч.* Приглашать в напарники, компаньоны. *Я его натоварищи кликнул.*

НАТОДЕ́ЛЬНО, *нареч.* Специально, с умыслом, расчетом.

НАТОДЕ́ЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Специально сделанный, приспособленный или предназначенный.

НАТО́ТТОМ, *нареч.* После послезавтра. *Завтра-после завтра — нататтом.*

НА ТРА́ВУШКУ УПА́СТЬ. Родиться. *Мы-то оба в старом Русском Устье на травушку упали.*

НАТРУ́СКА, -и, *ж.* Рожок для хранения пороха, пороховница.

НАУЗНУ́ЧАХ, *нареч.* Неустойчиво, на весу (стоять).

НА УМ НАСТА́ВИТЬ. Дать добрый совет.

НА УМ ПАСТЬ, НА УМ ПА́ЛО. Вспомнилось, вспомниться.

НАУРО́ДОВАТЬ, -ую, -ешь. Совершить неблагоприятный поступок.

НАУШУ́Ю ПОСАДИ́ТЬ, *нареч.* Обмануть, поставить в безвыходное положение.

НАЧЕРЕ́ПОК, -пка, *м.* Верхний венец сруба.

◊ **НА ЧЕТЫРЕ́Х КОСТЯ́Х ХОДИ́ТЬ**. Ходить на четвереньках.

НАЧОКО́ТАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Плотно укутаться, одеться.

НАЧУМА́РИТЬСЯ, -рюсь, -ришься. Нахмуриться.

НАШЕ́СТЬ, -и, *ж.* Сиденье в лодке.

НАХА́ЛИЩЕ, -а, *ср.* Чехол для ружья.

НА ХВАСНЮ́ ДЕ́ЛАТЬ. Делать напоказ, напохвалу.

НЕБЕ́СНОЙ, -ая, -ое. Озорной ребенок.

НЕ БО́ЖЬЕ СОЗДА́НИЕ, А ЛЮДСКО́Е ПОДАЯ́НИЕ. Близкое по значению выражение: «Дареному коню в зубы не смотрят».

НЕ ВДО́НОС СКАЗА́ТЬ. По секрету, шепотом, неразборчиво.

НЕ В ЧАС ПО́РУ, *нареч.* Не вовремя.

НЕВЬЁМ РУЖЬЮ́, *нареч.* О расстоянии, недоступном для прицельного выстрела. *Не стал стрелять, было невьём ружью.*

НЕГОЖА́ВЫЙ, -ая, -ое. Негодный, неподходящий.

НЕ ДАЙ, НЕ ВЫ́НЕСИ. Состояние беспомощности.

НЕДАРОВА́, *нареч.* Неспроста, не зря, недаром; как предчувствие худых последствий. *Ох, недарова, ребяты, огонь вчера щелкал! Ох, недарова.*

НЕДОГО́ДОК, -дка, *м.* Недоросток, подросток.

НЕДОЛА́ДОМ, *нареч.* Стремительно, неподконтрольно. *Недоладом унесло.*

НЕДОПЕ́СОК, -ска, *м.* Песец, имеющий вполне белую окраску, но шерсть у него еще короткая.

НЕДОСИ́ЛОК, -лка, *м.* Подросток, невозмужавший человек.

НЕ́ДРЕСЬ, -и, *ж.* Шкура оленя.

НЕДУШЕВРЕ́ННЫЙ, -ая, -ое. Неопасный для жизни и здоровья. *Это недушевренная рана.*

НЕЗДОРО́ВАЯ. Беременная. *Я в ту пору с Колькой нездоровая была.*
НЕЗНАЧА́Й, *нареч.* Невзначай, нечаянно.
НЕ́ИМ, -а, *м.* Собака, которая не дается в руки.
НЕ́КАТЬ, -и, *ж.* Плохое скольжение полозьев.
НЕКРАСНОСЛО́ВЫЙ, -ая, -ое. Грубо выражающийся человек, матершинник.
НЕЛЕ́СНО, *нареч.* Много, очень много. *В тот год рыба нелесно ловилась.*
НЕМИ́НЯ, -и, *ж., м.* Буря, ураган.
НЕМОГА́ТЬ, -аю, -аешь. Болеть.
НЕМО́К, -мка, *м.* Порода гуся.
НЕМОСНО́Й, -ая, -ое. Больной.
НЕ́МОЧЬ, -и, *ж.* Болезнь.
НЕНЬБА́, -ы, *ж., юк.* Доска, на которой обрабатывают шкуру оленя.
НЕ ПО ДЫРЕ́ МИ́ЛОСТЫНЯ. Незаслуженная награда.
НЕПОКЛА́ДНЫЙ УПО́Р. Постоянное упорство.
НЕПРИМЕ́РНЫЙ, -ая, -ое. Несравнимый, бесподобный.
НЕ СВОИ́М УМО́М ЖИТЬ. Находиться под влиянием кого-либо, действовать по его указке.
НЕ СЛЫ́ШАТЬ, -шу, -шишь. Не понимать чужой язык. *Я по-якутски совсем не слышу.*
НЕ ТО́ЛКОВАТЬ, -ую, -уешь. Не понимать, плохо разбираться в чем-либо.
НЕ ХАБА́РИТЬСЯ, -рюсь, -ришься. Не рисковать.
НЕ́ХРИСТЬ, -и, *ж.* Нечисть; нелюбимый человек.
НИ ВЕ́СТИ, НИ ПО́ВЕСТИ. Ничего не известно.
НИ ЗАЧА́Т, НИ ПОЧА́Т НЕ ЗНАТЬ. Не разбираться ни в чем, не понимать многого.
НИЗОВИ́КИ, *мн.* Поречане, живущие ниже по течению.
НИКО́ЛИН ДЕНЬ (ВЕСЕННИЙ). 22 мая — прилет уток, солнце не заходит за горизонт, начало полярного дня.
НИ К ЧЕМУ́-ДА НЕ ПРИМЕНИ́ТЬ. Ни с чем не сравнимый.
НИМА́Т, -а, *м., юк.* Обычай безвозмездной передачи напарнику половины добычи.
НИ НИЗ, НИ ВЕРХ НЕ ОСТА́ВИТЬ. Обругать, обозвать матерно. *Вчера соседка меня обругала — ни низ, ни верх не оставила.*
НИ СВЕТ, НИ ЗАРЯ́. Рано утром.

НИ СЛО́ВА НЕ РЕЧЕ́, *нареч.* Молчком, не говоря ни слова. *На собрании побывал — да ни слова не рече уехал.*
НИ У́ЙМУ, НИ ЗА́КЛИКУ. Нет управы на кого-либо.
НИ́ШШО, -а, *ср.* Расстояние, равное 10 км. В старину обозначало дневной переход.
НОГА́МИ УЙТИ́. Выйти замуж без согласия родителей.
НОГТОЕ́Д, -а, *м.* Изуродованный грибком ноготь.
НО́НЕ, *нареч.* Нынче, теперь.
НОРИ́ЛО, -а, *ср.* Тонкий шест, при помощи которого растягивают сеть подо льдом.
НОРИ́ТЬ, -рю, -ришь. Продвигать норило подо льдом.
НО́РКИ, *мн.* Ноздри.
◊ **НО́РКИ ЗАДИРА́ТЬ**. Задирать нос, важничать.
НОРНИ́К, -а, *м.* Детеныш песца.
НОС, -а, *м.* Далеко выдающийся мыс.
НОЧЕ́СЬ, НОЧЕ́СЯ, *нареч.* Прошлой ночью.
НОЧЛЕ́Г, -а, *м.* Охотничья избушка.
НУЖНИК, -а, *м.* Туалет, отхожее место.
НУ́ЖНЫЙ ЧЕЛОВЕ́К. Нуждающийся, бедняк.
НЮНЮ́КАНЬЕ, -я, *ср.* Сюсюканье.
НЯМГА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Капризничать.
НЯМГУ́Н, -а, *м., ж.* Капризный человек.
НЯ́НЯ, -и, *ж.* Старшая сестра; обращение к старшей по возрасту женщине.
НЯ́ПУГ, -а, *м., юк.* Шип на копыле, при помощи которого он вставляется в полоз нарты.
НЯ́ША, -и, *ж.* Ил, вязкое место.

О

ОБЕ́ДНИК, -а, *м.* Юго-восточный ветер.
О́БЕРЕЖЬ, -и, *ж.* Колдовской заговор, талисман, амулет от порчи и болезней.
ОБЕРНУ́ТЬСЯ, -нусь, -нешься. Обернуться, превратиться (например, из человека в собаку).
◊ **ОБЕРУ́Ч ТЯНУ́ТЬ**. Тянуть обеими руками.
ОБЗАДО́РИТЬСЯ, -юсь, -ишься. Обидеться, сильно рассердиться, затаить зло.

ОБЗА́РЧИТЬСЯ, -чусь, -чишься. Войти в раж.
ОБКОЛУ́ПОК, -пка, *м.* Обструганный обрубок дерева.
ОБЛА́ВИТЬ, -влю, -вишь. Окружить.
ОБЛА́Й, -я, *м.* Сварливый, неуживчивый человек.
ОБЛАСТНЫ́Е ДЕ́ТИ. Скандальные, беспокойные дети.
ОБЛАТЫ́НИТЬСЯ, -нюсь, -нишься. Обмануться, просчитаться.
ОБМИРА́ТЬ, -аю, -аешь. Терять сознание; любить до потери сознания.
ОБОДВЕ́РИНА, -ы, *ж.* Дверные косяки.
ОБОКО́НЬЕ, -я, *ср.* Оконные косяки.
ОБСЕДЛА́ТЬ, -аю, -аешь. Оседлать. *Как старшая сестра коня обседлала* (из былины).
ОБТА́СКИВАТЬ, -аю, -аешь. Обкладывать что-либо землей, засыпать, закидывать. *Дедушкину-ту могилку дерном обтаскали.*
О́БУЙ, -я, *м.* Обувь. *Теперь такой обуй не купишь.*
ОБУМЕ́ТЬСЯ, -еюсь, -еешься. Поумнеть, образумиться, опомниться.
ОБУ́ТКИ, *мн.* Обувь.
ОБШАРХА́Ш, -а, *м.* Человек, одетый в старую, изношенную, обшарканную одежду.
ОБЫ́ГЛЫЙ, -ая, -ое. Просохший на ветру.
ОВИ́ЧИТЬСЯ, -чусь, -чишься. Насытиться.
ОВЯ́ЗЫВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Связываться, общаться. *Я с ним вовсе не овязываюсь.*
О́ГИБЕНЬ, -бня, *м.* Крутой высокий изгиб реки.
ОГНИ́ЩЕ, -а, *ср.* Остатки костра.
ОГО́НЬ УГАСИ́ТЬ. Оставить без хозяйки дома.
◊ **ГАСИ́ТЬ ЧУЖО́Й ОГО́НЬ**. Посягать на супружеское счастье. *Шкулевские парни горазды только чужие огни гасить.*
ОГОРО́Д, -а, *м.* Низенький заборчик из тальника с несколькими воротцами, где устанавливаются силки для ловли куропаток.
О́ДИГУ НЕ ДАВА́ТЬ. Не давать покоя, тормошить.
ОДИКАРЕ́ТЬ, -ею, -еешь. Одичать, стать непослушным, диким. *Что ты, брат, одикарел, видимо!*
ОДИ́Н СЕБЕ, *нареч.* Одиноко. *Живу один себе.*
О́ДНА РУКА́ ДАЕТ-ДА УСТАЕТ. Одному всех обогреть невозможно.
ОДНОБРЮ́ШНИКИ, *мн.* Дети одной матери.

ОДНО́Й ДЫРО́Й КА́КАТЬ. Быть в неразлучной дружбе.
ОДНО́ СМЕКА́ТЬ. Преследовать одну цель.
ОДОЛИ́ТЬ, -лю, -лишь. Побороть, свалить.
О́ЖИГ, -а, *м.* Деревянная кочерга; средний палец руки.
◊ **О́ЖИГОМ ХОДИ́ТЬ**. Много работать по домашнему хозяйству.
ОЗНОБИ́ТЬСЯ, -блюсь, -бишься. Обморозиться.
ОЗО́ЙНО, *нареч.* Громоздко.
О́ЗОРКО, *нареч.* Жутко, страшно, боязно.
ОКА́ТЫВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Тяжело болеть.
ОКЛЕПА́ТЬ, -аю, -аешь. Оговорить, навести поклеп.
О́КОЛОТЕНЬ, -тня, *м.* Упрямый, недалекий человек.
ОКОЛТА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Притерпеться, привыкнуть к необычному.
ОКО́ЛТЫШ, -а, *м.* Одиночка.
ОКО́НЧИНА, -ы, *ж.* Оконная рама с налимьей кожей вместо стекла.
ОКОРНОВА́ТЬСЯ, -нуюсь, -нуешься. Обосноваться, обжиться.
ОЛГУ́Й, -я, *м.*, *як.* Большой котел; *см.* **алгуй**.
ОМА́ЛИТЬ, -лю, -лишь. Уменьшить.
ОМАРА́ЧИВАТЬ, -ваю, -ваешь. Превращать из одного состояния в другое путем колдовства.
ОМО́КИ, -ов, *м.*, *юк.* Древние оседлые вымершие юкагиры.
ОНЕМЕ́НИСЬ, *нареч.* Недавно, на днях.
ОННЕ́ЗДУ, *нареч.* Однажды.
ОПАЛИ́ТЬ, -лю, -лишь. Открыть настежь дверь.
ОПЛЕТА́ТЬ, -аю, -аешь. Умело уговаривать, убеждать.
ОПЛЕТА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Связываться, совершать совместные неблаговидные дела.
ОПЛО́ТИНА, -ы, *ж.* Основа для скрепления бревен плота.
ОПО́СЛЯ, *нареч.* После, потом. *Опосля я тебе лук делаю.*
ОПРИ́ЧИТЬСЯ, -чусь, -чишься. Сильно пораниться.
ОПРОМЫ́ШЛИВАТЬ, -аю, -аешь. Добывать зверя или рыбу на определенной территории.
ОПРОСТА́ТЬСЯ (о собаке). Отвязаться, уйти с привязи; *см.* **простая**.
ОПТО́ПОК, -пка, *м.* Изношенная подметка сапог.
ОПУЩА́ТЬ, -аю, -аешь. Снимать шкуру с убитого зверя.

ОСЕНО́ВАТЬ, -ую, -уешь. Проводить осень в определенном месте. *Мы-то на острове осеновать в этом году будем.*

ОСЕРЕ́ДЫШ, -ша, *м.* (преимущественно *кол.*). Остров посередине реки.

ОСИ́ЛОК, -лка, *м.* Силач.

ОСИНЕ́СЬ, ОСИНЕ́СЯ, *нареч.* Прошлой осенью.

ОСИНЕ́Ц, -нца, *м.* Глыба льда, выброшенная на берег во время ледохода; ледяная гора на мели; *см.* **антиях**.

ОСКРЕ́БКИ, *мн.* Трубочный сок табака.

О́СЛЯДЬ, -и, *ж.* Толстая длинная жердь.

О́СОБИЦА, -ы, *ж.* Особенность.

ОСО́БЛИВО, *нареч.* Особенно.

ОСТРАСТИ́ТЬСЯ, -тюсь, -тишься. Ужаснуться.

ОТАТА́РИТЬСЯ, -рюсь, -ришься. Облысеть.

ОТВА́ГУ ДАВАТЬ. Оказывать помощь больному.

ОТВА́ЖИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Приводить в чувство, оказывать срочную медицинскую помощь.

ОТВОРЯ́ТЬ ДВЕРЬ НА ПЯТУ. Раскрывать дверь широко, настежь.

ОТГА́РКИВАТЬ, -аю, -аешь. Командовать упряжкой собак; *см.* **откликать**.

ОТГА́РКИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Подчиняться командам каюра (о собаках). *Мой-то передовик хорошо отгаркивается.*

ОТДЕ́РНОЙ, -ая, -ое. Ветер, дующий с берега.

ОТ ДИ́КОСТИ ДЕ́ЛАТЬ. По неопытности, по молодости.

ОТ ДОБРА́ УМА́ ДЕ́ЛАТЬ. Умышленно совершать что-либо нехорошее.

ОТДО́ХЛЫЙ, -ая, -ое. Отдохнувший.

ОТЕМНЕ́ТЬ, -ею, -еешь. Задержаться где-либо до темноты; утратить возможность видеть с наступлением сумерек.

ОТЗЫВА́ТЬ ЧЁМ-ТО. Попахивать. *В избе чем-то худым отзыват.*

ОТКАЛИ́ТЬСЯ, -юсь, -ишься. Смириться, претерпеться, уступить, жертвуя чем-либо. *Вся родня откалилась от его выходок.*

ОТКЛИКА́ТЬ, -аю, -аешь. Поворачивать упряжку собак голосом, командовать; *см.* **отгаркивать**.

ОТКУ́ЛЬ. Откуда. *Откуль путь держишь?*

ОТЛЯ́ШИТЬ, -шу, -сишь. Отделить большой кусок от целого.

ОТМЕНИ́ТО, *нареч.* Заметно, отлично от чего-либо.

ОТМЕНИ́ТОЙ, -ая, -ое. Отменный, выгодно отличающийся от других.

ОТОЙТИ́ ОТ МО́ДЫ. Устареть.

ОТПЁТЫЙ, -ая, -ое. Заброшенный, негодный, никчемный, конченый. *Муж у нее пьяница — отпетый человек.*

ОТРО́ДЬЕ, -я, *ср.* Потомство, род. *Мы-то — Щелкановское отродье.*

ОТСАТИ́ТЬ, -тю, -тишь. Отрезать.

ОТТО́ЛКНУТЬ, -тю, -тишь. Слегка оттаять.

ОТЧЕ́РПНУТЬ, -ну, -нешь. Занеметь, задубеть, затекать. *У меня нога отчерпла.*

ОХИТЯ́ТЬ, -аю, -аешь. Очищать что-либо, наводить порядок; *см.* **ахитять**.

ОХЛИПЕ́СНУТЬ, -ну, -нешь. Ударить по лицу, дать пощечину.

ОХОЛЬНО́Й, -ая, -ое. Большой, огромный.

ОХО́ТИТЬСЯ, -чусь, -тишься. Хотеть, желать. *Страсть охочусь в Москву съездить.*

ОХО́ЧИЙ, ОХО́ТНЫЙ ЧЕЛОВЕ́К. Доброволец.

ОХТО́. Кто.

ОЧА́Г, -а, *м.* Наклонная палка над костром для подвешивания чайника.

ОЧОКО́ШИТЬ, -шу, -шишь. Оглушить.

ОША́МЕТЬ, -млю, -меешь. Оробеть, растеряться, оказаться в шоке.

О́ШКУР, -ра, *м.* Пояс, шнурок у брюк или шаровар на вздержке.

П

ПА́ГУБА, -ы, *ж.* Мор, падеж, бедствие.

ПА́ГУБНОЕ ДЕ́ЛО. Пьянство и картежные игры.

ПА́ДАТЬ С ГО́ЛОДУ. Голодать.

ПАДЬ, -и, *ж.* Горная ложбина, седловина.

ПАЕК, -йка, *м.* Ставной невод.

ПАЖО́К, -жка, *м.* Небольшой костер, огнище.

ПА́ЗУХ, -а, *м.* Подмышка.

◊ **ПА́ЗУХ ПОТЕРЯ́ТЬ**. Лишиться одного из супругов.

◊ **ПА́ЗУШНЫЙ ДУХ**. Запах подмышечного пота.

ПА́КОСТЬ, -и, *ж.* Тот, кто пакостит, вредит. *Из трех песцов одного пакость съела.*

ПАЛЕ́МКА, -и, *ж.* Небольшой тонкий нож с полукруглым лезвием.

ПАНГИ́Л, -а, *м.* Шпангоут в лодке.
ПА́ПОРОТКИ ОТБИ́ТЬ. Избить, изувечить, победить.
ПА́РИТЬ, -рю, -ришь. Высиживать яйца.
ПА́РКА, -и, *ж.* Женская меховая одежда.
ПАРОВА́Я ОДЕ́ЖДА. Двойная зимняя одежда.
ПА́РУСОМ БЕЖА́ТЬ. Идти под парусом.
ПАСТНИ́К, -а, *м.* Система песцовых ловушек, расположенных на определенной территории.
ПАСТЬ, -и, *ж.* Песцовая ловушка.
ПАТА́ЧКУ ДАВА́ТЬ. Потворствовать, потакать.
ПА́ТРИ, *мн.* Полки в сенях или амбаре.
ПА́УЖНА, -ы, *ж.* Легкий ранний ужин.
ПА́УЗОК, -зка, *м.* Плоскодонное речное гребное судно.
ПАУ́Т, -а, *м.* Овод.
ПАХА́ТЬ ПОЛ. Подметать.
ПАШИ́НА, -ы, *ж.* Шкура, кожа животного из-под паха. *Пашина на подошву негодна — тонка.*
ПЕ́ЖИТЬ, -жу, -жишь. Душить, давить; *см.* **запежить**. *Парни пьяные друг друга за горло пежили.*
ПЕ́ЛО, -ла, *ср.* Деревянный шаблон, на который натягивают шкурку песца для просушки.
ПЕ́НИШЕК, -шка, *м.* Вертящая часть вертлюга.
ПЕНЬКИ́, *мн.* Отростки новых перьев у птиц после линьки.
ПЕРВОЛОКТИ́СЬ, -тюсь, -тишься. Перетащить волоком лодки с одного озера на другое.
ПЕРВОПУ́ТОК, -тка, *м.* Первая зимняя дорога.
ПЕРЕБА́ЯТЬ, -аю, -аешь. Переговорить обо всем, договориться.
ПЕРЕБО́Р, -а, *м.* Перекат, поперечная мель на реке.
ПЕРЕВЕРТНО́Й, -ая, -ое. Привередливый, несговорчивый (о человеке).
ПЕРЕВО́ДИНА, -ы, *ж.* Боковая крайняя доска у нар.
ПЕРЕГРЫЗА́ТЬСЯ, -аюсь, -ешься. Ссориться по пустякам, беспричинно упрекать друг друга.
ПЕРЕ́ДНИЙ У́ГОЛ, ПЕРЕ́ДНЕЕ МЕ́СТО. Почетное место для гостей в избе — напротив входа под иконами.
ПЕРЕ́ДНЯЯ СОБА́КА, -а, *м.* Вожак собачьей упряжки.

◊ **ПЕРЕ́ДНЮЮ СОБА́КУ НЕ ВИДА́ТЬ**. Не видеть что-либо на близком расстоянии.
ПЕРЕДОВИК, -а, *м.* Вожак собачьей упряжки.
ПЕРЕДРА́ЗНИВАТЬ, -ваю, -ваешь. Подражать кому-либо в чем-либо, следовать новой моде. *Он-то тамошних передразнивает, по-нашенски — по-деревенски — вовсе не хочет баять.*
ПЕРЕЖА́Р, -а, *м.* Напиток, приготовленный из пережаренной на рыбьем жире муки, залитой чаем.
ПЕРЕЖЕ́ННИК, -а, *м.* Пирожок с рыбьей начинкой. *Мама на дорогу переженников напекла.*
ПЕРЕКОСНО́Й, -ая, -ое. Несговорчивый, неуступчивый, упрямый, непредсказуемый (о человеке).
ПЕРЕТЯ́ГА, -и, *ж.* Сеть, перетянутая с берега на берег небольшой речки.
ПЕРМУТЫ́РОВАТЬ, -ваю, -ваешь. Переиначивать согласованные действия.
ПЕРСО́ВИЦА, -ы, *ж.* Подвесная жердочка с занавеской в избе.
ПЕРСТ, -а, *м.* Палец.
◊ **КАК СВОИ́ ПЕРСТЫ́ ЗНАТЬ**. Знать что-либо досконально.
◊ **ПЕРСТО́М ОСТА́НЬСЯ**. Осиротеть.
ПЕРТУ́ЖИЙ, -ая, -ое. Выносливый, неугомонный человек.
ПЕРТУЖИНА́, -ы, *ж.* Выносливость.
ПЕРЧЕ́С, -а, *м.* Неуемность, непоседливость.
ПЕРЧЕ́СНЫЙ, -ая, -ое. Непоседливый.
ПЕРШЕКА́ЛДОВАТЬ, -ваю, -ваешь. Спорить попусту.
ПЕРШЕМЕНИВАТЬ, -ваю, -ваешь. Часто менять свое решение.
ПЕСО́К, -а, *м.* Песчаный низкий берег реки.
ПЕСТЕ́Р, -а, *м.* Корзина для переноски рыбы.
◊ **ПЕСТЕРЫ́ ЗАЛИВА́ТЬ**. Врать, сочинять небылицы.
ПЕСЦОВА́ТЬ, -цую, -цуешь. Заниматься песцовым промыслом.
ПЕТИТКА, -и, *ж.* Пятерка.
ПЕТРО́В ДЕНЬ. 12 июля — праздник апостолов Петра и Павла.
ПЕХО́ВИЩЕ, -а, *ср.* Рукоятка пешни.
ПЕЧИ́ЩЕ, -а, *ср.* Остатки жилища.
ПИЛИКА́ТЬ, -аю, -аешь. Начать что-то понимать, научиться немного чему-либо. *Наш-от парень по-английски пиликать начал.*
ПИНКЕНДЕ́И, *мн.*, *юк.* Икры ног.

ПИЧА́НКА, -и, *ж.* Печень.

ПИЧИ́НА, -ы, *ж.* Обожженная глина.

ПЛАВЕ́ЖЬ, -а, *м.* Удобное место для переправы диких оленей. *А поставьте вы зимовье на зверином плавежу.*

ПЛА́ВКО, *нареч.* О хорошем скольжении полозьев.

ПЛАВКО́Й, -ая, -ое. Хорошо скользящий. *Сегодня плавкая дорога — полоз хорошо катится.*

ПЛАВО́К, -вка, *м.* Поплавок, плавучий знак.

ПЛЕ́КИ, *мн.* Меховые ботинки.

ПЛЕ́НКА, -и, *ж.* Силок, петля для ловли птиц. *Отец поставил пленочку на петухову женочку* (из сказки).

ПЛЕ́СО, -а, *ср.* Часть реки между ее изгибами. *Очень долгое плесо проплыли.*

◊ **ПО́ ПЛЕСУ**, *нареч.* Ветер, дующий вдоль плеса против течения реки.

ПЛИ́ШЕЧКА, -и, *ж.* Пташечка.

ПОБЕ́РДО, -а, *ср.* Кратковременная остановка в пути при езде на собаках.

ПОВАЛИ́ТЬ, -ю, -ишь. Уложить спать.

ПОВА́РНЯ, -и, *ж.* Охотничья избушка для временного пристанища.

ПО́ВЕСТЬ, -и, *ж.* Рассказ о чем-либо. *Расскажи, добрый человек, вести-повести, что на белом свете деется* (фольк.).

ПОВЕ́ТРИЕ, -я, *ср.* Грипп, инфекционные болезни.

ПОВОДО́К, -дка, *м.* Длинный ремень, к которому пристегивают собак в упряжке; *см.* **потяг**.

ПОВО́Р, -а, *м.* Длинная веревка для упаковки вещей на нарте.

ПОГО́ДА, -ы, *ж.* Гриб; буря, ветер, непогода.

◊ **ПОГО́ДА УПА́ЛА**. Начался ветер, буря и т.п.

ПОГУДА́ЛО, -а, *ср.* Деревянная часть сверла.

ПОДБО́Й, -я, *м.* Подкладка у верхнего платья.

ПОДБО́Р, -а, *м.* Специально подобранная, натренированная упряжка собак.

ПОД ВИ́ДОМ БА́ЯТЬ. Прикидываться незнающим, наивным.

ПОДГА́ЖАТЬСЯ, -жусь, -жишься. Быть полезным, пригодным.

ПОДГА́ЛИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Подтрунивать, насмехаться; *см.* **галиться**.

ПОДГО́РА, -ы, *ж.* Берег реки под обрывом.

ПОДГОРО́ДНЫЕ ЯКУ́ТЫ. Жители центральных улусов Якутии.

ПОДДЕВО́ШНИК, -а, *м.* Поводок, на котором переводят ездовых собак без нарты. *Повел собак на поддевошнике.*

ПОДДЕДЮ́ЛИТЬ, -лю, -лишь. Завладеть, присвоить, приспособить. *Мою шапку поддедюлил.*

ПОДЖИГУ́ЛИВАТЬ, -ваю, -ваешь. Поддразнивать, подначивать.

ПОДЗАМО́ЧНИКИ, ПОДТЮРЕ́МЩИКИ. Узники, заключенные в тюрьму люди. *И стали они пировать, даже подзамочники-подтюремщики пиво бочками катили* (из сказки).

ПОДЗАМО́ЧНЫЙ ВОР. Тот, кто крадет из-под замка.

ПОДЗО́Р, -а, *м.* Подвесная кайма, украшение опушки одежды.

ПОДКОЛО́ДНИК, -а, *м.* Осужденный, арестант.

ПОДЛА́З, -а, *м.* Подмытый берег реки.

ПОДЛЕ́ДКА, -и, *ж.* Зимняя рыбалка сетями. *Подледка-то у нас в октябре начинается.*

ПОДЛЕ́ДНАЯ РЫ́БА. Рыба, пойманная зимой подо льдом.

ПОДНАЖУ́РА, -ы, *ж.* Подстрекатель, подстрекательница.

ПОДНОРОВИ́ТЬСЯ, -влюсь, -вишься. Приспособиться, приучиться, натренироваться.

ПОДОБРЮ́ШНИК, -а, *м.* Тонкий ремешок под брюхом собаки, при помощи которого крепится упряжная лямка.

ПОДОРО́ЖНИКИ, *мн.* Продукты, приготовленные в дорогу.

◊ **ПОД СЕБЯ́ КОСТИТЬ** (о больном). О неспособном самостоятельно справлять естественные надобности.

ПОДОСЕ́ЛЬНЫ, *нареч.* По-старинному.

ПОДПЯТНА́Я ЖИ́ЛА. Ахиллесово сухожилие.

ПОДТАТУ́РИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Приодеваться в дорогу.

ПОДТЕТЮ́РИТЬ, -рю, -ришь. Поддеть, подцепить.

ПОДТИХА́ТЬ, -аю, -аешь. Утихать. *Погода-та подтихает.*

ПОДУГО́РЬЕ, -я, *ср.* Подножие горы, берега реки.

ПОДХА́ЛЕНЫЙ, -ая, -ое. Пережаренный.

ПО́ЕДЬ, -и, *ж.* Замороженные пищевые отбросы.

ПОЖО́Г, -а, *м.* Костер.

ПОЗАОЧЧУ ГОВОРИ́ТЬ. Заочно критиковать кого-либо.

ПОЗАРЕ́ЧЬЮ, *нареч.* За рекой. *Они позаречью проехали.*

ПОИМЕ́ТЬ ДЕ́ЛО. Совершить половой акт. *Не торопись, девка, дело поиметь — горько плакать будешь.*

ПОКИ́НУТЬ, -ну, -нешь. Обогнать, оставить позади.

ПОКЛО́Н ЗАКАЗА́ТЬ. Послать привет кому-либо.

ПОКЛО́Н ПРА́ВИТЬ. Передать привет от кого-либо.

ПОКО́ЙНИК ЛЕЖИ́Т. Старая могила.

ПОКРО́В ДЕНЬ. 14 октября — начало езды на собаках.

ПОКРО́М, -а, *м*. Поясок, которым завязывают ребенка при пеленании.

ПОЛЕБЕ́ЗИТЬСЯ, -жусь, -зишься. Слегка перекусить, отведать чего-либо. *Ну что, брат, полебезимся?*

ПОЛИСТЕ́НОК, -нка, *м*. Часть кровати со стороны стены.

ПОЛОЗНИ́ЦА, -ы, *ж*. След от полозьев нарты.

ПО́ЛОМ, *нареч*. Много, полно. *Полом рыбу поймал*.

ПОЛОРО́Т, -а, *м*. Ротозей, краснобай, врун. *Ах, ты — дикий полорот, не кричи во весь народ* (фольк.).

ПОЛУИ́МЕНЕМ КЛИ́КАТЬ (звать). О неделикатном сокращении имени человека: Сенька, Анка и т.п.

ПОЛУНО́ШНИК, -а, *м*. Северо-восток, северо-восточный ветер. *А лежит тот нос промеж Сивера на полуношник* (из челобитной).

ПОЛУСА́РКИ, -*ж*. Короткая обувь из сыромятной кожи без каблуков.

ПО́ МИРУ Е́ЗДИТЬ. Жить бедно, побираясь.

ПОНИЗНО́Й, -ая, -ое. Ветер, дующий вдоль по течению реки.

ПОНИЗО́ВЕЦ, -а, *м*. Житель, живущий ниже по течению реки.

ПОНОВИ́ЛЬНИКОМ УЙТИ́. Разойтись по чужим рукам, достаться разным лицам (о хозяйстве).

ПОНО́С ПОНЕСТИ́. Забеременеть.

ПОНУЖА́ТЬ, -аю, -аешь. Понукать.

ПОНЯ́ВА, -ы, *ж*. Длинная не по росту одежда.

ПОПЛЕ́НОК, -нка, *м*. Униженный, поруганный человек.

ПО́ПОЛЗЕНЬ, -зня, *м*. Человек маленького роста.

ПОПОЛЗУ́ХА, -и, *ж*. Скользящий узел.

ПО́РКА, -и, *ж*. Распорка, раздвижка.

ПО́РОБЕНЬ, -бня, *м*. Верхняя часть лодки, корзины. *Наполнить до поробня*.

◊ **ДО ПО́РОБНЕЙ НАЛИ́ТЬ (НАБИ́ТЬ)**. Наполнить доверху.

ПОРО́ДА, -ы, *ж*. Родня, род, клан. *Чихачевская, Киселевская порода*.

ПО́РОЗ, -а, *м*. Бык-производитель. *В октябре убил оленя, оказался пороз — мясо с худым запахом*.

ПОРОШИ́НКА, -и, *ж*. Песчинка.

ПО РУКА́М БИ́ТЬСЯ. Биться об заклад, держать пари.

ПО́СЛЕ НАТО́ТОВО, *нареч*. На четвертый день; *см*. **нататтом**.

ПОСО́БЫЙ, -ая, -ое. Попутный ветер.

ПОСТЕ́ЛЯ, -и, *ж*. Шкура зимнего оленя, используемая для подстилки.

ПОСТО́И ДЕРЖА́ТЬ. Содержать постоялый двор.

ПОСТО́ЙЩИК, -а, *м*. Постоялец.

ПО СУДЬБЕ́ ИДТИ́. Жить своим умом, быть самостоятельным.

ПО-ТАЛИКУ́, *нареч*. По секрету.

ПО-ТА́МОШНИ БА́ЯТЬ. Изъясняться литературным языком.

ПОТА́ЧКУ ДАВА́ТЬ. Потакать.

ПОТО́ПА, -ы, *ж*. Наводнение.

ПО́ТЯГ, -а, *м*. (преимущественно *кол*.). Длинный ремень, к которому пристегивают собак в упряжке; *см*. **поводок**.

ПО́ХОДЯ ЕСТЬ, *нареч*. Есть на ходу. *В Москве-то люди все походя едят*.

ПОЦА́-ПОЦА́! *межд*. Команда запряженным в упряжку собакам.

◊ **ПОЦЕЛУ́Й ПРОБОЙ И ИДИ́ ДОМО́Й**. О неудачном посещении кого-либо.

ПО́ЧИНУ СИДЕ́ТЬ, БА́ЯТЬ. Соблюдать этикет, вести себя культурно.

ПОШАХНУ́ТЬСЯ, -нусь, -нешься. Покачнуться.

ПОШО́РКАТЬ, -аю, -аешь. Потереть, помассажировать.

ПРЕДСТА́ВЛЯТЬСЯ, -яюсь, -яешься. Симулировать, прикидываться.

ПРИВЕ́ТНОЕ И́МЯ. Прозвище.

ПРИ́ВОЛОКА, -и, *ж*. Конец тони; место, где вытягивают невод на песок.

ПРИГЛУ́БЫЙ, -ая, -ое. Берег, у которого вода достаточно глубока, чтобы закинуть невод.

ПРИЗДЫМА́ТЬСЯ, -маюсь, -маешься. Приподниматься.

ПРИЗНА́КА, -и, *ж*. Личное клеймо; дорожный предупредительный знак.

ПРИЗНЯ́ТЬСЯ, -змусь, -змешься. Приподняться.

ПРИ́ЗОРКО СМОТРЕ́ТЬ, *нареч*. Пристально разглядывать.

ПРИКЛА́ДЫВАТЬ, -аю, -аешь. Придумывать, сочинять.

◊ **ПРИКЛА́ДЫ ПРИКЛА́ДЫВАТЬ**. Отбивать низкие поклоны перед иконой. *И стали они Господа Бога просить, приклады прикладывать.*

ПРИКОСНУТЬСЯ, -нусь, -нешься. Привидеться, померещиться. *Ему с пьяных-то глаз всякое может прикоснуться.*

ПРИЛО́Г, -а, *м.* Предание, легенда.

ПРИЛУ́К, -а, *м.* Высокий берег реки, у которого вода достаточно глубока, чтобы закинуть невод.

ПРИПА́Й, -я, *м.* Морской береговой лед, примерзший ко дну.

ПРИПЛЕ́СТОК, -тка, *м.* Береговая полоса песка, покрытая льдом.

ПРИПЛОТИ́ТЬ, -тю, -тишь. Плотно подогнать что-либо.

ПРИСКРЕБА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Придраться.

ПРИСТАВА́ТЬ, -таю, -таешь. Заступаться за кого-либо, защищать.

ПРИСТА́ТЬ, -аю, -аешь. Сильно устать, остановиться не в силах двигаться дальше.

◊ **ДО ПРИСТА́ТКУ ДОЙТИ́**. Сильно устать, обессилеть.

ПРИ́СОЛОЧЕК, -чка, *м.* Щепотка соли.

ПРИСТО́ЙНА, -ы, *ж.* Утренняя тоня, первый заброс невода.

ПРИСЯ́ДОК, -дка, *м.* Костяная, свинцовая обойма на конце ручки ножа.

ПРИТАМА́ННЫЙ, -ая, -ое. Закадычный, давнишний.

ПРИТАРА́НИТЬ, -ню, -нишь. Притащить.

ПРИТИ́М СМОТРЕ́ТЬ, *нареч.* Внимательно, близко разглядывать.

ПРИ́ТКА ПРИКИ́НУЛАСЬ. Внезапная неизлечимая болезнь, порча, припадок.

ПРИ́ТОРОМКОЙ, -ая, -ое. Приторный.

ПРИТУ́ЛЬЕ, -я. *ср.* Убежище, приют, кров.

ПРИХЕЛЯ́ТЬСЯ, -яюсь, -яешься. Прикидываться, симулировать.

ПРИХЛА́МАСТИТЬ, -щу, -стишь. Присвоить чужую вещь.

ПРОГАЛА́НИТЬ, -ню, -нишь. Пропить, растранжирить; *см.* **галанить.**

ПРОГЛА́СНИЦА, -ы, *ж.* Тембр голоса.

ПРОГО́Н, -а, *м.* Плата за проезд; длинная веревка, при помощи которой протягивают сеть подо льдом.

ПРО́ЕСТИ, *мн.* Издержки, убытки.

ПРО́ДУХ, -а, *м.* Отверстие во льду, проделанное нерпой.

ПРО́ЙМА, -ы, *ж.* Петля у рукавицы.

ПРОКО́ПЬЕВ ДЕНЬ. 21 июля — начало промысла ленных гусей.

ПРОЛО́М, -а, *м.* Тонкий наст, непрочная корка снега, ломающаяся под полозьями нарты.

ПРОМЫ́ШЛЕННИК, -а, *м.* Охотник-промысловик; удачливый охотник-рыбак.

ПРОПА́СТЬ. Сдохнуть, околеть (о собаке).

ПРОСТА́Я. Непривязанная (о собаке); *см.* **опростаться**. *У него собаки-те простые бегают.*

ПРОТИВНО́Й, -ая, -ое. Встречный ветер.

◊ **ПРОТИ́ВНОЕ СЛО́ВО**. Возражение, слово, сказанное наперекор. *До старости он мне противного слова не сказал.*

ПРОХОННУ́Ю, *нареч.* Постоянно, сильно, вовсю. *Он прохонную песню поет.*

ПРО́ШВА, -ы, *ж.* Вставная, для крепости, полоска при шитье обуви.

ПРОЮЛИ́ТЬ, -лю, -лишь. Промотать.

ПРУДИ́ЛО, -а, *ср.* Остол, палка, при помощи которой останавливают упряжку собак.

ПРЫСК, -а, *м.* Находиться в расцвете физических сил.

◊ **В СА́МОМ ПРЫСКУ́**, *нареч.* В поре возмужалости. *Он находится в самом прыску.*

ПРЯДЕНО́, -а, *ср.* Круто скрученная нить.

ПУ́ЖЕНКА, -и, *ж., м.* Черт, бес.

ПУ́ПКА, -и, *ж.* Рыбье брюшко.

ПУСТОБА́Й, -я, *м.* Краснобай.

ПУСТОЕ́ МЕ́СТО. Ничего не стоящая вещь.

◊ **ПУСТО МЕ́СТО БА́ЯТЬ**. Пустословить, говорить вздор.

ПУСТО́Й, -ая, -ое. Один только, только лишь. *Дома мужиков нет, остались пустые бабы.*

ПЯ́ТА, -ты, *ж.* Шип, на котором вращается дверь.

Р

РАДЕ́ТЕЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Старательный, работящий.

РАДЕ́ТЬ, -ею, -еешь. Заботиться, стараться, хотеть, хлопотать. *У него душа не радеет.*

◊ **СЕ́РДЦЕ НЕ РАДЕ́ЕТ**. Нет желания, стимула.

РАЖЕ́НЬ, -жня, *м.* Вертел, на котором жарят мясо или рыбу. *Не было котелка, гуся на ражне жарили.*

РАЗБО́Й, -я, *м.* Участок реки, где много отмелей, перекатов и островов.

РАЗДРОБИ́ТЬСЯ, -блюсь, -бишься. Обессилеть. *Собаки мои совсем раздробились.*

РАЗЛО́Г, -а, *м.* Низина в горах, ложбина, падь.

РАЗМАТЕРЕ́ТЬ, -ею, -еешь. Поправиться, растолстеть.

РАЗНОБОЯ́РЩИНА, -ы, *ж.* Беспорядок, неразбериха, несогласованность.

РАЗНОРЫ́БИЦА, -ы, *ж.* Пересортица, разнобой, несогласованность.

◊ **РАЗНОХА́ЕМ ХОДИ́ТЬ**. Быть плохо, неряшливо одетым.

РАЗОРИ́ТЬ, -ю, -ишь. Добыть много рыбы, песца, птицы.

РА́КОВИСТЫЙ, -ая, ое. Коренастый.

◊ **РАСПА́ХИВАТЬ ДВЕРЬ НА ПЯТУ**. Открывать дверь нараспашку. *Он у начальства дверь на пяту распахиват.* Равнозначно современному: «Ногой дверь открывает».

РАСПЕ́ЛИТЬСЯ, -юсь, -ишься. Расшириться, расставиться вширь. *Распелился на пути — ни пройти, ни проехать.*

РАСПО́БЛИКА, -и, *ж.* Беспорядок, хаос. *В избе-то у него вечная распоблика.*

РАСТРЕСЛА́СЬ. Родила (о женщине). *Баба у него недавно растреслась.*

РА́ТОВИЩЕ, -а, *ср.* Древко копья; *см.* **ратовье**.

РА́ТОВЬЕ, -я, *ср.* Древко копья; *см.* **ратовище**.

РЕ́БИНА, -ы, *ж.* Остов лодки.

РЕЗУ́Н, -а, *м.* Тонкий наст, который режет ноги собакам.

РЕКОСТА́В, -а, *м.* Время замерзания реки.

РЕ́ЛИ, *мн.* Высокий треножник.

РЕМЕ́НЧАТ СТУЛ. Складной стул на ремнях. *И садился он на ременчат стул...* (из былины).

РЕТИ́ВОЕ, -ого, *ср.* Сердце. *Щемит в груди ретивое....* (из причитаний).

РЕШИ́ТЬ, -шу, -шишь. Прикончить, убить, извести. *Отцовское наследство все начисто решил.*

РО́ВДУГА, -и, *ж., як.* Замша из оленьей шкуры.

РО́ВНЯ, -и, *м.* Люди одного возраста, сверстники; люди одинакового достатка, равного общественного положения.

РОДИ́МНИЦА, -ы, *ж.* Роженица.

РО́ДИНА, -ы, *ж.* Родня.

РОДНИ́К, -а, *м.* Родственник.

РО́МЖИНА, -ы, *ж.* Перекладина, стягивающая плот.

РО́ССТАНИ, -ней, *м.* Перекресток дорог.

РУБЕЖО́К, -жка, *м.* Зарубок.

РУБЛЯ́НКА, -и, *ж.* Жилье русской постройки; *см.* **русский дом**.

РУБУДЕ́Л, -а, *м.* Сруб на сваях для хранения мелкого инвентаря.

РУГА́ТЕЛЬНИК, -а, *м.* Неуживчивый человек.

РУЖЕ́ЙНИК, -а, *м.* Меткий стрелок.

РУ́КИ ВЗЯЛИ. Об украденном.

РУ́КИ ПЕ́РИКОМ СТОЯ́ТЬ, *нареч.* Стоять, держа руки на поясе, фертом.

РУКОВЕ́ТКА, -и, *ж.* Рукоятка.

РУКОДЕ́ЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Мастеровой, умелец.

РУ́ССКАЯ ХМЕЛЬ. Алкоголь. *Парень, много водки не пей, но русскую хмель не ругай.*

РУ́ССКИЙ ДОМ. Сруб, жилье русской постройки; *см.* **рублянка**.

РЫБОЛО́ВКА, -и, *ж.* Шумовка, большая дырявая плоская ложка.

РЫСЬ, -и, *ж.* Бег собаки, при котором она ставит на землю одновременно одну переднюю и одну заднюю ноги. *Ехали рысью.*

С

СА́ВКА, -и, *ж.* Утка-морянка.

СА́ДКО, *нареч.* Ударить сильно, с надсадой. *Съехались они и ударились садко-метко* (из былины).

САДО́К, -дка, *м.* Расстояние между привязанными грузилами и поплавками сети.

САЖЕ́НЬ, -и, *м.* ◊ **ПЕЧА́ТНАЯ САЖЕ́НЬ**. Длина, равная росту человека с поднятой рукой. ◊ **САЖЕ́НЬ КОСА́Я**. Мера длины, равная расстоянию от левой пятки до среднего пальца правой руки (примерно 2,2 м). ◊ **САЖЕ́НЬ ПРОСТА́Я**. Длина, равная размаху рук (примерно 2,13 м).

СА́ЙБА, -ы, *ж.* Наземное сооружение из дерна для временного хранения рыбы.

СА́ЛО, -а, *ср.* Гол при игре в футбол или хоккей. *Мы им два сала забили.*

САМОРУЧНО, *нареч.* Самовольно.

СА́НКИ, *мн.* Нижняя челюсть.
САРА́Й, -я, *м.* Навес, под которым сушат рыбу.
СА́РЫ, *мн.* Сапоги из конской кожи.
САТА́, -ы, *ж.* Камень, осколок метеорита, якобы обладающий магическими свойствами.
СБА́ЯТЬСЯ, -юсь, -ешься. Сговориться.
СВАЛ, -а, *м.* Нарост на стволе дерева.
СВА́РА, -ы, *ж.* Ремень, при помощи которого собака пристегивается к потягу.
СВЕЖИНА́, -ы, *ж.* Свежая рыба.
СВЕРСТА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Сравниться.
СВЕ́ТЛА НЕДЕ́ЛЯ. Пасхальная неделя.
СВО́Й УМ ДЕРЖА́ТЬ. Жить своим умом.
СВЫСОКА́ БА́ЯТЬ, *нареч.* Говорить высокомерно.
СВЯ́ЗКИ, *мн.* Завязки у шапки.
СВЯ́ТЦЫ, *мн.* Деревянный календарь.
СГО́ВОР, -а, *м.* Обручение невесты с женихом.
С ГО́ЛКУ УМЕРЕ́ТЬ, *нареч.* Скоропостижно.
С ГУ́БОЙ НАБЕЖА́ТЬ. Здороваясь, поцеловать.
СДАМЕКНУ́ТЬСЯ, -нусь, -шься. Догадаться.
◊ **С ДЕ́РВА ПА́ДАТЬ**. Говорить невпопад, не по теме.
С ДИ́ВА ПРОПА́СТЬ. Очень удивиться.
С ДИ́ВУ ДИВИ́ТЬСЯ. Очень удивиться.
СДО́ХИ ОТБИ́ТЬ. Отбить легкие при драке.
СЕ́ЛЬНИЦА, -ы, *ж.* Деревянная ванночка для разделки рыбы.
СЕЛЯ́НКА, -и, *ж.* Тушеное мясо в виде крошева.
СЕМИ́ТКА, -и, *ж.* Семерка.
СЕ́НДУХА, -и, *ж.* Тундра, суша, природа. *Сендуха кого выручит, кого и выучит* (поговорка).
СЕ́НДУШНЫЙ, -ого, *м.* Мифический хозяин тундры, леший.
СЕ́НУТЬ, -ну, -нешь. Получить небольшую трещину.
СЕ́РА, -ы, *ж.* Лиственничная смола.
СЕ́РИТЬ, -рю, -ишь. Замазывать швы лодки лиственничной смолой.
СЕСТРИ́НИЦА, -ы, *ж.* Двоюродная сестра.
СИ́ЛА НЕ БЕРЕ́Т. Непосильно, тяжело.
СИЛИ́К, -а, *м.* Целина.

СИЛИ́МЧИК, -а, *м.* Щепотка табака.
СИЛИ́НКА, -и, *ж.* Осколок фарфора.
СИ́ЛО, -а, *ср.* Силок, петля.
СИЛОДЕ́РОМ, *нареч.* Самовольно. *Она-то без родительского благословения — силодером — замуж ушла.*
СИМИ́ЛКА, -и, *ж.* Закуток.
СИМИЛУ́ БИТЬ. Без толку суетиться, быть активным.
СИ́МКА, -и, ж. Деталь сторожевого механизма песцовой ловушки.
СИНЕВИ́ЦА, -ы, *ж.* Синяк под глазом.
СИНЯ́К, -а, *м.* Несозревший мех песца. Он имеет синевато-белый цвет.
СКА́ЗКИ, *мн.* Разговоры, новости, сообщения.
СКАЛИ́ТЬ, -лю, -лишь. Скулить.
СКАЛЯ́ПИНА, -ы, *ж.* Полено.
СКЛА́ДЕНЬ, -дня, *м.* Створчатая икона.
СКЛА́ДЫВАТЬ, -аю, -аешь. Сочинять. *Он-то мастер частушки складывать.*
СКОМОДВЕ́РЬЕ, -я, *ср.* Приспособление в виде двух складывающихся бревен с зубьями, при помощи которых мнут кожи.
СКОТ, СКОТИ́НКА. Ездовые собаки.
СКУПО́Е О́ЗЕРО. Озеро с иловатым дном, куда нередко зарывается рыба.
СКУРЛА́ТЫ, -ов, *мн.* Палачи. Слово, видимо, образовано от обычной в фольклоре формы произношения фамилии главы опричников Малюты Скуратова.
СЛА́БОХ! СЛА́БОХ! Слава Богу!
СЛЕВНУ́ТЬ, -ну, -нешь. Дать пощечину.
СЛЕ́ГА, -и, *ж.* Жердь.
СЛЕПУ́ШКА, -и, *м.* Песец после рождения.
СЛОВА́. ◊ **КАРА́ЦКИЕ СЛОВА́**. Магические слова, обладающие целебной силой. По преданию, таких слов 40. Их надо заучить, записывать нельзя. Если забудешь хоть одно, заговор теряет волшебную силу. Более того, сам колдун может заболеть или умереть. ◊ **КЛЮЧЕВЫ́Е СЛОВА́**. Проклятия, заклинания. *Да сбудутся мои ключевые слова.* ◊ **СЛОВА́МИ ОБНОСИ́ТЬ**. Оскорблять.
СЛЫ́ШАТЬ, -шу, -шишь. Понимать чужой язык. *Я по-якутски-то все слышу.*

СМА́ХУ, *нареч.* Сразу, сходу.
СМЕТТИ́ЩЕ, -а, *ср.* Бытовая свалка.
СМЕТЬЁ, -я, *ср.* Сор в избе.
СМУ́ТНО, *нареч.* Тревожно, беспокойно. *Что-то смутно у меня на душе.*
СНЕЖНИ́ЦА, -ы, *ж.* Снежная каша.
С НО́ЕВОЙ ПОТОПЫ, *нареч.* С давних пор.
СНОРО́КОМ, *нареч.* Умышленно, преднамеренно. *Он снороком двойки получает — лень учиться.*
СО́ЗА, -ы, *ж.* Мягкая сердцевина кости.
СОЛКО́М, *нареч.* Полностью. *Груз-от солком вывезли.*
СОРО́ЧКА, -и, *ж.* Деревянный флюгер.
СОТКНУ́ТЬСЯ, -нусь, -ешься. Остановиться, закончить движение. *Только соткнулся — начальство кличет.*
СОХА́ТЫЙ, -ого, *м.* Созвездие Большая Медведица.
С ПЕНЬКА́ ДРИСТА́ТЬ. Говорить невпопад, не по теме.
СПИХНУ́ТЬСЯ, -нусь,-ешься. Сдвинуться с места, отъехать, начать движение.
СПИ́ЦА, -ы, *ж.* Деревянный гвоздь, на который вешают головной убор.
СПЛЕ́СА, *нареч.* Ветер, дующий против течения реки.
СПЛО́ТКА, -и, *ж.* Небольшой плот.
С ПОЛО́ЗА ДА ЗА СТОЛ. С корабля на бал.
С ПОЛО́ЗА ЖИТЬ (ПИТА́ТЬСЯ). Жить без запаса пищи, дров и т.п.
СПОЛО́ХИ, *мн.* Северное сияние.
СРЕ́ТЕНСКА НЕДЕ́ЛЯ. Середина февраля.
С РУКО́Й НАБЕЖА́ТЬ. Радостно пожать руку.
СТАКА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Встречаться в условленном месте.
СТА́Я, СТА́ЙКА, -и, *ж.* Конура для собаки.
СТВОЛИ́НА, -ы, *ж.* Ружейный ствол.
СТЕГНО́, -а, *ср.* Бедро.
СТЕНЬ, -и, *ж.* Тень; некая невидимая оболочка, которая оберегает человека от болезней. Когда эта оболочка разрушается, человек становится пугливым, равнодушным к жизни. Такое состояние объясняется просто: «У него улетела стень». Вылечить может шаман.
СТО́ЕСЬ, *нареч.* Даже. *Он стоесь к брату не зашел.*

СТОК, -а, *м.* Восток, восточный ветер.
СТРАСТЬ, -и, *ж.* 1. Ужас. *Господи, отрасль какая!* 2. Очень, весьма. *Ламуты тоже страсть хорошие люди.*
◊ **СТРА́СТИ ПОКА́ЗЫВАТЬ**. Удивлять, ошеломлять.
СТРА́ФИТЬСЯ, -флюсь, -фишься. Случайно встретиться.
СТРЕ́ЛИТЬ, -лю, -лишь. Выстрелить. *Я-то только один раз по гусям стрелил.*
СТРЕ́СКИ, *нареч.* Буквально, совершенно. *Он стрески ничего не понимает.*
СТРОГАНИ́НА, -ы, *ж.* Кушанье из свежемороженой строганой рыбы.
СТРУЖ, -а, *м.* Рубанок.
СТРУЮ́ РАСКОЛО́ТЬ. Быстро уплыть.
СТУДЕНО́, *нареч.* Холодно.
СТУКОТО́К, -тка, *м.* Продолжительный стук.
СТУПНИ, -ней, *мн.* Толстое бревно с большими зарубками, выполняющее роль лестницы.
СТУПЬ, -и, *ж.* Самый тихий темп движения, медленный шаг. *Ехать ступью.*
СТЫ́ДКО, *нареч.* Некрасиво.
СТЫДКО́Й, -ая, -ое. Некрасивый.
СТЯГ, -а, *м.* Рычаг, вага.
СУКУШЕ́Р, -а, *м.* Ноша, привязанная к спине для переноски на большое расстояние. *Ушел с сукушером* (т.е. унес поклажу на себе).
СУ́МАРЕТЬ, -и, *ж.* Облачность.
СУПЕ́РИК, -а, *м.* Перстень с камнем.
СУПТЕ́ЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Небольшой, миниатюрный, аккуратный.
СУТУ́ГА, -и, *ж.* Верхний ободок ведра.
СУТУ́НОК, -нка, *м.* Звено, составная часть чего-либо.
СУТУРЫ́, *мн.* Короткие, до колен меховые шаровары.
СУШЕ́ДКО, СУСЕ́ДКО, -и, *м.* Мифологическое существо, добрый дух домашнего очага.
СХО́ДНИ, *мн.* Трап, лестница. *Корабль остановился, сходни выбросили, по сходням вышли* (из сказки).
СХО́ЖИ БРА́ТЬЯ. Шпана, шваль, шайка. *Его-то имущество схожи братья растащили.*

СЧЕТ ПОТЕРЯ́ТЬ. Сбиться со счета.
СЫ́ЗНАКОВО, *нареч.* Делать все сначала.
СЫСПОДТИ́ХА, *нареч.* Исподтишка, постепенно.

Т

ТАЖНА́, *нареч.* Тогда.
ТАИ́ТЬ, -ю, -ишь. Скрывать правду.
ТА́ЙБОЛА, -ы, *ж.* Далекая необитаемая глушь. *Ты, брат, в такую тайболу не езди.*
ТАЙНИ́ЦА, -ы, *ж.* Задушевная подруга.
ТАКА́ТЬ, -аю, -аешь. Поддакивать.
ТАЛА́Н, -а, *м.* Рок, судьба, участь.
ТАЛИ́НА, -ы, *ж.* Прут тальника, ивы.
ТАМА́Р, -а, *м.* Стрела с деревянным набалдашником.
ТА́МОКА, ТА́МОТКА, *нареч.* Там.
ТА́МОШНИЙ, -ое, -ое. Приезжий, из Центральной России человек. *Тамошние люди не нам чета — они свет видели.*
ТАПЕ́РЬ, ТАПЕ́РЯ, *нареч.* Теперь, нынче.
◊ **ДО ТАПЕ́РЯ**, *нареч.* До настоящего времени. *Стали жить-поживать и до таперя* (из сказки).
ТАРАГА́Й, -ая, *м., як.* Плешивый, лысый человек.
ТАРА́МГАТЬСЯ, -аюсь , -аешься. Настойчиво стремиться куда-либо.
ТАРБЕ́Й, -я, *м.* Птица-поморник.
ТАХТИ́ТЬСЯ, -тюсь, -тишься. Топтаться на одном месте.
ТВОРИ́ЛО, -а, *ср.* Лаз в погреб, подъемная дверь.
ТЕЛЬНО́, -а, *ср.* Рыбный пирог; «тесто», которое делается из рыбьей мякоти; *см.* **варок**.
ТЕ́ЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Упитанный, мясистый.
ТЕ́ПЛЕШЬ, -и, *ж.* Теплота.
ТЁПЛЫЙ СТОК. Юго-восточный ветер.
ТИГИЛИ́ ДАТЬ. Броситься наутек.
ТИШЬ, -и, *ж.* Спокойный плес реки; *см.* **затишь**.
ТОДЕ́ЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Специально приготовленный, предназначенный.
ТОЗНА́, *нареч.* Тогда.
ТО́КАТЬ, -аю, -аешь. Биться, пульсировать.
ТОЛК, -а, *м.* Понятие, разум.

ТО́ЛКОВАТЬ, -ую, -уешь. Понимать, соображать. *Теперь-то мы кое-что толковать стали.*
ТО́ЛЬКО ГО́РЛО КО́РМИМ. Плохой улов, при котором рыбы хватает только на пропитание.
ТОЛМА́Ч, -а, *м.* Переводчик.
ТОЛМА́ЧИТЬ, -чу, -чишь. Переводить с одного языка на другой, разъяснять что-либо.
ТО́ЛМИТЬ, -млю, -мишь. Толковать, объяснять, внушать. *Сколько можно об одном и том же толмить.*
◊ **В ОДНУ́ ЩЕ́КУ ТО́ЛМИТЬ**. Повторять одно и то же.
◊ **ВТО́ЛМИТЬ В ГО́ЛОВУ**. Внушить, вбить в голову.
ТОНЯ́, -и, *ж.* Песок, вдоль которого закидывают невод; процесс закидывания невода. *Сегодня мы две тони кинули.*
ТОР. ◊ **ТО́РНАЯ ДОРО́ГА**. Хорошо укатанная дорога.
ТОРБАЗА́, ТОРБАСА́, *мн., як.* Меховые сапоги из оленьих лап (камусов).
ТОРБОСКИ́, *мн.* Сапожки, которые надевают на пораненные лапы собак.
ТОШЩО́, -а, *ср.* Дупло, пустота.
ТРЕНО́К, -нка, *м.* Тренога; ремень для спутывания ног лошади.
ТРЕПУ́ЩИЙ, -ая, -ое. Трепещущий, живой, свежий (о рыбе).
ТРЕТЬЯ́К, -а, *м.* Теленок, жеребенок по третьему году.
ТРИЧЕВО́НЕ, *нареч.* Позавчера.
ТРОЕСПО́ДНЯЯ, -ей, *ж.* Преисподняя; что-то огромное, великое, глубокое.
ТРО́ПКА, -и, *ж.* Пробка.
ТРО́Ю, *нареч.* Трижды, три раза.
ТРУБОЧИ́ЦА, -ы, *ж.* Меховая затычка трубы камелька.
ТРУХА́ВЫЙ, -ая, -ое. Печальный, скучный; дряблый, гниловатый, сопрелый.
ТУБУ́РКА, -и, *ж.* Деревянная застежка.
ТУГУ́Т, -а, *м., як.* Олененок.
ТУЗЛУ́К, -а, *м.* Крепкий рассол для приготовления рыбы.
ТУК, -а, *ж., ср.* Дородность, плотность тела, здоровье.
◊ **В ТУК НЕ ИДЕТ**. Не на пользу пища. *Столовская еда в тук не идет.*
ТУКТУ́Й, -я, *м.* Топор-колун.
ТУЛ, -а, *м.* Колчан для стрел. *Дедушкин-то тул у меня еще сохранился.*

ТУМТА́РЕЧКА, -и, *ж.* Зазнобушка.

ТУНТА́Й, -я, *м.*, *як.* Маленький деревянный бочонок.

ТУ́РКА, -и, *ж.* Легкая оленья нарта чукотского образца.

ТУРПА́Н, -а, *м.* Селезень, самец любой утки.

ТУРСУ́К, -а, *м.* Кожаный мешочек для хранения дроби и пистонов.

ТУСА́Х, -а, *м.* Нитка волосяная для привязывания грузил или поплавков к сети.

ТУ́ТАКА, *нареч.* Тут, здесь.

ТУХА́, -и, *ж.* Польза. *Вовсе тухи ниту.*

ТЫ́ГАН, -а, *м.* Лоскут шкуры или холста, на котором разделывают мороженую рыбу или мясо.

ТЫ́СЯЦКИЙ, -ого, *м.* Распорядитель свадьбы.

ТЫЧИ́НЫ, *мн.* Переносные колья, к которым привязывают ставной невод.

ТЫ́ЧКА, -и, *ж.* Кол, за который привязывают сеть.

ТЮКА́, -и, *ж.* Предел, конец.

◊ **ДО ТЮКИ́ ДОСИДЕ́ТЬ**. Дойти до предела, до отчаянного положения. *До тюки досидели.*

ТЯГА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Судиться, ходить по судам.

ТЯ́ГЛЫЙ, -ая, -ое. Хорошо тянущая в упряжке собака.

ТЯ́ТЯ, -и, *м.* Отец, батюшка; ласковое обращение к младшему по возрасту. *Тятя, сбегай-да в магазин.*

У

УБО́Й, -я, *м.* Плотный снег, твердая дорога.

УБРО́Д, -а, *м.* Глубокий рыхлый снег.

УВАЖА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Угощаться, наслаждаться, потчевать самого себя. *За столом один сидит да яствами уважается.*

УГА́Х, -а, *м.*, *як.* Место около печки, где хранится кухонная утварь.

УГЛУ́ХА, -и, *ж.* Тьма.

У́ГОЛЬ ДА ПЕСО́К. Бедность, нищета. *Родители ее жили очень бедно, просто уголь да песок.*

УГО́Р, -а, *м.* Крутой берег, увал вдоль реки. *Он живет на самом на угоре.*

УГО́РОВАТЬ, -ую, -уешь. Приобрести, достать, выпросить.

У́ДА, -ы, *ж.* Деревянная острая спица с наживкой, при помощи которой ловят налимов.

УДА́ЛОЙ, -ая, -ое. Работящий, активный.

УДОБА́РИТЬСЯ, -рюсь, -ришься. Справиться, осилить, победить.

УДОГА́НКА, -и, *ж.*, *як.* Шаманка.

УДУ́ШЬЕ, -я, *ср.* Грипп.

УЖА́! УЖА́ТЕ! *межд.* Выражает удивление. Как же так! Ой, не так! Неужели! Погоди! *Ужате, брат, не торопитеся!*

УЖЕ́ТИТЬ, -чу, -тишь. Высмотреть, выследить.

УКАТА́ТЬ, -аю, -ешь. Добыть много рыбы, песца, дичи. *Его бригада в это лето рыбу-то укатала.*

У́ЛЕДИ, *мн.* Плохо сшитая обувь.

У́ЛОВО, -а, *ср.* Место в реке, где устанавливают сети.

УЛЮКТА, -ы, *ж.*, *эв.* Мелко нарезанное, сушеное мясо. В свое время его грызли вместо семечек.

УМЕ́КАТЬ, -аю, -аешь. Избить.

УМ КАТА́ЕТСЯ. Нет уверенности в своих силах.

УМ ТЕРЯ́ТЬ. Сойти с ума; безумно любить.

УПАЛО́Й, -ая, -ое. Исхудалый.

УПА́СТЬ, -ду, -дуешь. Внезапно начаться. *Погода упала, ветер упал.*

◊ **В НУЖДУ́ УПА́СТЬ**. Разориться, обеднеть.

УПЕ́ТАТЬ, -аю, -аешь. Погубить, извести.

У́ПОВЕДЬ, -и, *ж.* Долгий отрезок времени. *Ушла-да уповедь потерялася.*

УПРУ́Г, -а, *м.* Шпангоут у лодки.

УПУВА́Н, -а, *м.* Подзор, край подола, полоса, пришиваемая к подолу кухлянки.

УРАСА́, -ы, *ж.* Промысловая избушка в виде конуса.

УРОДО́ВАТЬ, -ую, -уешь. Вредить.

У́РОС, -а, *м.* Каприз, причуда.

У́РОСИТЬ, -шу, -сишь. Капризничать, упрямиться.

У́РОСЛИВЫЙ, -ая, -ое. Капризный, вредный.

УРО́Х, -а, *м.* Затупившийся нож.

УРУ́Н, -а, *м.* Кровать, нары.

У́СКОРНО, *нареч.* Срочно, быстро.

УСТАВЩИ́К, -а, *м.* Мастер строительных работ, прораб.

УТИ́МИТЬСЯ, -млюсь, -мишься. Уставиться взглядом.

У́ТОЛОКА, -и, *ж.* Утоптанное место.

У́ТОПЕЛЬ, -и, *ж.* Топляк, сырое дерево.

◊ **У́ТОЧЬЕ ГНЕЗДО́**. Плеяды.
У́ТРЕ, *нареч.* Завтра утром.
У́ТРЕСЬ, *нареч.* Сегодня утром.
УТУНГА́, -и, *ж.*, *эв.* Торф.
УТУРИ́ТЬ, -рю, -ришь. Оглушить.
УТУРИ́ТЬСЯ, -рюсь, -ришься. Упасть оглушенным.
У́ЧКА, -и, *ж.* Учеба, наставление.
УЧУ́ВСТВОВАТЬСЯ, -уюсь, -уешься. Очухаться.
УШКА́Н, -а, *м.* Заяц.
УШКА́НИНА, -ы, *ж.* Заячья шкура.
УШО́МГАТЬСЯ, -аюсь, -аешься. Успокоиться, затихнуть.
УХВА́ТКИ, *мн.* Манера поведения.
У́ХОМ-ДА НЕ ВЕСТИ́. Не прислушиваться к мнению старших.
УХУЛА́, -ы, *ж.* Критика, порицание.
УХУ́ЛЬНИЧАТЬ, -аю, -аешь. Осуждать, порицать, критиковать.

Ф

ФЕДО́СЬИН ДЕНЬ. 11 июня — начало рыбной ловли по открытой воде.
ФУФА́ЙКА, -и, *ж.* Стеганая или подбитая мехом теплая поддевка.

Х

ХАЁС, -а, *м.*, *як.* Деревянная лопата.
ХА́ЛЕНЫЙ, -ая, -ое. Обожженный.
ХА́ЛИТЬ, -лю, -лишь. Обжигать.
ХАЛЬКИ́ РАСПУСКА́ТЬ. Губы надувать.
ХА́ЛЯ, -и, *ж.*, *юк.* Гарь, обгорелая часть чего-либо.
ХА́НЬКАТЬ, -аю, -аешь. Хныкать, плакать; *см.* **ханюкать, хинькать**.
ХАНЮ́КАТЬ, -каю, -каешь. Хныкать, плакать; *см.* **ханькать, хинькать**.
ХА́РГУС, -а, *м.* Хариус (рыба).
ХАРЕЕН! Как жаль. Восклицание, выражающее сожаление. *Песец из капкана убежал. Хареен!*
ХАРКУ́ЛЯ, -и, *ж.* Слюна, мокрота.
ХАРМА́ИНКА, -и, *ж.* Старая, изношенная одежда.
ХАРЧЁТЬ, -чу, -чишь. Хрипло дышать.
ХАХТА́, -ы, *ж.*, *як.* Юкола, приготовленная из крупной рыбы.

ХВАСНЯ́, -и, *ж.* Похвальба.
ХВО́ИТЬ, -ю, -ишь. Ремонтировать старую одежду.
◊ **ХВОЙ НА ХВОЙ**. Заплатка на заплатку, старая заплатанная одежда.
ХВОЩ, -а, *м.* Травянистое болото.
ХИ́ВУС, -а, *м.* Сильный мороз с ветром.
ХИ́НЬКАТЬ, -аю, -аешь. Хныкать, плакать; *см.* **ханькать, ханюкать**.
ХЛЁСКО, *нареч.* Быстро.
ХЛИБИКА́ТЬ, -аю, -аешь. Шататься, быть неплотно закрепленным.
ХЛИБКО́Й, -ая, -ое. Слабовольный болезненный человек.
ХЛУ́ПКА, -и, *ж.* Грудь птицы.
ХО́БОТ, -а, *м.* Полотно сети, невода без поплавков и грузил.
ХОДИ́ТЬ. ◊ **ПО ОДНО́Й ПОЛОВИ́ЦЕ ХОДИ́ТЬ**. Быть забитым, униженным, ограниченным в чем-либо. ◊ **РАЗНОХА́ЕМ ХОДИ́ТЬ**, *нареч.* Неряшливо, небрежно одеваться. ◊ **ХОДИ́ТЬ НА ЧЕТЫРЕХ КОСТЯ́Х**. Передвигаться на четвереньках. ◊ **ШИШИГОМ ХОДИ́ТЬ**, *нареч.* Ходить раздетым, нагишом. *В Якутске летом бабы-те вовсе шишигом ходят.*
ХОДО́К, -а, *м.* Соблазнитель женщин.
ХО́ЛКА, -и, *ж.* Бедро.
ХО́ЛУЙ, -я, *м.* Мелкий плавник, прибитый волнами к берегу.
ХОРО́МИНА, -ы, *ж.* Дом, жилище.
ХОХО́Л, -а , *м.* Лохматая собака.
ХРУЩКО́Й, -ая, -ое. Хрустящий.
ХУБУ́Р, -а, *м.* Весенний лед на реке.
ХУДА́Я БОЛЕ́ЗНЬ. Венерическое заболевание.
ХУДОБА́, -ы, *ж.* Болезнь, хворь; несчастье, злой рок, порча.
ХУ́ДО ДЕРЖА́ТЬ. Не хранить что-либо, не беречь.
ХУДОЕ́СТВЕННЫЙ, -ая, -ое. Человек с плохим аппетитом.
ХУДО́Й СТОК. Северо-восточный ветер.
ХУДО́Й УМ. Мрачные мысли.
ХУДО́Й УМ ПОКАЗА́ТЬ. Проявить неприветливость.
◊ **ХУДО́Й ЧУ́КЧА**. Полуреальный-полуфантастический обитатель тундры, снежный человек. Рассказы о подобных существах бытовали на нижней Лене, Яне, Индигирке и Колыме.
ХУДОУ́МЫЙ, -ая, -ое. Вспыльчивый, неуравновешенный человек.
ХУДУ́Ю КРОВЬ НАДЕ́РНУТЬ. Рассердиться, перемениться в лице.
ХУЛА́, -ы, *ж.* Порицание, осуждение, критика.

Ч

ЧАЖИ́, *мн.* Меховые чулки.

ЧА́ЙКОЙ ПА́ДАТЬ. Проявлять неудержимое корыстолюбие.

ЧА́ЙНИКУ СКИПЕ́ТЬ, *нареч.* В короткое время.

ЧА́ЛЫЙ-ДРА́НЫЙ, -ая, -ое. Бедный, нищий, бесприютный.

ЧАНДА́ЛЫ, *мн.*, *юк.* Остатки жилищ древних юкагиров.

ЧАСОВА́ТЬ, -ую, -уешь. Быть при смерти.

ЧАХЛОВА́ТЫЙ, -ая, -ое. Болезненный.

ЧАЩИ́НА, -ы, *ж.* Тонкая сухая жердь.

ЧА́ЯТЬ, -ю, -ешь. Ожидать, надеяться. *От кого чает, того величает* (поговорка).

◊ **КОГДА́ ЧА́ЕТ, ТОГДА́ ВЕЛИЧА́ЕТ**. Признает лишь тогда, когда надеется получить выгоду.

ЧА́ЯШНИК, -а, *м.* Шкурка несортового пятимесячного песца (серовато-синим цветом напоминает чайку).

ЧЕВОЛДА́Ш, -а, *м.* Нарост на дереве.

ЧЕКО́ШКА, -и, *ж.* Колотушка для рыбы.

ЧЕКУНЯ́ШКА, -и, *м.*, *ж.* Очень маленький, микроскопический.

ЧЕ́ЛЕПЕНЬ, -пня, *м.* Толстый, упитанный, мордастый человек.

ЧЕЛОВЕ́ЧЕК, -чка, *м.* Зрачок.

ЧЕМОДА́Н, -а, *м.* Шкура нерпы.

ЧЕ́РВА, -ы, *ж.* Червь.

ЧЕРВОТО́ЧИНА, -ы, *ж.* Небольшое дупло в дереве.

◊ **ЧЕ́РЕЗ БА́ЯТЬ**. Пренебрежительно отзываться о ком-либо.

ЧЕ́РЕНЬ, -рня, *м.* Рукоять ножа.

ЧЕРЕ́Т-ЛИ, *нареч.* Чуть ли.

ЧЕ́РНАЯ НЕ́МОЧЬ. Падучая болезнь, эпилепсия.

ЧЕТВЕ́РТОВОДНЕ, *нареч.* После позавчера, четыре дня назад (вчера, тричевоене, четвертоводне). *Четвертоводне большая пурга была.*

ЧЕ́ТВЕРТЬ. ◊ **ЧЕ́ТВЕРТЬ КОСА́Я**. Расстояние между кончиками большого и среднего пальцев руки, пядь, примерно 23 см. ◊ **ЧЕ́ТВЕРТЬ ПРОСТА́Я**. Длина, равная расстоянию между кончиками большого и указательного пальцев руки, примерно 20 см.

ЧИБИШО́К, -шка, *м.* Кончик носа.

ЧИГИЛИ́ ДАТЬ. Броситься наутек.

ЧИГИРКА́ТЬ, -аю, -аешь. Скрежетать зубами.

ЧИКА́НИТЬ, -ню, -нишь. Мочиться.

ЧИМЕ́Р, -а, *м.* Зад человека или животного.

ЧИСТО́ТКА, -и, *ж.*, *м.* Чистюля, чистоплотный человек.

ЧО́ПКА, -и, *ж.* Глубь, подводная яма.

ЧУБА́РКО, -и, *м.* Собака серой с пятнами масти.

ЧУБУ́К, -а, *м.* Курительная трубка.

ЧУВА́Л, -а, *м.* Камин, камелек.

ЧУКА́ВКА, -и, *ж.* Инструмент для долбления дерева.

ЧУКИ́ НАБЕЖА́ТЬ. Приблизиться на короткую дистанцию, лицом к лицу.

ЧУМ, -а, *м.* Мешок особого покроя для складывания вещей на нарте.

ЧУ́РИТЬ, -рю, -ришь. Играть в жмурки.

ЧУХМА́РЕЧКА, -и, *ж.* Любимая женщина, зазнобушка.

ЧУХНЯ́ БО́ЖЬЯ. Вранье, болтовня, треп, нелепица.

ЧУШУЯ́ ДА НЕ ПРИЛЬНУ́ЛА. Пустые хлопоты, мартышкин труд.

Ш

ШАБАРЧЕ́ТЬ, -чу, -чишь. Шуршать, шаркать. *Под завалинкой мышь шабаршит.*

ША́БИШ, -а, *м.* Багаж.

ША́ГЛА, -ы, *ж.* Жабры.

ШАРОВА́РЫ, *мн.* Меховые дорожные штаны, сшитые из оленя (камусов).

ШАРХАЛИ́, *мн.* Сосульки, натеки.

ШАРЧЕ́ТЬ, -чу, -чишь. Журчать.

ШАТКАРЫ́, *мн.* Дорожные меховые ботинки, подошвы которых сшиты из оленьих щеток.

ШАХОТО́К, -тка, *м.* Позвонок.

ША́ЯТЬ, -аю, -ешь. Тлеть.

ШЕВЕЛИ́ТЬ, -лю, -лишь. Слега сдвигать что-либо; вмешиваться в чужие дела, приставать к кому-либо; заигрывать, любезничать с женщиной.

ШЕЛО́ННИК, -а, *м.* Юго-западный ветер.

ШЕ́ПЕТКО, *нареч.* Красиво, изящно.

ШЕПЕТКО́Й, -ая, -ое. Красивый, изящный.

ШЕРБА́, -ы, *ж.* Уха, рыбный бульон.

ШЕРЕЧО́К, -чка, *м.* Щепотка соли.

ШЕСТИ́ТКА, -и, *ж.* Шестерка.
ШИБИ́НКА, -и, *ж.* Щепка.
ШИБИШНЯ́К, -а, *м.* Шиповник. *Утром девка вся шибишняком покрылась* (из сказки).
ШИ́БКО, *нареч.* Очень, весьма.
ШИ́ВЕР, -а, *м.* Подводный речной каменистый порог.
ШИГИРЫ́, *мн.* Мелкие стружки.
ШИЛИКА́Н, -а, *м.* Дух, бес, появляющийся во время Святок.
ШИМА́Х, -а, *м.* Пучок конских волос.
ШИПЛЕ́НОК, -нка, *м.* Детеныш любого зверя.
ШИРБЕ́ТЬ, -блю, -бишь. Зудиться.
ШИ́РИТЬСЯ, -рюсь, -ришься. Гордиться, важничать.
ШИРУ́НЧИК, -а, *м.* Горделивый, хвастливый человек, пижон.
ШИ́ТИК, -а, *м.* Большая речная лодка.
ШИТНИ́ЦА, -ы, *ж.* Искусная швея, крестьянская портниха.
ШИ́ТНОЙ МЕШО́К. Мешок для хранения ниток и иголок.
ШО́ГУДУ, *нареч.* В нынешнем году. *Шогуду мой сын школу заканчивает.*
ШО́ЙДА, -ы, *ж.* Деревянная нахлестка на полозьях.
ШО́РКАТЬ, -аю, -аешь. Гладить, массажировать.
ШУХУ́МА, *нареч.* Зря, напрасно. *Шухума тратились, шухума старались.*
ШУХУ́МИТЬСЯ, -млюсь, -мишься. Шуметь, суетиться. *Слышу сквозь сон: люди чего-то шухумятся.*

Э

Э́ДАКОЙ-ДА Э́СЯКОЙ. Такой-сякой.
ЭКОНО́МКА, -и, *ж.* Любовница, сожительница.
Э́СТОЛЬКО, *нареч.* Столько, в таком количестве.
Э́ТТА, *нареч.* Здесь.
ЭТТАКА́-ТО ГУВРИ́ТСЯ. Говорится по секрету, не для передачи.
ЭЭ́, *межд.* Выражает понимание, согласие; да, ладно, хорошо; *см.* **аа**.

Ю

Ю́КАТЬ, -аю, -аешь. Глухо стучать.
Ю́КОЛА, -ы, *ж.* Копченая и вяленая рыба, приготовленная особым способом.

Ю́КОЛЬНИК, -а, *м.* Сооружение с крышей, но без стен, где развешивают юколу для вяления.
ЮР, -а, *м.* Возвышенное место, обдуваемое ветрами. *Сидит баба на юру, расшиперила дыру* (песцовая ловушка).
Ю́РТА, -ы, *ж.* Изба, дом.
ЮТЕ́ТЬ, -тю, -тишь. Издавать глухой звук. *Земля ютит, богатырский конь бежит* (из сказки).
ЮХА́ЛА, -ы, *ж.* Вяленая рыба, идущая для привады песцов.

Я

ЯЗЫКО́М ВОЛТО́РИТЬ. Говорить много и бестолково.
ЯЗЫ́К У НЕГО, ЧТО КА́МУС. Болтливый человек.
Я́КША, -и, *м.* Болотная глина. *На Яру-то избы все якшой обмазаны. Хорошая глина.*
Я́ЛОВАЯ РЫ́БА. Неикряная.
ЯМАРИ́НА, -ы, *ж.* Глубокая яма.
ЯРЛЫ́К, -а, *м.* Краткое сообщение, письмо. *И писал он ярлычки-скорописемки* (из былины).
Я́РМОНГА, -и, *ж.* Ярмарка.
Я́РУС, -а, *м.* Ряд сетей подо льдом.
ЯСА́К, -а, *м.* Пушной налог.
ЯСЫ́РКА, -и, *ж.* Пленница, незаконная жена. *Просим послать нам священника, чтобы ясырок наших и детей в православную веру окрестить и молитвить* (из челобитной).
ЯСЫ́РЬ, -а, *м.* Пленник.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(*пример устной речи*)

Алексей Чикачев

Свидетель

(*Этнографическая пьеса в одном действии*)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Черемкин, свидетель, старик, 70 лет.
Суздалов, подсудимый, 25 лет.
Судья, новый человек в районе.
Заседатель, он же переводчик.

Действие происходит в Русском Устье в конце 1940-х годов.

vk.com/ethnograph

От рассказчика. Веснусь у нас суд был. Петрушку Суздаленка за воровство судили. Дядю Микиту свидетелем кликали. Люди как узнали, что старик Микитушка свидетелем выступать будет, мольча битком в клуб набилися — знают, комедия будет. И, и, наши, старик-от страсть представлялся, вохшу дураком прикинулся. Таким хворым да диким прихелялся — мы чуть со смеху кишки не надорвали. Ну просто кино!

Занавес открывается. Большой зал. За столом судья. На скамье подсудимый. В глубине зала зрители.

Судья. Пригласите свидетеля Черемкина.

Уходит посыльный. В сенях раздаются какие-то шумы, что-то там падает. Дверь наконец медленно открывается. Через порог на карачках переползает человек, обмотанный шарфами и обвязанный кушаками. Подбегают двое, освобождают его от лишней одежды, перетягивают голову платком. Наконец подводят к судебному столу.

Судья. Расскажи о себе. Кто ты?

Свидетель. Черемкин я, Микита. Верхоянского мещанина господина Лазаря сын.

Судья. Какой господин? Господ да мещан у нас давно нету.

Свидетель. Зáбуль, тятя, баешь. Верхоянские мещана все, дитятки, прикончилися. Они-да люди были! Царство им Небесное! Они все теперь на праведном пути. (*Крестится.*)

Судья. Ты что верующий что ли?

Свидетель. А то как же! Православные мы. С крестом родилися, с крестом и умрем.

Судья. Ты нам тут религию не разводи, она — опиум.

Свидетель. Какую лиригию?

Судья. А сколько лет тебе, Черемкин?

Свидетель. Много, тятя, страсть много. Я родился в тот год, когда Большой Новгородов помер. Меня в Станческой церкви крестили.

Судья. В каком году ты родился?

Свидетель. А там написано.

Судья. Где написано?

Свидетель. У Большого Новгородова на чугунном-те гóлбасе. В тот год как раз тетка Анна Лундинская окривела. Мама сказывала.

Судья. Ну ладно, запишем тебе 70 лет.

Свидетель. Пиши, только надо было сначала на Станчик съездить. Тут близко — всего 30 верст.

Судья. Зачем ехать на какой-то Станчик?

Свидетель. Чтобы надпись на чугунном-те голбасе прочитать. Там из точки в точку мои года указаны.

Судья. Судили ли тебя, Черемкин, когда-нибудь?

Свидетель. Грех! Бог со мной! Я ничего не науродовал. При царской-да власти не судился, при советской-да не судился, во свидетелях-да не был.

Судья. Беспартийный?

Свидетель. Чего? Не толкую я.

Судья. Я говорю: коммунист ты?

Свидетель. И, и, тятя, какой из меня коммунист. Ни зачат, ни почат не знаю. Хворой я. Да и на собраниях долго сидеть не могу — поясницу ломит.

Судья. Имеете ли поощрения?

Свидетель. Охто они, ощерения-те?

Судья. Ну награды у тебя есть? Ордена, медали?

Свидетель. Вохшу, тятя, ничаго-да ниту.

Судья. Ну взыскания имеешь?

Свидетель. Не толкую, брат. Охто они, искания-те?

Переводчик. Наказания, выговоры.

Свидетель. Гувру ведь, я ничего не науродовал, ништо меня будут наказывать?! Ланись один уполномоченный из района приезжал — такой черной, широкой. Он у меня деньги на облигации требовал. Я ему вопросы задавал много. А деньги у меня ниту. Он не верит. Тут меня и розорвало: «Возьми, — говорю, — мою грязную фуфайку, больше у меня ничего ниту». Он, брат, страсть обзадорился. Рявкать на меня стал да выговор давал. Я не взял.

Судья. Чего не взял?

Свидетель. Выговор я не взял. Он целую уповедь меня уговаривал, чтобы я выговор принял. Ништо я возьму — худоба ли, охто ли на меня упадет. И так я хворой. Меня-то давно бы на верéчью уволокли да в могилу бы закопали, если бы не тятина та óбережь.

Судья. Зачем тебе обрез?! Безобразие. Черемкин, обрез немедленно сдайте в милицию! Повторяю: немедленно.

Свидетель. Какой обрез! Чего, брат, дичашь винно? У, у, брат, по-нашему-то, по-деревенски, вохшу винно не толкуешь. А, а?! Чего тогда судить-да, рядить приезжаете?

Переводчик. Не обрез, а óбережь, то есть заговор такой, который якобы помогает от болезней.

Судья. Подсудимый Суздалов, встаньте! Прекрати смеяться! Нашел, понимаешь, время для веселья. Черемкин, предупреждаю тебя, прекрати разводить религию.

Свидетель. Воля ваша. Только я ничего худого не сказал.

Судья. Ну расскажи, Черемкин, давал ли тебе в прошлом году Суздалов деньги? Сколько дал? Подробно расскажи. И подпишись здесь, что правду говорить будешь, что врать не будешь.

Свидетель. Грех, брат! Чего пустое баешь! Ништо стану врать. Вракуном я в жизни не бул. Вот людьми да обойдитеся. Наши люди таить-да не будут, напраслину-да наговаривать не будут.

Судья. Ладно, ладно, подпишись здесь.

Свидетель. Неграмотной я. Да и не вижу ничего. Но печать у меня есть.

Он снимает с груди мешочек и достает оттуда самодельную печать. Потом подходит к керосиновой лампе и долго держит над ней печать, чтобы закоптилась. Затем медленно подходит к судье.

Покажите агде ставить. Мольча тятину-ту печать залеплю.

Долго примеряется, потом дышит на нее и торжественно прикладывает к бумаге.

И, и, как хорошо вышла, просто как выллитая!

Так же медленно укладывает печать в мешочек и вешает на шею.

Судья. Ну расскажи, Черемкин, как тебе Суздалов деньги давал.

Свидетель. Ка-да?! Все, брат, расскажу. Слушайте. Сперва я поведаю вам о том, что было в четвертом годе, а потом и до ланúсного дойду.

Судья. Я не понял.

Переводчик. Он сказал, что расскажет сначала о том, что было четыре года назад, а потом дойдет до прошлогоднего случая.

Судья. Что было четыре года назад не надо рассказывать. Ты расскажи, как тебе Суздалов деньги давал.

Свидетель. Ужате, брат, ужате! Куда торопитеся? Исток-от сперва надо найти. Раз приехали баять, дак слушайте.

Судья. Ты нас не учи, что можно спрашивать, чего нельзя.

Свидетель. А чего стану гавре́ть, я правду баю! Куда торопитеся? Гузно шербит или чего?!

Судья. Черемкин, как ты ведешь себя! Пьяный что ли? Безобразие!

Свидетель. Трезвый я. Мы хоть пьем, да голову-то свою не пропиваем. А вчера вечером охто, брат, у Киселевского амбара на нарте блажил да по-якутски волторил? Эдак-то будете дичать — да матушку Сендуху осердите — нам беду накликаете.

Имеется в виду, что накануне по случаю приезда в Русское Устье судья крепко выпил и на улице отрывки из якутского эпоса-олонхо пел.

Судья. Что он сказал?!

Переводчик. Нет, это просто так. Эти слова не переводятся.

Судья. Ну ладно, расскажи, как дело было.

Свидетель. В четвертом годе Петрушка (*подсудимый*) купил у меня собаку. Собаки-те имо-то Чубарко. Страсть хорошая собака була, черная четвероглазая.

Судья. Как так, собака с четырьмя глазами что ли?

Переводчик. Собака с белыми пятнами над глазами. У нас такую собаку называют четвероглазой.

Судья. Ну купил он у тебя собаку, дальше что?

Свидетель. Собаке-те имо-то Чубарко. Я не хотел продавать, да моя старуха заставила. Собаку отдал. Два года прошло. Петрушка мне куку́шку-да не показал.

Судья. Какую кукушку?

Переводчик. Кукушку не показал — это значит, что ничего не дал.

Судья. Рассказывай дальше.

Свидетель. Ланися мы осеновали у Кудры.

Судья. У какой Кудры? Как ее фамилия?

Переводчик. Кудра — это рыболовный участок так называется.

Судья. Рассказывай, рассказывай.

Свидетель. Осеновали мы, значит, со старухой у Кудры. Снег выпал. Долго холодный шелонник дул. Все замерзло. Поехал я на Приморско, дровишки повез. Перед самыми избами нарта в лыву провалилась. Насилу ее вытащил. Подъехал к зимней избе, нарту разгрузил — шибко устал. Маленько отдохнул и пошел к бате Егору. Вошел в избу, смотрю: старуха-та, няня Маша, хворает. Аленка аладички жарит. Батя Егор сидит у стола да симки делает. А на переднем-те уруне Петрушка поляживает: руки под голову, нога на ногу — ну просто начальник. Увидел меня, с рукой подбежал: «Здорово, батя!»

Судья. Покороче скажи, когда он тебе деньги давал.

Свидетель. Обожди-да, обожди! Дай добаять... Де чай попили. Пока я с батей Егором баял. Петрушка пошел да все мои дрова костром поставил. Пришел и говорит: «Батя, я с тобой к Кудре поеду, давно няню не видел. Страсть тосковал». Я баю: «Ланно-ка поедем. Няня твоя страсть обрадуется. И так на заимке тоскливо, за осень живую душу не видели».

Судья. Давай ближе к делу. Когда он тебе деньги давал?

Свидетель. Де пошли мы с ним к нарте. Смотрю, Петрушка завертушку достал да в чум положил.

Судья. Какая вертушка? Какая чума?

Свидетель. Какая, брат, чума?! Ух и шибко грамотные нонче стали. А, а! Вохшу без толмача баять не могут.

Переводчик. Завертушка — это по-нашему маленькая посылка, гостинец. А чум — это большой мешок на нарте.

Свидетель. Де, брат, ускорно прияхали. Старуха увидела, обрадовалась. Петрушка с нарты соскочил, к моей старухе с гу́бой набежал.

Судья. С какой губой?

Переводчик. С губой набежать это значит поцеловать.

Свидетель. Старуху, значит, поцеловал, завертушку отдал. Де, старуха жаринку доспела. Чай попили со сахаром, как на празднике. Собак покормили. Сел я, значит, сеть починивать. Петрушка на двор вышел-да, напрохо́д вернулся.

Судья. На какой пароход?

Свидетель. Какой опять пароход! Чего зимой пароходы ходят? Ой, какой ты, тятя, дикой человек!

Переводчик. Напроход вернулся это значит быстро вернулся.

Судья. Давай, давай, заканчивай рассказ. Надоело.

Свидетель. Сижу, значит, я сеть почи́ниваю. Вдруг, брат, слышу над самой-те моей головой: шурр! шурр!

Судья. Какой шур? Что значит шур?

Свидетель. Слушай, брат, слушай. И так слышу: шурр! Вижу: Петруша две сотенные вохшу новенькие за самые кончики держит да шуршит: «На, — говорит, — батя, возьми. Это тебе за собаку, за Чубарко». Я ему баю: «Парень, откуда у тебя такие деньги...».

Судья. Ну ясно. Все! Хватит!

Свидетель. Вот такое ланись дело було. У, и, страсть. А, а! Так и не дали по́чину добаять.

Занавес.

Объяснение дороги

АНЕМЕ́НИСЬ приезжала экспилиция. Они старые юкагирские жилища — ЧАНДА́ЛЫ — искали. Послушайте, как по-нашему, по-деревенски, дядя Проня им про дорогу сказывал:

«Я бы сам проводил, да вот хвораю — поясницу ломит. Сперва отсюдова ПЕСО́К пойдет. Его погоните. Потом ПРИЛУ́К подхватит, потом большой О́ГИБЕНЬ будет. Там на УГО́РЕ большой ОСИНЕ́Ц

лежит, у него мое У́ЛОВО — сеть лежит и ТЫ́ЧКА стоит. У нее на берег подымитеся. В гору взгляните: Е́ДОМА покажется, правее ее озеро увидится. На него ПЕРЕВОЛОКИ́ТЕСЯ. ВО́ЛОЧЕК небольшой — всего полверсты, да еще по середке-то неглубокое ЗАНА́ВОЛОЧЧО есть.

На той стороне озера КАРГА́ увидится, на ней ТРЕНО́К стоит, на него и гребите. За каргой-те ВЫ́СОЧКА будет, в нее вверните. Две КРЫВУ́ЛИ проедете — на мыску КОКО́РА замаячит. От кокоры-те под ШЕЛО́ННИК взгляните — там ЛА́ЙДА покажется, на нее переволокитеся. Через лайду-ту КУЛИ́ГА увидится. Прямо в нее заедете. В самом-те КУЛТЫКЕ́ на берегу ПОКО́ЙНИК ЛЕЖИТ. ГО́ЛБАС-от старый-перестарый — АДА́МЩИНА. От него ВЕРЕ́ЧЬЯ ляжет, ее погоните. КАПИ́ЩЕ на бугре попадется. Потом ПА́СТИ пойдут. Дальше третьей-то пасти на два бугорка с ПЕЧИ́ЩАМИ натакаетесь. Это и есть юкагирские ЧАНДА́ЛЫ».

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава IV

[1] *Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана. — 2-е изд. — Якутск, 2000. — 350 с.

[2] *Самсонов Н.Г.* Русский язык в Якутии. — Якутск, 1982. — С. 177.

[3] *Беседа* о «Слово о полку Игореве» академика Д.С. Лихачева и писателя В.Г. Распутина // Огонек. — 1986. — № 12. — С. 21.

[4] *Чикачев А.Г.* Заметки о некоторых особенностях нижнеиндигирского русского говора // Фонетика и морфология языков народов Сибири. — Новосибирск, 1972 — С. 128–134.

[5] *Самсонов Н.Г.* Два языка — два родника. — Якутск, 1993. — 175 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате длительного, почти векового, сложного смешения русских первопроходцев с аборигенами в низовьях Индигирки и Колымы возникла особая этническая популяция — русские арктические старожилы Якутии.

Она состоит из двух локальных субэтнических групп — походчан (колымчан) и русскоустьинцев (индигирцев). По антропологическим чертам они — метисы, по способу ведения хозяйства (рыболовство, песцовый промысел и ездовое собаководство) близки к юкагирам и северным якутам, по религии — двоеверцы, сочетающие язычество с христианством, по языку и этническому самосознанию — русские.

Известно, что русские в Сибирской Арктике живут около 400 лет, а в Европейской — свыше 1000, и тем не менее трудно объяснить, почему не развивался и не поддерживался интерес к изучению коренного русского населения заполярного ареала. Эти старожильческие группы в течение долгого времени выпадали как из сферы внимания государства, так и из области интересов исследователей. В частности, на них не распространялись ни решения государства о поддержке коренного населения Крайнего Севера, ни льготы, которые предоставляло государство более поздним русским поселенцам.

Живя в окружении аборигенов, отчасти смешиваясь с ними, походчане и русскоустьинцы в отличие от объякутившихся вилюйских, амгинских, устьянских крестьян Якутии сохранили почти в неприкосновенности родной язык, устное народное творчество и, самое главное, русское этническое самосознание. Даже часть их соседей — якуты, юкагиры, эвены и чукчи — забыли свой язык и перешли на русский. Видимо, поэтому многих путешественников в прошлом удивляла одна странная на первый взгляд особенность — чем дальше по Якутии едешь на север, тем большее распространение имеет русский язык среди аборигенов.

Следует подчеркнуть, что если заселение русскими Центральной Якутии шло в результате административных мер государства — содержание Иркутского почтового тракта, внедрение земледелия, ссылка сектантов и другое, то появление и обустройство их в Арк-

тике происходило главным образом путем вольного промыслового предпринимательства.

Отдаленность от центра России, истощение «соболиного золота», прекращение движения по Северному морскому пути привели к изоляции региона, в особенности Русского Устья. В результате умирает грамотность, меньше читают книги и население становится «законсервированным осколком XVII в.».

Основными факторами, обусловившими удивительную национальную устойчивость колымо-индигирских русских старожилов, самобытность их языка, на наш взгляд, являются:

1. Компактность расселения «промышленных людей» в дельтах Индигирки и Колымы, богатых белым песцом и рыбой.

2. Полунатуральный характер хозяйства. Единственной товарной отраслью были песцовый промысел и заготовка мамонтовой кости.

3. Определенная территориальная обособленность и отдаленность от кочевых коренных народов, довольно ограниченные контакты с ними из-за несовместимости уровня социально-экономического развития. Якуты, появившиеся на Индигирке и Колыме позже русских, жили по преимуществу в лесной зоне, поэтому на этническую и языковую ситуацию такого влияния, как в земледельческих районах, не имели.

4. То обстоятельство, что время от времени старожильческие общества пополнялись новыми поселенцами — русскими людьми.

Генетические черты характера русского человека — добродушие, коммуникабельность, дружелюбие, терпимость к другой вере, принятие многих положительных традиций и обычаев первобытного коммунизма — явились важнейшими факторами, которые помогли выжить маленькой русской колонии, волею судьбы заброшенной в страну льда и снега.

Постепенно здесь сложился полярный вариант северно-русской культуры — песцовый промысел, речное рыболовство, ездовое собаководство при полном отсутствии земледелия и животноводства. Переняв промысловый опыт аборигенов, русские пришельцы во многом усовершенствовали его, стали такими же тонкими следопытами, знатоками и почитателями северной природы.

Велико было влияние русских в песцовом промысле, которым они занимались еще на Европейском Севере задолго до выхода в Сибирь. Русские широко использовали давящие конструкции с приманкой. Некоторые из этих способов знали и якуты, но, по мнению многих исследователей, эвены, чукчи и юкагиры переняли их от рус-

ских. В условиях тундры белый песец стал основным промысловым видом пушных зверей, связывающих аборигенов со всероссийским рынком.

С развитием песцового промысла и ездового собаководства, требовавших большого количества рыбы, неводной лов получил распространение среди северных народностей только после прихода русских. Он оказался здесь наиболее эффективным орудием рыболовства.

Русские в XVII в. сталкивались на Индигирке и Колыме с юкагирами, которые ездили на собаках в санях «своеобразной формы». Собаководство юкагиров носило тягловый характер, животные использовались как внутрихозяйственный транспорт, так как не существовало еще извоза и песцового промысла. Пришельцы довели ездовое собаководство до совершенства, превратив его в межрегиональный транспорт, сыгравший огромную роль в освоении Заполярья.

Русское старожилое население способствовало успешной работе научных экспедиций XVIII–XX вв. Хатанга, Булун, Казачье, Русское Устье, Нижнеколымск, Походск, Среднеколымск и Зашиверск служили им опорными пунктами. Отсутствие языкового барьера, сносные санитарно-бытовые условия, близкий им уклад жизни давали возможность полярным исследователям переводить дух перед тяжелыми полярными странствиями.

За сравнительно короткий исторический срок русскими северянами здесь выработаны уникальные промежуточные структуры, они сумели органически вписаться в полярный ареал, воспитать в себе высокую экологическую культуру и тонкую этику межнационального общения, чего нельзя сказать о последующих «покорителях» Севера.

В отличие от европейцев, рассматривающих Арктику как тяжелую, античеловеческую, агрессивную среду, старожилы считают ее родной средой обитания. В их экологических традициях можно увидеть благородное стремление найти правильное взаимоотношение с природой, сберечь ее не только для себя, но и для потомков.

Пришельцы сохранили не только основу своей традиционной культуры, но и сумели ненавязчиво передать некоторые ее элементы окружающим местным народам, что, безусловно, способствовало прогрессивному развитию последних. У народностей Севера, живших столетиями рядом с русскими, развилось как нигде глубочайшее патриотическое чувство того, что Россия является их общей Матерью-Родиной.

В то же время русские люди нигде более в Сибири, как на Северо-Востоке Азии, не заимствовали столь многие элементы материальной и духовной культуры аборигенов, что и облегчило процесс адаптации их в экстремальных природно-климатических условиях.

Русские арктические старожилы являют собой яркий пример приспособляемости человеческого организма к арктическому климату и суровому полярному быту. Они — ихтиофаги. Мало употребляли хлеба и соли, молочных продуктов, не знали овощей и фруктов. Использование ими так называемой «кислой рыбы», или «рыбы с душком», наравне с другими квашеными продуктами, издавна входящими в рацион русских европейских поморов, а также мороженой рыбы — строганины — предохраняло их от цинготных и других заболеваний.

Русское Устье и Походск представляют собой заповедник старинной северно-русской культуры, привлекающий внимание историков, этнографов, фольклористов, филологов и антропологов. В частности, их фольклор отличается достаточно хорошей сохранностью и оригинальностью, связями, с одной стороны, с Европейским Севером, с другой — с фольклорными традициями автохтонов. Есть немало произведений, нигде более не записанных, не имеющих аналогий, версий и редакций.

Исконный говор колымо-индигирских русских старожилов сохранил немало примет, характерных для древнерусского языка. Их можно легко обнаружить и в лексике, и в грамматическом строе, и в фонетике. В то же время русские усвоили необходимый запас аборигенной лексики для обозначения того, что ранее в их жизни не встречалось и поэтому не имело названий.

Несмотря на одинаковые формы производственной деятельности, языка, быта, фольклора и традиции, по наблюдениям исследователей, индигирцы сохранили во многом более архаичные черты, чем колымчане.

Русские старожилы Колымы и Индигирки — эта самобытная этническая популяция с исконно-историческим местом компактного проживания, устойчивым самосознанием и самоназванием, традиционными отраслями северного хозяйства, языковыми и культурно-бытовыми особенностями — по праву должны быть отнесены к коренному (аборигенному) населению Арктики и нуждаются не только в государственной (федеральной), но и в международной опеке. Хочется надеяться, что публикация настоящей монографии будет одним из аргументов в пользу такого решения вопроса.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Агафоников Петр Алексеевич, 1932 г. р., записи 1978 г., пос. Черский
2. Березкин Иван Иннокентьевич, 1920 г. р., записи 1977 г., с. Походск
3. Каратаев Иннокентий Иванович, 1900 г. р., записи 1966 г., с. Русское Устье
4. Киселев Семен Петрович, 1893 г. р., записи 1947 г., с. Русское Устье
5. Киселев Егор Семенович, 1919 г. р., записи 1986 г., пос. Чокурдах
6. Киселев Куприян Алексеевич, 1929 г. р., записи 1992 г., с. Русское Устье
7. Новгородова Анна Петровна, 1914 г. р., записи 1985 г., пос. Чокурдах
8. Носов Петр Николаевич, 1919 г. р., записи 1980 г., с. Походск
9. Портнягина Матрена Семеновна, 1895 г. р., записи 1965 г., с. Русское Устье
10. Рожин Николай Куприянович, 1905 г. р., записи 1967 г., с. Русское Устье
11. Ребров Иван Васильевич, 1910 г. р., записи 1980 г., пос. Черский
12. Стрижева-Чикачева Александра Петровна, 1879 г. р., записи 1955 г., с. Русское Устье
13. Солдатова Евдокия Николаевна, 1914 г. р., записи 1986 г., с. Русское Устье
14. Третьяков Николай Михайлович, 1922 г. р., записи 1982 г., пос. Черский
15. Чикачева Матрена Ивановна, 1905 г. р., записи 1961 г., пос. Чокурдах
16. Чикачев Николай Гаврилович, 1924 г. р., записи 1962 г., пос. Чокурдах
17. Черемкин Иван Алексеевич, 1919 г. р., записи 1986 г., пос. Чокурдах
18. Шкулева Анна Николаевна, 1901 г. р., записи 1973 г., г. Якутск
19. Шкулев Егор Семенович, 1897 г. р., записи 1952 г., с. Русское Устье

ХРОНИКА ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ РУССКОГО УСТЬЯ

1638 г. Июль. Отряд казаков под руководством И. Реброва достиг морем устья Индигирки и основал два острожка. Один из них, вероятно, Русское Устье.
1639 г. Основание Зашиверского острога.
1739 г. Сентябрь. Здесь встал на зимовку бот «Иркутск» под командой лейтенанта Д. Лаптева.
1763 г. Местные охотники спасают от неминуемой гибели отважного полярного морехода Н. Шалаурова.
1805 г. Упразднение города Зашиверска и перенос центра округа в Верхоянск. Зашиверские мещане (русскоустьинцы) стали именоваться верхоянскими мещанами.
1806 г. Апрель. Охотники в поисках мамонтовой кости впервые достигают острова, названного позже Новой Сибирью.
1808–1810 гг. Русскоустьинцы принимают активное участие в экспедиции М. Геденштрома по исследованию Новосибирских островов.
1823 г. Июль — октябрь. В Русском Устье побывали полярные исследователи П. Анжу и П. Козьмин.
1852 г. Построена Ожогинская Преображенская церковь. Впоследствии в данном здании находилась русскоустьинская школа. За несколько лет до этого мещанином Е. Чихачевым были возведены две церквушки в Русском Устье и Станчике.
1866 г. Январь. Русское Устье посетил Г. Майдель, будущий автор книги «Путешествие по северо-восточной части Якутской области».
1885 г. Открытие народной школы. Учителем был И.И. Каратаев.
1889 г. В Русском Устье побывал известный исследователь Севера В. Иохельсон.
1895 г. Июнь. Начало первых регулярных метеорологических наблюдений. Первым метеонаблюдателем стал И. Архангельский.
1909 г. Жители села помогают экспедиции К. Воллосовича производить опись берега между Индигиркой и Яной.
1912 г. В Русском Устье отбывал ссылку первый и последний политический ссыльный В. Зензинов.
1914 г. В Москве выходит книга В. Зензинова «Старинные люди у холодного океана».
1921 г. В Берлине выходит книга В. Зензинова «Русское Устье».
1927 г. Август. На Индигирку с Колымы прибыла шхуна «Пионер» под командой американского капитана Д. Крукса.

1928 г. Декабрь. Открытие первой советской школы. Учителем был И. Торгенсен.
1929 г. Август. В Русском Устье совершил посадку самолет под командой О. Кальвица.
1929–1930 гг. В селе базируется Индигирский гидрографический отряд под руководством Ю. Чирихина. По результатам его работы в 1935 г. выпущен «Атлас Индигирки». Была восстановлена метеостанция.
1930 г. Январь — март. Здесь находился известный путешественник Г. Травин.
1930 г. Март. Образованы два колхоза «Комсомолец» и «Пионер».
1932 г. 20 августа в районе устья Индигирки затонул пароход «Революционный». Погибло 22 чел.
1935 г. К устью Индигирки прибыл морской пароход «Русанов» (капитан Н. Хромцов). В результате чего было положено начало регулярным рейсам.
1936 г. Август. На Индигирку прибыл первый буксирный речной колесный пароход «Шмидт» с двумя баржами (капитан Б. Буйлов).
1938 г. Установлена стационарная радиостанция. В 1940 г. она вместе с метеостанцией перенесена в местечко Воронцово.
1939 г. Март. Совершил посадку самолет АН-177, управляемый полярным летчиком Н. Бузаевым.
1942 г. Село Русское Устье перенесено на новое место и стало называться Полярным.
1944 г. Открыт медицинский пункт. Первым фельдшером была Н. Киселева (Яныгина).
1946 г. Март — май. В Русском Устье работала этнографо-лингвистическая экспедиция под руководством кандидата филологических наук Т. Шуба.
1951 г. Два русскоустьинских колхоза объединились в один, который стал называться «Победа».
1961 г. Февраль. Колхоз «Победа» преобразован в Русскоустьинское отделение совхоза «Аллаиховский».
1972 г. В Москве вышла книга А. Биркенгофа «Потомки землепроходцев».
1981 г. Выпущен фильм «Индигирские сказы».
1986 г. В Ленинграде вышла книга «Фольклор Русского Устья».
1987 г. Выпущен телефильм «Память о Русском Устье».
1988 г. Июль. Празднование 350-летия со времени основания села Русское Устье. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля село Полярное переименовано в село Русское Устье.

1990 г. В Новосибирске издательство «Наука» выпустило книгу А. Чикачева «Русские на Индигирке».
1991 г. В Москве вышла книга В. Распутина «Сибирь... Сибирь», в которой помещена глава «Русское Устье». В. Распутин побывал здесь в 1961 и 1985 гг.
1995 г. Введено в строй новое здание 8-летней школы. За год до этого было построено здание сельского клуба.
1999 г. Вышла книга А. Чикачева «Индигирский следопыт», посвященная знатному охотнику К.А. Киселеву.

ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ ПОХОДСКА

1643 г. Июль. Русские полярные мореходы на кочах достигли р. Колымы.
1648 г. Июль. Начался поход Семена Дежнева, завершившийся открытием пролива между Азией и Америкой.
1740–1741 гг. Экспедиционный отряд под руководством Д. Лаптева проводил съемку дельты р. Колымы.
1763–1764 гг. Сержант С. Андреев совершил два похода на Медвежьи острова.
1769–1771 гг. Геодезисты прапорщики И. Лысов, И. Леонтьев, А. Пушкарев и их помощники из местного населения Е. Коновалов, Ф. Татаринов и Н. Дауркин совершили три похода в море. В результате Медвежьи острова с «великой верностью описаны».
1822 г. Май. В Походске произошла памятная встреча руководителей двух полярных экспедиций: Янской — П. Анжу и Колымской — Ф. Врангеля.
1862 г. Построена Походская часовня.
1885 г. Опустошительная оспенная эпидемия унесла несколько десятков жизней.
1894 г. В Походске производил фольклорные исследования В. Богораз-Тан.
1909 г. Май — июль. В устье р. Колымы работала гидрографическая экспедиция под руководством Г. Седова.
1911 г. Совершен первый рейс морского парохода из Владивостока под командой капитана П. Трояна.
1911 г. Первый приход на Колыму американской шхуны «Киттивек».
1929 г. Сентябрь. Открытие начальной школы.
1929 г. Декабрь. Образован колхоз «12 лет Октября».
1930 г. Здесь провел несколько недель известный в будущем писатель Н. Вагнер.
1940 г. Открыт медицинский пункт.

1951 г. Походский колхоз «12 лет Октября» объединился с нижнеколымским колхозом «Новая жизнь» и стал колхозом имени Ленина.
1961 г. На базе бывшего колхоза «12 лет Октября» создано Походское отделение совхоза «Нижнеколымский».
1973 г. Село Походск объявлено неперспективным. Поставлен вопрос о закрытии школы, сельского Совета, переселении жителей в пос. Черский и превращении Походска в производственный участок.
1976 г. Началось постепенное возрождение с. Походск.
1976 г. В Походске зажглись голубые экраны телевизоров.
1985 г. В Походске побывал известный писатель В. Распутин.
1991 г. Образован совхоз «Походский».
1993 г. Август. Празднование 350-летия прихода русских полярных мореходов на Колыму.
1993 г. Посещение Походска епископом Якутским и Ленским Германом и освещение новой часовни. Установление памятного креста на месте «Старого города» на Стадухинской протоке.
1993 г. В Иркутске вышла книга А. Чикачева «Походск».
1995 г. Построено новое здание 8-летней школы.
1996 г. В Москве вышла книга колымчанина А. Черткова «Якутское казачество».

ПЕРЕЧЕНЬ НЕКОТОРЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСАМ ПРОМЫСЛОВОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРА

1. 24 июля 1924 г. Президиум ВЦИК образовал Комитет содействия народностям Севера. На него были возложены огромные, небывалой сложности задачи по преобразованию жизни северных народов.

2. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 17 декабря 1932 г. было образовано Главное управление Северного морского пути (ГУСМП).

3. Постановление Совнаркома СССР от 21 июля 1935 г. № 1520 «О возложении на ГУСМП функций по хозяйственному и культурному обслуживанию районов Крайнего Севера».

4. Постановление Совнаркома СССР от 20 августа 1935 г. № 1844 «Об организации в составе ГУСМП Управления сельского хозяйства Крайнего Севера».

5. Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1934 г. № 114-2802 «О дополнении постановления ЦИК и СНК СССР от

17-12-1934 г. "О ликвидации охотничьей кооперации и реорганизации интегральной кооперации"».

6. Постановление Совнаркома СССР от 21 января 1936 г. № 114 «О порядке регулирования и надзора за правильным ведением охотничьего промысла».

7. Постановление Совмина РСФСР от 9 августа 1955 г. № 1004 «Об образовании Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при СМ РСФСР».

8. Постановление Совмина РСФСР от 26 ноября 1956 г. «О мерах по охране животного мира Арктики».

9. Постановление Совмина РСФСР от 17 июля 1956 г. № 488 «О мерах дальнейшего развития охотничьего хозяйства, пушного промысла, звероводства и об увеличении заготовки пушнины».

10. Важное значение для развития хозяйства и культуры, реконструкции быта народов Севера имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера».

11. Во исполнение Постановления № 300 Совет Министров РСФСР принял постановление № 501 от 1 июня 1957 г. «О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народностей Севера».

12. В значительной степени конкретизировали Постановление № 300 от 16 марта 1957 г. последующие решения Правительства, принятые в 1960 г.:

а) постановление Совета Министров СССР от 3 сентября 1960 г. № 947 «О дополнительных мерах по развитию хозяйства и культуры народностей Севера»;

б) постановление Совета Министров РСФСР от 24 сентября 1960 г. «О мероприятиях по обеспечению выполнения постановления СМ СССР № 947 "О дальнейших мерах по развитию хозяйства и культуры народностей Севера"».

13. В 1960 г. Совет Министров РСФСР утвердил Положение об охоте, в котором были оговорены правила охоты, порядок заготовки пушнины, дичи и т.д.

14. Постановление Совета Министров РСФСР от 23 декабря 1960 г. № 1934 «О мерах по увеличению заготовок пушнины для производства пушно-меховых изделий для экспорта».

15. В 1960 г., учитывая пожелания местного населения, Совет Министров РСФСР вынес постановление «О преобразовании 69 северных колхозов ЯАССР в совхозы». Это позволило значительно укрепить материально-техническую базу промыслового хозяйства,

превратившегося в экономически устойчивую отрасль северного производства.

16. Для поднятия уровня жизни коренного населения большое значение имело улучшение пенсионного обеспечения, а также следующие документы:

а) указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера»;

б) постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 4 февраля 1960 г. № 131 «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера»;

в) постановление СМ СССР от 1 апреля 1962 г. «О пенсионном обеспечении бывших членов колхозов, земли которых переданы совхозам и другим предприятиям и организациям».

17. Постановлением Совета Министров РСФСР от 23 февраля 1962 г. № 201 «Об улучшении руководства пушно-промысловым хозяйством РСФСР». При советах министров автономных республик, облисполкомах и крайисполкомах были созданы управления охотничье-промыслового хозяйства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ 5

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

Глава I. КОЛЫМО-ИНДИГИРСКИЕ РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ . . . 9

I.1. Из истории заселения русскими Арктического побережья Якутии 9
Русскоустьинцы 16
Походчане 23
I.2. Промыслово-хозяйственная деятельность 28
Песцовый промысел 31
Поиск мамонтовой кости 32
Лов нерпы 33
Охота на диких оленей 34
Промысел гусей 34
Другие виды охоты 35
Рыболовство 36
Ездовое собаководство 39
Промысловая этика 42
Жилые и хозяйственные постройки 45
Пища 46
Одежда 51
I.3. Участие местного населения в географических открытиях . . . 54
I.4. Быт и культура повседневности 73
Семейно-брачные отношения 77
Способы лечения болезней 85
Шаманство 88
Поверья, приметы и запреты 91
Похоронные обряды 97
I.5. Древний и новый фольклор 99
Байки и былички 105
Андыльщины 115
Частушки 118
Народные танцы 121
I.6. Из жизни Гавриленковых 124

Глава II. ПЕСЦОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ЯКУТИИ В XX в. 143

II.1. Из истории пушного промысла 143

II.2. Краткая биология песца 146
II.3. Промысловое освоение тундры 149
II.4. Организация промысла песца в XX в. 153
II.5. Техника промысла и передовые методы труда 166
Из опыта охотника И.М. Барабанского 168
Опыт песцелова Н.С. Колесова 169
Методы работы охотника С.И. Антонова 170
Из опыта нижнеколымского охотника С.А. Слепцова 171
Из промысловых будней К.А. Киселева 173
II.6. Полярная пушнина на внутреннем и международном рынках: ретроспектива и современное состояние 175

Глава III. ЕЗДОВОЕ СОБАКОВОДСТВО ЯКУТИИ 183

III.1. История возникновения и развития ездового собаководства 183
III.2. Роль ездового собаководства в географических открытиях, освоении Крайнего Севера 188
III.3. Содержание, кормление и лечение ездовых собак 193
О заболеваниях собак 198
Использование ездовых собак на охоте 200
III.4. Организация и техника езды на собаках 200
III.5. Хозяйственно-экономические проблемы ездового собаководства 209

Глава IV. ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО УСТЬЯ 216

Приложение 283

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 290

ПРИЛОЖЕНИЕ 294

Список информантов 294
Хроника знаменательных событий Русского Устья 295
Важные события в истории Походска 297
Перечень некоторых постановлений советского правительства по вопросам промыслового хозяйства Севера 298

Научное издание

Чикачев Алексей Гаврилович

РУССКИЕ В АРКТИКЕ
Полярный вариант культуры
Историко-этнографические очерки

Редактор *Е.М. Конотопцева*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *Н.А. Горбунова*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *Р.Г. Усова*

Изд. лиц. № 020297 от 23.06.97. Сдано в набор 05.07.07. Подписано в печать 20.11.07.
Бумага ВХИ. Формат 60×90 1/16. Офсетная печать. Гарнитура Times ET.
Усл. печ. л. 19,0+0,75 цв. вкл. Уч.-изд. л. 16,3. Тираж 500 экз. Заказ № 911.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН. 630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.
СП «Наука» РАН. 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.